

**МИХАИЛ
ХАРИТОНОВ**

МОРГЕНШТЕРН

МОРГЕНШТЕРН

**МИХАИЛ
ХАРИТОНОВ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**МИХАИЛ
ХАРИТОНОВ**

МОРГЕНШТЕРН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • ЛЮКС ЛУКС

МОСКВА 2004

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Х20

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинин

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.08.04.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 7000 экз. Заказ 2244.

Харитонов М.

Х20 Моргенштерн: Сб. / М. Харитонов. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. — 413, [3] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-025535-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0535-4 (ОАО «ЛЮКС»)

Повести и рассказы Михаила Харитонova — это жесткая, временами жестокая, но неотрывно интересная проза.

Начав читать рассказ, уже невозможно оторваться до самой развязки — а развязок этих будет несколько. Автор владеет уникальным умением выстраивать миры и ситуации, в которые веришь... чтобы на последних страницах опровергнуть созданное, убедить в совершенно другой трактовке событий — и снова опровергнуть самого себя. Сумасшедшие фашисты, эльфы-наркоторговцы, магическая борьба в космосе между СССР и США — весь этот бурлеск выглядел бы смешным, не будь он так блистательно убедителен.

В русской — да и в мировой фантастике нет аналогов прозе Михаила Харитонова. Знакомьтесь с новым жанром — конспирологической фантастикой!

Сергей Лукьяненко

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© М. Харитонов, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

МОРГЕНШТЕРН

В центре Галактики взорвалась звезда.

Причина катастрофы была крайне банальна: лишний вес. Старое, хорошо пожившее светило, с массой около десяти солнечных и железным ядром весом приблизительно в два Солнца, было обречено на подобную смерть. Нейтронизация звёздного вещества вблизи ядра приводила к образованию нейтрино. Эти легкомысленные частицы, крайне слабо взаимодействующие с веществом и легко пронизывающие насквозь целые планеты, из-за огромной плотности внешних оболочек светила оказывались ими захвачены. Пытаясь вырваться, они создавали конвекционные течения в оболочках, нарушающие эддингтоновское равновесие звезды. В конце концов, они разорвали её на части.

Выделившейся энергии хватило на кратковременную, но эффективную иллюминацию Галактики.

Резкое изменение формы макрообъекта (от покойного солнышка остались буквально клочья с небольшой чёрной дырой в центре) привело и к иным, менее тривиальным последствиям. В геометрическом центре взрыва возник импульс отрицательной вероятности. Из разлома пространства излилась Сила, известная человечеству как «мана», «эманация», «негэнтропия», «энергия сущности», «сперматический логос», «дыхание Брахмы» и «Творящее Слово».

Четырнадцать миллиардов лет назад эта Сила создала Вселенную из ничего. Теперь она являла своё могущество крайне редко — лишь когда ей удавалось прорваться сквозь пространство и материю. Взрыв звезды освободил её, хотя и ненадолго.

Большая часть потока негэнтропии ушла во внегалактическое пространство. Около десяти процентов было захвачено

вероятностной плоскостью Галактики и начало распространяться в ней. Вероятностные плоскости звёзд и планет играли роль линз и зеркал. Вторичные потоки сходились, рассеивались, смешивались, отражались.

Узкий луч Силы, сфокусированный двойной звездой, прошёл через атмосферу огромного планетоида. Резкое усложнение свойств вещества привело к возникновению жизни: в тысячекилометровых облаках появились микроскопические организмы, связывающие метан. Через несколько тысячелетий они использовали все запасы газа — после чего благополучно вымерли, так и не поняв, что жили.

Эхо минус-вероятностной волны накрыло планету земного типа. На ней уже имелась жизнь, хотя и довольно примитивная. Эволюционный взрыв, порождённый Силой, привёл к появлению сразу трёх разумных рас, довольно быстро уничтоживших друг друга.

Два фронта потока столкнулись в хромосфере одинокой звезды, лишённой спутников. Это стало причиной возникновения странного существа из раскалённой плазмы. Ему потребовалась тысячная доля секунды на автоэволюцию и познание законов мироздания и примерно столько же — на установление контроля над физической реальностью. После этого и сама звезда, и все объекты в радиусе ближайших пятидесяти световых лет исчезли в гравитационной воронке.

Зато расплавленная железная оболочка астероида, вращавшегося вокруг голубого гиганта, оказалась совершенно непригодной для рождения каких бы то ни было существ. Но прекрасный металлический кристалл, в который превратился астероид, заслуживал, пожалуй, восхищения эстетов, если бы таковые нашлись где-нибудь поблизости.

Через четверть миллиона лет многократно отражённый и ослабленный поток Силы достиг ковариационной окружности Галактики. В этом относительно спокойном месте, где шансы на столкновение небесных тел минимальны, располагается галактический «пояс жизни»: ожерелье звёзд с обитаемыми планетами. К таковым относился и жёлтый карлик с десятью спутниками. На одном из них, третьем по счёту, существовала развитая биосфера и даже имелась одна разумная раса. Столкновение потока с планетой могло бы — при определённых условиях — привести к непредсказуемым последствиям.

К счастью, на сей раз эти условия соблюдены не были: вероятностная плоскость системы была искривлена массивным спутником. Дыхание Брахмы безопасно рассеивалось в пустоте.

Российская Федерация, Москва

Яна стояла в вестибюле и скучала. За окном было темно: Москву накрывали тоскливые осенние сумерки. С улицы, от киосков, доносился унылый крик лотошного зазывалы — «фаааартуна, лаааатерея!». Время от времени в каком-то далёком кабинете загрохотало надрылывавшийся телефон.

Окружающий мир по эту сторону стекла напоминал декорацию к малобюджетному триллеру: ободранные стены, моргающие лампы-трубки и прочая мелкая пластика. Самым забавным предметом обстановки был раскоряченный фанерный щит-указатель с многочисленными надписями типа «Орто-Дент Плюс (зубной камень ультразвуковым методом) 5 эт. комн. 504», или «Мебель из Италии — прямые поставки». Особенно интриговал загадочный «Приём вещей у населения». От надписи отходила кривая стрелка, указывающая почему-то под лестницу. Там белела огороженная верёвочками горка строительного мусора: цемент, прикипевший к жестяному корытцу, ведро с окаменевшим варом, какие-то поломанные доски со следами побелки. Яна от скуки стала вспоминать, откуда всё это взялось, и в конце концов до неё дошло, что она видела это ведро и эти доски ещё при приёме на работу.

Практически весь первый этаж был сдан руководством Института под коммерческие конторы, третий и выше — тоже. На второй этаж не ходил лифт, и конторы на нём не прижились. Возможно, поэтому от бывшей лаборатории Яковлева кое-что сохранилось. Пришлось, конечно, поужаться: в бывшем машинном зале и смежных комнатах разместилось турагентство, в маленьком кабинете устроилась нотариальная контора, а в большой (где раньше сидел сам Яковлев) вселилось нечто, именуемое себя «ООО Люэс». С «Люэсом» у Яковлева были какие-то специальные отношения: одно время Яна каждый вечер видела шефа, выходящего из бывшего своего

кабинета в полуобнимочку вместе с ихним главным. Через полгода Яковлев купил себе подержанную «ауди» и перестал появляться в Институте совсем.

Яна к тому времени уже собралась уходить: её брак разваливался, из-за чего опять начались проблемы... с этим самым. Тогда она выкарабкалась (спасибо Герману), но надо было как-то брать себя в руки и начинать самой зарабатывать на жизнь. В Институте денег не было. Пришлось уйти, а не хотелось: у неё были неплохие математические способности, и она любила звёзды.

Зайцев появился, когда Яна уже собралась идти наверх сама. За последние полгода он не изменился: та же мордашка со старческими веснушками на лбу, тот же робкий взгляд из-под бифокальных очочков, та же куртёнка болотного цвета, кое-как пристроенная на сколиозном плечике.

— Ой, простите, Яна Валерьевна, я, э-э... припоздился сегодня, — затараторил Иннокентий Игоревич, на ходу яростно скребя дно кармана в поисках ключа. — У нас теперь интернет есть, провели от Академии, вот я и того, засел... осваиваю... — Он смущённо потёр нос. — Статью свою нашёл старую. Представляете, на американском сервере нашёл... э-э... ну то есть перевод, конечно. Мой студент... он в Массачусетском теперь, представляете? Так вот он перевёл. Хороший такой парень, толковый, я его помню... — Яна недовольно шевельнулась, и Зайцев тут же поправился: — Извините, это я так. Вам неинтересно теперь уже... Пожалуйста, ключик. Вы уж там, пожалуйста, не очень долго. Кофе если... кофе в левом шкафчике, вода там же, банка целая, фильтрованная у меня вода... с горелкой только осторожнее, а то ведь охрана... э-э... в общем, вот. — Он неловко сунул ей в руку тёплую железячку. — Всего доброго, Яна Валерьевна. Ключик потом на прежнее место положите...

Не дождавшись ответа, он засеменял прочь, неловкими движениями натягивая на себя куртку.

Зайцев был ей обязан. Прошлой зимой у его жены Светланы Яковлевны случился приступ — прямо на работе. Она лежала на холодном дерматине, а сонный мужик со «скорой» позёвывал, пожимал плечами и бурчал что-то вроде «укольник бы надо... а нету у нас... лекарства, говорю, нету, не выписывают на нас». Столпившиеся вокруг сотрудники стыдливо прятали глаза — Светлану Яковлевну в отделе любили, но отдавать свои деньги на чужого человека тоже ведь не дело, времена не

те. Подошёл Яковлев, поцокал языком, сказал что-то вроде «ужас-ужас». Подумал, снял с себя пиджак, накрыл им старуху. Ещё подумал, вытащил из внутреннего кармана портмоне и футляр для очков, оцепеневшему Зайцеву бросил «крепиться, поможем» и убежал.

Яне надоело стоять и ждать, пока Светлана Яковлевна умрёт. Она отвела детину в сторонку и спросила цену. Лицо увальня сделалось осмысленным. После недолгого торга укольчик был всё-таки сделан, и Светлана Яковлевна поехала в белой, воняющей бензином машине в Боткинскую.

Где-то через месяц Зайцев подошёл к Яне и, путаясь в придаточных предложениях, осведомился, во что ей тогда всё обошлось. Яна в тот момент была злая и со злости ляпнула «сто долларов», хотя это было не так. Зайцев побледнел, а девушка, мысленно кляня себя за дурной язык, стала объяснять старику, что никаких денег ей не надо. Иннокентий Игоревич настаивать не стал: никаких денег у него всё равно не было. Всё, что он мог, — это оказывать ей время от времени мелкие любезности.

Яна пошла по лестнице вверх, подбрасывая ключ на ладошке. Оставалось ещё где-то около получаса до закрытия. Потом по этажам пойдёт охрана, но в зайцевский закуток никто обычно не заходит. Придётся посидеть тихо и без света, переждать первый обход. Потом, когда они пойдут посмотреть телевизор, можно будет и делами заняться.

У Зайцева на рабочем месте было всё то же самое: каморку не перестраивали ещё с восьмидесятых, когда здесь сидели электронщики. С тех времён сохранился цинковый стол, белые шкафчики с инструментом, картонные коробочки из-под транзисторов и сопротивлений. На столе пылился набор химической посуды и горелка. На ней Иннокентий Игоревич приспособился варить себе кофе в кварцевой колбе — помол «Кофейни на паях», купленный у производителя в Тучкове. Ещё он играл в тетрис на маленьком компьютере. На большом, который в углу, в фоновом режиме крутилась основная задача — та самая, на которую в своё время работал весь вычислительный центр.

Яна кое-как устроилась на колченогом лабораторном стуле и задремала.

Ей приснился дремучий лес, в котором играла музыка — кажется, военный оркестр. Потом подул ветер и сдул все звуки, кроме шороха высоких сосен.

Она проснулась из-за того, что остро захотелось писать: низ живота ныл, требуя немедленного облегчения. Ещё затекли ноги и шея. В темноте пахло сыростью, тёплой батареей и кофейным порошком. На светящемся окошке часов было 23:12.

Выходить было пока нельзя. Чтобы отвлечься от позывов, она потихоньку закурила. Сигарета отдавала медью, как обкусанная губа.

Не зажигая свет, девушка осторожно подобралась к консоли большого компа. Протёрла носовым платком запылённый экран, подвигала мышкой. Пробуждённый монитор тихо хлопнул статическим электричеством и засветился, продемонстрировав грозди зелёных цифр на чёрном фоне.

Присмотревшись к цифрам, Яна тихо и зло выматерилась.

Господи боже мой, как хорошо, что она пришла сейчас, мы бы ничего не успели. Зайцев, этот старый идиот со своим Интернетом, совсем забросил свои прямые обязанности. Похоже, это оно. Н-да, тяжёлая была звёздочка. Судя по пикам — десять солнечных масс как минимум. Разнесло к чертям, поминай как звали. Рентгеновский и радиоспектр — прямо из учебника. Н-да, это оно.

Дерьмо, какое же всё-таки дерьмо. Золотой петушок уже вторую неделю клюёт в темечко — а царь Додон лежит на печи и не чешется. Хотя где тот царь Додон? Это в советское время сводки по основной задаче сразу шли на самый верх, в Политбюро, даже при Горбачёве шли. Тогда ещё ждали, верили, надеялись на что-то. Космос, космос подвёл, Вселенная, Боженька не послал нам потока-богатыря... А теперь вот он, вот он, идёт, родимый, да только нет уже той страны, кончен бал, погасли свечи, и неизвестно ещё, в каком состоянии спутник, и зацепит ли зеркало ось потока, и вообще всё ни фига не понятно...

Ладно-ладно. Ничё-ничё. Будет вам и белка, будет и свисток.

Соединённые Штаты Америки, Вашингтон

— В восемьдесят восьмом советская империя уже была обречена. — Аксель Гомес, PhD, вице-президент «Гуманитарного клуба», правительственный эксперт, специалист по России и постсоветским государствам, многолетний неофициальный

сотрудник Ведомства, и — last not least — личный друг действующего президента страны, заканчивал свою речь. — Советский коммунизм оказался неконкурентоспособным, и в Политбюро это многие понимали. Утопающий хватается за соломинку. В те годы у русских ещё были деньги, и они тратили их на всякие безумные проекты. Это просто очередной безумный проект. В любом случае придавать слишком большое значение этому вопросу — смешно. Президент со мной полностью согласен.

— Вот как? — подняла бровь Дороти Шоу. — В таком случае дело плохо. Если уж вы начинаете ссылаться на мнение некомпетентных лиц...

Гомес понял, что опять сказал лишнее, и разозлился ещё сильнее. Ему не нравилась обстановка на этих совещаниях. Слишком много умников и слишком мало людей по-настоящему толковых.

— Вы хотите сказать, что президент некомпетентен? — не удержался он от попытки отыгаться.

— Разумеется, он некомпетентен, — Дороти сладко улыбнулась, — иначе он не был бы лидером нации. Компетентный человек не может быть искренним и уверенным в себе, а это необходимые качества лидера...

Гомес стиснул челюсти. Говоря начистоту, его воротило от всей этой вашингтонской поросли, от бесполох мужчин в пиджаках стального цвета и особенно от холёных сук в брюках, вроде этой Дороти. Даже её кабинет — огромный, холодный, с подковообразным столом и двумя мониторами для демонстраций — был ему противен. В его собственном кабинете в Нью-Йорке можно было жить: там окна закрывали не жалюзи, а французские шторы, на полу стояли красные кожаные кресла, а стол украшала фотография жены в серебряной рамке и огромная копилка в виде головы бульдога. Здесь же были только пластик и стекло. Пластик и стекло. И дрянной кофе в бумажных стаканчиках.

— Мы направили русским запрос по поводу спутника, — сказал он чуть громче, чем ему того хотелось.

— И что они ответили? — подал голос полковник Стоун. — Как обычно, молчание, а потом враньё? Интересно, они когда-нибудь научатся правдоподобно врать?

— Никогда. Скорее уж они научатся носить дорогие галстуки, — в том же тоне ответил Гомес. Стоун ему нравился: по

крайней мере настоящий военный из Академии, а не какой-нибудь педик. — На этот раз они отреагировали быстро. Они готовы сотрудничать. Они готовы предоставить нам доступ в свои архивы...

— Мы и так можем взять из их архивов всё, что нужно, — усмехнулся полковник. — И они это прекрасно знают. Это всё?

— Нет, не всё. Они готовы принять наших экспертов и допустить к пультам. Любой уровень наблюдения и контроля над всеми системами спутника.

— Нам это нужно?

— Нет.

— Вот именно. Нас устроит только одно: чтобы этой штуки на орбите больше не было. Какова цена *этого* вопроса?

— Они торгуются, и нам это не нравится. — Гомес стиснул челюсти. — Я считаю, что все переговоры следует прекратить. Через неделю спутник станет безопаснее плюшевого медвежонка.

— За неделю они могут решиться нажать на кнопку.

— Они не нажмут на кнопку. Я уверен. А даже если нажмут — что это изменит?

Дороти взглянула на него с интересом:

— У вас хорошая репутация, Гомес. Жаль будет, если вы ошибётесь.

— Я уверен. — Гомес был и в самом деле уверен в себе. Он чувствовал: эти люди уже готовы с ним согласиться, а главное — сука в брюках на его стороне. Осталось только чуть-чуть нажать...

— Я работал по России восемь лет в качестве правительственного эксперта. Я знаю Москву. Я знаю, кто у них сидит наверху. Они подлецы, мерзавцы, бандиты, всё, что угодно, но не дураки. И совсем не патриоты, конечно. Они прошли через кровь и грязь и не хотели бы пройти вторично тем же маршрутом, да ещё и в обратном направлении. Они знают судьбу своей страны и примирились с ней. Короче говоря, они не нажмут на кнопку.

— Что ж. — Хозяйка кабинета сладко потянулась, показав мужчинам небольшую, хорошо очерченную грудь. — Пожалуй, наш нью-йоркский коллега говорит разумные вещи. К тому же что мы теряем, если даже и ошибёмся? Не так уж много. С этой территорией всё равно предстоит возиться. Даже

если у них лет через тридцать подрастёт новое поколение — ну и что? У них уже не будет ракет.

— У них ничего не будет, — добавил Гомес, понимая, что раунд выигран.

— Я остаюсь при своём мнении, — желчно заметил Стоун. — Спутник должен быть уничтожен. Так или иначе, мы вынуждены учитывать эту вещь в своих планах. Я за простоту.

— Простота — не всегда благо... Интересно было бы попробовать. — Голос принадлежал профессору Райдеру, эксперту из Военной Академии.

— Что значит попробовать? — Полковник умышленно добавил в голос побольше желчи. Он недолюбливал высококобых и не упускал возможности это продемонстрировать. — Вам понятен смысл слов «угроза национальной безопасности»? Вы знаете, что это такое?

— До сих пор мне казалось, что я это знаю, — как ни в чём не бывало заявил профессор. — Самые страшные угрозы национальной безопасности — это самоуверенность и некомпетентность власти, особенно если это власть силы... — Райдер, в свою очередь, не жаловал армейских и тоже не считал нужным это скрывать. — Я же не предлагаю разрешить русским облучать *свою* территорию. Но если взять, скажем, изолированный остров в океане, с небольшим населением? Почему нет? Ущерб для физического или психического здоровья людей — никакого. Экологический ущерб нулевой. На такие условия согласилась бы даже ИРВ. А если эта штука всё-таки работает — мы получим уникальные данные.

— Уникальные данные? — Полковник как будто разгрыз эти слова зубами. В кабинете стало очень тихо.

— Нас учили разным вещам, — наконец сказал он. — Возможно, вас хорошо учили теоретической физике. Меня учили воевать. Меня учили хорошо воевать. Знаете, что такое хорошо воевать? Это значит — не оставлять противнику никаких шансов. Ни одного шанса. Ни одного.

— Генерал, где вы видите противника? — Райдер картинно воздел руки к небесам.

— Не знаю, — ответил Стоун. — И этого вполне достаточно.

Аксель Гомес демонстративно сдвинул ладоши, аплодируя. Полковник улыбнулся.

— Будем считать, что мы достигли взаимопонимания, — заключил Гомес. — Я передам согласованное решение президенту...

— Я это сделаю сама, с вашего позволения, — подала голос мисс Шоу. — Как председатель комиссии.

— Вы уверены, что это необходимо? — Гомес постарался сделать недовольный вид.

— Да. Если вас интересует моя поддержка, разумеется. — Сука в брюках вежливо ослабилась. У неё были мелкие ровные зубки. Такими зубками хорошо откусывать полусырое мясо от стейка.

— Меня интересует ваша поддержка. — Гомес склонил голову, изображая покорность.

На самом деле ситуация его более чем устраивала. Если суке в брюках так хочется взять на себя ответственность — пусть берёт на себя ответственность. В конце концов, они с президентом — старые друзья, а это ведь совсем другое дело. Можно подождать до воскресенья, когда старине Джорджу захочется поболтать со стариной Аксом...

Он откинулся в кресле и отхлебнул кофе.

Российская Федерация, Москва

Господин председатель Специальной федеральной комиссии по науке при Министерстве науки и технологий Российской Федерации Илья Григорьевич Миних был в гневе — и не пытался этого скрыть. Напротив, он всем своим видом демонстрировал, насколько он взбешён.

Если бы причиной его гнева был бы кто-нибудь из подчинённых ему лиц, всё было бы не так плохо. Однако все причины неудовольствия Ильи Григорьевича лежали за пределами его непосредственных административных возможностей. Это делало старого носорога особенно опасным. Поэтому Роберт избрал традиционную, веками проверенную линию поведения подчинённого перед руководителем, рекомендованную ещё Петром Первым: «вид иметь лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». То есть стоять и ждать с тупым видом, покуда барский гнев пройдёт.

Наконец Илья Григорьевич накричался, попил водички и, несколько умиротворившись, достал из шкафчика початую бутылку дорогого подарочного вискаря.

— Садись, Арутюнян. — Не дожидаясь ответа, он плеснул молодому помощнику на два пальца бурой вонючей жидкости.

Роберт пододвинул к себе стакан и сделал вид, что мочит губы. Сам он не пил ничего, кроме сухого красного вина, и шеф это отлично знал. Миних, однако, предпочитал напитки позабористее. И того же требовал от подчинённых.

— Мидовцы решили, что они великие. — В заплывшем жиром горле господина председателя комиссии всё ещё булькала свежая обида. — Они опять решают вопросы с америкосами без нас. И просрали всё, конечно, — это было сказано не без удовлетворения, — просрали, потому что не в теме совершенно. Если бы они с нами пошли, ещё можно было бы как-то. Нет, решили сами всё сдать, за фу-фу. Так дела не делают.

«Так дела не делают» — это была любимая поговорка господина Миниха. Господин Миних хорошо знал, как делают дела. За полтора года работы на новом месте он сдал американцам и англичанам советских научных разработок где-то на полмиллиарда американских долларов, по самым приблизительным подсчётам. За это он получил где-то около восьмидесяти тысяч тех же денежных единиц (на счета и налик), а также был приглашён на два ооновских семинара — по развитию и по разоружению. Кроме того, в прошлом году Илья Григорьевич в составе российской правительственной делегации ездил в Англию. Оттуда он привёз дорогую чернильную ручку с золотым пером, клетчатый пиджак и вересковую трубку в футляре — подарок принимающей стороны. Трубку господин Миних не курил и через некоторое время подарил её господину Зайончковскому из Конституционного суда, страстному курильщику и полезному человеку. Господин Зайончковский отдался настольным хрустальным шаром со статуэткой Гермеса, бога торговли. Арутюнян, глядя на этот шар, каждый раз вспоминал немецкую сказку про дурака Ганса, который поменял золотой слиток на коня, коня на корову, корову на козу и так дошёл до точильного камня, который утопил в колоде.

— Так что у нас там, так сказать, говорят мидовцы, а, Илья Григорьевич? — Роберт решил, что пора уже демонстрировать интерес к проблеме.

— Да ты пей, что ли. — Миних никак не мог отойти. — В общем, они хотели переговоров по тому спутнику, помнишь, ты документы приносил? Гутенморген какой-то... что-то по-немецки. Не люблю немецкий. Грубый язык.

— Проект «Моргенштерн», Илья Григорьевич, — вежливо ответил Арутюнян. — Моргенштерн — это по-немецки «утренняя звезда», то есть Венера. Ещё так называли ручное оружие, нечто вроде булавы с шипами... Ну немцы, они вообще всякие такие штуки любили. Я эту дулю в музее видел, в Нюрнберге, кажется, помните, мы были? Приятная такая бешечка...

— Не надо мне тут образованность показывать. — Миниху явно изменяла выдержка. Роберт напомнил себе, что старый носорог и вправду зол. — Ты слушать будешь или вискарь глушить?

Роберт с готовностью отодвинул от себя ненавистный стакан.

— Пей, — тут же скомандовал шеф. — Вискарь ему, видите ли, не нравится. Коллекционный, меж проч. Сингл-молт. Может, коньяку тебе плеснуть? Армянский, кстати. Что мне в армянах конкретно нравится, — это коньяк. Вот ты скажи, как армянин...

— Илья Григорьевич, так что там с МИДом? — Роберт терпеть не мог разглагольствований шефа на национальную тему.

— Ну что с МИДом? Я так понял, с ними связались америкосы. Занадобился им этот спутник, говна пирога. Небось решили, что это оружие. В советские времена хрен знает сколько всякого оружейного понаделали... Ну им предложили условия, всё, как обычно, — так и так, мы решаем вопрос по спутнику, вы нам пети-мети, ну, короче, всё цивильно. Но потом какая-то срань случилась непонятная. Короче, америкосы совершенно упёрлись, как никогда, типа нам этого не надо. И пети-мети того, тью-тью.

Арутюнян вздохнул. Миних, как человек старой интеллигентной закваски, не любил вульгарных слов, обозначающих деньги. В частности, он никогда не позволял себе общеупотребительные в его кругах словечки — «капуста», «бабло», «гри-

ны», «лаве» — предпочитая наивный жаргон времён своей юности.

Зазвонил белый телефон. Илья Григорьевич глянул на определитель, поднял бровь, собрал губы жопкой и заквакал в трубку:

— Йе, хай. Хай, деа миста Петникофф. Йе, из спид. Йе, из вери спид. Сделаю. Ви шелл дисайд виз проблем. Короче, колл туморроу ин сикс ивнингс он ве Москоу тайм. Ну, в общем, ты понял. Бай!

— Петников звонил, — объяснил он. — Из Уошингтона. Совсем заработался мужик, родной язык забывать стал... Хотя, может, и правильно. Я вот, знаешь, себя иногда на чём ловлю? Что уже на английском думаю. Говорю по-русски, а думаю на английском. Теперь бы вот ещё произношение подработать.

Роберт сыграл лицом, изображая внимание и сочувствие. Илья Григорьевич который год занимался английским по индивидуальной программе. К сожалению, языковой барьер оставался непреодолённым — иностранцы упорно не понимали английского языка в исполнении Ильи Григорьевича, что роковым образом сказывалось на количестве пети-мети. Однако Миних не терял надежды и упорно ходил на занятия.

Телефон зазвонил снова.

— Ай донт андестэнд! Ин рашен, плиз! — прокричал в трубку Миних, после чего грязно выругался на языке родных осин. Интеллигентного Роберта передёрнуло.

Республика Украина, Киев

От старика воняло — гнилым ртом, невымытым телом, лекарствами и ещё чем-то противным, как оно бывает у зажившегося старичья. Герман надеялся, что скоро придышится и его перестанет подташнивать.

— Аркадий Яковлевич, вам не душно? — попробовал он всё же закинуть удочку.

— Форточку открыть? Форточку мне нельзя, — проскрипел старик. — Простужусь, помру. А у меня ещё есть дела. Грехи замаливать. — Старик сухо, неприятно засмеялся, брызнув слюнькой. Розовая нижняя челюсть задрожала. Герман постарался отвести глаза: непристойный голый подбородок с

несколькими седыми волосёнками выглядел как-то особенно гадко.

Аркадий Яковлевич Шапиро с кряхтением приподнялся и сел в кровати, кое-как пристроив спину на продавленной жёлтой подушке.

— Что, Гера, стариков не любишь, — вдруг сказал он. — И правильно. Старость — страшная вещь. Но для души — полезно. Это надо потрохами почувствовать, что прах ты еси... — старик выдержал паузу, — и в прах обратишься. Вот так. Сам-то как в плане здоровья?

— Как обычно. Сердце, как всегда, но это врождённое... а так вроде живой, — вежливо ответил Герман.

Крошечная комнатка, где доживало свой век угасающее светило советской астрофизики, напоминало внутренности обувной коробки: со всех сторон давила теснота от ненужных посторонних предметов. Рядом с узенькой девичьей кроватью лежали какие-то ящики. В углу возвышалась капельница, похожая на никелированную вешалку. На подоконнике громоздились горшки с кактусами, подпирающие друг друга оббитыми рыжими боками. Аркадий Яковлевич, продав огромную профессорскую квартиру на Крещатике, оставил там библиотеку, а вот кактусы зачем-то забрал...

Окно было наглухо закрыто чёрной тряпкой. В одном месте, впрочем, всё же нашлась предательская щель. Остренький лучик раннего утреннего солнышка бил от здания Оперы, протыкал спёртый воздух с пылинками и падал на облупившийся дверной косяк.

В красном углу поблёскивала сусальным золотом икона Богородицы.

— Вот мы и говорим про старость. — Герман попытался повернуть разговор в прежнее русло. — Русские постарели...

— Не-ет, Гера, это с русскими не старость. Это грехи в гроб тянут. Тяжёлые, неискупаемые. — Старик отчётливо пукнул под одеялом. — Бог возлюбил Россию, дал ей Святое Православие. Мы его дар отвергли. У нас был Царь. Мы его убили. Помазанника Божьего убили! Потом стали убивать друг друга. А знаете, почему? У меня есть гипотеза, — Аркадий Яковлевич оживился, — почему столько убивали. Именно потому, что установилось безбожие. Святые иконы топором ведь рубили, в печку бросали — зачем? Чтобы над Богом поругаться или хоть над образом его... А ведь человек — он тоже, некото-

рым образом, образ Божий, живая икона. И вот поэтому-то безбожника так тянет убить ближнего. Это как икону в печь, понимаете? Поругаться над образом Божиим, явленным в ближнем своём. И потому... не перебивай! — рывкнул он, видя, что Герман пытается что-то сказать. — Вот ты думаешь, небось, что я не хочу вам помочь, не хочу спасти Россию. Потому что еврей, да? А я ведь как христианин говорю: отступитесь. Помнишь, у Волошина, стихи эти страшные — «чтоб искупить смиренно и глубоко Иудин грех до Страшного Суда». Россииматушке на Страшном Суде бы оправдаться... об этом думать надо. А не алкать даров диавольских. Дай мне стакан. Вон там, на тумбочке, стоит.

Герман подал старику грязный стакан с водой на дне. Пре-старелый академик вытащил из-под подушки коробочку, достал таблетку, положил под язык. Поморщился, запил водой.

В кармане у Германа тихо затрясся мобильник. Молодой человек немного поколебался, потом вытащил чёрную коробочку, посмотрел на определитель. Нажал на зелёную кнопку и приложил к уху.

— Гера? Это Яна, — зашелестело в трубке. — Идёт поток.

— Янка, ты где? — забеспокоился Герман.

— Я в Институте, — голос стал чуть тише, — данные скачала и отправила, куда ты сказал. Тут Интернет есть. Ухожу. Всё. Бай.

Трубка хрюкнула, отключаясь.

— Звоночки... — Старик моргнул. — Из Москвы звоночек? Давно я там не был... а теперь уже не буду.

— Вас же приглашали, — начал было Герман, но старик вяло махнул ладошкой:

— Ну и чего — приглашали? Что я там не видел? Института больше нет. Всё дорого. А здесь моей пенсии хватает, чтобы пожить. И летом тепло. Не московская эта гадость — жара со сквозняками. А настоящее тепло, ровненькое... Ну что там? Идёт поток, ведь так? Что-то в Большом Космосе того — хрусть и пополам? Что-то очень большое... Охти, дела Господни, дела Господни... Господь создаёт, Господь и разрушает. Сверхновая?

— Я сам пока не знаю. — Герман вытащил телефон, потом подумал, положил в карман. — Это из Института звонили. Там у нас есть свои люди, — неопределённо добавил он, постаравшись сделать значительное лицо.

— Я там всех знаю, — старик фыркнул, — и кто ушёл, и кто остался. Никого у вас там нет... Для вашего дела требуется хоть какой-то идеализм, а Яковлев, прости господи, скотина скотиной. За деньги он, конечно, маму продаст. А так, из абстрактного патриотизма... сам не ам и другим не дам.

— Тем не менее. У нас есть координаты оси потока. Из вычислительного центра.

— Из ве-це? Невозможно... Мне самому выдавали распечатки только в секретной комнате, с особистами... Это мне! А я был главным разработчиком системы!

— Аркадий Яковлевич, сейчас другие времена, — терпеливо принялся объяснять Герман. — Сейчас всё это никого не интересует...

— Не интересует — так закрыли бы к чертям, — буркнул старик. — Сколько всего уже позакрывали...

— Не так всё просто, — снова принялся за своё Герман. — Это же бюрократия. Наша задача когда-то имела высший приоритет. В советское время, конечно. Сейчас это никому не нужно. Но такие вещи так просто не закрывают. Это же ответственность, а её никто на себя брать не будет. Они даже оставили какое-то финансирование. Маленькие деньги, конечно, но всё-таки.

— Кретины, — проворчал старик. — Или они собираются нажимать на кнопку, и тогда надо поддерживать систему в готовности. Или не собираются, и тогда надо снимать спутник с орбиты. А так — ни два ни полтора. Идиотизм какой-то.

— Ну да, идиотизм, — покорно согласился Герман. — У нас сейчас смутное время. Конечно, те, которые сейчас наверху, на кнопку нажимать не станут. Скорее уж вырвут кнопку с мясом. Судьба русского народа им, знаете ли, по барабану, а вот новой революции им совсем не нужно. Даже через двадцать — тридцать лет. Они собираются жировать на обломках страны, пока не кончится жир.

— Гера, только не надо меня потчевать передовицами из патриотических газетёнок. Мне недавно принесли что-то такое. Какой-то московский подмётный листок. Там ещё было что-то про жидомасонский заговор и про жидов. Знаете, когда я вижу слово «жиды», напечатанное типографским шрифтом, меня начинает трясти... И если бы я не был православным христианином, не веровал бы в Господа нашего Иисуса Хри-

ста, я даже не знаю, чего бы я пожелал этим спасителям России... Ну, Бог им судья...

— Я в патриотические газеты не пишу, — огрызнулся Герман, — и с жидами бороться не собираюсь. Я хочу спасти русский народ, извините за пафос...

— У русского народа уже есть спаситель. Господь Иисус Христос, владыка живота нашего. Другого спасителя не нужно. Уже искали других спасителей и что нашли? Кровь, грязь, позор. Помнишь, у Волошина...

Герман деликатно кашлянул. Старик сделал вид, что не заметил.

— У Волошина, в стихах, к России обращение — «очнёшься пьяной по плечи в крови»... Воистину, поэт-пророк. Вот дал Господь дар человеку. Страшный дар, огненный... Но ты, Гера, не православный, да и не христианин даже. Ты, может, в науку веруешь, да и то не слишком. Ну и в этот самый русский народ. Дался он тебе... хотя с вашими такое бывает. Это очень типическая фигура: немец-славянофил. Так ты сам у народа спроси — хочет ли он, чтобы ты его спасал. И народ тебе ответит простым народным языком...

— Это уже, извините, демагогия, — занервничал Герман, — и вы это прекрасно знаете. В нынешнем состоянии народ не способен ничего хотеть. Идёт обскурация. Русская пассионарность на нуле, даже ниже нуля. Представьте себе: перед вами лежит умирающий. У вас в кармане шприц с лекарством, которое может его спасти. А вы стоите, слушаете его мычание и размышляете, хочет ли он жить.

— Плохая метафора... Шприц — он с разным бывает, так сказать, содержимым. Иногда, знаете ли, лучше от укольчика воздержаться...

Герман вспомнил Яну и её проблемы, нахмурился, потом медленно кивнул. Аркадий Яковлевич, приняв это за согласие, назидательно поднял палец:

— Народ переживает естественную стадию своей жизни. Усугублённую, как я уже сказал, многочисленными грехами молодости... Нам не новый пассионарный толчок нужен, а монастырь. На всю страну один большой монастырь. На хлебе и воде. И в сокрушении о грехах провести золотую осень свою... — Шапиро чуть подвинулся вверх по подушке.

— Ну вот опять, Аркадий Яковлевич... Не будет никакого монастыря, вообще ничего не будет. Гумилёв ошибался на-

счёт «золотой осени». Будет кровь, хаос, мерзость. И пустая земля, на которой будут жить другие народы. Если вы нам не поможете, конечно.

Старик завозился под одеялом, устраиваясь поудобнее.

— Я был знаком с Лёвой Гумилёвым. Очень интересный человек, но совершенно глухой. Слушает только себя. А с православной точки зрения, слушающий только себя рано или поздно впадает в прелесть... То есть начинает слушать бесов. К тому же он был антисемит. Знаете, это очень страшно — интеллигентный, вежливый антисемит, обосновывающий свою ненависть к тебе специальным научным способом... — Старик снова взялся за стакан, недовольно хрюкнул, глотнул, с шумом втягивая воду.

— Извините, Аркадий Яковлевич, но у него были на это причины, — Герман посмотрел старику в глаза, — и вы их знаете.

— Знаю. — Аркадий Яковлевич почесал лысый подбородок об одеяло. — И как человек, и как христианин — прощаю ему. Не знаю, что бы я сам думал, если б я был русский и два еврея-следователя разбивали мне шею прикладом... Но я помню ещё и то, что это делалось во имя очередной теории общественно-исторической! Которая была, кстати, ничуть не хуже, чем построения Льва Николаевича.

— Марксистская теория не подтвердилась, Аркадий Яковлевич. А теория пассионарного толчка доказана. Мы можем создавать народы, Аркадий Яковлевич. И вы сделали для этого больше всех.

— Не я. — Герман заметил, что старик проглотил похвалу и не прочь получить добавку. — Не я. Скорее уж, Вульф, Левинсон, Княжин... Кстати, что с Княжиным? Он вроде был молодой ещё?

— Живёт в Израиле. Уехал с внучкой... Давайте к делу. Аркадий Яковлевич, вы же всё прекрасно понимаете. Русские переживают фазу надлома. Она проходит очень неудачно. Если всё пойдёт так, как сейчас, России скоро не будет. Каяться будет тоже некому. Нам нужно возродить русский народ. То есть создать его заново. Другого способа у нас нет. Нам нужен новый пассионарный толчок. И милостей от природы ждать не приходится.

— Не от природы. От Бога. Природа — дура, — убеждённо сказал Шапиро. — И всё-таки пришлось ведь ждать милости,

да? Потоки создавать мы не можем. Только немножко украсть. Зачерпнуть в ладошку и утащить. У вас есть выход на спутник?

— Допустим, — Герману не хотелось обсуждать эту тему сейчас, — но нам нужны управляющие программы к зеркалу. У вас они есть. Вы же предусмотрительный человек, Аркадий Яковлевич. У вас они есть, я не сомневаюсь.

— Я не помню. Я всё оставил на старой квартире. — Старик неожиданно повысил голос. — И вообще, я не хочу иметь к этому отношения. Никакого отношения! Монастырь, Гера, монастырь. Покаяние всенародное — вот единое на потребу... Посмотри под кроватью, что ли. Там коробки с перфокартами. Может, что и осталось. Опись программ внутри коробок. У вас хоть найдётся вводилка для перфокарт? Или ручками будете вбивать? Ещё нужен эмулятор старого PL/1...

Герман улыбнулся.

— Не лыбься, — неожиданно строго сказал старик. — Я-то никуда не денусь. Я это делал, мне за то и отвечать. Но вообще-то имей в виду — грех мы творим с тобой. Грех!

Российская Федерация, Москва

На дверной ручке висели сумки: черная и белая. Бесформенный рюкзак Германа, похожий на дохлого осьминога, кое-как пристроили на табуретку — он свисал с неё боками сразу во все стороны, подметая пол почерневшими концами шнуровки. Из его нутра торчала жестяная коробка для перфокарт.

Полковник ВВС Геннадий Михайлович Шацкий смотрел на всё это с плохо скрытым раздражением. Он знал цену порядку и того же требовал от других. Жаль, очень жаль, что Гера не отслужил — тогда, в правильной армии. Ну да... сердце, конечно. Врождённый порок. Не повезло. А вообще-то парень должен служить, это мужской долг. Две зимы, две весны — из пацана получается человек. Конечно, Герка — особый случай, это надо признать. Как он тогда поступал в физтех — сутками напролёт сидел за книжками, дым из ушей, глаза красные... Дядя Женя тогда учил, учил охламона: сходи на воздух, отдохни, выспись, как человек, — больше тол-

ку будет. Да куда там! А если вдуматься — зачем поступал, учился, нервы трепал? Всё равно теперь вся советская наука накрылась одним местом... Хотя ведь и армия советская тоже накрылась тем же местом. Н-да, заранее не угадаешь ни черта.

— Курить-то у вас тут хоть есть куда? — осведомился Шацкий, отыскивая взглядом пепельницу.

— А на пол, — легкомысленно ответил Герман, сидя на колченогом столе и болтая ногами. — Тут можно.

— Грязь разводить, — не удержался от замечания полковник, но всё-таки вытянул из кармана пачку. Курить хотелось очень. — Ну давайте, что ли, рассказывайте. Делайте из меня идиота. Чего надо-то?

— Дядя Женя. — Герман внимательно смотрел в дублёное лицо полковника, пытаясь сообразить, стоит ли жать на старые семейные связи. К сожалению, по лицу Шацкого понять что-либо было решительно невозможно.

— Геннадий Михайлович, — попробовал Герман по-другому. — Мы обращаемся к вам как к русскому военному, патриоту... ну, вы понимаете, о чём я?

— Пока ничего не понимаю. Кроме того, что вы очень хотите втравить меня в какую-то гадость, — ядовито заметил полковник. — Только я вот что скажу. Ты, Герка, хороший парень, и папа у тебя был... ну, ты знаешь, кто для меня был твой папа. Поэтому я сижу в этом свинарнике и тебя слушаю. Но имей в виду одну простую вещь. Я ни в каких бизнесовых делах не участвую принципиально. И если ты в какое-то дерьмо вляпался с деньгами, задолжал кому-то или ещё что, — я совсем не уверен, что смогу тебе помочь. У меня, конечно, есть кое-какие старые связи. Но сейчас всё это не работает. А если что-нибудь политическое — так я вообще здесь ничего не понимаю и понимать не хочу. Я, если хочешь знать, считаю так: все наши политики — говно. Продажная сволота. Все, без исключения. Страну развалили — раз. Продают по кускам — два...

— Геннадий Михайлович, так вот и мы о том же, — невежливо перебил его Герман. — Вы послушайте, а потом делайте выводы.

— Ну слушаю. — Полковник потёр пальцем переносицу. — Только быстро и доступно.

— Ну да... В общем... Роб, давай ты, что ли...

— Значит, так. — Роберт слегка волновался. — У нас есть звезда. То есть у нас была звезда...

— Вифлеемская, — вставил Герман.

— Будем надеяться... В общем, так. Сверхновая звезда в центре Галактики. Зрелище, конечно, красивое. Жаль, отсюда его не видно. Понимаете, облака в созвездии Стрельца её закрывают. А если бы не закрывали, кстати, у нас ночью было бы светлее, чем днём. Центр Галактики вообще светит офигенно... Звезда массивненькая была, приятная такая бешечка... Дальше по классической модели. Ну, нейтронизация, то-сё. И потом — бамц. Доступно?

— Доступно. — В голосе полковника прорезалась обида. — Нейтронизация, понимаешь... бамц... Думаешь, раз я военный, значит — дуб? Да ты знаешь, с какой техникой я работал? И сейчас, между прочим, работаю. У меня на объекте вся спутниковая связь...

— Знаем, дядя Женя, вы лучше слушайте, — огрызнулся Герман.

— Значит, звезда взорвалась. Давно. Двадцать пять тысяч лет прошло примерно. Из взорвавшейся звезды до чёрта всего сыплется. Лучи всего спектра, частицы разные. Нам это всё неинтересно. А вот изменение формы интересует нас очень и очень сильно. Понимаете, её же на части разнесло. Тут-то всё и начинается. В центре трансформы...

— Ты попонятнее, — попросил Герман.

— А тут нельзя попонятнее. Мы, по сути, ни черта не знаем точно. — Роберт развёл длинными худыми руками. — Старик Шапиро вот знает, наверное. Короче, так: в эпицентре взрыва возникает поток минус-вероятности... Как бы это объяснить по-простому... Что-то вроде энергии, но не совсем энергия. По Шапиро — докосмическая форма единой материи-энергии. По Гумилёву — пассионарный импульс. По религии — наверное, благодать Божья... Ну, это уже не из физики, сами понимаете...

— Радиация, что ли? — на всякий случай уточнил Шацкий.

— Нет, не радиация... Короче говоря, возникает что-то, распространяющееся со скоростью света и ломающее на хрен вероятность событий. То есть там, где проходит поток, случаются чудеса. Ну, дальше мы уже не уверены...

— Ближе к нашей проблеме, — напомнил Роберт.

— Ну так я про что? Короче, Земле иногда доставалось этой благодати. Правда, очень уж немного. Прямого потока на Землю не было чёрт знает сколько времени. Так уж получилось. Вероятностная плоскость нашей системы искривлена Луной... ладно, этого вы всё равно не поймёте. Короче, Землю этак слегка царапают минус-потоки, и появляются новые народы. Это называется «пассионарный толчок». У Льва Гумилёва всё это хорошо описано. В общем, на каком-то участке Земли, где царапнуло, вдруг начинают рождаться очень крутые люди. Очень сильные, волевые, а главное — им всегда везёт. Некоторые из них, кстати, могут делать чудеса. Все народы числят в своих основателях богов или там великих магов. Так это всё правда. Могут. Правда, это только первое поколение такое бывает. Но импульс живёт в этносе довольно долго. Где-то тысячелетие с хвостиком. Хотя бывает и больше, это уж как фишка ляжет. Вот, скажем, Вифлеемская звезда — это же была типичная сверхновая. Земле достался импульс довольно приличный, мазнуло её по вероятностной плоскости. В основном всё пришлось на Иудею. Ну там и началось... Зато евреи до сих пор существуют — столько пассионарности они тогда получили. А в самый момент импульса родились пророки, чудотворцы, экстрасенсы всякие. Иисус Христос, я так думаю, тоже из таких. Просто ему досталось побольше прочих. Хотя Иоанн вот тоже, например...

— Ни черта не понимаю. — Полковник демонстративно набычился. — Какая-то звезда взорвалась. Было это хрен знает когда. Очень интересный научный факт. При чём тут евреи? В каждой бочке затычка эти евреи. Лезут везде, себя пропагандируют. А если хочешь знать, они-то всё и развалили. Тут жили и против нас же работали. И теперь нами правят. Я вот читал...

— Ещё раз, совсем просто. — Роберт явно терял терпение. — Если взрывается звезда, от неё идёт... ну, скажем, особое излучение. На самом деле это не лучи, это поток негэнтропии. Но сейчас это нам пофиг, пусть будут лучи. На том месте, куда падает луч, возникают новые народы. Понятно?

— По-моему, чушь какая-то, — сжал губы полковник. Но было заметно, что он уже ухватил суть и ждёт продолжения.

— Значит, так, — начал Роберт, торопясь и слегка запинаясь. — В советское время все разработки по физике минус-вероятности были строго засекречены. Но в восьмидесятые

годы были проведены кое-какие опыты. К сожалению, Земля почти полностью экранирована от всех основных космических источников негэнтропии. Мешает расположение планеты... Луна тоже искривляет плоскость вероятности... В общем, беда. Но наши придумали фазовые зеркала, отклоняющие поток. И вот, когда запустили спутник с таким зеркалом...

— Когда запустили спутник? — поинтересовался Геннадий Михайлович, любивший точные даты.

— В восемьдесят восьмом. Возможно, были какие-то идеи насчёт использования потока в качестве оружия. А может быть, просто ради науки. Я точно не знаю. Документы, которые есть у Миниха, довольно двусмысленны... Да не в этом дело. Как бы то ни было, сейчас идёт поток. Очень мощный поток. К сожалению, он идёт мимо вероятностной плоскости системы. Задача стоит так: надо повернуть фазовое зеркало спутника, чтобы отклонить часть потока сюда, на Землю.

— Зачем? — Шацкий уже понял, к чему идёт дело, но во всех случаях предпочитал выслушать собеседника до конца.

— Чтобы вызвать искусственный пассионарный толчок. Если мы направим минус-поток на местность, где живут люди, там образуется новый народ. Не сразу, конечно. Лет через тридцать, когда вырастут дети, зачатые в момент прохождения импульса. Но результат обещает быть грандиозным. Мы подсчитали мощность пассионарного толчка. Мы переродимся как нация. У нас появятся великие вожди. Чудотворцы. А главное — воскреснет русский народ.

— Вы сказали — «у нас». Куда конкретно вы хотите... того... облучить? Направить эту штуку? — Геннадий Михайлович хрустнул пальцами.

Герман недоумённо поднял бровь:

— На Москву, естественно. Самый большой российский город, максимальная плотность населения... Куда же ещё?

Соединённые Штаты Америки, Нью-Йорк

— Одну минуту. Подождите одну минуту. — Гомес замолчал и закрыл глаза.

Сначала он попытался себе представить одновременно небо и землю. Этой медитации его научил один знакомый китаец.

Парень говорил, что это старинный даосский способ очищения ума. Возможно, возможно — хотя, насколько помнилось Гомесу, китайца звали Джим, родился он в Калифорнии и был стопроцентным калифорнийцем во всём, исключая физиономию. Как бы то ни было, медитация помогала.

Гомес сосредоточился на тёплых бетонных квадратах внизу, потом вообразил бледное сухое небо, в белесоватой дымке от жары. Потом стал осторожно сводить их вместе, пока в голове не осталось ничего, кроме бесконечной равнины, мощённой плитами, и бесконечного небосвода над ней.

Незванный гость ему не мешал. Удобно устроившись в красном кресле, он разглядывал безделушки, украшавшие стол хозяина кабинета. Кроме фотографии жены, на нём стояли индийские слоники, стакан с игральными костями, рядом с ним — маленькая серебряная копия какого-то спортивного кубка. Фарфоровая бульдожья голова скалилась и подмигивала.

Гость выглядел как типичный, почти киношный, агент: характерно неприметная внешность, серый костюм, галстук с зажимом. Не хватало разве что значка с надписью «ЦРУ».

Аксель Гомес искренне считал ЦРУ позором Америки. Кроме того, серый человечек говорил неприятные Гомесу вещи, что само по себе было скверно. Впрочем, это не отменяло необходимости быть вежливым и держаться в рамках. Гомес знал, что клопы из Управления могут больно кусаться. Так что оставалось держать лицо и полагаться на интуицию.

Интуиция не подвела. В прозрачном воздухе, наполняющем пространство под закрытыми веками господина правительственного эксперта, вырисовалось примерно следующее.

Во-первых, человечек пришёл сам. И скорее всего по собственной инициативе. Гомес не почувствовал за ним той вяжущей тени, которая ощущается за представителем значительных людей. Хотя не исключено, что его таким образом прощупывают. Но кто и зачем? Заинтересованные лица не стали бы играть на таком уровне. Впрочем, кто знает? Его решительная политика по отношению к русским могла не понравиться кому-нибудь из старой гвардии. Но сейчас старая гвардия досиживает последние годы... Нет, нет, это невозможно.

Но даже если у человека из ЦРУ есть какие-то резоны, их ни в коем случае не следует признавать. Нет ничего глупее, чем менять однажды принятые решения. Это верный способ лишиться доверия — в том числе и доверия президента. Президент не любит людей, у которых два мнения по одному вопросу. И по большому счёту он прав. Да-да, совершенно прав. Во всяком случае, это хороший аргумент для вашингтонских — в случае, если к этой теме придётся когда-нибудь вернуться.

— Чего стоит ваша информация? — Гомес наконец счёл возможным вернуться к разговору. — И даже если она чего-то стоит... Вы же должны понимать, какая это чушь. Какие-то русские националисты... Это смешно. У русских нет никаких националистов. Национализм поощряют государства, когда хотят стать сильнее, и готовы ради этого пожертвовать управляемостью. Русские своих националистов уничтожают, потому что управляемость им важнее. Есть несколько клоунов, которые потешают народ. Я знаю их всех, они совершенно безопасны. Нет, нет, это невозможно. Скорее всего какая-нибудь мелкая московская тварь хочет денег и пытается нас обмануть. Ещё раз: русским верить нельзя.

Человек в красном кресле пожал плечами.

— Возможно, это так, — спокойно ответил он. — Но я не имел в виду какую-то националистическую организацию. Это маленькая группа, собранная для выполнения одной-единственной задачи. Такие группы практически невозможно отследить. Нам просто повезло. Вы когда-нибудь имели дело с господином Минихом из российской Комиссии по науке?

Гомес с облегчением расхохотался. Он смеялся долго, утирая слёзы.

— Это он пытался иметь дело со мной, — наконец выговорил он. — Безмозглый уродец в клетчатом костюме. Господин Миних готов продать свою маму за десять долларов. Можете спать спокойно.

— И тем не менее нам известно, что кое-кто из окружения Миниха имеет специфический интерес к спутнику... — попытался развить тему серый человек.

— Оставьте это дерьмо в покое. — Гомес демонстративно зевнул. — Его окружение — такие же обезьяны, как и он сам. У вас есть что-нибудь ещё?

Российская Федерация. Ближнее Подмосковье

— Значит, так, дочка. С этого момента ты делаешь только то, что я тебе скажу.

— Мне Гера звонить будет, — проямлила Яна, прожёвывающая масляную печенюку.

— Забудь, дочка. — Ольга Марковна сделала скучное лицо, означающее, что вопрос решён и дальнейшему обсуждению не подлежит.

На кухне заворчал вскипающий чайник.

Марковна всю жизнь была для Яны «тётей Олей» — доброй, толстой, сварливой, обожающей возиться на кухне со всякой хитрой выпечкой. К тому факту, что старуха почти всю жизнь проработала в известной конторе, ведающей безопасностью советского, а впоследствии российского государства, Яна относилась именно как к факту — то есть без особого интереса. Впрочем, когда у неё возникали проблемы с этим самым, Марковна помогала. Особенно в последний раз, когда Яна умудрилась по обкурке напороться на патруль — а у неё с собой было: и трава, и это самое. Тогда Марковна решила проблему одним звонком в мусарню.

Сейчас, правда, не тот случай. «Это служба так уж служба, тут нужна моя вся дружба», — вспомнился Яне стишок из «Конька-Горбунка», которого она в детстве обожала и помнила наизусть.

Тётя Оля пододвинула к себе чашечку костяного фарфора, помочила губы, потом с неудовольствием отставила её в сторону:

— Остыл. Яночка, завари свеженького, что ли.

Яна поплелась на кухню, где уже вовсю булькал, дребезжал крышкой и пускал в потолок струи пара здоровенный чайник. Это желтоэмалевое сооружение с красной звездой на боку тётя Оля привезла из чехословацкой командировки — как и полотенчико с надписью «Ruda Hvezda». Яна не удержалась, посмотрела: полотенце, за ветхостью разжалованное из ручного в кухонное, всё ещё висело на крючочке в ряду таких же полотенец. Марковна была прижимиста, вещи у неё жили долго.

У Марковны были твёрдые понятия о том, как нужно делать жизненно важные дела. Например, есть. Есть нужно было

непрерывно за столом. Еда должна лежать на тарелке и быть горячей — иначе это не еда никакая, а баловство. Читать за едой категорически воспрещалось. Есть полагалось чинно, без лишней суеты и непременно молча: все разговоры начинались за чаем. Чай полагалось пить без сахара, но со сладостями. Курить во время трапезы, опять же, запрещалось абсолютно. И так далее.

Яна, конечно, помнила, что Ольга Марковна Бенеш, названная в честь святой равноапостольной русской княгини своим отцом, сентиментальным славянофилом и чешским патриотом (в те времена подобное сочетание ещё не казалось странным), родилась в Праге, а раннее детство провела в маленьких сонных городках на юге Франции. Вкус второго — после водки — русского национального напитка Ольга Бенеш узнала уже в Сибири. Тогда он показался ей отвратительным, как и вся эта страна в целом.

Однако на склоне лет Марковна, что называется, обрусела.

Девушка ошпарила кипятком заварочный чайник. Достала с верхней полки облупившуюся синюю жестянку с заваркой и щедро всыпала три столовых ложки: тётя Оля любила покрепче. Потом она залила кипятком треть чайника, накрыла крышечкой и в который раз подумала, что влипла.

Как же у неё в жизни всё получается по-дурацки. Девки с курса уже повыскакивали замуж за молодых и перспективных, а она всё занималась какой-то наукой. Потом вступило в голову, что надо устраивать семейную жизнь. Устроила, дурища. Хорошо хоть, детишек не наделали — да и расстались, что ни говори, вовремя.

Не забыть ещё долить воды. Вот так. Теперь хорошо.

Теперь Герман. Скажи себе честно, сучка: он не твой мужчина. Просто — не твой мужчина. И — чего уж там — ты его ведь больше не хочешь. Раньше хотела, а теперь нет.

Ну да, конечно, кое-чем ты ему обязана. Когда с тобой было... это самое... ну ты помнишь тот месяц, дорогая, ты была совсем плохой, да? — он с тобой сидел. Кормил тебя розовыми таблетками. Менял под тобой простыни. Ты открывала глаза, а он тебе говорил: «Только иногда просыпайся, пей сок и обязательно чисти зубы». Выгонял тебя в ванную и заставлял чистить зубы.

Ну да. Я бы так и сгнила. Теперь я должна быть всю жизнь ему благодарна. А у меня на него, как бы это сказать, не стоит. Раньше стояло, а теперь не стоит. Я его не хочу. Вот.

Яна вспомнила белые веснушчатые ноги Германа, его бритые подмышки, пахнувшие земляничным мылом, медленные движения и обязательный, как контрольный выстрел, поцелуй в шею, и у неё всё сжалось внутри: неужели она когда-то его хотела, плыла от прикосновений? Брр.

Хотя — почему брр? Да, было, тянуло, плыла. А теперь — нет. Обычное дело.

Почему же ты позволила втянуть себя в его дурацкие за-теи? А вот поэтому. Чтобы отплатить за те розовые таблетки, и вообще за всё. Отдать долг и разбежаться.

Что, скажешь, не так? Очень уж ты, голубушка, проста.

Всё, настоялось. Разливай, что ли.

Девушка взяла за ушки деревянный подносик с двумя чашками и понесла в «залу» — так тётя Оля называла большую комнату, где она обычно столовалась. На сей раз тётя Оля была намерена почаёвничать со вкусом. Она молча выдула две чашки, закушала бурую жидкость конфеткой «коровка», и только после этого соизволила продолжить разговор.

— Давай ещё раз прикинем. Выглядит всё так, — начала она. — Есть эти двое: Гера и Роберт. Думаю, что есть и кто-то третий, слишком уж ребята синхронно действуют... ну да ладно. Допустим, их цель — повернуть решётку спутника на Москву. Это требует сочетания трёх условий. Во-первых, нужны данные, куда и как её поворачивать. Это сделала ты.

Яна сказала «м-м».

— Во-вторых, программы управления спутником. Программы они, ты говоришь, достали у разработчика. Ещё им нужен выход на центр управления. Этот, как его, Шацких... нет, всё-таки Шацкий.

— Да я его видела как-то у Геры. Он вообще-то серьёзный дядька. Не будет он связываться с сопляками. — Яна сморщила носик. — Это же должностное преступление.

— Знаю я эту породу, знаю как облупленных. Кто он у них? Начальник центра? Небось полжизни на спецобъектах провёл. А теперь получает три тысячи в месяц и дуется. За державу ему обидно, — процедила сквозь зубы Марковна. — Наверняка полдома завалено брошюрками про евреев и всемирный заговор.

— Да вроде бы нет, — Яна замялась, — он с виду приличный.

— Нет там приличных, нет. — Марковна поморщилась, как от зубной боли: с советскими военными у неё были связаны не самые лучшие воспоминания молодости. — Ладно, проехали... Но этого мало. Допустим даже, они сидят на объекте. Допустим, у них есть программа. Допустим, у полковника есть полномочия манипулировать со спутником. Допустим даже, что сейчас всё развалилось до такой степени, что никто ничего не замечает... Но этого мало. Спутник, насколько я понимаю, считался военным. Их системы безопасности я примерно знаю. Ни у какого полковника нет и не может быть кодов подтверждения. А без них всё это бесполезно. Спутник выйдет на связь. Закачают в него программу. Он её примет, конечно. И потребует коды. А без них компьютер ничего выполнять не будет. Так что весь ваш заговор — чушь собачья. Налей мне ещё чаю.

— Не знаю... Наверное, они как-нибудь об этом подумали, — немного растерялась Яна. — Наверное, коды Роберт достал. По своим каналам. Он шестерит у какой-то большой шишки.

— Ты не поняла. Никакая шишка из новых до этого конверта не доберётся. Потому что он лежит в той самой комнате, где находятся другие такие конверты. С кодами оборонных систем. Если кто-нибудь из посторонних получит доступ к этим бумажкам, на следующий день можно будет принимать на Красной площади парад войск НАТО. А вот этого они всё-таки боятся. Западнякам может и надоесть возиться с русскими обезьянами. Посадят в Кремль толкового американского лейтенанта — и все дела. Так что кода ни у кого нет. И не морочь себе голову.

— Погоди-погоди... — Яна сморщила нос. — Ты хочешь сказать, что ребята не знали про код? Чушь какая-то. Да и Шацкий — он же не идиот. Он же такие вещи как бы должен...

— Знали, конечно, — вздохнула Марковна. — Они думают, что он у них есть. Кто-то им его дал. Или продал.

— Тётя Оля, не крути. Ты же говорила, что код достать нельзя?

— Настоящий — нельзя. А конверт с какой-нибудь чушью, правдоподобно выглядящий... легко. Тут есть два варианта.

Либо они давно в разработке. Тогда конверт им дал кто-то из конторы. Фээсбэшники, наверное. Тогда вас всех возьмут, когда вы попытаетесь выйти на связь со спутником. Только зачем? Может, им нужен открытый процесс? Военный спутник, то-сё, угроза нацбезопасности... если вбросить это в прессу, то можно повернуть всякие дела... — Тётя Оля задумчиво уставилась в потолок.

— А второй вариант? — невежливо перебила её размышления Яна.

Ольга Марковна с неудовольствием посмотрела на неё:

— Ну, значит, кто-нибудь продал вам херню. Просто чтобы навариться.

— У Геры денег совсем нет, — пожала плечами Яна.

— Зато Роберт крутится при этом хмырьке из новых, — возразила Ольга Марковна. — Может, там кто-то подсуетился... Лучше давай подумаем, что делать тебе. Ты взрослая девочка, так? Тогда должна понимать, что ребят возьмут в любом случае. Желательно, чтобы к тому моменту тебя в России уже не было... Сейчас попробуем что-нибудь сочинить... У тебя есть финяри?

— Только рубли. — Яна полезла за кошелёчком.

— Сиди уж. Тебя придётся *вывозить*, детка. Это дорого. Очень дорого.

— У меня квартира есть, — пискнула Яна.

К изумлению девушки, старуха спокойно кивнула, принимая к сведению.

— Этого хватит, — добавила она. — Бумаги подпишешь. Я тебе счёт организую. Не бойсь, не обманет тебя тётя Оля. — Старуха улыбнулась, показав железные зубы.

Российская Федерация, Подмосковьё

Объект выглядел непрезентабельно: асфальтовый крест центра, обшарпанные зелёные бараки налево, здание магазина направо. Между ними тянул руку с полуразрушенного бетонного постаamenta гипсовый Ленин. Дальше расстилось унылое поле с пожухлой осенней травой. Вдали можно было различить забор с колючкой и вышки.

На обочине лежала и вращалась в землю огромная лысая покрывка от какого-то непонятного средства передвижения. Полковник сел на неё, вытащил пачку «LM» и попробовал закурить. Зажигалка едва выкашливала из себя жалкую сильную шапочку огня, которую тут же задувал слабенький, но противный сырой ветерок.

— Как же тут сифонит, — цедил сквозь зубы Геннадий Михайлович, пытаясь повернуться к ветру спиной. Бесполезно: ветер, казалось, дул со всех сторон сразу. Хитрые манипуляции ладонью тоже не помогали.

Некурящий Герман чувствовал себя неважнецки. Ему не нравился объект, не нравились бараки, не нравились вышки с маленькими солдатами внутри. Ему не нравилось, что они торчат здесь, на виду. Что у него в кармане вместо законного документа, удостоверяющего его право здесь находиться, — какая-то филькина грамота, сварганенная Геннадием Михайловичем в суете и спешке. Роберт, напротив, выглядел пристойно. Впрочем, он всегда выглядел пристойно: служба научила его держать лицо при любых обстоятельствах. Герман вспомнил, как Роб рассказывал ему про добровольно-принудительные пьянки у Миниха, с которых хозяин отваливал спатеньки, а Роберт садился за документы. Наутро, однако, надо было держаться бодро и прикрывать собой мучающегося с бодуна хозяина. Кроме того, Арутюнян (по мнению Геры) слишком уж привык к своему статусу важной шишки с кремлёвским удостоверением в кармане. Герман был слеплен из другого теста и прекрасно понимал, что их всех могут взять в любой момент. Да, вот именно: взять. Очень выразительное словцо. Взять, отвести в какой-нибудь подвал и учинить допрос с пристрастием. Или просто пристрелить. Сейчас это просто делается. Он тоскливо озирался по сторонам, пытаясь отвлечься от тоскливых мыслей.

Геннадий Михайлович Шацкий, полковник ВВС, «афганец», Герой Советского Союза, беспорочный службист, ничего не боялся, но чувствовал себя не вполне на месте. Он готовился совершить первое в жизни должностное преступление, и это ему решительно не нравилось. Но в отличие от молодых он понимал, что любое дело следует делать чётко и аккуратно, вникая в детали. Службу полковник знал, как себя самого, поэтому измыслить способ провести двух

штатских на сверхсекретный объект отыскался на удивление быстро. Некогда «ракетный маршал» Сергеев подмахнул не глядя одну бумажку, фактически разрешающую сотрудничать с некоторыми негосударственными организациями, в том числе и привлекать специалистов со стороны. Полковник хорошо помнил содержание этой бумажки — потому что не раз, коротая время за пол-литрой в компании друзей-однополчан, орал, наливаясь дурной кровью, что знает способ легально провести полбатальона натовских инструкторов в один из главных центров РВСН... Теперь, однако, это прискорбное обстоятельство оказалось полезным.

Машина подъехала минут через десять. За рулём сидел худосочный солдатик в неуставной голубой рубашке. Шацкий занял переднее сиденье, Герман притулился сзади, не зная, куда девать ноги: на полу лежали какие-то неудобные железяки, глухо позвякивавшие, когда машина подпрыгивала на колдобинах.

Центр оказался низеньким одноэтажным домиком зелёного цвета. Герман почему-то ожидал, что над крышей будут вращаться какие-нибудь антенны, но ничего подобного там не было. Проходная тоже не вызвала уважения — деревянный стол да скучающий солдатик у входа. Полковник предъявил свои бумажки (Герман облился холодным потом, пока солдатик — небрежно, но умело — просматривал бумагу). Потом пришлось показывать паспорта.

Документы Арутюняна не вызвали особенного интереса. С паспортом Германа старого образца солдатик завозился.

— Герман Оттович, значит, — бормотал он, заполняя шнурованную тетрадь в линейку, — Эн-гель-гарт. — Он внимательно посмотрел на замершего Геру. — Национальность — немец. Это правильно раньше в паспорт национальность писали. А теперь не поймёшь, кто русский, а кто... ну вот про вас я бы не догадался.

— Немец он, — усмехнулся полковник. — Остзее. Зато он настоящий русский патриот. Таких сейчас мало. Пойдём, Гера.

Солдат снова уткнулся носом в бумажки.

Геннадий Михайлович, не оборачиваясь, прошествовал по короткому коридору к двустворчатой железной двери. Через пару секунд загудел мотор, и створки, тихо скребя железом по желобам, отодвинулись в стороны.

За дверью оказалась кабина лифта с длинным рядом одинаковых блестящих кнопок без номеров, похожих на надраенные пуговицы.

Роберт вошёл в кабину, не теряя достоинства. Герман протиснулся между ними, с трудом подавляя желание спрятаться за спину полковника.

Двери лязгнули, закрываясь. Лифт поехал вниз.

Российская Федерация, Москва

Всё это было похоже на дешёвый детектив — из тех, которые пожилые тётеньки читают в метро.

Сначала полноватый седой мужик, вызволенный тётей Олей непонятно откуда, отвёз Яну на старой «Волге» в Москву, в центр. Потом они пробирались дворами. Яна случайно наступила на собачью какашку и еле-еле отскребла гадость о металлический уголок ограды — пока мужик звонил куда-то по красивому спутниковому телефону.

Дальше была железная дверь с табличкой «Частное охранное предприятие «Виконт-А», отдел пропусков», длинная стойка со скучающим блондинистым дежурным, надпись «Комната оружия», холодные перила и, наконец, полуподвальная комната с двумя компьютерами, стареньким хьюлетт-паккардовским принтером и новеньким блестящим шредером. Шредер тихо гудел, готовясь в любой момент перемолоть стальными зубами любую доставшуюся ему бумажку.

Сначала в шредер угодил Янин паспорт. Взамен ей дали очень похожий, только чуть поновее. У девушки вертелся на языке вопрос, зачем это понадобилось, но она вовремя вспомнила, что Марковна рассказывала ей о магнитных полосках в российских паспортах. Фотография тоже была странной: вроде бы и Янина, но совсем непохожая на ту, которая была в старом паспорте. Этот трюк девушка тоже знала: Марковна как-то рассказывала о том, что при проверках обычно сверяют паспорт с разосланной фоткой, а потом уже смотрят на лицо.

Потом ей дали синий загранпаспорт, тоже с новой мордаськой. Вручили портмоне. В отделении с прозрачным кармашком была всунута фотография (Яна, какой-то незнакомый

мужик, незнакомая старая женщина с ведром — всё это на фоне бревенчатой стены). В другом кармашке лежало восемьсот баксов мелкими, кредитная карточка Visa Gold и авиабилеты. Отдельно выдали пакет с какими-то специальными документами и объяснили, что в нём. Яна запомнила только слово «мультивиза».

Потом ей совали какие-то бумаги, на которых галочкой было помечено место, где подписываться. Яна ставила и ставила подписи, пока бумажки не кончились.

Зачем ей вдруг понадобилось домой, она и сама толком не понимала. Тем не менее она устроила две истерики — сначала седому, а потом по телефону Марковне. Марковна выругала её по-чешски, но заехать разрешила.

Мужик довёз её до места, но выходить из машины не решил. Отобрал у неё ключи от двери и пошёл проверять квартиру. Через десять минут вернулся, молча кивнул. Яна шмыгнула носом и побежала к себе.

Лифт не работал, на шестой этаж пришлось переться пешкодралом. Яна некстати вспомнила, как однажды ей пришлось проделать этот путь с Германом: у того были проблемы с сердцем, так что на каждой лестничной площадке приходилось стоять минут пять, ожидая, пока её любовник не справится с одышкой. В постели у него имелись те же проблемы, поэтому он всё делал нежно и неторопливо. Девушке это безумно нравилось, пока она случайно не узнала причину. Кажется, с тех самых пор объятия Геры стали для неё пресными.

Н-да. Из-за такой вот ерунды.

Дома было всё как обычно. Яна стояла посреди комнаты и пыталась хоть что-то почувствовать: в конце концов, неизвестно, вернётся ли она сюда когда-нибудь, скорее всего нет, надо же это как-то пережить. Но внятного переживания не получалось. Вещи упорно не хотели прощаться.

Якуба в горшке. Два пустых футляра из-под дорогих ручек. Часы-калькулятор, отстающие на сорок минут. Позапрошлогодний перекидной календарь ОАО «Благовещенский арматурный завод», некогда презентованный ей Яковлевым на Восьмое марта. Студенческий билет, подложенный под ножку стола. Бумажка, сорванная с какой-то дорогой тряпки, да так и оставшаяся. Два носовых платка, студийные наушники, покрытый пылью томик Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». Пачка патриотических газет — их ей носил нацио-

нально озабоченный Гера. Брошюра «Вымирание русского народа» и там же заляпанный шоколадом корешок сборника «Этнические проблемы в современной России». Компакт-диск с курехинской «Оперой богатых». Пакет, набитый обёртками от кассет. Вертушка с засохшими гелевыми ручками и ластиками, украшенная длинной висучей цепью из скрепок. Сверху — сувенирный швейцарский нож, подаренный Герой вместо букета: они тогда только начинали встречаться, Гера церемонно дарил ей розы на длинных стебельках, однажды он забыл купить цветы, и она сочла нужным рассердиться...

Ах да, вот что. Пистолет. Его, наверное, нельзя здесь оставлять.

Она с трудом вспомнила, куда именно она его засунула. Пистолетик оставил ей бывший муж — возможно, не без задних мыслей. Задние мысли у неё бывали, особенно когда начались проблемы с этим самым. Так что она прятала пятизарядную дамскую безделицу от греха подальше. В конце концов она извлекла его из коробки со старыми зимними сапогами, перемазавшись в пыли. Подумав немного, положила железяку в сумочку. Наверное, ствол надо будет отдать тому седому мужику: он его как-нибудь пристроит. Или просто выкинуть по дороге.

Надо бы принять душ.

Нет, неохота.

Вместо душа Яна пошла в туалет. Скептически посмотрела на унитаз с пожелтевшим донцем, в котором плавали раскисшие окурки. Начала было расстёгивать джинсы, потом передумала. Опустила крышку. Села верхом. Закурила.

Обманывать себя дальше было уже бессмысленно.

Она скептически посмотрела на вздувшиеся вены на левой руке. Эрекция сосудов, мать их так.

Ей хотелось. Нет, даже не так — ей *было надо*.

Этого самого, ага. Этого самого.

Соединённые Штаты Америки, Мемфис

Аксель Гомес, .'. 30° (Рыцарь Кадош), брат Высокого Послушания Истинной Досточтимой Ложи «Эль-Ал», с отворачиванием рассматривал убранство нового Храма. Дух постмодерна проник и сюда, в средоточие Традиции. Колонны

Йахин и Боаз из литого стекла смотрелись нелепо. Гомес, конечно, понимал, что аллюзии на уничтоженные здания ВТЦ в современной храмовой архитектуре почти неизбежны — но всё же необходима мера. Алтарь и места Смотрителей нагло поблескивали белым металлом. И даже Дикая и Отёсанный Камни у основания алтаря выглядели как-то позорительно.

Единственным достойным внимания предметом был трон Мастера — да и тот, насколько было известно Гомесу, был доставлен откуда-то из Саудовской Аравии, где ещё умели делать такие вещи.

Было раннее утро. Работы ещё не начинались, а Ночное Собрание уже разошлось. То, что его вызвали именно к утру, сразу после часа смещения светов, казалось многообещающим намёком: близится время, когда он снимет белый запон Послушания и наденет красный запон Служения... Впрочем, это могло и ничего не значить. Гомес знал, что Внутренний Круг не скупится на намёки и расплывчатые обещания, но отнюдь не считает себя хоть сколько-нибудь обязанным их исполнять.

Верховный уловил его взгляд.

— Твоя ошибка в том, что ты продолжаешь делить мир на две части — нашу и профанную. И даже признавая, что первая выше второй, ты допускаешь про себя, что вторая может как-то повлиять на первую. На самом деле профанного просто не существует. Его нет. Небытие никак не может повлиять на бытие. И уж тем более мирская мода не может повлиять на Традицию. Или — задумайся над этим — это не мода, а часть Традиции, которую мы отпускаем от себя только для того, чтобы она, как собака, приносила нужное нам...

Гомес подождал, пока Верховный выговорится. В последнее время Руководитель Работ стал много болтать.

— Ты подумал, что мы подвластны времени века сего. Но когда мы говорим, что времена меняются, — продолжал Верховный, — мы не имеем в виду так называемое физическое, или профанное, время. Профанное время идёт для тех, для кого ничего не меняется и не может измениться, ибо они ничто, а ничто не подвержено изменениям — во всяком случае, таким, на которые стоит обращать внимание. Но времена приходят, когда сменяются зоны... Человечество слишком близко подошло к шарниру времени. Что там делается? — Вопрос был задан, как всегда, неожиданно.

— Ничего особенного. Я контролирую ситуацию.

— Вот как? — Верховный поднял бровь.

— Ко мне приходил человек из ЦРУ, — с неудовольствием признал Гомес. — Они кое-что разнюхали.

— Это твоя ошибка, — ответил Верховный. — Ты не должен вызывать подозрений. Если к тебе пришли — значит, ты что-то сделал не так, Впрочем, всё это уже не имеет значения. В этом деле ты подстрахован.

Гомес расслабился. Подстраховка означала, что Досточтимая Ложа сама ведёт дело и несёт за него полную ответственность.

— Осталось последнее и главное, — Верховный сделал жест по направлению к алтарю. — Подойди и возьми.

На алтаре лежал запечатанный конверт с русскими буквами и листок пергамента. Пергамент казался старым — а значит, и был старым: Ложа не признавала подделок.

Присмотревшись, Гомес понял, что это гороскоп.

— В конверте, — голос Верховного стал жёстким, — код подтверждения. Он обошёлся нам очень, очень дорого. Пришлось дать кое-кому из русских Высокие Градусы.

Гомес замер. Досточтимая Ложа крайне редко расплачивалась таким образом.

— Теперь будь внимателен. Импульс должен быть послан сегодня. Спутник пройдёт над Москвой в благоприятное для нас время. Твой человек должен быть на месте и контролировать тех двоих.

— Он на месте, Мастер, — ответил Гомес. — Он ждёт. Я передам ему код. Как только выйду отсюда.

— Интернет — хорошая вещь, — усмехнулся Верховный. — Ты вовремя этим занялся. Но будь осторожен... Теперь посмотри гороскоп и обрати внимание на асцендент.

Гомес благоговейно прикоснулся к старому пергаменту.

— Это то, о чём я думаю? — на всякий случай спросил он.

— Да. Это гороскоп Царя Мира, во имя которого ведутся все работы Посвящённых... Ещё раз: крайне важен асцендент.

— Четыре минуты? — спросил Гомес. — У нас есть четыре минуты?

— Минута, не больше. Чем точнее мы попадём в указанный момент, тем большей будет сила Царя. Так или иначе, эон Рыб закончен. Наступает эон Водолея, истинное имя которого тебе станет ведомо очень скоро... — Гомес затрепетал:

это уже было явное, недвусмысленное обещание: наконец-то он войдёт в Истинный Свет не спиной, а лицом.

— Истинно и верно, — Верховный, известный миру как профессор Райдер, позволил себе чуть приподнять уголки рта, — ты будешь возведён к Служению и наденешь красный запон. Если всё произойдёт так, как должно. Ошибки не может быть. Солнце Мира уже встаёт — и тебе суждено быть его воспреемником. Более того, ты сразу получишь Третий Градус Служения...

Гомес неуклюже пал на колени и поцеловал край одежды Верховного.

Российская Федерация, Подмосковье

Спутник и в самом деле напоминал булаву: металлическая полусфера с конусами, несколько напоминавшими шипы. Во всяком случае, так он выглядел на экране компьютера. Роберт знал, что вершины конусов являются узлами так называемой «вероятностной решётки Княжина». От их положения зависела синхронизация фазового зеркала, отражающего поток Силы.

Сама процедура настройки оказалась довольно муторной. Сначала Геннадий Михайлович отдал колоду перфокарт какому-то пареньку — со словами «отнеси на вводилку, пусть прокачают на третий и ко мне». Парень ушёл, потом вернулся со словами, что «вводилка сбоит, а которая в зале, там очередь, как всегда». Полковник побагровел и пошёл выяснять ситуацию, взяв с собой Германа. Вернулся он минут через десять, почему-то один, усадил Германа за компьютер и велел «тыкнуть вон в ту иконку». Ничего не заработало, и Шацкий опять пошёл куда-то что-то выяснять. От всех этих сбоев и неполадок ощущение опасности как-то притупилось, так что Арутюнян даже позволил себе полазить по внутренностям компа. На диске не оказалось ничего интересного, кроме старой «Lines». Он набрал почти тысячу очков, когда Геннадий Михайлович не появился в третий раз, и снова потребовал потеревить иконку. На этот раз всё прошло нормально. Ещё через несколько минут напряжённой, но несложной работы машина наконец обрадовала: «Резонанс с вероятностной плоскостью планеты 98% — фазовая достаточность 33.5 медианной средней».

Расчётное время оказалось небольшим: где-то часа четыре туда-сюда. К этому моменту спутник должен был получить код подтверждения — и в случае совпадения накрыть потоком кусочек земной поверхности. Ресурс зеркала был, правда, невелик — секунд пять-шесть в лучшем случае. После этого отражённое эхо минус-вероятностного импульса ломало настройку зеркала. Но на Москву должно было хватить. На всякий случай Роберт проверил направление резонансного эха: получалось, что небольшая часть импульса распространялась параллельно генеральному вектору плоскости системы, чтобы коллапсировать где-то в Тюмени, приблизительно в районе Тобольска. Это, впрочем, уже ни на что не влияло.

Шацкий всё время суетился: звонил куда-то по двум разным телефонам, отдавал распоряжения, в общем — работал. Потом он бросил Роберту «посиди тут, я сейчас» и пропал надолго.

Вернулся Гера, спросил — «когда». Роберт ответил. Гера посмотрел на часы, что-то пробурчал под нос и побежал искать полковника.

Вокруг снова люди: кто-то нёс кипу распечаток, кто-то пытался достать из-под монитора папку с синими тряпочными тесёмками. На Арутюняна никто не обращал внимания, и через некоторое время он почувствовал себя почти сносно. Единственное, что ему по-настоящему не нравилось, — так это тусклые неоновые трубки под потолком, светившие как гнилушки на болоте.

Неожиданно ему приспичило отлить. Спрашивать, где тут сортир, Роберт поостерёлся: на таких вещах посторонние ловятся моментально. Мочевой пузырь, однако, настаивал на своём. После непродолжительной борьбы с естеством Арутюнян отправился на экскурсию по объекту. Длинный зелёный коридор с рядом закрытых дверей не внушал оптимизма. Зная по учрежденческому опыту, что нужная ему дверь располагается скорее всего в самом конце, он отправился сначала направо. Заметил пост дежурного, решил, что туда лучше не соваться, и пошёл обратно.

Другой конец коридора оказался глухим и тёмным — видимо, были какие-то проблемы с проводкой. Здесь как-то особенно чувствовалась тяжесть подземелья.

Он дошёл до полуразрушенной кирпичной лесенки, из-под которой ощутимо воняло ссаками. Осторожно спустился,

едва касаясь стены, — Роберт терпеть не мог сырость. Нашупал выключатель, пощёлкал им — тот не работал. Потом под руку подвернулся какой-то провод. Держась за него, он сделал ещё несколько шагов и чуть не упал: очередной ступеньки не было.

Роберт тяжело вздохнул. Встал на последней ступеньке, расстегнул ширинку и помочился в темноту. Глубоко внизу что-то забулькало. «Как русский мужик в подъезде», — подумал Арутюнян и тут же почувствовал привычный укол совести: это была плохая мысль, неуважительная по отношению к русскому народу. Народу, к которому Роберт принадлежал приблизительно на одну четвёртую. Впрочем, с принадлежностью к другим нациям у него тоже были проблемы: даже отец-бакинец, которому Арутюнян был обязан фамилией и профилем, был наполовину азербайджанцем, о чём очень не любил вспоминать.

Он вернулся в комнату и очень кстати наткнулся на полковника.

— Где тебя носит? — Шацкий был настолько зол, что даже перешёл на «ты». — Я тут чёрт-те что творю, в другое время меня бы под трибунал за такое, а вас тут нет обоих. Заговорщики хреновы.

— А где Герман? — поинтересовался Арутюнян.

— Отправил я его, — полковник вздохнул, — что-то ему в Москве срочно нужно... Давай сюда. Следи за траекториями, иначе проедем мимо кассы.

Арутюнян молча сел за компьютер и запустил расчёт траекторий.

Российская Федерация, Москва

От седого мужика ей удалось оторваться влёгкую — Яна попросту послала его за сигаретами, а пока тот ходил к киоску, перелезла на переднее сиденье и рванула. Такого финта он, похоже, от неё не ждал. Она проехала где-то с километр, потом бросила машину в пустом дворе около детских качелей и нырнула в метро: так спокойнее.

На старой точке ей поправиться не удалось: похоже, всех разогнали. Зато на новой — там она была всего два раза и

никого не знала — к ней сразу подошёл дилер-азербайджанец, тихо спросил: «Поправиться? Лекарства нужны?» Через десять минут, пообщавшись ещё с двумя такими же молодыми людьми, она зашла в ближайший подъезд, и очень скоро ей было хорошо, даже совсем хорошо.

Потом она вспомнила, что у неё есть авиабилет и она должна куда-то лететь.

К тому времени в городе уже стало темно и неудобно. До Шереметьево (она помнила, что ей нужно именно в Шереметьево) никто не соглашался меньше чем за тысячу, а русских денег у неё осталось не так много. В конце концов, молодой хачик на «москвиче» согласился за восемьсот.

По дороге она как-то немножко погрузилась в себя. Хачик этого не замечал — он жизнерадостно трепался на всякие-разные темы, в основном про жизнь, и был вполне доволен своим монологом.

— Вот сматры, у мэня брат есть сводный, да? — продолжал хачик какой-то свой монолог. — У брат отэц есть, радной атэц. Он Масква давно живёт, с рэгистрацыей, с мылицыей проблем решает, да? Я вот сэйчас адын сэмые памагаю, у брат работы нэт. Вот я тэбя вэзу, работаю, да-а. Мылыция очень мешает. Я панимаю, ани тоже люди, им тоже надо семья кормить. Так ты работай, да-а? А то что такое — ани стоят, а я еду. Ани мэня тармазят, гаварят — дэньги давай. Я даю дэньги, ани гаварят — у тэбя рэгистрация нэт, паехали с намы, разбираться, да-а. Это бэспрэдэл, я так думаю. У нас всэ так думают. Люди работать в Масква приехали, да? Так ты стой на мэсте и нэ мэшай людям работа, дэла дэлать.

Яна пропускала через себя этот поток живой речи, тихо покачиваясь на переднем сиденье. Она не спала — просто не хотелось открывать глаза. Внутри себя было уютнее, чем снаружи. В конце концов она всё-таки подняла веки — и не пожалела об этом. Грязный салон «москвича» казался невероятно уютным и симпатичным, жиденькие сумерки за лобовым стеклом — хрустальным миром, исполненным волнующих тайн, а рябое лицо водилы — прекрасным. Ей захотелось его поцеловать, но потом, передумав, она поцеловала собственную руку.

Хачик тем временем продолжал:

— Чэтыре дочка есть, куда мне ещё дочка, теперь сын надо! Если не будет сын — какой я мужчина? Я ей сказал — нужен сын. Она мнэ говорит — всё в руке Аллах. А я тэбэ скажу — нэ

мусульманин я, нэ верю, какой мне Аллах, мне сын нужен, а нэ Аллах! Я так и сказал — какой Аллах, нэ гавари мне больше этого ничёго. Тогда она говорит — надо сделать такой вещь...

У Яны в сумочке затрещал мобильник.

В этот момент Яну *вставило* — сильненько так.

На сей раз вставлялово пришло как озарение: ей вдруг сразу стало всё ясно. Истина, простая истина заполыхала у неё в голове белым огнём.

Ей пришлось накинуть двести, чтобы хачик повернул назад.

Телефон продолжал звонить, пока аккумулятор не разрядился.

Российская Федерация, Москва

На вокзале было вокзально: в первую же секунду по ногам Германа проехала тележка с пузатыми баулами. Потом больно ткнули в спину чем-то твёрдым. Потом к нему пристал цыганёнок и долго клянчил. Наконец, добравшись до телефонов, Герман выстоял очередь за карточкой, выстоял очередь до своего ящика с трубкой и начал звонить Яне.

Сначала мобильник Яны не прозванивался. Когда, наконец, соединило — откуда-то издалека поплыли длинные гудки, — его стала дёргать за плечо какая-то наглая тётка из очереди, которой вот прям сейчас приспичило позвонить. Сделала она это зря: обычно кроткий Герман, легко уступающий напору, на этот раз был не в том состоянии, чтобы уступить. Он зарычал на неё, как собака, а когда она снова полезла — молча и сильно пихнул рукой в пухлую ватную грудь. Тётка изошла говном, но больше его не трогала. Очередь начала шуметь, но у Германа было такое лицо, что связываться никому не захотелось.

Яна, однако, не отвечала. Потом и гудки кончились. Герман отвалил от трубки (очередь благодарно застонала) и поплёлся в жерло метро.

Времени уже почти совсем не оставалось. Хорошо ещё, Шацкий дал машину: солдатик в голубой рубашке лихо добросил его до электрички. Теперь оставалось только ехать к Яне домой: скорее всего она спит. Или под этим делом: Гер-

ман впервые в жизни подумал о том, что это было бы даже удобно. Под этим делом она становилась очень податливой на ласку, а объясняться сейчас ему совсем не хотелось.

В принципе Герман понимал, что надо было поговорить на эту тему раньше. Он не сделал этого только потому, что знал: Яна на это не пойдёт. Яна вообще не любила детей, и уж тем более не собиралась обзаводиться своими. Ни сейчас, ни в ближайшем будущем. И уж конечно, она не хотела бы ребёнка от него... Но сейчас Германа это не волновало. Он не мог упустить такой шанс, а другой женщины у него не было.

Трясаясь в прокуренном вагоне, он в который раз пытался определить для себя, любит ли он Яну. Получалось вроде бы, что любит. С другой стороны, его многое в ней смущало. Необязательность, безалаберность, наркотики. Хаотическая натура, польская кровь... — Дойдя в своих рассуждениях до этого пункта, Энгельгарт невольно поёжился.

Сам он, разумеется, считал, что национальная принадлежность определяется прежде всего культурой. Когда его называли «немцем» (обычно — с ноткой уважения в голосе), он всегда поправлял — «русский немец». Над кроватью у него висел портрет Екатерины Второй, которую он почитал образцом просвещённого правителя. Тем не менее подлые вопросы происхождения давали о себе знать. Когда мама наконец рассказала ему, что одна из его бабушек была молдаванкой и чуть ли не цыганкой, он ощутил нечто вроде физического отвращения к своей испорченной крови. Ощущение было отвратительное, и он постарался его забыть, но не получилось. Кстати вспомнилось и про большое сердце: врождённый дефект, который имеет шансы передаться по наследству... Впрочем, пассивный импульс исправит всё. Сын будет здоровым... он машинально отметил, что думает о предполагаемом ребёнке именно как о сыне. Сын полунемца, полячки и мёртвой звезды. Что ж, не так уж плохо. В любом случае он уже будет принадлежать новому народу. Народу, который потрясёт мир. Энгельгарт ещё раз прикинул мощностность импульса и мечтательно улыбнулся.

Пересев на красную ветку на «Охотном ряду» (опять пришлось толкаться), он задумался о технической стороне дела. Герман понимал, что уговорить Яну на скорый незапланированный секс будет чертовски сложно. На насилие он не способен: сама мысль об этом вызывала омерзение, не говоря уже

о физиологических проблемах. Предложить ей выпить? Она любит хорошее вино, но умеренно, и оно её, кажется, не стимулирует. Неужели всё-таки это самое? Но предложить ей своими руками... Нет, нет, невысказано. Так ничего и не придумав, он решил положиться на случай. Яна должна лечь с ним. Желательно — сразу. Если понадобится это самое, так и быть — он предложит ей это самое.

На выходе из метро бабка продавала нелепые жёлтые цветы в прозрачных кульках. Герман зачем-то приценился, а потом стало вроде как неудобно не покупать. Купил. Кулёчек с цветами было куда деть, и, отойдя подальше, Энгельгарт бросил их около переполненной урны.

Потом кстати подвернулась маршрутка. Энгельгарт, не думая, автоматически сел в неё и только потом сообразил, что лучше бы взять машину. Вылез. Долго ловил бомбилу, наконец поймал. Когда он добрался, наконец, до Яниного дома, до импульса оставалось минут десять. Он уже понимал, что безнадежно опаздывает. Ворвался в подъезд. Нажал кнопку лифта. Потом ещё раз, ещё раз — пока не понял, что лифт не работает.

Герман пробежал четыре пролёта вверх, когда в левой стороне груди взорвалась обжигающая красная боль, и он упал лицом вниз на грязные плитки пола.

Российская Федерация, Москва

Ему совершенно не хотелось умирать. Несмотря на почтенный возраст, он всё ещё любил жизнь: тёмное пиво, старые книги и — платонически — молодых женщин.

Одна из них стояла перед ним, сжимая обеими руками рукоять маленького пистолета. Иннокентию Игоревичу нехотало вспомнилось, что такие пистолетики раньше назывались дамскими.

Чёрный глазок дула смотрел ему в лоб.

В каморке остро пахло сбежавшим кофе.

На мониторе проскочило системное сообщение:

JCL EMULATOR> COMPILER

— Убери руки с клавиатуры. Убери руки... пожалуйста, — неожиданно попросила Яна.

Зайцев понял, что она и в самом деле выстрелит. Прямо сейчас. Когда он уберёт руки с клавиатуры.

Или когда не уберёт.

Компьютер сообщил:

Complete

*** NO ERRORS ***

«Глупость. Какая же все-таки глупость...» — успел подумать он, когда лицо девушки как-то по-особенному перекосилось: Яна изо всех сил жала на спусковой крючок. Наконец она с ним справилась, железка дёрнулась, грохнула — и тут же что-то загремело и посыпалось у него за спиной. Накатила волна кислой пороховой вони.

Яна рассеянно повертела пистолетик в руках. Понюхала дуло:

— Ты думаешь, он в порядке?

— Наверное, да, — осторожно сказал Зайцев. — Вы маленький монитор разбили.

— Ничего у меня не получается. — Яна всё вертела в руках пистолет. — Ты уже набрал код?

Зайцев поморщился: он терпеть не мог, когда что-нибудь называют неправильно.

— Нет, — сказал он, демонстративно отворачиваясь от компьютера. — Код заложен в программу. Просто подтверждение, что компиляция выполнена успешно.

Компьютер тем временем выдал:

JCL EMULATOR> LINK

— Значит, это всё-таки был ты... Во главе всей затеи.

— Мы вроде бы на «вы», — машинально поправился Иннокентий Игоревич. — И я бы не стал... э-э... преувеличивать свою роль. Я просто ввожу код. Иначе спутник... э-э... не работает.

— Как же это я тебя проглядела, — Яна явно не слышала, — ну конечно, Интернет, то-сё... На кого работаешь? Кто дал код?

— Код предоставили американцы, — спокойно сказал Зайцев. — Я точно не знаю кто. Один мой бывший аспирант там работает, вот он и предложил... э-э... И, — он слегка напыжился, — я не вижу в этом ничего предосудительного. В наше время все так или иначе работают... э-э... на того, кто платит. У меня больная жена. И я не хочу, чтобы она умерла, потому что у меня нет ста долларов на лекарство.

— Жена, значит... А возрождение русского народа, — Яну несло, — возрождение России... И — пассионарную энергию на Москву. На Москву. На Москву. Япона мама, как же я ничего не понимала... Азеры. Сколько в Москве азеров? Миллион с хвостиком. Татар сколько? Я у Геры читала — миллион. Миллион! Миллион, сука!

— Яна Валерьевна, вы успокойтесь... при чём тут какие-то татары?

— Армяшек, армяшек полмиллиона! — в голос завизжала Яна. — Грузины, чечены, вьетнамцы всякие! Таджикив двести тысяч, китайцы ещё какие-то... Даги, ингуши. А теперь задача на вычитание! Сколько в Москве осталось русских? Русских сколько? Из двенадцати миллионов? Считай, быстро?

— Это всё какая-то ерунда... Зачем это всё? Всё равно русских... э-э... вообще белых... всё-таки большинство, — пожал плечами Зайцев. — Иначе было бы... э-э... на улицах заметно.

На экране выскочило:

COMPLETE

*** NO ERRORS ***

— А так, ну да, есть такая проблема... н-да, представители Кавказа и Закавказья, так сказать... в основном нелегальные мигранты, об этом теперь много пишут... — Зайцев смотрел на неё участливо и встревоженно. — Яна Валерьевна, у вас зрачки чрезмерно расширены, это нехороший признак. Вы... э-э... в порядке?

— Я-то в порядке, — девушка смотрела куда-то сквозь него, — а теперь скажи вот что. Русские сколько детей имеют в семье? И сколько чёрные? Сравнил? Русские же не плодятся. Не плодятся. А эти плодятся. Понимаешь?

— Это какие-то демографические проблемы... Какое отношение это имеет к нашим де... — Старик осёкся. Яна зло осклабилась.

— Дошло? Так кому же достанется импульс? Тем, кто сейчас, вот конкретно сейчас, зачинает детей. За-чи-на-ет. — Перед глазами у неё слегка поплыло, и она пошевелила пальцами в воздухе, пытаясь найти опору. Не нашла. Выпрямилась. Пистолет в руке мешался.

— Зачинает. А мы не того... в гондонах трахаемся... Понятно?

— Ну... вы как-то очень грубо рассуждаете, — замямлил Зайцев, — вам определённо нехорошо...

— Тогда *какой же народ* мы тут, блядь, собрались возрождать? Чьи детки получают импульс? Похер, что ли? Мы разводим чёрный клоповник, и это будет пиздец. Полный пиздец России-матушке. Вот что это такое. — Яна икнула.

Зайцев промолчал.

— Ты можешь убрать спутник с орбиты? Ты вообще можешь что-нибудь сделать? — Яна почесала нос дулом пистолета.

— Нет, — честно ответил Зайцев, снова кладя руки на клавиатуру. — Теперь уже никто ничего не может. Процесс пошёл.

— Господи, какая же всё-таки херня... А сбить? Кто-нибудь может его сбить?

— Разве что американцы. Но у них есть, по-видимому, какие-то специфические интересы. — Иннокентий Игоревич в который раз поймал себя на мысли, что выражается чересчур вычурно: хорошее образование всё-таки иногда мешает жить.

Компьютер напечатал:

```
JCL EMULATOR> GO
```

```
GO.SYSIN DD // —
```

после чего пронзительно запищал.

— Всё, — вздохнул Иннокентий Игоревич. — Код передан на спутник.

Яна снова подняла пистолетик и, почти не целясь, выстрелила ещё раз.

Российская Федерация, Москва

В этот вечер Ильяс опять заявился обкуренный. Инга боялась этого больше всего: в таком состоянии Ильяс становился настоящим зверем и обязательно делал ей больно. Однажды он жёг ей клитор сигаретой. Потом возил её в больницу, платил какие-то деньги, но всё это было уже потом. В другой раз он нассал на пол в уборной и заставил вылизывать языком — хорошо хоть, быстро опомнился. Чаще всего, однако, он её просто бил, жестоко и умело. Ильяс вообще очень хорошо умел бить.

Конечно, жить с Ильясом было стрёмно. Но Ингу судьба тащила пиздой по кочкам уже не первый год. Пожалуй, с самого девяноста третьего. Она тогда была сопливой провинциалкой, попавшей в кипящий московский котёл, как кур в ошип.

Какое-то время она кантовалась с азерботами, промышленными на оптовом рынке. Они были, в общем, неплохими людьми, вполне согласными на нехитрый натуральный обмен: жильё и еда за готовку, уборку и всяческое употребление по женской части. Инга сначала не имела ничего против — чего-чего, а этого добра у неё было завались, мужиков она любила. Но после того, как кавказские орлы завели обычай использовать её в качестве презента для всяких уважаемых людей, Инга сообразила, что ничем хорошим это не кончится: или чей-нибудь обрезанный клюв подарит ей сифак или гонорею, или накурившаяся компания когда-нибудь очень сильно её поуродует. Так и получилось: в один далеко не прекрасный вечер развеселившиеся азеры разложили Ингу на столе и, после обычного перепихона, начали тушить ей сигареты о соски и засовывать во влагалище пузырьёк из-под шампуня. Инга старалась вести себя тихо, хотя искусила себе губы до крови: было понятно, что стоит закричать, как они её свяжут, после чего начнут куражиться по-настоящему. Тогда ей, впрочем, подфартило: зазвонил телефон, и всей команде пришлось срочно уматывать — решать какие-то вопросы. Она потом еле выдернула из себя этот проклятый шампунь.

В тот день азеры не вернулись, на следующий тоже. Инга прикинула обстоятельства и решила, что надо сваливать, пока не пришли посторонние. Где азеры держат деньги на текущие расходы, она уже знала — слава богу, времени у неё хватало, а её хозяева большим умом не отличались. В тайничке на кухне лежало десять штук зелёных — мелкой грязью, десятками и пятёрками. Ей повезло: когда она выходила из подъезда, у дома уже стоял «сааб» с тонированными стёклами, из которого как раз вылезал бритоголовый качок славянской наружности. Видимо, вопрос решился не в пользу азерботов.

Через месяц она познакомилась с Володей и Гошей, занимавшимися цветметом. У неё ещё оставались деньги, и она сумела втюхать им себя как дорогую девочку. Некоторое время её возили по кабакам, поили невкусным фран-

цузским шампанским и кормили всякой дрянью типа лягушачьих ножек в чесночном соусе. Ей долго было непонятно, какого хрена они имеют её одну на двоих, пока пьяный Гоша не объяснил: «Знаешь, бэби, я просто гащусь, как ты с Володькой трахаешься. У меня колом стоит». Поразмыслив, она решила специализироваться по этой части, и через некоторое время научилась устраивать из секса настоящий спектакль, так что бедный Гоша однажды обтрухал свои джинсы от Манчини, гляючи, как справно Володя кроет его любимую кралечку. Зато Володя считал Гошины вкусы голимой фигнёй: верхом правильного мужчинства для него был обычный перепихон, и чтобы его было побольше. Ингу он держал за шалаву, и, когда Гоша вроде как склеил ласты (точно не знал никто — тела не нашли), Володя предпочёл сдать поднадоевшую подругу с рук на руки одному специальному старичку. Тот изрядно расширил её интимный кругозор, познакомив её с наручниками, лошадиной плёткой, кожаным лифчиком с шипами внутрь, а также с догом Уланом, специально натасканным на женщин.

После этого она решила завязать и выйти замуж, да не вышло: заарканенный мужичонка хотел детей, а Инга знала про себя, что залёт ей не светит. Это было прописано в её медицинской карте и проверено эмпирическим путём. Пришлось искать других претендентов, менее озабоченных продолжением рода. Инга вспомнила о своём происхождении и попробовала было сунуться к соплеменникам: познакомилась с молодым парнем из «соблюдающих». В принципе он был ничего. Но когда дело дошло до постели, он потребовал, чтобы она сходила в микву. А заодно сообщил ей, что соблюдающий еврей обязан долбиться только в отведённое природой дупло, а минет и куннилингус запрещены Талмудом. Инга решила не маяться дурью и вернуться к прежнему образу жизни.

Некоторое время она жила с одной тёткой, которая заставляла её носить мужские сорочки и засовывать в себя всякие игрушки. Это ей быстро надоело, к тому же тётка была недостаточно обеспечена, чтобы удовлетворять растущие материальные потребности Инги. Она ушла — впервые в жизни по своей инициативе. В дневничке, аккуратно введомом на всякий случай, Инга вывела фразу — «Кажется, я духовно расту над собой».

Духовный рост над собой обернулся, увы, неприятной паузой в личной и финансовой жизни. Всё стало как-то совсем скучно и грустно, когда появился этот Ильяс.

Вообще-то Инга боялась чеченцев до одури — ещё во времена Гоши и Володи она наслушалась разных рассказов о чичах, да и повидать кой-чего ей тоже случалось. Ильяс был ещё не самым худшим вариантом: по крайней мере он не жался на деньги. Никаких ограничений в сексе у него не было, кроме одного: его женщина должна была принадлежать только ему. Малейшие подозрения в каком-либо интересе к другим мужчинам могли привести к непредсказуемым последствиям, а блядская натура не давала Инге покоя. В последнее время ей стал часто сниться дог Улан.

На этот раз всё шло как обычно. Она сняла с Ильаса обувь, раздела, сделала горячую ванну. Мылся Ильяс исключительно сам, не позволяя дотрагиваться до своего тела. Зато, выйдя из ванной, он трахнул её на полу и потом ещё раз — на столе в гостиной. Сильно вмазал по роже за невкусный ужин, но бить не стал, а трахнул её ещё раз — на кровати, как положено. Она очень хорошо кончила и ненадолго заснула.

Впоследствии она много раз пыталась вспомнить свой тогдашний сон, и всякий раз вспоминала разное. То ей казалось, что откуда-то сверху протянулась рука и коснулась её лона. То — что внутри неё развернулась какая-то пружина. Иногда — чёрно-золотое сияние, падающее сверху вниз. Но чаще всего вспоминался ветер, один огромный порыв ветра.

Инга проснулась, откуда-то зная, что залетела. Это было совершенно невероятно, но она была в этом уверена на все сто. Она это просто знала.

— Я беременна, — сказала она Ильяссу, потягиваясь на плеле. — У нас будет сын, — добавила она всё с той же непонятно откуда взявшейся уверенностью.

Ильяс напрягся. Молча занёс руку, как будто хотел ударить женщину по животу.

Не ударил. Длинно и зло выругался на своём языке. Ушёл в другую комнату.

Инга улыбнулась. Она почему-то была уверена, что больше её никто никогда не ударит.

Её что-то защищало.

Она положила руку на мягкий тёплый животик и снова заснула.

На этот раз сон запомнился очень хорошо. Ей снился огонь. Много огня. Горящие дома, взрывающиеся здания. Толпы людей в чёрном — чернобородых, с кавказскими носами, — убивающих на улицах человечков с растерянными русскими лицами. Другие лица — вроде бы русские, но искажённые яростью и злобой. Чёрные, пляшущие вокруг кучи отрезанных голов. Женщина со вспоротым животом, сизые внутренности размотаны по грязи. Отрезанная грудь на асфальте. Сапог, отшвыривающий в сторону младенца. Улица виселиц, на которых раскачиваются тела. Храм Василия Блаженного, медленно взлетающий на воздух и осыпающийся каменной крошкой. Другие города под другими небесами. Падающие минареты. Почерневшие манговые рощи. Дымящиеся кукурузные поля. Синие молнии, бьющие с небес. Стена небесного огня перед чёрными ордами. И человек, сводящий с неба синий огонь. Человек, окутанный тьмой. Она не видела ничего, кроме чёрного силуэта на фоне беснующихся небес — но и самые очертания Его фигуры были исполнены зла.

И она знала, что Он вышел из её живота.

* * *

Христианское богословие. Краткий толковый словарь.

Изд. «Водолей-АС», СПб, 2001. С. 34

АНТИХРИСТ

От греч. Antihristos, «противо-Христос». Эсхатологический противник Христа, который явится в конце времён и возглавит борьбу против христианства и христиан.

Каноническая версия жизни А. гласит, что А. придёт «во имя своё», обманет и оболъстит все народы. Победив в войне трёх царей — египетского, ливийского и эфиопского (согласно одному из позднейших толкований, здесь имеются в виду три человеческие расы) — и распространив славу о своих (мнимых) добродетелях и творимых им чудесах, он захватит мировое господство и воцарится в Иерусалимском храме, к тому времени восстановленном (замысел этого деяния часто приписывается масонам, см. также МАСОНСТВО, ХИРАМ, ХРАМ СОЛОМОНОВ).

А. будет жестоко преследовать и уничтожать христиан: он сделает, «чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя».

Несмотря на мифологические и сказочные черты, А. считается человеком, «родившимся от женщины». Феофан Затворник пишет о нём: «Кто он такой? — Сатана? — Нет, но некий человек, принявший всю его силу».

Мать А. почти все источники называют иудейкой из колена Данова и приписывают ей необузданную блудную страсть. Относительно отца имеются разные мнения. Некоторые апокрифы представляют его животным — псом или волком, другие ограничиваются указанием на то, что это будет злодей и разбойник. «Настоящим» отцом А. многие называют непосредственно Сатану (см. также ДЬЯВОЛ, САТАНА).

Символика А. разнообразна и противоречива. [...] Существует не вполне ясная связь А. с планетой Венера (видимо, основано на отождествлении Сатаны-Денницы с Утренней Звездой). См. также СОЛЯРНАЯ СИМВОЛИКА.

Местом рождения А. называют Вавилон, или «город, подобный ему». Иногда место рождения А. отождествляется со «страной Рош (Ros)», а сам А. — с предводителем народов Гога и Магога, «князем Мешеха (Moskoh) и Тувала (Tobol)», возглавляющим их рать «от пределов Севера».

Общий срок царства А. — три года и семь месяцев, но некоторые толкователи понимают эти цифры иносказательно, утверждая, что речь идёт о гораздо большем сроке. В конце концов А. будет побеждён Христом, после чего наступит воскресение мёртвых и Страшный Суд.

РАЗОРИТЕЛЬ

Планета Арбинада, Остров Сеназа, 240 год эпохи Утра, 15-й день

Домин Антор проснулся от неподвижного злого взгляда химеры.

Вырезанная из чёрного мрамора, химера заглядывала в окно его спальни со стены храма. На оскаленной морде навеки застыло бессильное желание отомстить миру за своё уродство. Приглядевшись, дом понял, что вытарашенный глаз статуи, помеченный каплей птичьего помёта, приобрёл от того странное выражение: казалось, химера искоса разглядывает человека, размышляя о том, как бы половчее на него напасть.

Антор тихо рассмеялся, подумав о том, что каменная зверюга всю ночь наблюдала его забавы с госпожой Эстрой. Молодая женщина не переносила темноты, даже во время любви, но опасалась досужего любопытства посторонних. Антор это знал — поэтому-то он и занял этот домик, стоящий на самом обрыве, возле храма Всех Богов. Простой люд старался здесь не появляться, в особенности ночью: поговаривали, что возле храмовых стен витают души драконов, когда-то в изобилии водившихся в этих местах. Молодой дом не боялся призраков. Он получил хорошее образование и к народным суевериям относился снисходительно, как то и подобает человеку просвещённому.

Он легко встал, накинул на себя узорчатый гонгурский халат. Каменные плитки пола приятно охладили босые ноги. Следовало бы, конечно, позвать служанку, обувать и одевать господина — её прямая обязанность, но дом Антор слишком хорошо знал свой чрезмерно пылкий нрав. У новой служанки

большая грудь и карие глаза с поволокой. Он опять не сможет сдержаться, и утро начнётся совсем не так, как он хочет.

Молодой домин выглянул наружу. Тяжёлая синева пред-рассветных небес уже сменилась пронзительной голубизной утра — только последние низкие облака, принесённые ночной грозой, всё ещё спорили с наступающим днём.

В соседней комнате его ждал таз с подогретой водой, кувшин и полотенце. В распахнутое окно вливался аромат: это внизу, под обрывом, цвели знаменитые сады Сеназы.

Он умыл лицо и шею, потом всё-таки позвал служанку — бриться. Антор не ухаживал за лицом вторую дюжину дней, и на подбородке уже показались первые светлые волоски. В другое время, конечно, можно было бы преспокойно об этом забыть — в конце концов, даже строгий гонгурский этикет требует бриться только в том случае, если кончики волос уже потемнели. Но на сегодняшнем празднике следует выглядеть безупречно. Ещё надо уделить внимание одежде — нужно что-то неброское, но хорошо подобранное... и, конечно, не дешёвое. Первое правило светского человека: в обществе дорогих людей нельзя выглядеть дёшево. Особенно когда всем известно, что отец платил за тебя серебром, а не золотом.

Девушка быстро и ловко справилась со своим делом: на нежной коже не осталось ни царапинки. Когда она закончила бритьё и стала вытирать лицо господина тёплым полотенцем, его охватило желание. Он обнял полные бёдра служанки, и та не отстранилась.

Через час домин Антор всё-таки нашёл в себе силы выйти из дома. Утреннее возбуждение сменилось томностью. Чуть горьковатый прохладный воздух, идущий от моря, мягко касался губ, оставляя привкус пены и соли. Антор жил здесь вторую дюжину дней и знал, что к полудню воздух становится сухим и ломким, как хлебная корка, и пахнет травой и пылью — и поэтому спешил насладиться утренней свежестью.

На посыпанной золотистым песком дорожке, ведущей к храму, виднелись свежие лисьи следы: жрецы, по обычаю, прикармливали полевых зверей. В древние времена в этом был смысл — лисицы воровали яйца из гнездовий химер. Но и теперь, когда чудовищ больше не осталось, любовь к симпатичным зверюшкам не исчезла. Хотя иной крестьянин и ворчал, в очередной раз недосчитавшись в птичнике голубя или длиннокрыла.

Вниз с обрыва вела крутая каменная лестница. Несмотря на утомительность пути, Антор с удовольствием пользовался им: до того захватывающий вид открывался путнику с высоты.

Фруктовые деревья всех оттенков белого и жёлтого, с едва заметной под цветочной пеной листвой, окружают красные островки крыш. Медные шпили с флюгерами и разноцветными флажками радостно блестели под утренним солнышком.

Перспективу замыкали невысокие холмы. В просветах между ними проглядывало море: оно было чуть светлей облаков.

Когда Антор сошёл наконец вниз и выбрался на большую дорогу, ведущую к садам, начало припекать. Молодой дом мысленно похвалил себя за предусмотрительность — он захватил с собой шляпу. Остановившись и развязав узелок с запасной одеждой, Антор осторожно извлёк плоский соломенный блин и нахлобучил его на голову.

Дорога была вымощена дорогим белым камнем, привозимым откуда-то с Юга: дом Сеназа мог позволить себе и не такие траты. Доходы старого домина в последнее время опять возросли: торговля с Югом оживилась, и морские караваны приставали к берегам острова чуть ли не каждую дюжину дней. К обычным грузам — дереву и пряностям — прибавились медь и олово Чёрного Архипелага и гонгурские набивные ткани. Судя по всему, остров благоденствует... Интересно, каков сейчас страховой сбор и во что старый дом вкладывает средства? Антор вспомнил горы тёсаных плит в порту. Похоже, затевается какое-то крупное строительство...

Он задержался у перекрёстка. Там стояла статуя, изображающая легендарного дома Уту, некогда очистившего остров от церрексов. Герой был изваян сидящим, с ручным церрексом у ног. Согласно легенде, дом Ута, убивший дюжину дюжин взрослых хищников и спаливший дотла их гнездилище на Двурожье, спас из огня последнее яйцо — и вырастил вылупившегося зверя кротким и смирным. Это было неправдой: Антор знал из книг, что церрексы были безмозглыми жестокими тварями, все попытки приручить которых заканчивались очень скверно. Но народ верил, что почитаемый герой Ута был не просто безжалостным охотником, что ему всё-таки удалось совершить чудо, хотя и слишком поздно...

Молодой дом полюбовался статуей, потрепал по морде каменного церрекса. Потом сорвал цветущую ветку с дерева и,

прошептал «да не изгладится память о нём», положил к подножию статуи.

На дороге стали попадаться люди. Молодой крестьянин с огромной вязанкой хвороста за плечами. Стайка девушек в разноцветных лёгких платьях. Путешественник с Запада, весь закутанный в белое по самые брови... По направлению к замку проскакал всадник на гнедом единороге. Благородный зверь, презрительно косясь на пеших, гордо нёс своего господина, покачивающегося в расшитом золотом седле. Антор почувствовал укол зависти и тут же одёрнул себя: как бы то ни было, подобные чувства недостойны домина. К тому же путешествовать лучше налегке. В конце концов, он же не Ульм Золотое Копьё, который, если верить легенде, не покидал седла. Тот даже выстроил себе огромный корабль, чтобы ездить по палубе верхом, — и чуть было не погиб, упав за борт вместе с любимым скакуном... Антор представил себе, как массивный зверь с шумом обрушивается в воду, поднимая тучу брызг, и с облегчением расхохотался.

Хорошо всё-таки, что те суровые времена прошли. Он иногда задумывался, хотел бы он родиться раньше, в Середине Вре́мён, — и каждый раз приходил к выводу: нет, ни за что. Положа руку на сердце, Антор мог назвать только одно великое событие, участником которого он хотел бы быть — Утро Арбинады. Когда домины со всех концов мира собрались на Рее и сожгли на огромном костре последнее яйцо последнего дракона. На это стоило бы посмотреть.

Если трезво посмотреть на суть вещей, лениво размышлял Антор, ступая по горячим белым плитам, нынешние домины немало отличаются от своих предков, причём не в худшую сторону. Да, конечно, те исполнили свою клятву: полностью уничтожили драконов, церрексов и химер, издревле разорявших мир. Но всё-таки тогдашние нравы... Он вспомнил страшные орудия убийства, которые видел в родовом поместье в Анторе, — мечи, копыя, боевые топоры. Над ложем его отца висел огромный боевой топор с чёрным лезвием, изъеденным драконьей кровью. Однажды во время упражнений мальчик попробовал замахнуться этим топором и не смог удержать его в руках.

А ведь когда-то предок Антора, силач-кузнец по прозвищу Голубоглазый, убил этим топором огромного человекаядного

дракона с острова Тэт, на котором почти не осталось жителей. За это тогдашний домин Рей пожаловал ему в ответственность селение Антор на Малой Гряде. Вообще-то освободителю было принято жаловать ту землю, которую он очистил от хищников, но времена были тяжёлые, и дом Рей предпочёл отдать остров какому-то купцу, который пообещал отстроить и заселить Тэт наново.

Наверное, это было разумно. И всё же Антор не мог отогнать от себя мысль, что он, законный потомок Голубоглазого, носит в своём титуле имя захоластной деревушки. И проистекающая из этого обстоятельства вечная нехватка средств. Почему он не может — чего уж там лукавить, именно не может! — позволить себе красивого скакуна, чтобы добраться до замка дома Сеназы верхом? Ах, как это было бы замечательно: спешиться у правого крыла замка, небрежно бросить поводья мальчишке-груму! Увы. Денег у Анторов не водилось, кажется, никогда. Выплаты крестьян едва покрывали расходы, к тому же и страховые случаи наступали с удручающей регулярностью: примерно раз в дюжину лет случалась засуха, опустошавшая его казну. Бытовала, правда, легенда о каком-то кладе, зарытом в родовом владении: якобы Голубоглазый нашёл в логове дракона сокровищницу и утаил её. Искать клад пытались почти все предки Антора. Дед молодого домина, потратив немало времени и средств на его розыски, влез в долги — и однажды не смог вовремя выдать крестьянам страховые выплаты за ураган и неурожай. Инцидент уладили с трудом — пришлось унижаться, просить о помощи Белый храм и казну Сословия...

Сзади снова раздался стук копыт: с малозаметной тропинки на дорогу выехал новый всадник. Погружённый в свои мысли Антор обратил на это внимание, лишь когда ездок с ним поравнялся. Тогда он поднял глаза и замер, поражённый красотой животного: это был огромный белый единорог. Голову благородного зверя венчал плюмаж из блестящих синих перьев неведомой птицы. Единорог гордо потряхивал головой, кончики перьев вздрагивали.

Всадник в голубых одеждах возвышался в седле как башня. Блестящие пряжки на плечах горели нестерпимым медным блеском. Широкополая шляпа скрывала лицо.

Ездок свесился с седла и близоруко прищурился:

— Олле, Антор! Неужели это ты?

— Олле'ла, дружище! — обрадовался Антор.

Он узнал его: то был дом Турн, его старинный знакомец по годам учения в Гонгуре. В ту пору дом Турн слыл молодым богатым бездельником, известным не столько успехами в учёных занятиях, приличествующих молодому домину, сколько дерзкими выходками, в коих Антор охотно принимал участие. Худой и гибкий, он вместе с рослым и ширококостным Турном составлял отличную пару, всегда готовую к рискованным ночным похождениям. Однажды они забрались в алтарь храма Жёлтой богини и до полусмерти перепугали почтенных жриц. В другой раз Турн с Антором на плечах за ночь обошли всю Медную улицу и перевесили все наддверные вывески, за что впоследствии получили изрядный нагоняй от наставника... И конечно, женщины: Антор не припоминал ни единого случая, когда Турн ночевал бы в своей постели. Да, это было весёлое время.

Потом судьба сталкивала их довольно часто. В этом году они, однако, ещё не виделись: ходили даже слухи, что дом Турн забросил развлечения и всерьёз занялся математическими науками.

— Удачно мы встретились! Составишь мне компанию? Садись ко мне. — Турн наклонился к уху единорога и что-то шепнул. Умный зверь осторожно встал на колени, позволяя новому седоку взойти к себе на спину.

Антор немного подумал, потом сел спиной к Турну. Упёршись плечами в широкие лопатки друга, он приготовился смотреть на убегающую назад дорогу.

— Ну что? Рассказывай! — Турн был, как всегда, нетерпелив. — Говорят, у тебя новая любовь? Собрать ли нам золото на твоего наследника?

— Если я когда-нибудь вознамерюсь продолжить род, я сам заплачу материнский выкуп, — Антор стиснул челюсти, — пусть даже это будет простая крестьянка. Прости, но ты знаешь, как я к этому отношусь.

— И ты меня прости, — дом Турн, извиняясь, понизил голос, — я не имел в виду ничего дурного. Просто молодой Уон с Рея — помнишь ли его? — так вот, он прилюдно объявил, что желает продолжить род, и непременно от домины Фиоры.

Антор невольно присвистнул.

— Домина Фиора так богата, что может уже не думать о материнских деньгах, — сказал он. — Я думал, она давно перестала рожать.

— Все так думали... Но ей заблагорассудилось снова иметь потомство. Они сошлись на пятидесяти двух дюжиандах золотом за девочку и семидесяти шести — за мальчика.

— За такие деньги я сам готов родить, — не удержался Антор.

— Не ты один, дружище! Но природа не одарила нас теми частями, о которых так интересно рассказывала госпожа Керина на уроках анатомии. — Турн разулыбался, видимо, вспоминая молодые годы и высокоучённую госпожу Керину: уж её-то анатомию он изучил досконально.

— Так или иначе, Уон стал искать деньги. К сожалению, он не домин и наш кредит ему недоступен. У него было пятьдесят дюжианд из собственных средств. Он собрал ещё дюжину и решил рискнуть. Домина Фиора сошлась с ним и совершила зачатие. Сейчас она на седьмом месяце, и жрецы Жизни сходятся на том, что это будет мальчик. Мы собираем недостающие средства для Уона, ведь он наш друг и мы не можем допустить позора...

— Я ничего не могу дать, — помрачнел Антор, — прости, но мои сбережения на исходе. Я не знаю, чем буду платить своим людям, если случится большое несчастье. Сейчас я уже с трудом покрываю текущие страховые случаи... Но я найду дюжианду-другую серебра, хотя мне это будет тяжело.

— Всё же принеси хоть что-нибудь, — дом Турн стал серьёзным, — мы ведь соученики, когда-то ели один хлеб, и наш товарищ сейчас в беде.

— Эту беду навлёк на себя он сам, — Антор почувствовал раздражение, — покупать наследника за такие деньги — это безумное тщеславие... Но я внесу свою часть, когда вернусь домой. Уон — и мой друг тоже.

— Благодарю, Антор. — Дом Турн чуть качнулся в седле, но быстро выпрямил спину. — Ты знаешь, я мог бы один заплатить за него... но это было бы неправильно. Уон решит, что друзья по учению им пренебрегают из-за его незнатного рождения. Полагаю, что всё дело в этом. Потомство от дома Фиоры — это прежде всего безукоризненное происхождение, а оно стоит таких расходов...

— Ну конечно, — не удержался молодой домин, — ещё недавно «безукоризненным» называли происхождение, купленное за дюжианду золота. Кажется, в этом мире стало очень много денег. Все ходят в золоте. Кроме меня.

Турн обиженно промолчал.

Солнце поднялось уже высоко, и ароматы утра блекли, прибитые приближающимся полуденным зноем. Антор, прижавшись к спине друга, наслаждался мерным, чуть укачивающим движением: единорог шёл ровной иноходью, стараясь не беспокоить седоков.

— Про тебя ходят разные слухи. — Антор решил сменить тему. — Говорят, ты предался затворничеству и спишь среди книг?

— Ну, насчёт затворничества — сам знаешь, какой из меня затворник, — дом Турн фыркнул, — а вот насчёт книг — это правда. Ты же помнишь, что из всех наук мне лучше всего давалась математика. Так вот, мне кажется, что я ухватил нечто важное в учении о касательных линиях.

— В учении о касательных всё важное уже сказано мастером Тропом в его трактате о сечениях фигур, — разочарованно вздохнул Антор.

— Я занимался стяжением сечений к касательной. Изучая этот вопрос, я натолкнулся на некие сложности в тригонометрии. Речь идёт о малых изменениях линий, настолько малых, что их можно считать неизмеримо малыми, но всё же отличными от нуля. Я пытаюсь построить исчисление этих величин.

— Мне это напоминает завиральные идеи дома Гулега о бесконечно малом... Кстати, где он? О нём давно ничего не слышно.

Антор почувствовал лопатками, что спина друга напряглась.

Ответил тот не сразу:

— Мы теперь о нём долго не услышим.

— Что с ним? Он болен? — Антор по-своему любил этого соученика — странного длинноносого парня с печальным лицом, вечно погружённого в свои вычисления.

— Хуже.

— Он потерял имя, состояние? Как это произошло?

— Нет, не это. Он ударил человека железом.

Антор ощутил внезапный озноб — будто по коже проползло что-то мокрое и холодное, мерзкое.

— Как это произошло?

— Ты же помнишь, какой он рассеянный и как быстро приходит в ярость, когда ему мешают... Он сидел в своём саду, работал над какой-то научной задачей. К нему пришли крестьяне и стали требовать правосудия по какому-то делу. Он просил их подождать, но те настаивали на том, чтобы он лично исполнил долг домина. Дом Гулег отложил свои бумаги и рассудил их, но проигравший остался недоволен и потребовал нового рассмотрения... Тот не захотел снова слушать уже решённое дело и оставил своё решение в силе... Всё закончилось тем, что крестьянин, обезумев от злобы, подошёл и разорвал бумаги...

— Неслыханно! — выдохнул Антор. — Дом Гулег, надеюсь, подал жалобу в Чёрный Храм?

— Нет. Дом Гулег схватил первый подвернувшийся предмет. Огородную копалку с железным наконечником. Он нанёс ему удар и пробил тело до кости.

— Великие боги! Закон об уязвлении плоти... — Перед глазами потрясённого Антора всплыли строчки пергамента с законами Семерых. — «Кто ударит человека железом, деревом, костью или рогом и уязвит или пронзит его плоть, тот подобен дракону и церрексу, а не человеку...»

— Вот именно... Суд прошёл в гонгурском храме. На родном острове дома Гулега никто не взялся разбирать такое дело. Дом Гулег избрал себе в наказание ссылку на Дикие Острова, где сейчас эпидемия. Ты знаешь, он всегда был хорошим лекарем. С собой он взял только бумаги... А тот злой крестьянин, будучи не в силах выносить презрение ближних... в деревне его все считали виновным, и скорбели о доме Гулеге... этот человек добровольно отправился в ту же ссылку вслед за домом, чтобы помогать ему в трудах...

Антору стало тоскливо. От чудесного утреннего настроения не осталось и следа.

— Мне иногда кажется, — он решился поделиться с другом своей давней мыслью, — что в нас больше звериного, чем человеческого. Может быть, это у нас в крови? Дюжианды лет сражений с чудовищами не могли пройти просто так. Не слишком ли хорошо мы научились убивать?

— Мы все изучали историю. В древности люди убивали других людей, из-за земли и золота, — вздохнул дом Турн. — Даже после Полночи, в Середине Времён, мы всё ещё воевали друг с другом. Всё-таки сейчас нравы значительно смягчились. В конце концов, у нас всё впереди. Нынешний расцвет наук...

— Кажется, дом Гулег занимался именно науками? — съязвил Антор. — И что же? Нет, дорогой друг, науки не принесут нам счастья, если мы не станем его достойны.

— Быть может, — дом Турн был не расположен спорить, — но мы уже приехали.

Единорог замедлил шаг, и Антор наконец оглянулся. Оказывается, они уже приехали: впереди маячили малые ворота замка Сеназы, которые вели к роговязи.

Народу было пока маловато: лишь трое или четверо наездников возились со своими скакунами, пытаясь устроить их поудобнее.

— Не слишком ли поспешили мы с прибытием? — поинтересовался Антор. — Никого ведь нет.

— Пустое, — беспечно откликнулся Турн. — Просто по этой дороге мало кто ездит. Все ломанутся по большому тракту.

Антору сразу представился пёстрый поток всадников, карет, открытых экипажей, вливающийся в отверстие ворота главного входа, и ему опять стало обидно. Ему тоже хотелось бы быть среди этой пёстрой толпы — на таком же великолепном скакуне, как у Турна. Или, ещё лучше, в лёгком открытом экипаже гонгурской работы...

— К тому же, — продолжал Турн, — даже если мы прибудем слишком рано, у нас есть чем заняться. Разве ты не хочешь осмотреть галерею? О ней ходит столько разговоров...

— Ты прав, — обрадовался Антор. Галерея дома Сеназы славилась на весь Архипелаг.

Дворец по праву считался древним: цитадель была построена в третьей дюжиане Середины, и только крылья и хозяйственные пристройки были творением Нового Времени. Галерея была построена относительно недавно — где-то около дюжины лет назад. Хозяин дворца держал там своё знаменитое собрание редкостей.

Сама цитадель, вопреки ожиданиям, не произвела на молодого дома особого впечатления. Невысокие толстые стены

из серого камня, предназначавшиеся для защиты от церкков, выглядели как-то нелепо. Ещё смешнее смотрелись кургузые башни с открытыми площадками. Когда-то на них стояли катапульты и гигантские арбалеты. На эти неуклюжие орудия приходилось надеяться в случае нападения драконов.

Зато новые постройки были легки и изящны. Резной белый камень с Хиота — тот самый, которым мостили дорогу и площадки перед дворцом, — искусно оттенял черномраморные статуи, украшающие малый двор.

Возле крыльца бормотал и дышал водой фонтан. Рядом цвели высокие кусты остролиств — темно-бордовый, ярко-оранжевый и розовато-жёлтый.

Антор, залюбовавшись на изысканную работу садовника, невольно замедлил шаг — пока Турн не вывел его из внезапной задумчивости, шутливо пихнув коленом под зад. Антор оплатил ему по-свойски, пнув его каблуком по шиколотке.

Смеясь, друзья проследовали по широкому мраморному коридору в приёмный покой, где встречал гостей хозяин замка.

Старый дом Сеназа — высокий, худой, с побелевшей от возраста косичкой на затылке — сидел на малом троне, в ритуальных белых одеждах домина. Украшений он не надел, несмотря на общеизвестную любовь к драгоценностям. Вместо знаменитой трезубой короны с изумрудами на его голове лежал простой венок из красных сердцевцевов.

На породистом лице, красивом даже в старости — дом Сеназа был рождён от величайшей матери своей эпохи, домины Лурры, прославленной своей красотой, — застыло выражение рассеянной приветливости, как нельзя более подходящее для произнесения фраз типа «олле'ла, друзья, простите беспамятного старика и напомните мне свои благородные имена». Антор ждал именно этого, заранее готовый проглотить обиду. Но старик удивил, улыбнувшись ему и назвав по имени.

Благосклонно выслушав витиеватые поздравления и благодарности гостей (Антор не без удовольствия отметил про себя, что его речь вышла более изящной и живой, чем искренние, но неуклюжие комплименты Турна), дом Сеназа, как обычно, принялся жаловаться на здоровье, якобы не позволяющее ему устроить по-настоящему весёлый праздник.

— Так что, дорогие мои, вам предстоит сегодня немного поскучать в обществе старика и его немногочисленных друзей, — закончил он.

— Лицемер! — шепнул Турн Антору. — Бьюсь о заклад, приглашено не менее дюжины дюжин доминов, многие придут со слугами... Старый церрекс ещё удивит нас сегодня.

Просьба Турна разрешить осмотр галереи старика явно обрадовала.

— Вы как раз вовремя, — объяснил он им свои чувства, — у меня пополнение коллекции... очень интересное пополнение. Прошу вас. — И он сделал неопределённый приглашающий жест.

К сожалению, до галереи оказалось непросто добраться. Они долго плутали в переходах замка, пока не повстречали какого-то молодого парня из прислуги. За пару серебряных монет он вызывался не только довести их до галереи, но и рассказать о наиболее интересных экспонатах.

Выяснилось, что галерея располагается вблизи гостевого зала (похоже, кто-то из друзей свернул не в ту сторону) и наполнена настоящими чудесами.

Сначала Антор не мог оторваться от потрясающей коллекции древних сосудов. Потом Турн, понукаемый нетерпеливым другом, надолго застрял возле гобеленов, сотканых из химерьего шёлка: из этих тончайших нитей чудовища вили гнёзда.

Юноша-служба с гордостью сообщил, что этот трофей не был куплен домом Сеназой, а принадлежал замку всегда. Шёлк добыл прапрапрадед почтенного дома, Сеназ Колченогий, разоривший урочища химер в холмах острова.

— Теперь этот материал навеки недоступен для нас, — с сожалением сказал Турн, отрываясь от созерцания последнего гобелена. На нём был искусно выткан домин Кир Чёрный, держащий в руках хрустальный сосуд с мёртвым воробьем внутри. На лице великого дома было сомнение: открытая им Воробьиная Хворь, полностью истребившая страшных химер, уничтожила заодно и несколько безобидных видов летающих существ, в том числе диких орланов, чьи яйца считались деликатесом. С тех пор всякие опыты с разведением болезнетворных существ были запрещены Советом Сословия до лучших времён...

— Химеры были слишком опасны, — привёл Антор обычный в таких спорах аргумент, — они нападали сверху и летали между островами.

— От химер погибло меньше людей, чем от церреков, — неожиданно возразил Турн, — а церрекссы не летали.

— Химеры были умны и быстро плодились. Кажется, ты рассказывал, что какой-то из твоих предков был унесён химерой...

— Да... Это был Турн Черноликий. Наверное, ты прав. Но всё же, когда я вижу эту ткань... сейчас она драгоценна. Ах, если бы удалось их приручить! А ведь такие работы велись... Но домин Кир единолично принял решение за всю Арбинаду.

— Лучше посмотри вот на это. — Антор показал на коллекцию золотой посуды. — Видишь эти кубки? Это с Тиамута. Всех жителей этого острова убили химеры. Больше такие кубки делать некому, никто не знает секрета филиграни по золоту...

— Придуманное людьми можно придумать заново, — не согласился Турн, — а придуманное природой уже невозстановимо...

— Олле, друзья! — Весёлый голос заполнил галерею. — Я вижу, вы не теряете времени!

Антор машинально ответил «олле'ла» и только после этого сообразил, что перед ним незнакомец.

Турн, однако, обрадовался:

— Олле'ла, друг! Познакомьтесь, это домин Антор, я тебе про него рассказывал... Антор, это Сервин, друг дома Сеназы и мой друг.

Антор чуть повёл бровью, не услышав перед именем приставки «дом».

— Да, вы совершенно правы, любезнейший домин Антор, — от нового человека, видимо, не укрылась реакция Антора, — я, увы, простолюдин. Всё, что у меня есть, — это моё имя, которое дала мне матушка. Папаша даже не смог расплатиться за меня и предпочёл скрыться в неизвестном направлении... Зато теперь, — в голосе Сервина послышалась гордость, — я стою несколько больше, чем та скромная сумма, на которую сговорились мои родители. Да, несколько больше!

— У него денег длиннокрылы не клюют, — шепнул Турн Антору.

Антор уже и сам вспомнил, кто это такой. Сервин с Диких Островов вот уже три года был предметом многочисленных слухов и сплетен. Выходец с края света, сын неизвестного отца и давно умершей матери, он достиг невероятного успеха благодаря смелости, деловой хватке и везению. Последняя его идея — поиск залежей меди на островах Дальнего Юга — оказалась чрезвычайно удачной: медь была найдена, а Сервин в очередной раз округлил своё состояние.

При этом Сервин не был домином и не собирался им становиться. Сплетники рассказывали, что Великий домин Рей, Отец Мира, предлагал Сервину титул и землю в ответственность, но тот отказался, заявив: «Я не могу быть привязанным к одному месту. Моя земля везде, у меня всюду свои интересы. Вы — домин Рей, а я — дом морей и океанов, будем же отныне любить друг друга». К чести Отца Мира, тот не оскорбился, а ехидно спросил новоявленного «дома океанов», почему он так плохо содержит свой мир и особенно его сердце — Великий остров Рей. Сервин, не изменившись в лице, выписал доверенную бумагу на какую-то невероятную сумму и вручил её дому Рею. Тот принял её со словами «конечно, это немного, но хороший хозяин и немногому находит применение»... Об этой забавной перепалке немало судачили.

Антор взгляделся в лицо незнакомца. Странно, но знаменитый предприниматель внешне производил самое заурядное впечатление. Сервин был низковат и широкоплеч. Грубое, немного приплюснутое лицо с неестественно длинным носом. Щёки и подбородок испещрён чёрными точками: похоже, он не брился уже месяца два или три. Одет он был богато, но не броско, скорее добротнo. Говорил он быстро, но не вполне чисто. К тому же при разговоре он слишком широко открывал рот и по-крестьянски показывал зубы.

— Давайте пройдем в конец галереи, — хлопотал Сервин, — я только что оттуда. Дом Сеназа припрятал там кое-что любопытное. Что говорить! — я был поражён, совершенно поражён, увидев это. К сожалению, почтенный дом Сеназа не хочет мне это продать — и я его понимаю! Да, я его понимаю! Потопимся же, друзья...

Пришлось покориться. Домины еле поспевали за энергичным провожатым. Они стремительно прошли мимо янтарной арки, за которой скрывалась коллекция драгоценностей, ми-

новали застеклённый сад с диковинными растениями, чуть не заплутали в каких-то поворотах и, наконец, добрались почти до самого конца. Там располагалось сердце галереи — залы с картинами.

— Вот здесь! Зайдите за поворот, и вы увидите! — торжественно сказал Сервин. — Не буду входить, оставлю вас одних. Потрясающее впечатление, да!

Дом Антор скептически хмыкнул, миновал поворот — и остолбенел.

На стене небольшого квадратного зала висела всего одна картина.

Громадное полотно изображало Полночь Арбинады.

Это было семь дюжианд лет назад, когда драконы нашли и разорили последний мирный остров, Рей, и на всей Арбинаде не осталось места для человеческой жизни. Люди погибли бы, если бы не Семеро Великих, поклявшихся освободить мир от чудовищ. В этот день древняя история кончилась, и началась эпоха, названная позднейшими историками Серединой Вре-мён.

Художник осмелился взяться за самое сложное — изобразить Клятву Доминов.

На опалённой огнём равнине, среди обрушившихся стен и горящих развалин, стояли Великие. Пятеро мужчин и две женщины. Рей Драконоубийца, основатель Сословия Доминов, в железных доспехах без шлема, с развевающимися длинными волосами. На изуродованном шрамами лице застыла горечь и ненависть: отец и братья его были пленены человекоядным драконом и сожраны в пещере-ловушке, один за другим... Арх Справедливый, составитель Кодекса Доминов, — светловолосый юноша с открытым и честным лицом. Было видно, что меч он держит с трудом — в детстве его руки были искалечены химерой... Аристокл Широкий — мудрец, познавший природу богов, — не держал меч, а тяжело опирался на него: к тому времени он был уже глубоким старцем, претерпевшим гонения суеверов-идолопоклонников... Зато Керк Каменный, с мрачным лицом и тяжёлым взглядом исподлобья, держал тяжёлую стальную полосу как пушинку: его огромные руки кузнеца привыкли к молоту. Он прославился тем, что открыл способ выплавки железа из руды, а не из болотных осадков... Метт Золотой Кошель — коренастый, крепкий, с большим животом — неловко стискивал кончик рукояти. Он не владел

воинскими искусствами, зато умел приумножать богатства. Изобретённая им схема страхования земель стала основой экономического устройства Сословия.

Рядом стояли женщины. Гекта Безобразная, знаменитая лучница, гроза химер — её художник изобразил не уродливой, а просто мужеподобной: в лёгком шлеме, с саблей у пояса и огромным роговым луком за спиной. И Мана Родоначалница, золотоволосая красавица: она родила детей всем основателям Союза, кроме старика Аристокла. Согласно легенде, материнский выкуп она брала не деньгами, а головами чудовищ... Её маленький меч лежал у ног: красивая, но ненужная игрушка той, чьё оружие — бёдра.

Каждый из Семерых был изображён по-своему, но вся группа составляла неразложимое на части единство. Необычайное искусство художника соединило вместе идеи тождества и различия — как в знаменитом изречении Аристокла: «Всякое множество тем или иным образом причастно единому».

Впечатлительный Антор очнулся от восторженного созерцания, когда над ухом раздалось:

— Насмотрелись? Потрясающе, правда? Последняя работа старика Дворкина с Зелёного Острова. Она ему обошлась в десять лет трудов, несколько вёдер красок и кучу нервов. Но помяните моё слово — старик заработал себе местечко в истории искусств, и не последнее... Да, не последнее!

Молодой домин вздохнул: похоже, новый знакомец был и в самом деле не слишком хорошо воспитан. И тут же не без неловкости вспомнил, откуда тот родом: Дикие Острова — это тебе всё-таки не Гонгур.

— Должно быть, — в разговор вступил дом Турн, — это стоило старику половины состояния.

— Ну, не то чтобы половины, — протянул Сервин, — старый лис богат, как дюжианда драконов. Но всё же он дал меньше, чем был готов заплатить я. А я так хотел пополнить свою коллекцию! Я увлекаюсь современной живописью, но мне не везёт: всё лучшее перехватывают другие. И не только в области живописи, к большому моему сожалению. Дом Сеназа нас сегодня ещё удивит, помяните моё слово.

Антор пропустил болтовню Сервина мимо ушей. Ему хотелось одного: чтобы друзья ушли и оставили его наедине с полотном.

Странно, но толстокожий Сервин это понял.

— Пойдёмте отсюда, мой дорогой друг, — захопотал он вокруг дома Турна, — оставим дома Антора любоваться искусством. Поверьте, когда встречается настоящий шедевр и настоящий ценитель — все остальные лишние, как в любви... Пойдёмте, пойдёмте, вы ещё успеете вдоволь наговориться... Только не пропустите, дорогой друг, начало праздника. Не заставляйте хозяина сожалеть о своей любезности...

Антор не ответил, погружённый в созерцание картины.

От раздумий его отвлёк звон гонга: гостей звали в главную залу. Следовало поторопиться. Огорчать хозяина своим отсутствием было бы крайне невежливо.

Когда Антор наконец одолел хитросплетения коридоров, гости были уже в сборе. В огромном зале, увенчанном высоким мозаичным куполом, собралось никак не меньше дюжины людей. Зал гудел от шума разговоров, звонких «олле!» и шлепков ладоней. В левой половине зала звенел женский смех: судя по всему, это благородные домины обсуждали достоинства присутствующих здесь мужчин. Антор поискал глазами Эстру и нашёл её: в роскошном зелёном платье с газовыми рукавами и открытой спиной, она увлечённо шептала что-то на ушко домине Нелии, прозванной Золотой Лисицей. Эта рыжеволосая красotka, когда-то гремевшая на праздниках и балах, сейчас заметно постарела, измотанная частыми родами. Но Нелия хотела иметь большое потомство: это чрезвычайно укрепляло её позиции в сложном мире богатых женщин-аристократок. У неё уже было двенадцать детей, в основном — южных и восточных родов. Госпожа Эстра уже намекала Антору, что Золотая Лисица недавно снова родила сына, но вот кому — неизвестно.

Похоже, она решила выяснить этот волнующий вопрос во что бы то ни стало: Эстра не отходила от Нелии ни на шаг. Завидев Антора, она послала ему лукавый и манящий взгляд, но наперсницу не покинула. Молодой дом галантно приложил руку к губам, изображая глазами уместные в такой ситуации чувства: скорбь и желание. Однако в этот миг его окликнули, и он, забыв о своей любовнице, с удовольствием занялся светским общением.

Вскоре он обнаружил себя в кружке старых приятелей: кроме дома Турна, там были Эльхас и Тим, соученики Антора, а также дома Орм и Гау Белобровый.

Последнего было легко узнать по линялому камзолу, который тот носил с упорством, достойным лучшего применения, уже который год. Молодой и категоричный Антор долго считал такую скупость неприличной — пока сам не побывал на Гау, холодном и иссушённом ветрами островке Большой Гряды, где хороший урожай был редкостью, а страховые случаи наступали через два года на третий. С тех пор Антор искренне заужавал своего экономного друга — но всё-таки часто ловил себя на мысли, что предпочёл бы видеть его лучше одетым. Однажды он поделился своими мыслями с Тимом, и тот неожиданно метко заметил, что вид чужой бедности пугает людей среднего достатка — потому что напоминает о неприятной перспективе, к которой они опасно близки. Антор тогда согласился с другом: в ту пору от незавидного положения дома Гау его отделяли всего лишь три-четыре крупных выплаты, и он это слишком хорошо помнил...

Разговор шёл на обычные светские темы: обсуждались женщины, научные открытия и божественное. Сначала дом Орм похвастался, что ждёт ребёнка от некоей прекрасной госпожи — каковое рождение всех удивит, а в перспективе и прославит его род. Потом обсудили женские достоинства домины Хельги — благо любвеобильная женщина не обошла вниманием никого из присутствующих. Последним по счёту оказался дом Эльхас, чей рассказ был выслушан с большим вниманием. Судя по всему, Хельга с годами приобрела богатый опыт, несколько не потеряв в темпераменте... Дальше дом Турн повернул разговор на свои малопонятные математические занятия. Антору стало скучно — но тут дом Тим вспомнил о последней скандальной проповеди Хингра из гонгурского храма Белой Богини, и все оживились.

— Почему-то каждый считает себя знатоком теологии, — пробурчал дом Турн, недовольный таким поворотом разговора. — Как говоришь о математике — все скучают. А вот про божественные предметы языком чесать — это пожалуйста.

— Знание божественного заключено в сердце каждого человека, — тут же отреагировал дом Эльхас, только что увлечённо отстаивавший еретичность мнений Хингра.

— В сердце — да, но не в разуме, — отбрил дом Турн. — Помнишь, как мы сдавали теологию мастеру Оле? Тогда ты рассуждал о богах не так бойко...

Эльхас смутился: теология ему действительно не давалась, и на экзамене мастер Оле заставил его попотеть.

— Вот мы и навёрстываем упущенное, — пришёл ему на выручку дом Гау, тоже не особенно усердный в изучении метафизических дисциплин и никогда не ходивший в любимчиках у строгого мастера Оле. — А проповедь Хингра — явная ересь. Он ведь, по сути, утверждает, что боги могут умереть.

— Не совсем так, точнее — совсем не так, — гнул своё дом Тим. — Ничего подобного отсюда не следует. Было сказано лишь то, что человек может перестать воспринимать волю некоторого бога, и даже все люди в целом. К богу вообще неприменимо понятие смерти. Ведь что такое бог? Общее, действующее на нас без посредства частных проявлений. Это определение Аристокла. Например, отдельный единорог — не бог, потому что он телесен и не является общим понятием. Но и род единорогов тоже не бог, потому что может действовать только через отдельных единорогов.

— Навалить кучу, например. — Заскучавший дом Турн попытался пошутить в своей обычной манере. — Мой недавно обожрался остролистом и...

Тим сделал вид, что не услышал.

— То же самое и род камней или животных. Но чистая Справедливость — это бог, потому что это общее понятие, лишённое частного. Не бывает ведь материальных вещей, называемых кусочками справедливости, не так ли? С другой стороны, мы по природе своей стремимся к Справедливости. Это и называется — воспринимать волю бога, которая на нас действует помимо материальных проявлений...

— Ну да. Справедливость — это Чёрный Бог, а Милосердие — это Белая Богиня. Но ведь каждый человек, поскольку имеет разум, знает, что такое справедливость и милосердие. Это не вызывает затруднений, не так ли? Мы воспринимаем волю богов непосредственно разумом, без участия внешних чувств. Даже преступник, совершая преступление, знает, что поступает дурно...

— Всё верно. Но может случиться так, что воля некоего бога перестанет нами восприниматься, поскольку в этом отпадёт всякая нужда. Например, в Середине Вреён среди богов числился Багровый бог Гнева, сын Чёрного бога. Его воля заставляла наших предков биться с драконами до последнего. Но чудовищ больше не осталось, и теперь мы не поминаем

Багрового даже в храме Всех Богов. Это и значит, что воля бога перестала нами восприниматься...

— Ничего подобного. — Антор решил, что у него есть что сказать. — Ведь мы, домины, не забываем прошлого. Мы обучаемся владению оружием, хотя в этом и отпала нужда. Учимся переносить голод, холод и страдания. И при посвящении едим мясо, как наши предки.

— Меня тогда чуть не вырывало, — сказал в сторону Турн.

— Меня тоже, — вздохнул Антор. Ему некстати вспомнилось, как проходило его посвящение в Сословие. Он тогда едва вышел из детского возраста. Отец дал ему выпить дорогого крепкого вина с Розовых Островов, чтобы притупить чувства. И всё равно, когда на камень положили длинокрыла и дали в руки кинжал... Во время уроков боя он много раз пронзал пикой соломенные чучела церрексов и поражал мечом деревянного дракона — но всё это было не то. Здесь был настоящий живой длинокрыл, которого надо было по-настоящему убить, а потом съесть кусочек его плоти. Он не помнил, как перерезал горло несчастной птице, как отделял от тушки сморщенную, кожистую, подёргивающуюся лапку. Помнил зато, как скрипели под ножом перья и по рукам прыгали горячие кровяные крошки. Кровь у птицы была коричневая, грязная. Таким же грязным выглядело то, что принёс ему повар на его любимой тарелке. Там лежала какая-то спёкшаяся масса, обильно политая фруктовым отваром, кое-как отбивающим мерзкий вкус плоти. Отец снова дал ему вина и велел есть. Он тупо резал ножом и жевал, сосредоточившись на том, чтобы удержать тошноту. Когда всё кончилось, он первым делом пошёл на задний двор и разбил любимую тарелку о старую роговязь.

— Всё это давно не имеет отношения к Багровому, — подытожил дом Тим. — Ритуалы нужны, чтобы подтвердить наше доминское достоинство. Для этого мы должны показать себе и другим, что можем делать и претерпевать некоторые неприятные вещи. Но истинный свет Багрового нам уже не виден. Так что мы можем утверждать, что хотя бы один бог для нас умер, раз его сила не действует на нас.

— Тогда получается, что боги существуют только в наших чувствах и воображении? — ехидно заметил дом Гау. — Это отверг ещё Аристокл в притче о свете и глазе. Свет существует помимо глаза, хотя воспринимается только глазом.

— Кстати, дом Гулег недавно разбил голову крестьянину железной палкой, — ввернул Антор. — Разбил в ярости.

— Но это же не тот истинный гнев, о котором писали летописцы Середины, — начал выкручиваться Тим, уже, видимо, слышавший о той истории, — это просто раздражение, обычная телесная реакция, связанная с разлитием желчи. Он сам не понимал, что делал. Не хочешь ведь ты сказать, что он намеревался убить того несчастного крестьянина? А ведь наши предки поклялись уничтожить всех чудовищ, и сделали это.

— А если чудовища появятся снова? — не выдержал Антор. — Что тогда?

— За этим мы, домины, и существуем, — пожал плечами дом Гау. — Если снова потребуются обнажить мечи, мы обнажим мечи. Как же иначе? А дом Хингр договорился до того, что, дескать, через дюжианды дюжианд лет наши лучшие стремления покажутся нам грубыми и нечистыми: умрут Добро, Справедливость, Красота, Истина, Честь и все прочие божества, которым мы поклоняемся, а мы устремимся за какими-то новыми, высшими добродетелями... Ну не оскорбление ли это божественного достоинства? К тому же, — кстати вспомнил он, — у Аристокла... да не изгладится память о нём... у Аристокла в «Первоосновах богословия» доказывается, что боги вечны.

— Аристокл прямо не утверждал, что боги вечны. Он говорил только, что они неизменны, — попробовал подбаться с другой стороны Тим, — а это разные вещи. Неизменное существует неизменно на всём протяжении своего бытия, но может перестать быть...

— Олле, олле! — Это снова был Сервин. Выслушав в ответ нестройное «олле'ла!», он бесцеремонно протиснулся поближе к Турну. Антор подумал о том, что энергичные провинциалы с толстой мошной умеют быстро заводить знакомства. Наверное, решил он, всё дело в толщине мошны: богатство придаёт уверенности в себе.

— Всё спорите о том, чего нельзя увидеть глазами? Ох уж эта человеческая порода! Нам отпущен краткий миг, а мы проводим его в спорах о вечности. Лучше послушайте меня. Старик Сеназа, как я и думал, приготовил нам сюрприз. Я слышал краем уха... — Он понизил голос, видимо, собираясь сказать нечто важное. Но в этот момент снова ударил гонг.

Голоса тут же пресеклись. В наступившей тишине был слышен только шорох женских нарядов.

Гости поворачивались лицом ко мраморному возвышению, на котором уже стоял хозяин замка.

На сей раз старый дом был одет в родовые одежды. На нём была мечная перевязь и короткая, почти куца кольчуга со следами огня. Предок нынешнего хозяина замка, великий дом Сеназа Красная Голова, сгорел в этой кольчуге, упав в струю драконьего пламени.

— Олле, друзья мои! Сегодня, в мой праздник, день Сеназы, — начал он, полуприкрыв веки и высокопарно растягивая гласные, — в тот день, когда четыре дюжины лет назад основателю моего рода, первому домину Сеназы, за уничтожение драконьего логова в холмах был пожалован в ответственность этот остров, я, нынешний дом Сеназа, объявляю о своём наследнике...

Зал замер. У дома Сеназы было несколько сыновей, но капризный отец никак не мог выбрать продолжателя рода — несмотря на гигантские суммы, которые он тратил на детей от лучших матерей Арбинады. Несостоявшиеся наследники, впрочем, не слишком об этом сожалели: их больше привлекала наука, торговля и архитектура, чем страховое дело, земледелие и юриспруденция, входившие в обычный круг забот Сословия. Второй сын Сеназы, знаменитый мастер Неро, недавно вошёл в круг зодчих строящегося на Рее храма Всех Богов.

— Я объявляю своим продолжателем и наследником сына, который был рождён три дюжины дней назад от моего семени. Я хотел бы видеть его новым домином Сеназой, когда моя жизнь подойдёт к концу...

Старик сделал паузу.

— Ребёнок был рождён доминой Нелией, от её крови и жизненной силы. Да будет он достоин благородной матери!

Раздался шорох платьев и шум одежд: все оборачивались, чтобы посмотреть на Золотую Лисицу. Та горделиво выпрямилась, вкушая заслуженный триумф.

— Счастливого соединения, золотое потомство! — крикнули из зала. Мужчины подхватили крик, и только умиротворяющий жест старого домина снова погрузил зал в тишину.

— Теперь она может поставить точку, — шепнул Турн, — родить нового домина Сеназы — куда уж больше... разве толь-

ко принести потомство самому дому Рею! Интересно, во что ему это обошлось?

— Это мы сейчас узнаем... Но каков старик! — так же тихо прошептал Антор. — Я думал, он уже бессилён.

— О... я слышал, что Золотая Лисица поднимет и мёртвого, если ты понимаешь, о чём я, — хихикнул Турн и тут же прикрыл рот рукой: на них начали оборачиваться.

— Внесите младенца! — распорядился старый дом.

Появилась дородная нянька, держащая в руках свёрток из блестящей парчи. Крохотное личико было едва заметно под накрученными на тельце пеленами. Ребёнок спал: наверное, ему дали вина, чтобы он не проснулся и не испугался шума и света.

Следом за ними вышел жрец Справедливости, одетый в чёрное.

— Подтверждаю и свидетельствую, что ребёнок действительно зачат от высокородного домина Сеназы, по добровольному согласию высокородной домини Нелии, — чётко и ясно произнёс жрец Справедливости. — Ребёнок появился на свет совершенно здоровым, весом тринадцать с половиной гонгурских мер и ростом в гонгурский малый локоть с четвертью. Подтверждаю, что домин Сеназа признал своё отцовство перед жрецами храма Справедливости. Подтверждаю также, что домина Нелия в присутствии жрецов храма получила в уплату за сына... — здесь жрец сделал выразительную паузу, — дюжианду дюжианд дюжианд золотом, столько же серебром и столько же красной медью.

Тихий шепот недоверчивого восхищения прошёл по залу.

Бледное лицо старого дома чуть тронула краска.

Дом Гау невольно присвистнул.

— Золотой ребёнок! — крикнул Турн. — Таковую кучу денег может выложить только дом Сеназа. Или Сервин, если не разорится на очередном своём дельце... Олле, олле, ты меня слушаешь?

Антор не слушал. Он смотрел на парчовый свёрток, с величайшим почтением удерживаемый на весу няней, и думал о том, что его отец заплатил за него, домина Антора, всего-навсего двадцать дюжианд серебра и столько же меди — и почти разорился на этом.

И сейчас, здесь, в огромном зале, среди всей этой роскоши, бьющей в глаза, он вдруг почувствовал, будто его опять

заставляют съесть кусочек мяса — а он никак не может его ни проглотить, ни выплюнуть.

И ещё: он не может больше оставаться здесь ни единого мгновения.

Бедолага Турн, глядя на друга, стремительно идущего к выходу и толкающего расступающихся гостей, отпустил неуклюжую шуточку насчёт отхожего места. Антор её услышал — и отчасти понял несчастного дома Гулега.

Он не соображал, куда и как шёл.

Через какое-то время, очухавшись, он осознал, что стоит и тупо рассматривает какие-то статуи: ноги привели его в галерею.

Антор оглянулся. Вокруг тихо мерцали сокровища дома Сеназы. Чужое богатство. Которого у него никогда не будет. Может быть, заняться коммерцией? Антор вздохнул: он не верил в свои способности к умножению капиталов. Даже покупая медовую лепёшку, он всегда переплачивал, потому что не умел правильно торговаться. Наука? Он хорошо учился, но не чувствовал склонности ни к каким определённым занятиям. А для того чтобы прославиться и разбогатеть на учёных изысканиях, нужно быть одержимым... Как Гулег. Или хотя бы как этот Турн, у которого денег и без того как костей в драконьем логове...

Где-то совсем рядом, за поворотом, послышались шаги и голоса.

— Я предлагаю выгодную сделку, да, выгодную сделку! — Это, несомненно, был Сервин. — Моя медь за ваше золото. Это выгодная сделка. Я предложил хорошие условия, да, просто отличные условия! Вы должны это понимать, если вы берётесь за такие дела...

— Меня не интересует медь. Меня не интересует выгода, — ответил ему низкий женский голос.

Антор замер.

— Я готова дать тебе денег. На тех условиях, о которых мы говорили сегодня. И никак иначе.

— Я этого не понимаю! — Сервин был не только взволнован, но и сбит с толку, это чувствовалось по его интонациям. — Я понимаю, что такое сделка. Я понимаю, что такое кредит. Я понимаю, что такое вложение денег. То, что предлагаете вы, я не понимаю, нет! А я никогда не делаю того, чего не понимаю.

— Я могла бы тебя заставить. Но ты разочаровал меня, — женский голос стал чуть громче, — я полагала, ты умнее. И проще смотришь на жизнь. Я обращусь со своим предложением к другим.

— Не знаю, что вы там о себе думаете, но вы ещё придёте ко мне, — буркнул Сервин. Судя по голосу, он был сильно раздосадован.

— Посмотрим. А сейчас ты забудешь о нашей встрече. И никогда не вспомнишь о ней. Лал'н.

Антору наконец стало неловко — тем более разговор шёл на коммерческие темы. Он решительно шагнул за поворот.

Там стояли двое — Сервин и незнакомая темноволосая женщина в длинном плаще.

— А, это вы, — буркнул коммерсант. — Вам, случайно, не нужны деньги?

Молодой дом пожал плечами, не зная, что сказать.

— Так познакомьтесь с этой прелестной госпожой, да! — Он состроил неприличную гримасу, долженствующую означать нечто вроде крайнего разочарования. — А я, с вашего позволения, прогуляюсь. Праздник в разгаре... Если вы передумаете — вы знаете, где меня найти. — Последние слова были обращены к черноволосой незнакомке. — А пока — лал'н.

Собеседница не удостоила его ответом, повернувшись к Антору, — и тот застыл на месте.

Госпожа Миу была очень красива — какой-то причудливой химерьей красотой, отстоящей всего на полшага от уродства. Блестящие чёрные волосы. Очень белая кожа. Неестественно широкие брови. Нос с горбинкой, как будто он был когда-то сломан и потом залечен плохими лекарями. Глаза непонятного цвета — не голубые и не чёрные, а какие-то бурые, словно больные... Но эти странности почему-то не портили совершенной красоты её лица.

И ещё: женщина была богата, очень богата. Драгоценные камни на вороте узорчатого платья, кружева из чёрного химерьего шелка, массивные перстни, унизывающие тонкие пальцы — всё это вместе стоило небольшого состояния.

И она была разгневана.

— Кто ты? Что ты тут делаешь? Ты подслушивал? — Это были не вопросы, а обвинения.

Антор невольно попятился:

— Госпожа, я просто стоял здесь, когда вы подошли. Услышав ваши голоса, я вышел к вам. Разве я нарушил какие-либо приличия? — Он растерянно пожал плечами.

Женщина немного успокоилась.

— Приличия, приличия... Я уже дюжину дней как здесь и всё никак не привыкну к вашей системе условностей... Кто ты?

— Домин Антор, если вам что-то говорит моё имя. — Молодой дом вздохнул. — Я гость дома Сеназы, как и вы, высокогородная госпожа. Простите, я не знаю вашего имени.

— Госпожа Майя, можешь называть меня так... — Черно-волосая женщина почему-то засмеялась.

Антор заинтересовался:

— Майя? Где это? Вы домина?

— Я не домина. Я даже не гостя дома Сеназы. Я пришла сюда по делу. Скажи, тебе нужны деньги?

Молодой дом усмехнулся:

— Всем нужны деньги.

— Я дам их тебе. На определённых условиях. Ты согласен?

Антор тяжело вздохнул: беседа перестала его занимать.

— Простите, любезная госпожа Майя, но я не нуждаюсь в дополнительных средствах — во всяком случае, сейчас. Я плохой коммерсант. И в любом случае мои богатства слишком незначительны, чтобы платить высокие проценты.

Женщина закатила глаза:

— А-а-а. Ты принял меня за... как это у вас называется... кто даёт деньги в долг, чтобы получить больше?

— Это называется «ростовщик», — сухо заметил Антор. — И вы это прекрасно знаете. Если мне срочно понадобится золото, я обращусь к друзьям или в казну Сословия. Сомнительные кредиты под высокий процент — этим пусть занимается Сервин и ему подобные.

— Ах да, сословный кредит. Я читала о вашей экономической системе... просто не могу запомнить всё сразу. У меня простая задача, очень простая. Дать денег. Просто дать денег. Я не думала, что это окажется так сложно... Идиотский мир. Мир счастливых идиотов. Вы даже не знаете, как вы счастливы. Сколько дней в году? — внезапно спросила женщина.

— Две дюжианды дней, — растерянно ответил Антор.

— А ведь ваш мир делает полный оборот вокруг Солнца за триста два и три сотых дня. Но вы же этого не замечаете?

— Триста два и три сотых? — Антор невольно заинтересовался столь точным числом. — Нас, помнится, учили, что орбита замыкается за триста десять дней... Но какое это имеет значение? Год — это условная величина. Время оборота планеты вокруг Солнца — интересная научная тема, но...

— Ну конечно! Год — это условная величина. Потому что ось вращения вашей планеты перпендикулярна *эклиптике*. То есть у вас нет смены сезонов года... вечная *весна*... о чёрт, в вашем языке не хватает слов... Вот, кстати, ещё одно: почему у вас только один язык?

Антор недоумённо пожал плечами:

— Когда-то были другие языки. Сохранились даже книги, на них написанные. Но вы же знаете — на Юге всех жителей истребили драконы и его пришлось заселять заново. А Север к тому времени объединился вокруг Гонгура... Простите за нескромность, но вы выглядите как образованная женщина. Почему тогда вы говорите о простых вещах так, как будто вы их не знаете?.. — Он не смог найти достаточно вежливой формулировки и замолчал.

Госпожа Майя внезапно расхохоталась.

— Я знаю о вашем мире больше, чем вы все, вместе взятые. Вам просто везёт! Один шанс на миллион, но ведь кому-то он выпадает! Вы ведь ещё и мяса не едите... совершенно не агрессивны... и при этом всё-таки повыбили этих ваших *динозавров*. А вот, кстати, — это правда, что драконы изрыгали огонь? Кольчуга старого дома взаправду оплавлена, я кое-что понимаю в таких вещах...

— Что ж тут удивительного? — Антор недоумевал всё больше. — В желудке дракона скапливаются горючие газы. Дракон выпускает их наружу, при этом сильно ударяя верхними зубами о нижние, высекая искру. Газы загораются. Это было известно ещё до Середины Вреён.

— Вот как. Значит, просто отрыжка... Смешно. — Дама задумалась. — Я снова повторяю своё предложение. Я даю тебе деньги. Много денег. Просто так.

Антор мучительно соображал, как бы ему уйти, не нарушая правил приличия. Он не понимал происходящего, да и не пытался понять. Теперь ему хотелось одного — вернуться в залы дворца, где вовсю веселились его друзья. К сожалению, странная женщина загораживала проход. Ах, если бы появились посторонние — у него был бы повод...

— Я же не ваше доверенное лицо и не ваш наследник, любезная госпожа, как же тогда я могу взять ваши деньги? — наконец нашёлся он.

— Это подарок. Вы же дарите друг другу подарки?

— Деньги не могут быть подарены, потому что подарок нельзя продавать, не оскорбляя тем самым дарителя, а деньги по своей природе предназначены к трате... — Антор решительно закончил: — Прошу вас, любезная госпожа, прекратим этот ненужный разговор. Мне надо идти.

— Подожди, — дама напряжённо улыбнулась, — ведь должен же быть какой-то способ! А, вот! Что ты сделаешь, если найдёшь клад?

— Я не буду его искать. Мой дед чуть не разорился на поисках фамильных сокровищ, и я не хочу себе такой судьбы, — отрезал Антор.

Дама почему-то обрадовалась.

— В вашем роду есть легенда о фамильных сокровищах? Очень хорошо... Но, допустим, ты их нашёл. Что ты сделаешь в таком случае? Ведь ты же возьмёшь их себе?

Молодой домин почувствовал себя несколько увереннее.

— Я обращусь в Чёрный Храм, к жрецам Справедливости, чтобы они подтвердили мои права. Нахождение клада, особенно родового, — честный способ обогащения, признанный Чёрным Храмом и всеми людьми.

— Отлично! Считаю, что ты уже нашёл свой клад. Я дам тебе денег. Но у меня есть одно условие. Ты должен тратить все деньги только на себя. На себя и на свои удовольствия. Больше ни на что. Ты понял меня?

— На себя? На свои удовольствия? — Антор решил на время принять правила непонятной ему игры, пока не появится возможность вежливо её прекратить. — Но тогда зачем мне богатство? На жизнь мне хватает. Конечно, хотелось бы иметь больше...

— Зачем? — Госпожа Майя не отставала.

Откуда-то издали послышались шаги и звуки речи.

— Давай отойдём. — Женщина нервно оглянулась. — Не хочу, чтобы нас подслушали.

Антор только махнул рукой: он уже разобрал, чьи это голоса. Это дом Тим и дом Гау гуляли по галерее, продолжая свои теологические споры. С ними ему встречаться не хотелось.

— Ещё можно сказать и так, — бубнил дом Тим, — что бог есть общее понятие, обладающее ценностью. Например, физики, говоря о природе, рассуждают о движении и покое. Это понятия, не обладающие ценностью и как таковые не божественны. Но с покоем связаны для нас понятия отдыха, расслабленности, неги — а это у нас зовётся Оранжевым богом Отдохновения. На более высоком уровне это устойчивость, стабильность, равновесие, то есть Жёлтый бог, который да не оставит земли Арбинады... Соответственно движение, обладающее ценностью, — это развитие, новшества, она же Синяя Богиня, да дарует она благополучие людям Арбинады... Разве не правы, таким образом, древние мифы про то, как эти боги сходятся друг с другом в любовном соединении, порождая тем самым Зелёного бога Жизни. Наука также утверждает, что жизнь на Арбинаде была не всегда... Таким образом, боги могут порождать друг друга, а значит, и возникать. Тем самым правота Хингра снова подтверждается...

— Лучше посмотри вот сюда! Какое чудо! — Похоже, дому Гау прискучил богословский диспут.

Шаги свернули в сторону: видимо, гости увлеклись разглядыванием каких-то редкостей.

Госпожа Майя не сводила глаз с Антора.

Молодой домин чувствовал себя странно: казалось, что зрачки женщины поймали его и крепко держат.

— Скажи, ты хотел бы иметь такой дворец? Такие галереи? Устраивать праздники? Чего бы ты хотел, обладая деньгами?

— Да, я хотел бы устраивать праздники. Иметь дворец, дорогие вещи. Помогать друзьям. Выделял бы средства на исследования природы...

— Вот об этом забудь. Ты будешь тратить свои деньги, — женщина говорила о будущем богатстве Антора с небрежной уверенностью, — только на себя. Лично на себя. Никаких вложений в торговлю. Никакого финансирования науки. Никаких ссуд, даже ближайшим друзьям. Вообще ничего такого — кроме развлечений, праздников, путешествий и так далее. Запрещена всякая помощь другим людям, особенно находящимся в тяжёлом положении. Так что выбирай себе друзей, которые не разоряются. Подарки разрешены — и чем дороже, тем лучше. Ты говоришь, у вас не принято продавать дарёное?

— Да, конечно, — пожал плечами Антор. Он каким-то краешком сознания осознавал бессмысленность этого разговора,

но почему-то не мог его прекратить. — Если что-то случится с моими землями, я буду обязан компенсировать убытки.

— Отлично, мы договорились. Если ты нарушишь одно из этих условий, ты будешь наказан: золото на какое-то время исчезнет.

— Но как же выплаты крестьянам? Я домин.

— Да, конечно... Насколько я понимаю, ваша система основана на добровольно-принудительной страховке. Ваше Сословие является чем-то вроде сообщества страховщиков, так? Отвечай мне.

В уме домина шевельнулось слабое удивление: он перестал понимать, зачем он отвечает на эти странные вопросы, зачем он вообще продолжает этот нелепый разговор. Тем не менее он ответил — чётко и ясно:

— Да, конечно. Мы страхуем крестьян, живущих на наших землях, и купцов, плавающих к ним на кораблях. Жрецы вместе с Советом Сословия определяют минимальную страховую выплату, делая её разумной и справедливой. А домины защищают свои земли от несчастий — ведь иначе им придётся платить пострадавшим. Раньше это были чудовища. Теперь — природные бедствия и экономические кризисы. Поэтому мы развиваем науки: знания позволяют снизить страховые риски и повысить прибыли. Многие осуждают такой порядок, — счёл нужным сообщить Антор. — Они говорят, что страховое дело — такой же бизнес, как и все остальные, и что надо предоставить право им заниматься любому простолюдину. Но мы, домины, столетиями живём на своей земле, знаем её и... и любим, — добавил он. — К тому же мы, по обычаю, вершим суд на своей земле. Разве кто-нибудь пойдёт со своей жалобой к постороннему человеку, которого он не знает? И религии это противоречит. Храмы богов такого не допустят.

— Я поняла. Хорошо. Страховые выплаты делать можно, но будь скуп. Теперь возьми это.

Она протянула ему маленький, расшитый золотой нитью красный поясной кошелёк:

— Открой.

Антор послушно открыл кошелёк. Он был пуст.

— Поклянись своими богами, что ты будешь тратить свои деньги только на себя, — потребовала женщина.

— Как я могу это сделать здесь? Мы должны пойти в храм и оформить клятву, — пробормотал Антор.

— Опять забыла... Эта ваша *рационалистическая религия*... Ну хорошо, не клянись. Положи туда руку. Засунь её внутрь. Антор послушался.

На руку дохнуло что-то тёплое.

— Очень скоро ты сможешь доставать отсюда золото и серебро — сколько тебе нужно. — Голос женщины манил, приказывал. — Никто другой не сможет этого сделать. Не бойся потерять эту вещь. Украсть её тоже невозможно. Но не забывай: эти деньги ты вправе тратить только на себя. Только на себя.

Антор внезапно вспомнил о том, чего он хотел бы больше всего на свете.

— Мои дети! — закричал он. — Мне нужно купить потомство!

Госпожа Майя приподняла бровь.

— Я так и не поняла эту вашу систему... Почему вам так важно платить деньги за детей? И почему вы гордитесь, что заплатили дорого? Это как-то связано с престижем? Отвечай, — приказала она, и Антор снова подчинился.

— Человек стоит столько, сколько за него заплатили, — начал объяснять он. — Это... это... это называется благородство происхождения. — Он не мог сказать понятнее, потому что сам не знал, как это можно выразить другими словами. — Благородные люди всеми уважаемы, даже если у них нет других достоинств, — наконец сообразил он. — Но обычно они всё-таки есть: дорогих детей рожают самые лучшие женщины, самые красивые и умные... или популярные матери, если их потомство получило известность...

— Своего рода *евгеника*. — Женщина произнесла очередное непонятное слово. — Интересно всё же, почему *институт брака* у вас не сложился... Хорошо. Ты будешь платить за своих детей. Не продешеви. Плати большие деньги, очень большие. Ты поразишь всех блеском своего состояния.

Глаза женщины стали огромными, они заполнили собой всё пространство.

— Сейчас ты потеряешь сознание, домин Антор. Ненадолго. Когда ты придёшь в себя, меня здесь не будет. Не пытайся меня найти и не думай обо мне. Если ты будешь думать об этом, у тебя заболит голова. Помни только о кошельке. Он твой, и всё, что в нём есть, — тоже твоё. Не бойся его потерять — он всегда вернётся к тебе. Не бойся отдать его другому —

золото из него сможешь достать только ты. Но не забудь: ты должен тратить все деньги только на себя. Лал'н.

Антор попытался отвести взгляд — и не смог. Колени его подкосились, и он тяжело осел на пол, задев в падении край платья госпожи Майи. Последнее, что он видел, — её тяжёлый, презрительный взгляд сверху вниз.

Когда он очнулся, женщины уже не было. В голове тёмным облаком оседало смутное воспоминание о каком-то непонятном разговоре. Незнакомка... странная беседа об астрономии... что-то о деньгах?

Кошелёк. Ах да, кошелёк.

Молодой домин скептически посмотрел на зажатую в руке вещичку. Судя по весу и на ощупь, он был пустой. На всякий случай он открыл его и заглянул внутрь. Красная подкладка ничем не порадовала.

Антор бросил ненужную безделушку на пол: авось подберут, у дома Сеназы много верных слуг, следящих за порядком и чистотой.

Пора было возвращаться, придумывать на ходу какие-то объяснения своей нелепой выходке. Потом ещё придётся остаться на праздничный пир, пить вино, кричать вместе со всеми «счастливое соединение, золотое потомство»... Может быть, сказаться больным? Тоже нехорошо: он рассчитывал провести сегодняшнюю ночь с Эстрой, которая, конечно же, не будет беспокоить захворавшего любовника... А, пусть её: всё равно настроение безнадёжно испорчено, нельзя же заниматься любовью с химерой в печени... Может быть, вино? Да, пожалуй, этот вечер он проведёт в саду наедине с кувшином. Лучше всего — крепкое вино Розовых Островов. Интересно, за какие деньги его можно достать здесь? Сеназа процветает, но именно поэтому всё так дорого...

Что-то мешалось у пояса. Пальцы домина потянулись к животу — и нащупали там нечто постороннее.

Дом Антор с вялым удивлением поднёс к глазам кошелёк, как две капли воды похожий на тот, что он выбросил.

Он открыл его, ни на что особенно не рассчитывая, и обнаружил внутри четыре серебряные монеты. Ему почему-то пришло в голову, что это, наверное, и есть здешняя цена за кувшин розового. Сумма была как раз подходящей.

Он горько усмехнулся. Несколько серебряшек — вот красная цена его удовольствиям. Ну что ж, это он по крайней мере

может себе позволить всегда. Он всё-таки не нищий и пока ещё может пьянствовать хоть каждый день...

Машинально сунув кошелёк за пояс, Антор стал размышлять, стоит ли добираться домой пешком. Утром, выходя из дому, он рассчитывал, что встретит друзей, с которыми и проведёт вечер, а до храма Всех Богов его кто-нибудь доведёт. Нанять экипаж? Или всё-таки — Турн на своём единороге? Едва ли: насколько Антор знал своего друга, половина седла уже предназначена для какой-нибудь красотки. Кстати, может быть, познакомить его с Эстрой? Это было бы вежливо с его стороны... Но сегодня Антору почему-то не хотелось быть вежливым. К тому же друг наверняка откажется от женщины, а предпочтёт вместо этого утешать его, Антора. Кончится это тем, что они вместе напьются и он наговорит Турну лишнего. Так что лучше заранее уступить седло прекрасной незнакомке. А вот интересно, кстати, за какие деньги здесь можно купить такого скакуна, как у Турна? Небось немало...

Он случайно коснулся рукой кошелька и вдруг почувствовал, что вещица мелко дрожит. Антор едва успел ухватить его покрепче, когда створки кошелька разошлись и оттуда выпрыгнула блестящая, как рыба чешуйка, золотая монетка. За ней последовала вторая, третья, четвёртая.

Красную подкладку рвало золотом.

Малая Гряда, третий остров, селение Антор. 244 год, 12-й день

Луна заливала площадь ярким, холодным сиянием. Свет был предутренним, розовато-пурпурным. Казалось, что лунные лучи порозовели, пройдя сквозь душистые облака ароматов, источаемых цветущими остролистами.

Ветер сонно шевелился в листве старых высоких яблонь. Ветви отбрасывали тяжёлые лиловые тени на мраморные плиты.

Неожиданно сильный порыв холодного ветра с моря смял ароматы цветов. Сразу посвежело. Домин Антор зябко передрнул плечами и поглубже закутался в тёплый плащ.

Он окинул площадь оценивающим взглядом. В лунном свете строительная грязь и мусор были практически незаметны. Видна была только чёрная яма посередине, да какое-то строительное приспособление рядом с ней. Ничего-ничего, уже сегодня здесь будет установлен цоколь... и, может быть, сегодня

ня же корабль с Зелёных Островов привезёт и сам памятник, работу мастерской Дворкина.

Антор зажмурился, чтобы вообразить, как будет смотреться здесь высокая фигура его предка, основателя династии Антора Голубоглазого, да не изгладится память о нём. Того, кто закопал в земле острова огромный клад из драконовой сокровищницы. Столь счастливо обрётённый его отдалённым потомком на этом самом месте. Во всяком случае, такое объяснение он предложил жрецам Чёрного Храма и Совету Сословия. Объяснение их удовлетворило: в конце концов, о фамильном сокровище Анторов знали все...

За это следовало выпить.

Молодой домин отцепил от пояса флягу с сахарным ромом, предусмотрительно прихваченную в качестве средства от сырости и холода. Этот напиток, ещё недавно считавшийся лекарским снадобьем, с некоторых пор начали продавать купцы с острова Ром — в качестве веселящего и согревающего напитка, подобного очень крепкому вину. Новинка понравилась, хотя и вызывала слишком быстрое опьянение. Антор, любивший всё редкое и изысканное, недавно приобрёл склянку с ромом десятилетней давности — тех ещё времён, когда ром считался средством от простуды и боли в груди.

Он сделал маленький глоток. Ароматная жидкость обожгла горло, потом по всему телу разлилось мягкое тепло.

Молодой домин попытался вообразить, как будет выглядеть площадь, когда все строительные работы будут наконец закончены. Малый дворец почти готов — его строительство заняло всего три года, фантастически малый срок. Но вполне приемлемый, если не экономить. Самой дорогой была работа мастера Неро. Антору пришлось долго упрашивать избалованного вниманием гения, чтобы тот соблаговолил принять заказ от малоизвестного человека. Впрочем, нет: к тому времени домин Антор, с некоторых пор известный как Антор Счастливый, уже стал достаточно популярным, в том числе и как заказчик. Тем не менее ему пришлось трижды удвоить предлагаемую сумму, прежде чем Неро подписал контракт...

Домин самодовольно улыбнулся. С некоторых пор он научился получать удовольствие, думая о тратах.

Зато большой дворец будет строиться ещё дюжину лет, не меньше, и потребует огромных затрат. Кошелёчку придётся поработать. Помнится, однажды, когда понадобилось быстро

оплатить очень крупный заказ, золото лилось из него потоком, так что он устал его держать. Увы, кошелёк рождал монеты только в том случае, когда его касалась рука хозяина.

За эти годы Антор привык к кошельку, но редко задумывался о том, откуда он взялся и как устроен. Когда к нему приходило желание поразмыслить на эту тему, у него начинала болеть голова. В конце концов он мудро рассудил, что действительность надо принимать как она есть, не стараясь заглянуть слишком глубоко. Зато он знал, как с ним обращаться, и неплохо изучил его повадки.

Кошелёк был в чём-то похож на живое существо — вроде домашней лисицы, но смыслёнее. Его невозможно было забыть или потерять: где бы Антор его ни оставлял, через некоторое время он обнаруживал его у себя на поясе. У него был свой характер и свои привычки. Для того чтобы получить деньги, нужно было коснуться, а лучше погладить кошелёк, думая о тратах. Точнее — домин затруднялся это выразить словами, — он давал деньги, когда у хозяина было твёрдое намерение купить какую-нибудь вещь или услугу. Давал он денег на покупки примерно столько, сколько вещь могла бы стоить без торга, даже чуть больше необходимого. Попытки экономить и копить деньги кошелёк не одобрял, стараясь впоследствии недодать столько, сколько Антор утаил. Он охотнее и быстрее давал деньги на развлечения и пустые траты, нежели на необходимые выплаты: в этом случае он цедил монеты нарочито медленно. Кошелёк также бдительно следил, не давал ли Антор денег на что-нибудь запрещённое, вроде тех же наук, или на благотворительность. Однажды Антор был вынужден пожертвовать небольшую сумму на благоустройство острова Рей. Кошелёк обиделся и не давал ему золота дюжину дней. Домин чуть не сошёл с ума от беспокойства — и только после того, как он захотел приобрести дорогостоящую герму, красная подкладка снова начала рождать золото... Ещё хуже было, когда он, склонившись на просьбы своего друга Орма, выделил небольшие деньги на поддержку его исследований. Кошелёк закрылся на три дюжины дней. С тех пор Антор стал очень осторожным. Впрочем, теперь к нему больше не обращаются с такими просьбами — всем уже стало известно, что Антор заинтересовался богословием и с некоторых пор стал горячим приверженцем Хингра... Друзья тоже бывали

недовольны им, когда ему приходилось отказывать в пустячных деньгах. Впрочем, их недовольство Антор научился гасить дорогими подарками, на что кошелёк соглашался, хотя и не без демонстративных задержек. Несколько раз было и такое, что кошелёк отказывал ему в золоте вообще без всяких видимых причин, и приходилось терпеливо ждать, пока он вернёт владельцу свою милость. Зато строительство и прочая роскошь финансировалась без промедления. Не так давно ему пришло в голову украсить галерею малого дворца (увы, пока ещё не столь роскошную, как галерея дома Сеназы) древними бронзовыми статуями, найденными на гонгурских отмелях, — видимо, там когда-то были острова, разрушенные морем. Кошелёк отнёсся к этой идее благосклонно, вылив из себя целую кучу монет. Что ж, заказ Сервину уже сделан. Надо будет, кстати, поинтересоваться, не пришёл ли корабль...

Белка проскакала по яблонево́й ветке над его головой, обсыпала мелкими яблочками.

Домин потрянул головой, освобождаясь от дум, и решил немного растянуть прогулку.

Он вышел на аллею. Освещение изменилось: круглые золотистые фонари топили свой свет в черно-синих деревьях. Эти новые гонгурские светильники стоили непомерно дорого, но Антор Счастливый мог себе позволить и такое. Говорят, старик Сеназа, прослышав об этом, тоже затеял украшение своих парков подобными светильниками. Впрочем, по сведениям Сервина, строительство наверняка затянется — остров переживает не лучшие времена, а старый домин и без того изрядно поиздержался... Зато аллея Антора была уже готова, и можно было днём и ночью наслаждаться переливами цвета: тёмно-зелёный камень перилец подбирался с таким расчётом, чтобы оттенять живую зелень.

Он дошёл до конца. Два последних столбика венчали маленькие гермы из кроваво-красного вулканического камня: дракон и химера, готовящиеся напасть друг на друга. Когда мастер Неро представил ему проект, Антор долго не мог понять, каким образом красное может сочетаться с зелёным. Мастер, однако, настоял на своём и оказался прав.

За гермами находилась круглая площадка, огороженная каменными перильцами. За ними простиралась темно-зеленая гладь моря: площадка находилась на краю почти отвесной скалы.

Над водой клубилась легкая белесая дымка. Граница между морем и ультрамариново-изумрудным небом была почти незаметна.

Антор устало опустился на мраморную скамью посреди площадки. Ощувив всем телом холод камня, влажного от предутренней росы, снова встал. Подошёл к перильцам, чтобы смотреть на море.

Серебристая дорожка лунного света бежала мимо парусов на рейде, мимо мола, черной тенью опоясывающего гавань, мимо скалистых островков Гряды, мимо недавно построенного маяка, бросающего пучки света в сторону океана. Морские птицы кружили над гаванью, эхо их тоскливых криков металось в сыром воздухе.

Антор ощутил какое-то смутное беспокойство.

— Олле! — Тёмный силуэт показался в аллее. — Я вас искал, Антор.

— Олле'ла, Сервин! Я не ждал вас так скоро. — Антор был слегка раздосадован тем, что его потревожили, — и в то же время обрадован. Он уже успел изучить Сервина: тот не стал бы торопиться с дурными вестями.

Купец приблизился. Даже в слабом предутреннем свете по его лицу было видно, что он очень устал.

Антор указал гостю на мраморную скамью, и тот с явным облегчением развалился на ней, не обращая внимания на холод и сырость.

— Простите меня, Антор, но я только что с дороги, — Сервину было явно не до церемоний, — корабль вошёл в бухту три часа назад, и сразу же навалились куча дел, всего сразу не расскажешь. Надо было бы поспать, но я не смогу, да, не смогу заснуть, пока всего не переделаю. Учтите, на этот раз я выставляю вам счёт, который вас удивит.

— Потом, потом... Она согласилась? — Домину не терпелось услышать главное.

— Она уже здесь. — Сервин выдержал паузу. — Я привёз домину Нелию прямо к вам. Я взял на себя смелость разместить её в вашем малом дворце. Но всё-таки я не понимаю, зачем вам это надо. Как я и предупреждал, она постарела и подурнела. Откровенно говоря, она почти старуха. Сомневаюсь, что она вообще способна зачать и тем более выносить плод. Да, сомневаюсь.

— А она?

— И она тоже. Но сказала, что готова рискнуть. Она согласилась приехать только после того, как я предложил ей три дюжианды дюжианд дюжианд золотом. Вообще-то это безумие, — добавил он. — На такие деньги можно купить не самый плохой остров.

— Я был уверен, что Золотая Лисица не откажется от денег, — самодовольно заявил Антор.

— Нет, не только это... Она богата и ни в чём не нуждается. Скорее уж ею движет тщеславие, да, оно всегда было ей свойственно. — Сервин завозился на скамье, пытаясь устроиться поудобнее. — Как и вам.

— Пусть так, — Антор усмехнулся, — я могу себе это позволить. Я хочу быть отцом последнего ребёнка Золотой Лисицы.

— Как бы то ни было — счастливого соединения, золотого потомства, — вежливо завершил Сервин, после чего неожиданно широко зевнул. — Но почему всё-таки именно она? Есть женщины здоровее и моложе, не уступающие ей в популярности. Вот, например, эта новая женщина, Миу? Сейчас она блистает в Гонгуре. Я видел её, она юна и красива. Я уверен, что она станет очень популярной матерью, да, очень популярной.

— Скажите уж честно, Сервин, что вы увлеклись этой Миу как женщиной и теперь пытаетесь сделать ей рекламу. — Антора позабавило провинциальное простодушие купца.

— Я никогда не путаю удовольствия с коммерцией, — проворчал Сервин, но было понятно, что стрела попала в цель.

— Говорят, на ваших родных островах существует обычай забавляться только с той женщиной, которая готова родить вам ребёнка? — поинтересовался Антор. — Простите меня, но я очень любопытен.

— Ну не так, — протянул Сервин, — мы не настолько дики. Хотя длительная привязанность к матери своего ребёнка вполне естественна... А Миу и в самом деле великолепна. Я закажу ей ребёнка. И заплачу ей достаточно, чтобы дать хорошее начало её карьере.

— Вот и славно. Дайте ей мешок золота, и пусть она родит вам умного сына или прекрасную дочку. А я предпочту потомство от Лисицы.

— Вы тщеславны. — Сервин снова зевнул. — Ещё раз простите, я очень долго не спал... и к тому же выпил вина. Иначе

я бы свалился прямо на дороге... У вас, случайно, нет с собой глоточка чего-нибудь этакого? Я замёрз.

Антор протянул ему флягу с ромом.

Сервин приложил сосуд ко рту, сделал долгий глоток, закашлялся.

— А, новый напиток... крепкий, — он отхлебнул ещё, — но от него тепло... — ещё один глоток, — вот теперь хорошо. Но как же я устал!..

Он опустил руку и положил флягу на землю.

— Осторожнее с ромом, — предупредил Антор, — это коварное питьё. Тем более вы уже пили вино...

— Пустяки, дорогой друг, в молодости я один выпивал три кувшина красного и потом всю ночь играл в кости, — отмахнулся Сервин. — А на последнем празднике у дома Сеназы я выпил не меньше, хотя вино было лучше, да, лучше...

— Кстати, как поживает старик? — почти невежливо перебил его Антор. — Говорят, у него какие-то денежные затруднения?

— Ну, золота у старого церрекса ещё хватает, — подумав, сказал Сервин, — но он перебарщивает с расходами. Сейчас он затеял перемену убранства во дворце, снос старых построек и ещё кое-что по мелочам. Кстати, он очень интересовался строительством на Малой Гряде. Я постарался описать всё как можно подробнее. После чего мы заключили с ним ряд новых соглашений о поставках...

Антор усмехнулся.

— Пока что моему скромному жилищу далеко до дворца Сеназы, — признал он, — но придёт время, и оно затмит великолепием всё, что видела Арбинада. Я не пожалею расходов.

— А Сеназа не пожалеет расходов, чтобы этого не случилось, — тем же тоном отозвался купец. — По-моему, это безрассудство. К тому же за ним уже потянулись и другие. Например, дом Корел с Архипелага...

— Я там был, — презрительно скривил губы Антор, — дом Корел совершенно лишён вкуса и чувства изящного. Он всего лишь богат, не более того. И к тому же скуп. Представляете, он при мне торговался с каким-то купчишкой из-за нескольких брёвен чёрного дерева! Я не выдержал, купил эти брёвна сам и подарил их ему, чтобы только избавить себя от этого зрелища.

— Он никогда этого вам не прѣстит, — серьёзно сказал Сервин. — Вы его унизили.

— Почему же тогда он их принял, да ещё и рассыпался в благодарностях? — огрызнулся Антор. — Этот скряга был явно доволен.

— Потому что он ценит деньги. Вы, Антор, совершенно не понимаете, что такое деньги, и тратите их без счёта. Вам следует ограничить расходы и больше думать о доходах.

— И это говорите мне вы, Сервин? — изумился Антор. — В конце концов, мои деньги идут в основном в ваш карман!

— Не спорю, я неплохо наживаюсь на ваших прихотях, — Сервин заговорил несколько живее: похоже, ром всё-таки ударил ему в голову, — но меня волнует будущее. Деньги имеют свойство кончаться. Даже ваш знаменитый клад, в конце концов, конечен. Хотя вы уже трижды объявляли об увеличении состояния...

— Клад очень велик и спрятан в разных местах, — повторил Антор своё обычное объяснение. — Я произвожу поиски в своих владениях — то там, то тут. Иногда что-то нахожу.

— В таком случае вы находите больше, чем объявляете. Может быть, вы открыли месторождение золота или серебра? Впрочем, рудознатцы уверяют, что в землях Гряды никакого золота нет и быть не может. К тому же не видно и следов разработок... Нет, это совершенно невозможно. Но я-то знаю ваши настоящие расходы! Сейчас ваше объявленное состояние сравнимо с капиталами того же дома Сеназы...

— Меньше, — сухо поправил его Антор.

— Официально — меньше. Но ваши траты совершенно непомерны. Вы бы давно разорились, да, разорились бы, если ваше состояние было бы равно указанному в Храме Справедливости... Кстати сказать, это обстоятельство вводит в заблуждение дома Сеназу и всех прочих. Им кажется, что они могут соперничать с вами в роскоши. Я их, впрочем, не разубеждаю — пока они мне платят. Но они скоро это поймут. И потребуют расследования, рано или поздно. Обратятся к Совету Сословия и жрецам Справедливости и обвинят вас в укрывательстве части состояния с целью избежать дополнительных обязательств и выплат в казну.

— Пусть попробуют. У меня нет лишних денег, которые я укрывал бы от Совета Сословия. Да и зачем бы?

— Зачем бы? — переспросил купец. — Сложный вопрос, да, сложный. Для разных целей. Некоторые думают, что ваш клад не кончится никогда.

— Что это значит? — Антор насторожился.

— Идут разговоры, — неохотно объяснил Сервин, — что вы открыли способ превращения неблагородных металлов в золото.

— Но ведь это невозможно, — пожал плечами Антор. — Всем известно, что золото является одним из первоэлементов, а они не могут превращаться друг в друга.

— Наверное, это так, — протянул неуверенно Сервин, — но ваше богатство... и тайна его происхождения... это, знаете ли, распаляет воображение. Да уж, распаляет. В учёных кругах подобное превращение называется алкемизмом, если я правильно произношу это слово. Алкемисты учат о какой-то «живой жидкости», способной обращать олово и медь в золото...

— Какая нелепость. — Антор позволил себе усмехнуться. — Простите, Сервин, но вам всё же не хватает образования. Меня учили истории наук. Алкемизм — это древнее учение о стихиях, давно отвергнутое всеми образованными людьми. Возможно, несколько сумасшедших ещё занимаются подобными изысканиями, но втайне, чтобы не быть осмеянными. К тому же алкемисты делали странные вещи. Например, проводили опыты с кровью и разными телесными выделениями. В том числе и такие опыты, которые Белый Храм запрещает из милосердия.

— Вот именно. — Сервин звучно икнул. — Эти, как вы изволили выразиться, образованные люди, изучавшие историю наук, — да, эти образованные люди! — скупают за сумасшедшие деньги старинные трактаты по алкемизму. Новая мода, и она распространяется. Недавно я продал несколько манускриптов... я не гнушаюсь мелкими сделками, это помогает держать руку на пульсе... так вот, две книги приобрёл дом Гау, ваш друг. При этом он почти не торговался. Но просил сохранить сделку в тайне. Наверное, чтобы не стать предметом насмешек? Отнюдь нет, о, я уверен, отнюдь нет...

— Что? Дом Гау купил подобную чушь, да ещё и за большие деньги? Лучше бы он занимался своим островом... или хотя бы настоящей наукой! — вспылал Антор.

— О, это говорите вы, с вашим отношением к научным изысканиям? — вкрадчиво заметил Сервин. — Кстати, до меня

доходили слухи, что Хингр из храма Белой Богини недавно выступил с новой проповедью. Совершенно блестящей, если верить всё тем же слухам. Да, блестящей.

— Да, — подтвердил домин Антор, — я, кстати, присутствовал на этой проповеди. И я разделяю многие мнения его школы.

— Особенно в том отношении, что чересчур поспешное изучение природы приводит к порче нравов и тем самым противоречит воле богов? Многие теологи считают подобное противоречащим воле Синей Богини, то есть идее развития и прогресса...

— Помилуйте, дорогой Сервин, но если ещё и вы станете богословствовать, мир перевернётся! — рассмеялся Антор. — Я и так не знаю, куда деваться от разговоров о божественном. И не только разговоров. — Домин помрачнел. — Недавно мне пришлось разбирать случай суеверия. На празднике Жёлтого Бога, в День Урожая, мои крестьяне сожгли соломенное чучело так называемого духа засухи. Я не знал, какое решение принять. Поклонение несуществующим богам осуждено всеми Храмами, но можно ли считать сожжение пучка соломы актом поклонения? Сами же крестьяне утверждали, что они пытались таким странным образом отвести от себя какие-то несчастья... А ведь они ни в чём не нуждаются! Недавно я выплатил им огромную страховку за неурожай, причём случай был очень спорный, и Совет Сословия мог бы освободить меня от этой выплаты, если бы я обратился... Но я не стал скупиться. В моём положении это было бы смешно.

— Вот именно. — Сервин заговорил медленнее, подбирая слова. — Вы не стали скупиться, да. Но иногда щедрость бывает разорительной. Знаете, почему дом Гау испытывает такой интерес к золоту?

— Может быть, у него начались трудности с деньгами? — предположил Антор. — Хотя это вряд ли. Он плохой коммерсант и не очень хороший домин, но он всегда был прижимист и не тратил лишнего. Это его обычно и выручало.

— Да, у него была такая репутация. До последнего времени, — осторожно заметил Сервин. — Но с некоторых пор он изменился.

— Что, неужели этот сухарь стал швырять золото направо и налево? — Молодой домин слегка улыбнулся. — Ну, я надеюсь, что он стал приличнее одеваться.

— И это тоже... Но, видите ли, тут всё сложнее. Помните, в прошлом году вы сделали ему подарок?

Антор потёр переносицу, вспоминая.

— Ах, это... Он приехал ко мне на праздник всё в том же камзоле... на тощем единороге почтенного возраста. Мне стало жаль зверя... и седока тоже. Кажется, я подарил дому Гау пару неплохих скакунов, с тем чтобы он отпустил несчастное животное на волю, как подобает... И что с того?

— Я бы не назвал их «неплохими», — заметил Сервин. — Насколько я помню, чистопородные гонгурские золотые единороги? Подобный выезд сейчас стоит... дайте-ка сообразить... я бы взял каждого зверя за двадцать одну дюжианду и легко сбыл по тридцать пять, а на Дальних Островах и за сорок. Кажется, ваш отец заплатил за вас меньше.

— Не важно, — махнул рукой Антор. Он не обижался на Сервина, зная его историю.

— Но таких животных нужно ещё и содержать, — продолжил Сервин. — Им нужно особое помещение, отличное зерно, чистая вода... нужны хорошие слуги, умеющие за ними ухаживать. Их нельзя запрягать в телегу, поэтому нужен экипаж хорошей работы, или мягкие сёдла... наконец, неприлично ездить на гонгурских золотых совсем уж без украшений... Ваш подарок обошёлся дому Гау недёшево, очень недёшево. Откровенно говоря, такие расходы ему не по карману. Пока что ему везёт, но первая же выплата может поставить его в затруднительное положение. Да, в очень затруднительное.

Антор задумался. Мысль о том, что подарок может повлечь за собой расходы, ему как-то не приходила в голову.

— В следующий раз, — наконец сказал он, — я буду осторожнее. Не стоит дарить то, на что нужно тратить деньги.

— Тратить деньги нужно на всё, — вкрадчиво заметил Сервин. — Предположим, вы подарили бы дому Гау не единорогов, а, скажем, драгоценный камень. Его, конечно, не нужно кормить зерном. Но его ведь надо носить, не так ли?

— Конечно. Иначе это можно принять за неуважение к дарителю. — Антору почему-то вспомнилось, что он ещё не видел на своей нынешней возлюбленной, домине Каре, своего последнего подарка — ожерелья из розового жемчуга.

— В таком случае можно ли носить драгоценность на том, извините, наряде, в который обычно облачается наш общий знакомый?

Антор невольно улыбнулся:

— Да, это заставило бы его наконец обновить одежный сундук.

— Вот видите? Ведь это предполагает новые траты, не так ли?

Домин задумался. Ему внезапно пришло в голову, что он никогда не видел домину Кару в розовом. А подаренный им жемчуг требует, безусловно, по-настоящему роскошного одеяния. При этом одежду дарить не принято. Денег он ей дать тоже не может, увы. Может быть, заказать ей ребёнка? У Кары уже двое, и она набирает популярность как мать... Да, это было бы дальновидно. С другой стороны, чересчур множить потомство тоже не стоит, это создаст известные проблемы в будущем... И, в конце концов, это не его проблемы. Благородная домина охотно принимает его подарки. Беспокоиться не о чем.

— Кстати, — продолжал тем временем Сервин, — вы ведь регулярно одариваете гонгурский Белый Храм, в котором столь блестяще выступал наш любимец Хингр?

— Та-ак, — Антор недобро прищурился, рассматривая силуэт собеседника на фоне светлеющего неба, — вы хотите сказать, что я тем самым поощряю проповеди Хингра, направленные против наук? Зачем бы мне это понадобилось?

— Возможно, из экономии, хотя это звучит странно. — В голосе Сервина прорезалось сомнение. — Насколько мне известно, с тех пор, как вы нашли этот свой клад, вы не пожертвовали на исследования природы ни единого медяка, хотя от вас этого ожидали — да, очень ожидали, в том числе и ближайшие друзья... Вы всячески уклонялись от этого, но не хотели ничего объяснять. Тут Хингр выступил со своей проповедью. По мне, этот человек просто любит красиво звучащие слова... и чтобы о нём много говорили. Обычно его идеи вызывали шум, но через дюжину дней всё забывалось. Но на этот раз вышло по-другому, да, совсем по-другому. Одна из его проповедей привлекла ваше внимание. Вы его поддержали... в том числе и материально. Кажется, храм получил щедрые подарки? Думаю, что и сам почтенный жрец тоже не был обойдён вниманием. Я краем уха слышал, что...

— Оставь ты это своё «краем уха», — Антору надоели эти намёки. — Вы платите каким-то людям за сведения, в том числе и за сведения обо мне. Что ж, я помогу вам сэкономить

немного денег. Да, я давал золото Белому Храму, как и многие другие. Потому что я могу себе это позволить, вот и всё.

— Кстати сказать, вы можете себе позволить многое, но не всё, — не отступал купец. — Насколько мне известно, вы никогда не позволяете себе благотворительности и дачи в долг. Подарки — да, дорогие подарки — да, деньги — нет. Золото вы не дарите никому. Хингру же вы дали деньги, много денег. Значит, вы что-то купили у него, не так ли? Может быть, эту его замечательную теорию о том, что изучение природы уводит нас от божественного и что человек вначале должен обратиться внутрь себя и усовершенствоваться морально? Кстати, вы ведь сами чеканите свою монету? — неожиданно спросил он.

— Да, по праву домина, вручённому мне Чёрным Храмом. — Антор немного встревожился. — Мои деньги были многократно проверены знатоками металлов, и было признано, что они установленного веса и размера и чистого металла.

— Странно всё-таки, что вы не стали обращаться к известным чеканщикам. — Язык купца уже слегка заплетался, но ясность ума, судя по всему, его ещё не покинула. — Я наводил справки... некоторые говорят, что ваше золото даже слишком чистое...

— И что же вы хотите этим сказать? — Антор постарался добавить в голос иронии.

— О, ничего особенного. Я хочу кое-что понять, вот и всё. Например, не продешевил ли я, продав алкемические трактаты дому Гау...

Антор недоумённо поднял бровь.

— Предположим — да, только предположим, — тянул своё Сервин, — что существует некий способ искусственного получения золота. Возможно, он очень прост, но по какой-то случайности наши учёные мужи его упустили. Вполне возможно, что вы каким-то образом узнали этот способ. В таком случае ваша неприязнь к наукам получает логичное объяснение: вы не заинтересованы в том, чтобы этот способ открыли и другие, ибо тогда золото перестанет быть ценным. Поэтому вам желательно остановить развитие знаний...

Антор с облегчением рассмеялся.

— Но разумеется, это не так, — невозмутимо продолжил Сервин, — поскольку к таким же выводам обязательно придут

и другие и только удвоят усилия... Нет, я уверен: вы не знаете способа превращения металлов в золото. Заметьте, я не говорю, что вы их не превращаете. Но вы не знаете, как это происходит. Например, вы нашли некое устройство... возможно, в вашей версии, связанной с кладом, есть зерно правды...

Полоска зари над морем всё ширилась. Дымка истончилась, готовая разорваться под первыми острыми лучами восходящего солнца.

— Всё это очень подозрительно, Антор. Но я докопаюсь до истины, да... Простите, я уже... — Он не закончил фразы: вино и ром взяли своё, и богатейший купец Арбинады звучно захрапел.

Благородный домин Антор Счастливым смотрел на разгорающуюся зарю. Безотчётная тревога отступала вместе с первыми солнечными лучами. Сервин со своими догадками оказался смешон. Впрочем, он близко подобрался к истине: в конце концов кошелёк действительно является инструментом для получения золота. Но проницательному купцу это ничем не поможет...

Он развернулся и, оставив на лавочке храпящего купца, зашагал по направлению к малому дворцу, где его ждала Золотая Лисица.

Остров Лисий Зуб, 244 год, 103-й день

Дождь прибывал к мокрой земле осыпающиеся лепестки роз и остролистов. Лепестки пахли горечью и влагой. В разрывах туч, затянувших вид на море, иногда мелькало сонное вечернее солнце, склоняющееся к горизонту.

Домина Нелия пододвинула к себе кифейник, покрытый затейливой вязью и полный до краёв свежесваренного напитка. Неплотно прилегающая крышечка сосуда тихонько позвякивала, подпрыгивала, выпуская на свободу вкусный пар.

Она привстала, чтобы дотянуться носиком кифейника до зелёной керамической чашечки. Тонкий, причудливо изогнутый носик посуды на мгновение завис над донцем, чтобы выпустить из себя тёмную струйку.

Запах свежего кифа на мгновение заполнил просквожённый сыростью воздух, проплыл над дольками яблока и чашей с вином и поднялся к сухим веткам остролиста на потолке беседки. Золотая Лисица запрокинула голову, ощущая, как

аромат напитка поднимается в воздух и принимает её в свои объятия, шарфом обнимает шею, нежно касается губ и ноздрей.

— Госпожа, госпожа! — Встревоженный голос служанки отвлек домину Нелию от созерцания сияющих небес. — Что вы делаете?

— Что такое? — Хозяйка слегка повернула голову.

— Вы опять сидите в этой беседке и пьёте киф! Вы простудитесь! У вас наверняка холодные ноги! И это после вчерашнего приступа... да и утром вам было нехорошо. Надо же иногда думать о своём здоровье!

Служанка стояла у входа с огромным белым зонтом. Вид у неё был чрезвычайно решительный. В таком виде она напоминала Нелии ручного лисёнка, которого ей в детстве подарил отец. Однажды девочка купалась в озере и начала тонуть. Храбрый зверёк бросился в воду — спасти хозяйку, хотя сам был не больше ладони. Девочку, конечно, вовремя вытащили, а вот лисёнок утонул: он совсем не умел плавать. Маленькая Нелия потом долго рыдала над холодным комочком рыжего меха, а её отец, домин Эрз, погладил её по голове и сказал ей тихо и серьёзно: «Запомни, Нелия: отнять жизнь может всё что угодно, но дать жизнь может только женщина».

Золотая Лисица грустно улыбнулась:

— Ты права... наверное. Но мне нравится пить киф и смотреть на дождь. А вчера, ты помнишь, я не могла выйти из дому — так мне было плохо. Сейчас мне лучше, и поэтому я останусь здесь. Принеси мне что-нибудь тёплое. Захвати ножную грелку. И немного вина.

— Вино может повредить ребёнку, — столь же непримиримо заявила служанка. — Уж если вы решились рожать в вашем возрасте, следите за собой...

— Поверь уж, дорогая, я лучше знаю, что нужно ребёнку, — вздохнула домина. — В этом деле я ведь немного разбираюсь, не так ли?

— Вы сами как ребёнок. — Служанка не собиралась уступать. — Пьёте киф, а потом опять не сможете уснуть и потребуете снотворного. А снотворное вам нельзя, потому что его получит и ребёнок...

— Пожалуй, ты права. — Нелия демонстративно отодвинула от себя чашечку, но не очень далеко. — Я не буду пить киф. Поэтому принеси мне шерстяные покрывала и вино. Если

хочешь, возьми и себе кувшин. Мы посидим здесь и посмотрим на закат.

Служанка попыталась сделать недовольное лицо, но не выдержала и рассмеялась. Огромный зонт над её головой хлопал натянутой тканью, как крыло химеры.

— Сейчас принесу. — Она легко сорвалась с места и убежала.

Нелия тут же взяла чашечку и сделала глоток. Горячий киф обжог нёбо, растекаясь во рту приятной горечью. Второй глоток наполнил лёгкие ароматом и очистил взгляд: рассеянный свет стал как будто ярче. От третьего глотка госпожа решила пока воздержаться.

Она в который раз подумала, что следовало бы принять предложение этого Ангора и остаться в его дворце до конца срока. Надо признать, молодой выскочка по-настоящему богат. Уж она-то знает, чем отличается купец-скоробогач от человека истинно состоятельного. К тому же в его дворце её бы окружали роскошь и внимание. Но она слишком привыкла проводить беременность в своём владении на крошечном Лисьем Зубе. Нелия любила этот островок — в отличие от заброшенного мыса Нели, отцовского подарка, который когда-то дал ей имя и место среди благородных доминов.

Женщин в Сословии всегда было меньше, чем мужчин. И в ответственность они себе брали, как правило, незначительные и малонаселённые владения, не требующие особых забот. Игрушечный Лисий Зуб был в этом смысле идеальным местом для того, чтобы спокойно выносить и подрастить ребёнка. Не стоит отступать от привычек и на этот раз. Точнее говоря, в последний раз — больше детей у неё не будет, это уже понятно. Нелия заметила, что в последнее время даже обычные постельные забавы привлекают её всё меньше и меньше. Зелёные жрецы говорят, что это свидетельствует об истощении силы в теле. Об этом следует задуматься: похоже, способность давать жизнь её покидает. Что ж, за все эти годы она пользовалась ею более чем щедро. Скорее всего именно она, Нелия Золотая Лисица, будет признана величайшей матерью поколения. Уж конечно, не эта проходимка Улла, которая умудрилась родить сына дому Рею, но более ничем не прославилась... Впрочем, ещё неизвестно, будет ли этот красивый мужчина с холодными глазами следующим домом Реем... Возможно, отец

предпочтёт кого-нибудь помоложе... Например, своего сына от домины Миры — он славный парень, хотя и излишне увлечён путешествиями и приключениями. Но в нём тоже нет того величия, которое должно отличать Отца Мира, верховного владыку главного острова Арбинады. А вот её, Нелии, кровь, смешавшись с кровью Великого, могла бы высечь искру... Жаль, что теперь об этом уже поздно мечтать. Лучшим её произведением станет тот, кто спит и растёт у неё в животе. Что ж, и это неплохо. По крайней мере этот ребёнок будет воистину золотым...

Она положила руку на грозно выпирающий живот, потом коснулась груди. Увы, тело сдаёт. Уже чувствуется нехорошая дряблость кожи и мышц, верный предвестник скорой старости. Надо поберечь себя...

Служанка снова появилась у входа. Она умудрялась каким-то образом удерживать над собой зонт и при этом ещё нести ворох шерстяных покрывал и корзину с вином и фруктами.

— Мне бы ещё чего-нибудь горячего и острого, — проворчала домина, пока служанка разбирала корзину.

— Жрец сказал, что острое может нарушить баланс жидкостей в теле, — наставительно сказала служанка: она всем сердцем сопереживала своей госпоже, но намеревалась и дальше стоять на страже её здоровья. — Простите за напоминание, но ещё вчера вас тошнило весь вечер.

— Я помню. Это естественное явление, — сказала домина.

— На первых дюжинах, но не сейчас, — настаивала служанка.

— Ты права. — Золотая Лисица сдалась. — Иди, я хочу посидеть одна.

Служанка укрыла госпожу пледом, расставила на маленьком столике посуду и кувшины, зажгла ножную грелку и отправилась обратно на кухню.

Нелия расположилась поудобнее, поставив ноги на горячий ящик. Только сейчас, когда живое тепло коснулось подошв, она поняла, что и в самом деле замёрзла. Это её встревожило: похоже, у неё уже притупляются чувства. Хорошо, если это случайное явление. Или в её теле осталось настолько мало жизни? Ну да ладно, теперь уже поздно об этом думать. В следующий раз она не пойдёт в беседку смотреть на дождь, а останется в доме и прочитает наконец тот сборник

проповедей Хингра, о котором ей столько говорили... Или даже лучше — недавно присланную книгу о превращении элементов. Пусть она мало что в этом понимает, но в её положении следует быть в курсе моды, в том числе научной... Или ещё... нет, думать не хочется... Дождь шуршит, как химерий шёлк, тихо и сонно... сонно... сонно...

Когда служанка вернулась, домина Нелия спала, уютно закутавшись в шерсть и слегка похрапывая.

Служанка тихонько, чтобы не разбудить госпожу, поцеловала её в дряблую щёку и так же тихо покинула беседку.

Пробираясь по скользкой тропинке к дому, она думала, что беременность у госпожи проходит непросто и что жрец Жизни сегодня вышел из спальни госпожи Нелии сильно озабоченным.

Большая Гряды, остров Гау, 244 год, 211-й день

Длинное голубое пламя спиртовой горелки неподвижно стояло в воздухе, упираясь острым краешком в дно колбы. Химический сосуд, зажатый в медном захвате, раскалялся над пламенем. К широкому горлышку была привешена трубка из асбестовой ткани. Из трубки что-то капало на горячее дно сосуда и с шипением испарялось.

Домин Гау тщательно осмотрел дно сосуда и перевернул песочные часы. Потом извлёк из горлышка трубку и заменил её на другую.

В нечистом подвальном воздухе внезапно завоняло отхожим местом.

Антор демонстративно зажал нос: это было уже слишком.

— Простите, это моя ошибка. — Дом Гау резво поменял трубки. — Я понимаю, что вам наши скромные опыты кажутся примитивными, но мы всё же надеемся, что движемся в верном направлении.

Антор отметил про себя это «мы». Похоже, его худшие подозрения оправдываются: домин Гау и в самом деле ведёт себя странновато.

— Мы, алкемисты, — невозмутимо продолжал дом Гау, — пытаемся продвинуться в наших исследованиях природы дальше обычных естествоиспытателей. Многие считают это невозможным... но вы-то понимаете, что это просто и очевидно, это ясно как Солнце! Думаю, что и вы проходили этот этап, пока не достигли успеха. Или же вам всё было

известно заранее? Скажем, вам попал в руки какой-нибудь древний трактат?

— Я не интересуюсь древними трактатами, — почти невежливо прервал его Антор.

Ему очень не нравилось всё то, что он здесь видел.

Дюжину дней назад Антор устроил для друзей небольшой праздник на море, с катанием на лодках в заливе, вином и фейерверками. Станным образом среди гостей оказался и дом Гау, в последнее время очень редко покидающий остров. Отчасти из-за долгой разлуки, отчасти из-за той истории с единорогами, Антор каким-то образом уверил себя, что дом Гау ему чрезвычайно симпатичен. Странно, но и суровый, замкнутый Гау тоже изо всех сил выражал дружеские чувства. Кончилось это тем, что Гау предложил Антору посетить его владения — якобы чтобы приятно провести время и распробовать молодое вино, в этом году решительно удавшееся. Впоследствии Антор уверял себя, что нездоровый блеск в глазах дома Гау уже тогда показался ему подозрительным: уж слишком настойчиво зазывал тот его к себе и слишком уж не хотел более широкого общества. Тем не менее на поездку Антор согласился без особых колебаний.

Путешествие с самого начала не задалось. Двухдневный морской переход до Гау не принёс радости: погода была скверной, и вместо того, чтобы наслаждаться морскими просторами, пришлось коротать время в тесных и душных каютах. Общительный капитан рассказывал обычные морские байки. Антору было откровенно скучно. Зато дом Гау был всё время оживлён и даже весел. Он с видимым удовольствием слушал рассказы капитана, задавал какие-то вопросы и даже пил с ним ром — этот напиток быстро распространился среди мореходов, хотя изрядно потерял в качестве. Напивался он быстро и столь же быстро засыпал после этого.

На острове Гау Антору уже приходилось бывать, так что вид серых неприветливых скал его не слишком огорчил, хотя и не обрадовал. Местное вино оказалось и в самом деле хорошим, хлеб — плохим, а овощи — пресноватыми. Единорогов, которых он так нерасчётливо преподнёс в дар дому Гау, Антор так и не увидел, а спрашивать об их судьбе счёл неприличным. Зато скверные местные дороги и плохие экипажи, влекомые тощими, заморёнными животными, испортили ему настроение вконец.

Поэтому, когда после довольно скромной встречи в своём доме Гау сразу же повлёк Антора в лабораторию, тот поначалу даже заинтересовался. Несмотря на декларируемое неприятие науки, он ещё не потерял остатков любопытства. Увы, теперь ему стало совершенно ясно, что к научному изучению природы занятия хозяина острова имеют весьма отдалённое отношение...

— Перед чем останавливается наше естествознание? — разглагольствовал тем временем дом Гау, не обращая внимания на всё усиливающийся запах мочи. — Оно изучает мёртвое отдельно от живого. Наука, так называемое учение о веществах, принципиально не видит разницы между составом мёртвого и живого тела. Она, например, полагает, что соль, содержащаяся в нашей крови, есть та же соль, что растворена в водах моря...

— Кажется, те соли различаются составом, — начал было вспоминать книжную премудрость Антор, но дом Гау перебил его:

— Немного терпения, дорогой мастер! Я имею в виду нечто более глубокое, но, несомненно, вам ведомое...

«Почему он называет меня мастером?» — недоумённо подумал Антор и бросил рассеянный взгляд на потолок. Увы, он терялся в темноте — своды подвала были слишком высокими, а света — слишком мало. Откровенно говоря, иного источника света, кроме горелки, здесь не было.

— Живое порождает живое, а мёртвое ничего не порождает, — разглагольствовал дом Гау. — Но учёные не желают замечать этого очевиднейшего обстоятельства...

Антор помрачнел. Ему некстати вспомнились дурные вести с Лисьего Зуба. Домина Нелия всё время чувствовала себя плохо, а в последний раз жрец Жизни, через каждую дюжину дней докладывавший домину о состоянии будущей матери, откровенно признался, что опасается за её жизнь.

— Так чем же отличается живое тело от неживого, если оно состоит из тех же элементов? Нам говорят, составом живых тканей. Но при убиении живого существа состав тканей не меняется. Меняется лишь строение самого тела, иногда весьма незначительно. Если некоторые точки мозга длиннокрыла поразить тонкой иглой, птица немедленно умирает. В то же время в иных направлениях ею можно пронзить весь мозг, и она остаётся живой...

— Откуда вы это знаете? — не выдержал Антор. — Вы что, проделывали подобные опыты? Зачем?

— Терпение, терпение, дорогой мастер! Я понимаю, что я всего лишь жалкий слепец, блуждающий в потёмках... Но всё же выслушайте меня. Живое тело состоит из тех же веществ, что и неживое, иначе они не могли бы превращаться друг в друга, не так ли? В чём же разница? В живом теле вещества ведут себя иначе, чем в неживом! Вот в чём состоит чудо! А тогда, если они ведут себя иначе, не можем ли мы предположить, что они могут приобретать свойства, отсутствующие у них во время пребывания в мёртвых телах? Например, не могут ли первоэлементы, заключённые в живом теле, превращаться друг в друга? Ведь в телах животных и растений мы можем найти вещества, которым неоткуда взяться в окружающем мире. Это касается и первоэлементов. Значит, они образуются внутри этих тел... И вы это знаете, мастер...

Антор наконец понял, на что именно намекает дом Гау.

— Дорогой друг, — сказал он, тщательно подбирая слова, — вы хотите сделать золото из неблагородных металлов. Вы почему-то думаете, что я умею делать такие вещи. Поверьте мне, это заблуждение. Вы напрасно тратите время.

— Я ответил бы точно так же, досточтимый мастер... — Дом Гау неожиданно рассмеялся.

В гулком пространстве подвала этот смех показался страшным.

Но ещё страшнее был невесть откуда донёсшийся тихий стон.

Молодой домин схватил горелку — она обожгла ему пальцы — и поднял её над головой, стараясь осветить стену.

Над химическим столом возвышалась конструкция из каких-то длинных полок. На ближайшей из них лежало тело лисицы. Её челюсти были туго стянуты верёвками, тело перекручено и намертво привязано к полке.

Прямо из шеи несчастного зверька торчала тонкая трубка, другая была воткнута ему в зад. Из трубки в шее медленно сочилась тёмная жидкость. Третья трубка, пошире, входила в тело через пробитый бок лисы.

На других полках стояли банки. В некоторых находились тельца мышей, крыс, лягушек. В каких-то лежали отдельные части тел — отрезанные лапы, внутренности, сердца. В одной

находилась изуродованная голова длиннокрыла. Из пустых глазниц торчали обломки стеклянных игл.

Антор выронил горелку. Она упала и погасла.

— Зачем вы это делаете? — тихо спросил он.

— Итак, превращение элементов происходит внутри живых тел, — как ни в чём не бывало продолжил свои рассуждения дом Гау, возясь на полу в поисках упавшей горелки. — Живые тела, однако, не творят золота, поскольку необходимые для того элементы не могут быть внесены в них естественным путём. Мы разработали способы введения элементов в разные органы животных. Но они, к сожалению, быстро умирают, не успевая претворить элементы своей жизненной силой. Я, впрочем, возлагал надежды на эту лису: она оказалась чрезвычайно живучей. Я ввожу ей в разные части тела соли олова и надеюсь найти в её крови и выделениях следы благородных металлов...

— Это бессмысленно. Вы напрасно мучаете животных.

Шумное дыхание дома Гау послышалось неожиданно близко. Антор невольно сделал шаг в сторону. Под ногой что-то противно хрустнуло.

— Животных? Так я и думал... Но никак не решался принять этот вывод... — В голосе Гау послышался неподдельный ужас. — Значит, золото может взреть только внутри тела человека? В некоторых трактатах давались такие намёки, но я не хотел верить...

— Я не говорил этого! — закричал Антор, уже понимая, что переубедить безумца вряд ли удастся. — Послушайте, — начал он. — Ваши теории бессмысленны. Вы идёте в неправильном направлении. Я не алкемист. Я не делаю и не делал ничего подобного. Я просто нашёл клад своего предка...

— Вы напрасно пытаетесь скрыть свои знания, мастер, — тихо сказал дом Гау. — Алкемисты изучили ваше золото. Монеты, которыми вы платите, состоят из металла необычайной чистоты...

Умиравшая лисица снова застонала.

— Но я же не знаю, откуда взялось это золото! — Антор решил во что бы то ни стало переубедить друга. — Я вообще не разбираюсь в науках о веществе! Даже если оно очень чистое, это не значит, что его сделал я!

Алкемист промолчал, продолжая шарить на полу.

— Это очень старое золото, возможно, ещё времён Древности, бывшей до Середины, — продолжал вдохновенно лгать Антор, — может быть, в те времена золото было чище... Или может быть, вы и в самом деле в чём-то правы... может быть, существует какой-то способ превращения элементов... но не столь ужасный!

— Может быть, — по голосу дома Гау чувствовалось, что он не вполне убеждён, но готов поверить, — может быть... По крайней мере я готов поручиться в Чёрном Храме, что вы не знакомы с алкемическим оборудованием. Судя по тому, как вы взялись за горелку. Да, никакой алкемист не схватился бы за горячую часть... Что ж, в таком случае забудьте наш разговор. Впрочем... Не было ли среди тех ценностей, кои содержались в кладе, каких-либо записей или манускриптов древних времён?

Что-то звякнуло, потом зажёгся тусклый свет: это дом Гау засветил масляную плошку.

— Нет, ничего подобного. — Антору стало немножко легче. — Только золото. Может быть, — добавил он с надеждой, — мы уйдём отсюда? Мне хочется на воздух.

— Идите, — бросил дом Гау. Похоже, он резко потерял интерес к гостю. — Мне нужно завершить опыт. Встретимся наверху, там накрыт стол с вином. Я присоединюсь к вам... позже. — Он не стал уточнять, когда именно.

— Вы всё-таки намерены продолжать? — не удержался от вопроса молодой домин.

— Да, — решительно заявил дом Гау. — Откровенно говоря, я потратил на свои опыты почти все свои деньги. Алкемическое оборудование делается из тонкого стекла и стоит дорого, к тому же для опытов нужны некоторые редкие вещества и составы... Как выразались наши предки, мне некуда отступать.

Архипелаг, остров Иган Благополучный, 244 год, 227-й день

— Вот так вот, — самодовольно крикнул домин Иган, взгромождая перед собой тяжёлый кожаный мешок, полный меди. — А это серебро. — Рядом встал мешочек поменьше. — Ну и золотишко. — Рядом лёг небольшой, но туго набитый кожаный футлярчик. — Не извольте беспокоиться, всё считанное-пересчитанное.

— Ещё бы я стал беспокоиться из-за такой суммы, — проворчал Сервин, делая знак своему человеку, чтобы тот взял деньги.

— А коли так, — хитро прищурился дом Иган, — что же это вы заявили в наши края? У нас тут с денежками туговато.

— Я любопытен, — усмехнулся купец, — да, очень любопытен. Если меня что-то интересует, я могу отправиться за этим на ту сторону Арбинады. Я услышал интересную новость — и вот я здесь.

— А-а, — дом Иган раздвинул толстые губы в ухмылке, — вот оно что... Да уж, придумал я штуку. Если б не это, не видать бы вам моих денежек... Да, кстати, насчёт заказа — уж проследите, чтобы чёрное дерево прислали самое лучшее. Чаемо, не сарай строим, а дворец для благородного...

— А, простите, — купец приподнял бровь, — чем вас не устраивает родовое гнездо?

— Пссс! — Иган похабно свистнул сквозь зубы. — Сейчас приличные люди в таких не живут. Я тут недавно на Архипелаг плавал, к дому Корелу. Он раньше вот тоже навроде меня жил. Хоть и денежек у него водилось побольше, а всё равно — сидел себе в старой халупе, как птица в гнезде. Тепло, дождик макушку не мочит, вроде и ладно. А теперь он там такого наворотил, глазам не верится! Чёрное дерево, картины, мебель драгоценная из раковин, да я только рот разевал! А я что, самый последний? Мы тут в самой глухомани живём, до Архипелага полдюжины дней всего-то, если под хорошим ветром идти... Так что будем тянуться. Чтоб не хуже других, во как. Не в хлеву чтоб.

Купец промолчал: возразить по существу было нечего. В самом деле, именовать эту приземистую постройку «родовым гнездом» можно было лишь в шутку. От обычного крестьянского дома её отличали лишь размеры да каменные стены. Внутренняя отделка практически отсутствовала: некрашенные стены, покосившаяся дверь, грубая мебель. На столешнице виднелись круглые следы от пивных кружек. Единственным предметом роскоши был древний боевой топор с длинной ручкой, лежащий на железных скобах, прибитых к стене. Его лезвие потемнело не от крови чудовищ, а от времени. Иганам никогда не приходилось сражаться с драконами, так что оружие имело для них чисто символическое значение.

ческий смысл... По крайней мере до самого последнего времени.

Остров Иган Благополучный больше всего напоминал самое распространённое местное блюдо, фасолевый пирог — ровный, почти круглый, с низенькими оплывшими берегами. В хорошую погоду при попутном ветре с Игана до ближайших островов Архипелага и в самом деле можно было добраться дней за семь-восемь. Попутный ветер случался, однако, нечасто — так что обычный путь занимал дюжину дней. Желющих этот путь совершить бывало немного. Избалованные благами цивилизации жители Архипелага не очень-то интересовались захолустными местечками.

«Благополучным» поименовал остров первый дом Иган, по происхождению обычный крестьянин. Он получил эту землю в ответственность от тогдашнего домина Рея в награду за деяние полезное, но совершенно негероическое. На Игане сохранились несколько редких видов птиц, считавшихся повсеместно вымершими из-за Воробьиной Хвори. Крестьянин разыскал в скалах гнездовья красноногих орланов и сумел приручить нескольких, тем положив начало их домашнему разведению. Иных подвигов он не смог бы совершить при всём желании: на острове никогда не водилось ни драконов, ни церрекссов, а вездесущие химеры нападали на Иган редко и никогда не гнездились. Поэтому после Воробьиной Хвори на острове и впрямь наступило полное благополучие: чудовищ не стало, а прочие неприятности обходили Иган стороной. Даже бури и засухи случались исключительно редко и особенного вреда не приносили. Местные крестьяне могли спокойно сеять свою фасоль, не опасаясь бед ни от неба, ни от моря. Поэтому никто не хотел выплачивать страховые взносы. Совету Сословия с трудом удалось добиться от местных жителей хотя бы минимальных выплат. По той же причине династия Иганов никогда не отличалась состоятельностью, а обиталище семьи походило в лучшем случае на дом зажиточного крестьянина, нежели на настоящий доминский замок.

Судя по мешку с медью, только что продемонстрированному нынешним владельцем острова, здесь кое-что изменилось.

Сервин отпил немного горячего пива. Этот местный напиток уже успел ему надоесть, но хороших вин на острове не было.

— Всё-таки расскажите, как вы сумели собрать с крестьян деньги. Я знаю историю, но хочу выслушать это от вас. При пересказе теряются детали, а в них иногда гнездятся химеры...

— Да всё просто. — Толстая физиономия дома Игана расплылась в ухмылке. — Эти мерзавцы, мои крестьяне, опять задержали выплаты. Мол, скажи и на том спасибо, что вообще тебе платим. Ты, дескать, хоть и домин, а нам без надобности, мы и без твоей казны живём неплохо. Ну не церрекссы, а?

— Это случилось впервые, невыплата в срок? — мягко поинтересовался Сервин.

— Да какое там впервые! Почитай каждый год одна песня: не заплатим да не заплатим. Ну нет, конечно, заплатили бы... но душу вымотали бы. Раньше-то я на это плевал. Ну не заплатят. Мне вроде как на пиво и фасоль хватает. Но сейчас мне деньги во как нужны стали.

— Почему бы вдруг? — Сервин отставил пиво в сторону и принялся за острую фасоль.

— Ну я ж говорю! Побывал на Архипелаге, так у меня прям глаза открылись, как люди-то теперь живут... Не, думаю, я не я буду, если буду в таком хлеву век вековать. И тогда, значит...

— Тогда вы решили построить себе дом попрличнее. Как раз подвернулся один из моих людей... дальнейшее я знаю. Меня интересует другое — как же вы всё-таки собрали деньги.

— Ну так я о чём? Деньги мне были нужны срочно, купцы ждать не любят. А мои собственные — в сословной казне, в рост положил. На руках — горсть серебришка да пара золотых, больше ничего. Я опять пошёл по крестьянам, прямо по домам ходил, представляете? Это я-то, благородный домин! А эти мерзавцы опять за своё: не желаем платить, и всё тут. В другое время я бы, конечно... а тут такая злость меня взяла! Сорвётся ведь дело, чую. Короче, вернулся я домой, пиво пью, думаю. Так с пьяных глаз глянул я на этот самый топор — и завелась у меня одна мысль. Ежели они мне, значит, платить не желают из-за хорошей жизни — дай-ка я сделаю им жизнь поплоче.

— И что же вы предприняли? — Сервин уже знал эту историю, но хотел подробностей.

— Я ж всё-таки домин. Меня в детстве учили оружию, даром что незачем это сейчас. А мне вот пригодилось... Ну, короче, взял я этот топор, да и пошёл к одному домику, где

мне денег уже пять лет как не давали — дескать, пошёл ты со своей страховкой, у нас и без тебя фасоль родится... Крестьяне меня, значит, увидали — сначала не поняли ничего. Сидят, в общем, дома, не высовываются. Смотрят, что я делать буду. Ну так, значит, подхожу я к ихнему птичнику, перехватываю топорище пониже, да с двух ударов дверь — вдребезги. Потом внутрь захожу, по балкам — раз, раз, крыша трещит, птицы вопят, а эти дураки — ноги в руки, в Храм побежали жалобу писать. А я смотрю, как ихний птичник рушится, да посмеиваюсь. Потому что есть закон, по которому домин имеет право на любые действия по отношению к защищаемому им имуществу: он же страховку платит... Всё по-честному.

— Вообще-то этот закон был принят на случай стихийных бедствий, пожаров и нападения чудовищ, — заметил Сервин. — В таких случаях домин, наравне с владельцем имущества, имеет право разрушать постройки, портить имущество и вообще делать всё, что угодно. Но предполагается, что всё это он имеет право делать ради спасения ценностей и жизней людей. Например, в случае пожара или налёта химер возникает необходимость выломать дверь...

— Ага, мне чёрные жрецы потом об этом все уши прожужжали. А я им на это: мало ли, а может, мне показалось, что в том птичнике пожар начался? Я домин, с меня оплата страховки и возмещение убытков. Что не так? Они побухтели-побухтели, да и утихли. Потому как я в своём праве, а что до имущества, так ведь я же за него и плачу. Только вот крестьянин тот мне пять лет страховку не выплачивал. Так что и получил он с меня за свой птичник пару медяков. Ох, какая у него морда была! Зато на следующий день, как Храм и Совет Сословия решение объявили, все потянулись платить. Рожи злые, а денежки-то вот они. — Он самодовольно похлопал по мешку с медью. — И этот заплатил. За все пять лет. Я так считаю, это правильно. Ежели им, церрексам жмотским, мало стихийных бедствий, я им их лично устрою. Я им теперь сам буду стихийное бедствие.

Гонгур, храм Белой Богини, 244 год, 274-й день

Лицо жреца Хингра было гладким и твёрдым на вид, как полированный рог. Тонкие бескровные губы, сжатые в узенькую полоску, говорили о надменности и осторожности, плотно прижатые к черепу уши — о коварстве. Глаза не говорили

ни о чём. Казалось, жрец каким-то непостижимым способом стёр в них всякое выражение. Он просто смотрел на собеседника — спокойно, без раздражения, но и без той приветливости, которая обычно присуща служителям Добра.

— Я бы не стал беспокоить вас лично, почтеннейший, из-за столь малого дара. — Сервин показал на увесистый мешочек с золотом, доброхотное пожертвование Храму и его служителям. — Но мне нужно было сказать вам несколько слов. Наедине.

— Я весь внимание. — Жрец чуть наклонил голову. Солнечный зайчик пробежал по гладко выбритому черепу.

Они стояли на высокой террасе храма Белой Богини и смотрели на закат. Солнце, нависшее над Гонгурским хребтом, окрашивало остывающую долину в цвет кифа. Воздух пах мёдом, ленью и тоской, как это бывает в землях, расположенных вдали от моря.

Далеко внизу виднелась белая лента дороги, по которой двигались разноцветные пятнышки — то были всадники на единорогах. Иногда появлялась повозка или крытый экипаж.

Сервин подумал о том, как мудро расположен храм: высоко на горе, но в то же время вблизи торгового тракта. Не нависая угрожающе над дорогой, он притягивал взоры, одновременно близкий и далёкий. Храм не вымогал внимания проезжающих мимо — он милостиво разрешал оказать честь богам и доставить радость себе. Многие сворачивали на неширокую тропинку, ведущую к внешним вратам, — хотя бы для того, чтобы почитать изречения Аристокла на стелах, бросить несколько монет в храмовый сосуд и задуматься о совершённых ими добрых делах.

В отличие от чёрных храмов Справедливости, получавших плату за участие в судебных разбирательствах, белые храмы жили за счёт доброхотных даяний: согласно учению мудрецов, служение Добру предполагает бескорыстие.

— Я хочу дать несколько советов, — собрался с мыслями Сервин. — Как вы знаете, — он выделил голосом последнее слово, — хороший совет, данный вовремя, может стоить очень дорого.

— Совет купца дороже золота, — вежливо улыбнулся Хингр. Улыбка у него была приятная, но Сервину она чем-то не понравилась. Так улыбаются люди, заранее уверенные в своём превосходстве над собеседником.

— Буду краток, — приступил Сервин. — В последние годы вы, Хингр, как проповедник, получили большую известность. Да, известность...

— Совершенно незаслуженную, — ввернул жрец.

— Вполне заслуженную. — Голос купца помимо его воли прозвучал саркастически. — Ваши проповеди против наук и исследования природы воистину замечательны. Однако я купец. И я хорошо знаю, что даже самый лучший товар продаётся только тогда, когда на него есть спрос. Это относится и к идеям. Люди охотнее слушают то, что хотят услышать...

Улыбка сошла с лица жреца. Тонкие губы вновь сжались в упрямую полоску.

— Я не берусь судить, в каких тайниках сердца вы читаете, столь удачно произнося свои речи и каждый раз попадая в цель. — Сервин сделал паузу после сложно закрученной фразы. — Однако так сложилось, что я могу вам сообщить кое-что о том, к чему потянутся сердца завтра.

— Вы знаете будущее? — Жрец повёл плечами, просторный белый плащ колыхнулся, на мгновение разбудив дремлющий воздух.

— Мы, купцы, должны уметь предвидеть спрос на новый товар, — Сервин сделал неопределённый жест, — и вовремя сделать запасы... Я хочу рассказать вам, запасы каких слов вам потребуются в скором будущем. Вы вольны распорядиться этим знанием как угодно. Но лучше всё же им воспользоваться, да.

Жрец нахмурился.

— Что значит — лучше?

— Лучше для всех, и для вас прежде всего. — Сервин стал говорить чуть быстрее и несколько суше. — Вы получили известность благодаря проповедям об исследовании природы. Точнее, о вреде таких исследований. Скажем честно: на эти речи был спрос, причём не только у ваших постоянных слушателей... Но сейчас ситуация меняется, да, меняется. Очень, очень скоро самой распространённой темой проповедей станет нечто иное.

— И что же? — Хингр почти не пытался скрыть недоверия.

— Беды, происходящие от тщеславия, — твёрдо сказал Сервин. — От излишней роскоши, выставляемой напоказ. Люди будут охотно слушать проповедников, хулящих блеск и самодовольство богатых людей, и прежде всего их безумные

траты на дорогие ненужные вещи, сооружения, детей. Дорогое перестанет привлекать, а кичащиеся им будут осмеяны и осуждены мнением толпы. В моду войдут скромность и простота... Подождите, — купец увидел, что Хингр порывается что-то возразить, и сделал заграждающий уста жест, — подождите. Я знаю, что это всё кажется невероятным, да и не прошу мне верить. Однако скоро вы убедитесь в моей правоте. Так вот, когда разорятся несколько великих доминов, чьи состояния кажутся незыблемыми...

— Вы говорите очень странные вещи, — заметил Хингр, — я не знаю, что и думать о них. — Последние слова он произнёс таким тоном, что Сервину показалось: за каждое из этих слов можно, как за оторванную подкладку, просунуть руку и дотронуться до их настоящего смысла.

— То есть вы уверены, что я мелю вздор. — Купец предпочёл произнести это вслух. — Однако у меня есть свои источники. Я хорошо знаю доходы и расходы этих людей. Небедных, да, но всё-таки не настолько богатых, как, может быть, они думают сами.

— Есть очень большие состояния, — напомнил жрец.

— Но и они конечны, — твёрдо сказал Сервин. — Очень скоро нас ждут громкие разорения и ещё более громкие суды, скандалы, волнения. Совет Сословия будет вынужден что-то предпринимать. Скорее всего он примет законы против роскоши и чрезмерных трат...

— Допустим... Но каким образом можно принять закон без решения Чёрного и Белого храмов? — В голосе жреца впервые прорезался интерес.

— Никак, — пожал плечами Сервин. — Значит, законы будут приняты с согласия храмов. Это согласие нужно будет как-то обеспечить. Особенно это касается белых жрецов. Обосновать ограничения с точки зрения ценностей Добра... это большая задача. Но есть мудрые люди, которые не отступают перед трудностями богословия и законоведения. Особенно если эта работа оплачивается. Да, оплачивается. Я совершенно уверен, что на подобные изыскания будут выделены немалые средства. Возможно, это будет сделано... скажем так... осторожно. Да, осторожно.

Твёрдое полированное лицо Хингра не изменилось. Почти. Только в глазах что-то промелькнуло.

— И хотя я невежествен в вопросах, касающихся божественного, — продолжал разматывать речь Сервин, — мне почему-то кажется, что богослов, первым обратившийся к этим важным проблемам, может стать весьма знаменитым и остаться в памяти потомков... Так или иначе, очень скоро Совет Сословия живо заинтересуется этими вопросами. Откровенно говоря, у вас есть две-три дюжины дней. Конечно, это не срок для серьёзных богословских изысканий. Но товар хорош тогда, когда на него есть спрос.

Остров Сеназа, 244 год, 297-й день

Суд проходил тайно в закрытых покоях Чёрного Храма.

Мрачное помещение было намеренно лишено каких бы то ни было украшений. Исключение составляли три гермы, изображающие Аристокла Широкого, Харальда Справедливого и Сина Тёмного — мыслителей, которые глубже других проникли в сущность Справедливости.

На сей раз жреческая коллегия собралась в расширенном составе — кроме жрецов самого острова, присутствовали и гонгурцы и даже спешно прибывшие жрецы с Рея. То же самое касалось и второй половины коллегии, Высоких Доминов из Совета Сословия: на суд собрали всех, кто оказался в пределах досягаемости.

Обвиняемый оглядел состав судилища и отметил про себя, что почти все выглядят подавленными и напуганными. Особенно несчастным казался верховный жрец Справедливости, мастер Хаом. Он был близким другом обвиняемого, и ему невыносимо было смотреть на человека, сидящего на ложе подсудимого.

Обвиняемый, впрочем, вёл себя спокойно и даже непринуждённо. Дом Сеназа умел держать лицо в любой ситуации.

Однако, когда на ораторское возвышение встал мастер Хаом, он всё-таки опустил глаза — чтобы не смущать старика.

— Обвиняемый, высокородный дом Сеназа, вы были обвинены в преступлениях против долга и клятвы Сословия Доминов, а также в имущественных злоупотреблениях, — начал Хаом. Голос его почти не дрожал, но дом Сеназа понимал, во что обходится ему показная сдержанность. — В частности, вы уличены в неоднократных и злостных невыплатах страховых денег, в злостном же обмане пострадавших, в присвоении чужой собственности нечестным путём, а также...

— Да что там. — Сеназа махнул рукой. — Я заранее признаю все обвинения и полагаю их справедливыми. Кроме, — ему почему-то захотелось поспорить, — кроме обмана. Это было незаконное удержание чужой собственности, я это признаю. Но я не опускался до лжи. Я и в самом деле не отдал тому купцу его денег, но не обманывал его, а просто не дал никакого объяснения. Это не обман.

— Но почему он вас послушался? — неожиданно задал вопрос молодой жрец с бритой головой. — Не потому ли, что он знал вас как мудрого домина, пекущегося о своём и общем благе?

Сеназа посмотрел на него с вялым интересом:

— Наверное, можно сказать и так.

— В таком случае, — заключил жрец, — имел место обман, поскольку обманом, по учению Харальда Справедливого, называется не только прямая ложь, но и всякое сознательное введение в заблуждение, словом или умолчанием, действием или бездействием. Вы ведь уже не пеклись о всеобщем благе, а думали только о собственном?

Старый домин усмехнулся:

— Этого вы не можете доказать. Может быть, мне были нужны деньги, чтобы расплатиться с теми, кому я был должен. Купец же не понёс большого ущерба, если бы я смог вовремя возместить ему ту сумму.

— Но вы к тому времени уже знали, что не можете этого сделать? — допытывался жрец.

— Да, казна Сословия уже была пуста. По крайней мере для меня. Я, впрочем, пытался занять денег в долг у некоторых людей...

— У ростовщиков, вы хотите сказать? — обвиняюще произнёс другой жрец, постарше, с маленькой косочкой на затылке.

— Да, именно у этих недостойных я и пытался перезанять часть суммы. — Дом Сеназа зевнул. — Простите, это не было проявлением неуважения, просто мне хочется спать... Но они мне не поверили, и правильно сделали.

— Ростовщики обычно очень осторожны, — зачем-то пояснил дом Гурм, местный представитель Совета Сословия. Видимо, ему просто хотелось что-нибудь сказать. Вид у него был столь же растерянный и несчастный, что и у всех остальных.

— Почему же, они были готовы рискнуть, — дом Сеназа опять зевнул, — но они обычно не располагают крупными суммами, а мне нужна была именно крупная сумма.

— Итак, дом Сеназа, вы обвиняетесь в преступлениях против долга и клятвы Сословия Доминов, а также в имущественных злоупотреблениях, и признаёте это, — заключил мастер Хаом. — Вопрос об обмане при присвоении собственности я решаю так: была попытка присвоения собственности, сопровождавшаяся обманом, но не с помощью обмана. Поскольку определения Храма гласят, что присвоение собственности путём обмана предполагает умышленное создание ложного впечатления, а не только расчёт на то, что оное впечатление создастся раньше или позже...

— В деле дома Кирато против острова Лем... — вступил в разговор жрец с косичкой и начал излагать какой-то классический случай.

Старому домину стало противно слушать эти разговоры.

— Хорошо, я признаю и обман, — прервал он разговор, уже зашедший в какие-то дебри учения о Справедливости. — Мне всё равно.

— Но почему ты это сделал? — Старик Хаом внезапно посмотрел ему в глаза. — Мы знаем друг друга много лет. Ты был мудрым и справедливым правителем и никогда не забывал о долге домина...

— Тщеславие, всего лишь жалкое тщеславие, — усмехнулся дом Сеназа. — Оно меня и погубило. Ты прекрасно знаешь: я был одним из самых блестящих доминов Арбинады. Моим предком мне был вручён в ответственность богатейший остров со славной историей, дворец, сады... Со мной соперничали в блеске несколько семей, более обеспеченных, чем моя. Но это было честное соперничество. Мы перекупали друг у друга редкости, охотились за диковинками, старались поразить друг друга великолепием построек... Однако мы знали размеры состояний друг друга и наши реальные возможности, и это было удобно, ибо не позволяло нам заходить слишком далеко.

Несколько человек среди доминов поводили в воздухе руками, соглашаясь. Жрецы смотрели строго и не двигались, но и в их глазах подсудимый прочёл нечто вроде понимания.

— Что же изменилось? — настаивал Хаом.

— Трудно сказать, — пожал плечами Сеназа. — В какой-то момент все стали тратить больше, чем могли себе позволить. Я просто не мог отставать. При этом у других доминов дела шли лучше, чем у меня. Откровенно говоря, у меня они шли просто скверно. Следовало, конечно, остановиться и переждать плохие времена. Но я уже затеял крупное строительство... и многое другое. Я понадеялся на удачу и продолжил тратить деньги — сначала свои, потом из страховой кассы. Теперь я разорён и опозорен. Это всё.

— Мы должны разобраться не только в случившемся, но и в его причинах, — взял слово дом Конд, назначенный главой делегации Совета Сословия. — Увы, в последнее время многие достойные домины стали совершать безрассудные траты. Недавно мы расследовали случай с домом Гау, разорившимся на научных опытах...

— При чём тут наука? Дом Гау стал алкемистом и пытался получить золото из неблагородных металлов какими-то ужасными способами. Суд признал его повредившимся в уме, — заметил жрец с косичкой. — Теперь он находится под наблюдением зелёных жрецов.

— О, не всё так просто. Людей всё больше охватывает нездоровая страсть к роскоши. Участились обращения в казну сословия за займами. Причины займов, как правило, дорогие приобретения, а также траты на потомство. Предложения делаются даже старухам, для которых деторождение опасно — лишь бы это были знаменитые матери... Вот хотя бы эта история с доминой Нелией, которая на днях умерла родами? Эта гонка за престижем может привести к дурному.

— Не следует ли издать законы против излишних трат? — спросил Хаом. — Мы могли бы поставить этот вопрос перед гонгурскими храмами.

— Боюсь, что Совет Сословия на это не пойдёт, — развёл руками дом Гурм. — Однажды мы уже пытались рассмотреть этот вопрос, но великие домины, обладатели больших состояний, возмутились и сделали всё, чтобы подобные предложения даже не были вынесены на рассмотрение Совета. Ходили даже слухи, что домин Антор Счастливым — тот самый, кстати, который склонил Нелию к попытке произвести ему потомство, — щедро одарил тех членов Совета, которые выступили против подобного рассмотрения...

— К тому же подобный закон явно несправедлив, — вступил в спор бритоголовый. — Люди имеют право распоряжаться своим имуществом и деньгами как им угодно. Любые ограничения этого естественного права нуждаются в богословском обосновании, без которого храмы Справедливости ничего не утвердят...

— Может быть, вы отвлечётесь от учёной дискуссии и закончите со мной? — поинтересовался дом Сеназа. — Насколько я знаю законы, за совершённые мною преступления полагается лишение сана домина, объявление неплатежеспособности, лишение имущества и изгнание. Если от моего мнения что-то зависит, то я предпочту Дикие Острова. Там я по крайней мере не заживусь.

— Ты прав, — нехотя признал Хаом, — но собрание ещё не закончилось. Дождись нашего решения. И объявляю сейчас, при всех: я буду настаивать на том, чтобы после распродажи имущества и всех компенсаций некоторая малая часть состояния бывшего дома Сеназы была бы ему оставлена. Если кто-то выступит против этого, я сложу с себя полномочия судящего.

Жрецы зашумели.

— Пустое, — махнул рукой дом Сеназа. — Я привык жить на широкую ногу, а если нет — протяну на хлебе и воде. Хотя благодарю за смелые слова, друг. Но мне не нужны крохи моего состояния. Единственное, что меня сейчас ещё волнует, — это судьба моего последнего сына и его права на остров.

— Сей сложнейший вопрос, — загундосил жрец с косичкой, — не может быть решён без обращения к Великому домину Рею...

— То есть это будет решать он лично. В таком случае ответ будет отрицательный. Нынешний Отец Мира меня всегда недолюбливал, — старик опять зевнул, — и вряд ли согласится передать остров моему потомку.

— Мы позаботимся о том, чтобы путь в Сословие ему был открыт, — пообещал дом Гурм. — К тому же ребёнок такой стоимости может не опасаться за своё будущее.

— Надеюсь на это. — Дом Сеназа обвёл взглядом коллегию. — Ну что ж, давайте поскорее закончим с этим. Есть ли ещё какие-нибудь обвинения против меня? Если нет, позвольте мне удалиться. Я хотел бы собрать кое-какие личные вещи, не имеющие большой ценности. На Диких Островах они скрасят мне остаток дней...

— Олле'ла, достопочтенное собрание. — Новый голос прозвучал под сводами Храма. — Простите, что я явился незванным и нарушил ход разбирательства, но я имею на это законное право. Ибо я принёс новые сведения, могущие оказать влияние на ваше решение.

Все недоумённо уставились на вошедшего человека. Это был купец Сервин, известный своим огромным состоянием и личными связями с богатейшими доминами Арбинады. Он же был в числе пострадавших от разорения Сеназы.

— Я хочу сообщить, что высокородный домин Антор Счастливым только что выкупил всё имущество, незаконно удержанное домом Сеназой, у его законных владельцев, после чего преподнёс его в дар высокородному домину Сеназе. Вот купчие и дарственная. — Он протянул Хаому какие-то бумаги. — Кроме того, домин Антор изъявил желание полностью возместить весь ущерб, нанесённый непредусмотрительными действиями дома Сеназы купцам и крестьянам, и, в частности, немедленно погасить все текущие страховые выплаты. Это безвозмездный подарок домина Антора острову, его жителям и всем пострадавшим от этого... назовём это неприятным недоразумением. Помимо всего этого, домин Антор преподносит дому Сеназе две дюжианды дюжианд золота, дабы поддержать его кредитоспособность. Домин Антор также выражает надежду на прекращение дела против дома Сеназы и снятие с него всех обвинений.

Первым опомнился Хаом.

— Это невероятно... но предположение высокородного домина Антора Счастливого, — в голосе старика прозвучало искреннее восхищение, — не противоречит законам. Возмещение ущерба прекращает дело. И если мы примем подобное решение... объявляю сейчас, при всех: я буду настаивать на его принятии...

— И мы все вас поддержим, досточтимый мастер, — заявил от себя дом Гурм, — ибо речь идёт не только о справедливости, но и о сохранении чести Сословия, чему великодушное решение домина Антора весьма и весьма способствует. Невероятный и поразительный выход из положения! Но ведь речь идёт о весьма значительных суммах...

— Этот вопрос я готов, по поручению дома Антора, обсудить немедленно, — небрежно заявил Сервин, — дайте мне только ознакомиться с исковыми заявлениями.

— Не будем в таком случае медлить. Обвиняемый, высокогородный дом Сеназа, — первое слово прозвучало странно, то, слишком уж счастливым был голос старого жреца, — в связи с изменением обстоятельств дела суд над вами переносится на один день. Вы должны немедленно покинуть храм и явиться вновь завтра, к тому же времени. Хотя, — улыбнулся он, — это скорее всего уже не понадобится.

— Я поражён и благодарен, — пробормотал дом Сеназа. Вид у него был отнюдь не счастливый — скорее ошарашенный. — Я подчиняюсь решению коллегии и покидаю храм, — наконец произнёс он и поплёлся к дверям.

— Но, простите, — Хаом тем временем успел просмотреть бумагу, — тут нет подписи домина Антора.

— Не беда. У меня есть генеральная доверенность на распоряжение его средствами. Вот она. — Купец вытащил ещё одну бумагу и протянул её Хаому. — Всё, таким образом, законно. Что касается уважаемого домина, он ограничился устным распоряжением. Мы давно ведём с ним дела, и он мне полностью доверяет. Да, полностью.

— Если дом Антор и в самом деле уполномочил присутствующего здесь Сервина распорядиться теми средствами, которые потребны для удовлетворения претензий пострадавших... — затянул бритоголовый жрец.

— Уполномочил, уполномочил, — махнул рукой Сервин. — Не беспокойтесь, всё будет оплачено, причём немедленно. Золото со мной. Господин Антор распорядился закончить с этим делом как можно скорее.

Малая Гряда, третий остров, селение Антор. 245 год, 165-й день

Мальчик-слуга смущённо переминался-с ноги на ногу.

— Простите, что я вас беспокою, домин Антор, но я хотел бы получить расчёт.

Антор оторвал голову от стола. Он находился как раз в том промежуточном состоянии, когда выпитое вино уже перестаёт радовать, но ещё не просится обратно.

В такое время к нему возвращалось нечто вроде здравого смысла. Именно поэтому он очень не любил этот момент, предпочитая ему даже пьяную блевоту. По крайней мере после неё можно было снова пить — или уж спать, если хмель был слишком крепким.

Он с усилием (шея затекла и сильно болела) обвёл взглядом помещение. Это была малая трапезная, предназначенная для прислуги. Единственное окно бросало переливающийся луч света на длинный стол, уставленный посудой: то были кувшины, чаши, хрупкие гонгурские сосуды из прозрачного стекла. В витой агатовой рюмке торчала оплавленная свеча.

Рядом валялся пустой красный кошелёк. Судя по его виду, его топтали ногами и вытирали им грязь со стола.

Всё это пахло высыхающим розовым вином. Набросанные в углу для свежести ветви остролиста не могли перебить этого тяжёлого аромата и только придавали ему приторности.

Откуда-то из-под стола тянуло гадким — кажется, засохшей рвотой.

— Я тебя не держу, — заплетающимся языком выговорил он. — Уходи.

— Мне нужно засвидетельствовать ваше согласие отпустить меня и получить заработанное. — Мальчик говорил робко, но Антор понял, что он так просто не уйдёт.

— У меня сейчас нет денег, — неохотно процедил он. — Возьми какую-нибудь безделушку из зала редкостей и вали отсюда.

— Нет, я не смогу её продать. — Голос паренька был всё тем же: робким, но упрямым. — Сейчас никто не покупает таких вещей.

— Да что ты понимаешь, паршивец! — Антор внезапно впал в ярость. — Любой богач оторвёт с руками...

— Вы всё пьёте и не выходите из дому, — пожал плечами мальчик. — И не знаете, что делается вокруг. Сейчас роскошь не в почёте. В моде скромность и бережливость. Богатые соревнуются в простоте нравов. Вот и мастер Хингр из гонгурского храма со своими проповедями против растрат и лишнего блеска...

— Хитрый продажный церрекс, — зашипел Антор, — он готов проповедовать что угодно, лишь бы быть популярным... И что, его слушают?

— После каждой его проповеди цена на дорогие вещи падает. — Мальчик сделал кислую мину. — Особенно на всё старое. Сейчас никто не носит такую одежду, как у вас, — добавил он, неодобрительно покосившись на расшитое золотом одеяние из химерьего шёлка, облегающее тело Антора.

— Это мой последний чистый костюм, — неохотно признался домин, стараясь не смотреть на причудливой формы пятно на рукаве. Похоже, он опять облился вином. Или это следы рвоты? А, уже не важно. Другой одежды у него не будет ещё долго... очень долго.

— Возьми тогда что-нибудь золотое. Золото всегда в цене. Кажется, у меня ещё остались какие-то золотые безделушки.

— По цене золота? — уточнил мальчик. — Я не могу этого сделать без присутствия жреца Чёрного Храма. Потом вы снова напьётесь, проспите, всё забудете и решите, что я вас обманул.

— Ну так веди этого жреца сейчас, — махнул рукой Антор, — и принеси мне ещё вина напоследок.

— Погреб с розовым вином пуст, — смущённо сказал мальчик. — Осталось немного местного. Но это дешёвое, скверное вино. Вы не будете пить такое.

— Дешёвое? Мне придётся привыкать к дешёвому. Тогда принеси мне два кувшина. Я намерен возместить качество количеством. — Антор, не сдержавшись, рыгнул. — И приходи со жрецом. Может быть, мы найдём в этом доме что-нибудь ценное. А теперь я хочу выпить.

Мальчик, радуясь окончанию неприятного разговора, ушёл за кувшинами.

Антор уныло осмотрел гору посуды, ища в какой-нибудь из чаш остаток розового, хотя бы на один глоток. Не может быть, чтобы он выпил всё.

Увы, нигде ничего не было, кроме высохших опивок.

Он отвернулся и стал смотреть в окно. Солнечный свет показался ему каким-то оскорбительно ярким. Надо было застечь прямо в подвале — тише, прохладнее и вино ближе...

За дверью послышались шаги — но не быстрая дробь босых ног мальчика, а тяжёлые, мужские, с отзвоном подбитых железом сапог.

Потом заскрипела дверь.

Антор не повернул головы.

— Олле, домин Антор.

— Олле'ла, — вяло отозвался Антор. — Если вы кредитор, обратитесь в Совет Сословия, он сейчас рассматривает моё дело. Там, возможно, ваши претензии удовлетворят. А может, и нет. Откровенно говоря, мне плевать. Идите. — Он вяло махнул рукой.

— Я ваш друг, — сказал тот же голос.

— С тех пор как у меня кончились деньги, у меня кончились друзья. — Антор упорно продолжал сидеть спиной к двери.

— Нет. Вы всех прогнали, будучи не в силах смириться с потерей богатства. — На этот раз домин понял, кому именно принадлежит голос, и стремительно обернулся.

— В-вы... — выдохнул он с бессильной ненавистью.

— У вас такой вид, как будто я дракон и вы хотите меня поразить железом, — усмехнулся Сервин.

Купец был в новомодном наряде — очень простом, безо всяких украшений, но довольно изящном на вид. Только на груди сверкала маленькая серебряная блёстка.

— Я бы это и сделал, не будь я так пьян. — Антор скрипнул зубами. — Вы хуже дракона.

— Верю. — Сервин нахально уселся на свободный стул, заложив ногу за ногу. — Ну и помойка! — Он брезгливо повёл рукавом, сметая со своего края стола посуду. Тихо звякнула упавшая чаша. — Но не советую пытаться. Вас, конечно, в детстве учили воевать... зато на Диких Островах меня научили драться. Против дерева и железа я, может быть, и не выстоял бы, зато руки у меня крепче.

— Зачем вы пришли, Сервин? Вы причина моих бед. Вы подождали, пока я разорюсь, и теперь пришли торжествовать? Что ж, торжествуйте! У меня нет ни медяка. Я даже не могу продать то, что у меня есть... Ах, ну да. Вы хотите всё скупить по дешёвке. Сколько вы мне предложите за этот дворец? Дюжину серебра? О нет, мне этого мало. Отдам всё за дюжину кувшинов розового. Приходите со жрецом, мы оформим сделку. А сейчас, пожалуйста, убирайтесь вон. Меня тянет блевать, а ваш вид этому очень способствует. Я не могу вас убить, вы правы, но запачкать — легко.

— Вы дошли до отчаяния, — заметил купец, — и я вам сочувствую. Но всё же нам нужно поговорить...

— Я хотел с вами поговорить. Тогда, в те дни, когда ещё что-то можно было исправить, — пробормотал Антор. — Я мог бы как-нибудь отозвать эти деньги...

— Не могли бы. Вы сами выписали мне доверенность, опротестовать которую не взялся бы ни один храм, — спокойно объяснил Сервин. — Да вы и сами не пошли бы на такой позор: совершить великодушный поступок и потом отказаться-

ся от него. Выкуп дома Сеназы принёс вам славу. Вас теперь называют Антором Великодушным... и вам неоднократно пытались помочь. В том числе и деньгами. Вы никого не принимаете, а напрасно. Все думают, что вы просто не рассчитали своих средств и разорились из-за своей любви к домину Сеназе...

— Я никогда не любил его. Я ему завидовал. Но это правда: я разорился из-за этого вашего проклятого выкупа. Я не имел права дарить деньги никому, — Антор жалобно сморщился, — а вы сделали это от моего имени.

— Да, я это понял по вашему поведению. И долго искал ситуацию, когда я мог бы сделать дар от вашего имени. Дар, от которого вы не смогли бы потом отказаться.

Появился мальчик с кувшинами и с недоумением уставился на незваного гостя.

Сервин поманил к себе служку, взял посудину. Пальцами выдернул деревянную пробку. Понюхал.

— Редкая дрянь, — заключил он, — кислятина, — после чего преспокойно разлил вино по чашам, выбрав наименее грязные.

Антор, не дожидаясь приглашения, схватил обеими руками чашу и сделал несколько жадных глотков. От кислой жижи свело пищевод, зато на душе стало чуть лучше.

— Вы рисковали. Ваш трюк мог не сработать. — Антор сказал это почти спокойно.

— Нет, я был уверен. Я несколько раз делал небольшие траты от вашего имени. И выяснил, что в некоторых случаях вы начинаете испытывать денежные затруднения. Небольшие, да, совсем небольшие. Но они вас беспокоили. Вы этого даже не скрывали.

— Я вам верил, — вздохнул Антор.

— И были совершенно правы, мне можно доверять, да, можно. — Сервин налил себе ещё вина, глотнул. — Брр, какая всё-таки дрянь. Я не желал вам зла, Антор, и когда-нибудь вы в этом убедитесь. Я виноват перед вами и признаю это. Но я был вынужден сделать то, что я сделал, — чтобы спасти наш мир.

— Спасти наш мир? От чего? От моей скромной персоны?

— От разорения, — серьёзно сказал Сервин. — Кстати, если уж на то пошло... покажите мне эту вещь, которая делала для вас деньги. Если, конечно, она не исчезла совсем.

— Вот. — Антор показал на красный кошелёк на столе. — Можете взять себе на память. Раньше, кстати, он сам возвращался ко мне. Теперь нет. Похоже, он сдох.

— Вот как. — Купец с интересом взял в руки комок грязной ткани, открыл, закрыл. — Ничего особенного. А как он делал золото?

— Не знаю.

— Откуда это у вас?

— Мне кто-то его дал. — В затуманенную вином голову домина чёрной молнией ударила боль. — Не помню... не хочу. — Боль послушно отступила. — Но были условия. Деньги надо было тратить только на себя. Не вкладываться в торговлю, в науку, не давать их другим людям. Подарки дарить было можно.

Купец хитро улыбнулся:

— Это очень умно, насчёт подарков. Про разорительность некоторых из них я уже вам как-то говорил. Одновременно вы сеяли вокруг себя дороговизну, и весьма щедро, покупая всё за большую цену и не торгуясь... одновременно искажая потребности, что влияло на производство. Но это всё не важно. Важно то, что вы своими безумными тратами поощряли своё сословие к соревнованию в роскоши. Разорение Сеназы было всего лишь первым в цепочке: следом должны были пасть и другие состояния. Касса Сословия не справилась бы с выплатами. Домины как страховщики утратили бы доверие крестьян и купцов. Это привело бы к разрушению всей кредитной системы. Одновременно по той же причине было бы утрачено доверие и к светскому суду доминов. Остался бы, правда, храмовый суд... впрочем, нескольких корыстных негодяев из числа высокопоставленных жрецов найти не так уж сложно. Нашли же вы этого Хингра? Таким образом, и храмовый суд оказался бы беззащитен перед золотом... Дальше ещё несколько шагов, и потом осталось бы только две альтернативы: либо полный упадок, либо установление новой системы власти. Это, кстати, уже началось: обозлённые бедностью домины начали использовать насилие по отношению к крестьянам и купцам. Сначала имуществу, потом дошло бы и до жизни людей.

— Вы хотите сказать, — пьяно усмехнулся Антор, — что моя горстка золота...

— Во-первых, не горстка. Вы сами не знаете, сколько потратили. Вы выбросили на ветер несколько состояний. Но ещё

хуже то, что ваши деньги брались ниоткуда. Золото, товары, труд и страховые ожидания находятся в некоем хрупком равновесии, Антор. Вы его нарушили.

— А если бы я обнаружил золотой рудник и стал бы его разрабатывать? — Антор с удивлением осознал, что не чувствует к Сервину былой ненависти и слушает его почти что с интересом. Наверное, вино вступило в голову... кстати, повторить не помешает... Он наполнил чашу и выпил. На этот раз кислятина показалась не такой противной.

— Важно и то, на что именно идут деньги, — ответил купец. — По своей воле вы не стали бы их тратить столь странным образом. Разумеется, вы и с золотым рудником построили бы себе все эти хоромы. Да, хоромы. Но часть денег пошла бы на благотворительность, научные исследования, помощь друзьям, да и, наконец, в торговлю и производство: вы же захотели бы приумножить своё состояние? Это всё не нарушало бы равновесия, а только слегка колебало его... Но у вас были эти странные условия. Деньги вам выдавались только на вполне определённые приобретения.

— Какое это имеет теперь значение... Зачем вы пришли? Говорите и убирайтесь. — Антора слегка затошнило: скверное вино разбередило желудок.

— Хорошо, буду краток. Я предлагаю вам сделку, домин Антор. Честную сделку, хотя мы заключим её без храмовых жрецов. Я объявляю вас своим страховщиком в перевозках. Сейчас ваша Гряда становится коммерчески привлекательной — через неё скоро двинутся корабли с Юга. Откровенно говоря, вы почти ничем не рискуете. Кроме того, вы можете заняться финансовыми операциями. Я помогу вам на первых порах. Если вы будете трудиться, через дюжину лет вы станете очень обеспеченным человеком. Учитывая тот факт, что вам будет помогать Сословие. Как я уже говорил, вас считают пострадавшим из-за своей щедрости. Это неважная репутация для купца, но хорошая — для домина... Соглашайтесь.

Антор машинально отпил ещё вина. Предложение купца казалось не блестящим, но вполне приемлемым. Разумеется, того золотого блеска, которым он был овеян когда-то, больше не будет. Его больше никогда не назовут Антором Счастливым. Но Антор Великодушный — это тоже неплохо. К тому же от прежнего великолепия у него кое-что осталось — хотя бы те же дворцы. Может быть, дети их достроят... Он почувство-

вал острый укол боли в сердце при мысли о ребёнке. Если бы он тогда выбрал женщину помоложе! Но он стремился получить самое лучшее — и тем самым погубил несчастную домину Нелию. Жрецы Жизни не смогли спасти ни её, ни ребёнка... Пьяный туман снова начал заволакивать голову.

— Взамен, — прервал его мысли Сервин, — я прошу всего о двух вещах. Во-первых, подарите мне этот кошелёк. Вы говорили, что раньше он сам возвращался к вам, а теперь потерял это свойство? Отдайте его мне.

— Берите. Только зачем?

— Я его уничтожу, — мрачно сказал купец, пряча грязный комок за пояс. — Чтобы он никогда не появился снова. И второе: откройте мне, кто вам его подарил. И зачем он это сделал.

— Я не помню, — промямлил Антор.

— Так не бывает. Кошелёк вам кто-то дал. Кто?

— У меня болит голова, — пожаловался домин.

— Это от вина. Кто вам дал кошелёк?

Антор сжал голову руками — боль снова вернулась, и была она невыносимой.

Купец привстал, с готовностью наполнил его чашу, плеснув немного себе.

— Пейте и говорите. Ну же!

— У меня болит голова... Но я скажу... — Антор внезапно ощутил, что проваливается в какую-то яму: боль и вино боролись друг с другом внутри черепа.

— Праздник, — слово лопнуло на губах, как пузырь слюны. — Праздник у Сеназы. Тогда нас познакомили, помните?

— Помню, помню. — Сервин налил себе полную чашу, поднёс к губам.

— Женщина... с чёрными волосами. Она смотрела на меня и говорила... — Внезапно под веками как будто что-то вспыхнуло, и Антор закричал: — Это вы! Это вы привели её! Она говорила с вами, Сервин! Она предлагала вам деньги, а вы отказывались и говорили про какую-то медь...

Сервин чуть не уронил чашу.

— Проклятие, я хорошо помню ту медную сделку... Мне нужны были дополнительные средства, и кто-то представил мне... дайте сосредоточиться... — Он отхлебнул вина.

Внезапно он уронил чашу и прошептал:

— Да это же...

Тут его лицо страшно покраснело, он заперхал, затряс руками — похоже, вино попало не в то горло. Откашляться купец не мог и только глухо стонал.

Антор попытался было подняться, но тут его висок пронзила боль такой силы, что он со стоном рухнул на пол ничком.

Он пришёл в себя от ощущения мокрого и холодного на лбу.

Немедленно стрельнул болью разбитый затылок. К горлу поднялась кислая тошнота. Но это всё же терпимо.

Домин открыл глаза. Над ним склонился жрец в чёрных одеждах с чашей воды в руке. В другой руке он держал тряпку, с которой стекала вода.

Рядом стоял служка, растерянный и напуганный.

— Помогите мне встать, — попросил он. Язык ворочался во рту с трудом.

— Нет, пока лежите, — властно распорядился жрец. — Сейчас вам не следует двигаться — ведь вы ударились головой. Сейчас мы вас перенесём в другое помещение, а потом я пошлю этого молодого человека за жрецами Жизни, они вас обследуют. Может быть, вам необходимо лечение. Хорошо, что я оказался здесь столь вовремя. Я имею право засвидетельствовать случайную смерть.

— Смерть? — Язык послушался только со второго раза. — Чью смерть?

— Ваш друг, с которым вы пили, умер, — печально сказал жрец. — Похоже, вино попало ему в дыхательные пути, а он не смог его вовремя удалить из-за горлового спазма... Подобное бывает от невоздержанного винопития, — добавил он с осуждением.

— Это всё та женщина... она... — прошептал Антор, снова погружаясь в забытьё.

Малая Гряда, третий остров, селение Антор, храм Белой Богини. 245 год, 203-й день

Резной белый камень сиял, как горный снег. На этом фоне чёрные одеяния жрецов выглядели особенно выигрышно. Доминская часть коллегии, увы, им сильно уступала: одетые по последней моде в серое и синее, домины смотрелись невыразительно. Исключение составлял дом Сеназа в своём традиционном одеянии: современная мода, к счастью, не оказала на него никакого влияния. Антор решил, что находит такую

верность традиции трогательной, но сам ей следовать не будет. Как только у него откроется кредит, он обновит свой гардероб.

Тем временем старый домин встал на ораторское возвышение и откашлялся, готовясь произнести речь. Выглядел он при этом довольно забавно — как длиннокрыл, собирающийся то ли запеть, то ли склонуть зерно.

Окружающие, впрочем, ничего забавного в происходящем не находили. На лице Хингра, жреца Чёрного Храма острова Сеназа, даже можно было разглядеть нечто вроде благоговения: совершающееся как нельзя лучше отвечало его представлениям о Справедливости.

— Я специально добивался представительства в этой коллегии, — начал наконец домин Сеназа, высокопарно растягивая гласные, — чтобы засвидетельствовать свою глубочайшую признательность домину Антору Великодушному, некогда спасшему меня от тяжелейшего позора ценой собственного разорения... Теперь же я счастлив сообщить радостную весть: завещание купца Сервина, да не изгладится память о нём, признано Советом Сословия и Чёрным Храмом! По крайней мере в той его части, которая касается вас, Антор. Воля завещателя выражена столь ясно и непреложно, что возражатели, буде таковые найдутся, не имеют никаких надежд на изменение решения. К сожалению, законы не позволяют вступить вам в права наследства немедленно. Однако, учитывая все обстоятельства, Совет Сословия, в лице присутствующих здесь высокородных доминов, берёт на себя управление вашими долгами, а также открывает для вас беспроцентный кредит в полдюжианды золотых монет в дюжину дней. — Он перевёл дыхание.

Антор сделал недовольную гримасу: он ожидал от Совета большей щедрости. И тут же одёрнул себя: в конце концов, они не должны были ему ни единого медяка. Вообще, если бы не крайне благожелательное отношение Совета Сословия, ему пришлось бы дожидаться своего ещё очень долго. И скорее всего с пустыми карманами.

Следствие по делу гибели Сервина оказалось коротким. Жрецы Жизни, изучив тело, диагностировали смерть от удушья, судя по обстоятельствам — причинённую вином, попавшим в дыхательное горло. Сам Антор тоже пострадал от неумеренных возлияний — он был настолько пьян, что в бес-

памятстве упал со стула и разбил себе голову. Воспоминания о разговоре у него остались довольно смутные. Единственное, что отложилось в его памяти, — это предложение Сервина стать его страховщиком и заняться коммерцией.

Завещание Сервина Антора порадовало, но не слишком удивило. Он не сомневался в том, что купец всё-таки чувствовал свою вину и таким образом попытался её хотя бы отчасти искупить.

— Разумеется, — продолжал тем временем Сеназа, — это не столь уж и значительная сумма. Но подождите немного — скоро вы станете наследником половины огромного состояния Сервина! Надеюсь, мы ещё весело попируем в вашем дворце... Тем более не за горами и повод для праздника, — старик лукаво улыбнулся, — впрочем, сие касается особых пожеланий завещателя. В чём там дело, дорогой Хингр?

— Завещатель Сервин, — жрец опустил взор к разложенным бумагам, — просит своего друга и наследника домина Антора оказать честь госпоже Миу, известной как Миу Гонгурская, и предложить ей совершить от него зачатие и родить ребёнка, буде она на то согласится и буде её устроит цена. На что завещатель, помимо всего прочего, особо выделяет дюжианду дюжианд золотом, столько же серебром и столько же красной медью, из средств, что отложены им в Большом Гонгурском деньгохранилище. Средства поступают в распоряжение завещателя после согласия госпожи Миу на оное предложение и могут быть получены при условии предъявления достаточных доказательств сего согласия, каковым являются...

Антор откинулся в кресле и прикрыл глаза. Нелепая привязанность Сервина к этой женщине, столь неожиданно давшая о себе знать, его позабавила — но не более того. Его волновал куда более существенный вопрос: стоит ли просить у коллегии удвоить кредит. Наверняка в права наследования он вступит не скоро: слишком много разнообразных дел вёл Сервин, слишком много будет возражателей. И хотя надеяться им не на что — если уж коллегия говорит о ясности и непреложности воли завещателя, значит, она и в самом деле ясна и непреложна — но рассмотрение их претензий очень затормозит дело. А ведь мода на непритязательность может закончиться в любой момент, как и всякая мода, да и нынешняя дешевизна — явление временное. Хотя... когда начнётся про-

даже активов Сервина, всех этих кораблей, рудников, лесов и прочего, цены могут упасть ещё ниже. Или всё-таки нет? Жаль, что он совсем не разбирается в таких вопросах. Надо будет, кстати, поговорить со стариком Сеназой, если уж он так набивается в друзья: пусть порекомендует толкового управляющего делами. Впрочем, Совет Сословия охотно возьмёт делёжку на себя. Но Антор подозревал, что превращение торговой империи в деньги — сложный и деликатный процесс и оставить его без присмотра не следует. К тому же вовсе не обязательно продавать всё. Например, почему бы ему не стать кораблевладельцем, раз уж так сложились обстоятельства? Например, тот проект с южными перевозками, о котором упоминал Сервин... скорее всего он будет весьма прибыльным, у покойника был настоящий нюх на деньги. Почему бы и ему, Антору, не попробовать себя на этом поприще? Научиться можно всему...

Ах да, ещё этот пункт завещания. Зачатие и ребёнок. Что ж, прекрасная идея. После той плачевной истории с Золотой Лисицей это будет особенно кстати.

— Я согласен оказать честь Миу Гонгурской и заключить с ней договор о зачатии, буде она того пожелает, — важно заявил Антор. — В ближайшее время я отправлюсь в Гонгур, дабы сделать ей соответствующее предложение.

— Вы, наверное, не расслышали, — мягко поправил его Хаом. — Я только что сказал, что госпожа Миу Гонгурская была извещена о деле и уже дала предварительное согласие на зачатие. Ожидалось лишь ваше решение. Кстати, она прибыла на остров вместе с нами и сейчас находится в соседнем помещении храма. Мы можем пригласить её, как заинтересованное лицо...

— Да-да, конечно. — Антор наконец ощутил волнение и любопытство.

Храмовый служка, быстро поклонившись, выскользнул через боковую дверь.

Старик Сеназа понимающе улыбнулся:

— Честно говоря, Антор, я вам немного завидую. Хотя мой сын от домины Нелии... да не изгладится память о ней, она была великой матерью... мой сын от неё здоров и красив, и я твёрдо решил, что он станет моим преемником и следующим домином Сеназы. Но я не отказался бы иметь потомство и от этой женщины. Её красота и таланты буквально покорили Гонгур. Все с нетерпением ждут её первого материнства. Увы,

я слишком стар для этого... Как бы то ни было — счастливого соединения, дорогой друг, и золотого потомства!

Бесшумно отворилась боковая дверь. Высокая женщина в роскошном узорчатом платье змейкой проскользнула к возвышению.

Госпожа Миу была очень красива — какой-то причудливой химерьей красотой, отстоящей всего на полшага от уродства. Блестящие чёрные волосы. Очень белая кожа. Неестественно широкие брови. Нос с горбинкой, как будто он был когда-то сломан и потом залечен плохими врачами. Глаза непонятного цвета — не голубые и не чёрные, а какие-то бурые, словно больные... Но эти странности почему-то не портили совершенной красоты её лица.

— Олле, уважаемая коллегия. Я готова заключить с домином Антором договор о зачатии. — Её голос оказался низким, волнующим.

Антору невольно подумалось, что совершение зачатия доставит ему куда больше удовольствия, чем он мог надеяться — даже не говоря об ожидаемом потомстве.

Странно только, что при первом взгляде на госпожу Миу него слегка заломило виски.

Малая Гряда, третий остров, селение Антор. 245 год, 179-й день

Жрец Жизни вышел из спальни, деликатно затворив за собой высокую дверь из розового дерева.

Антор в нетерпении приподнялся, готовый выслушать заключение — и опасаясь, что оно снова окажется отрицательным. Но на этот раз жрец улыбнулся и сказал:

— Она готова совершить зачатие. Счастливого соединения!

Сердце Антора забилося быстрее. Он открыл дверь и вошёл.

Госпожа Миу, обнажённая, раскинулась на постели, отдыхая после осмотра. Рядом с постелью на подставке стоял кубок с горьким питьём, сваренным жрецами Жизни: это средство помогало женщинам, не имеющим опыта зачатий, ослабиться внутри.

Антор уже видел её наготу — как обычно, они провели вместе несколько ночей, чтобы тела привыкли друг к другу. В данном случае это оказалось совсем не лишним: Антор никог-

да в жизни не встречал столь странного сложения. Особенно поражали соски Миу — огромные, тёмные, с торчащими кончиками, как у кормящей. Ещё удивительнее был гладко выбритый лобок женщины: судя по всему, вместо обычного нежного пуха, чуть осеняющего место любви, у неё там росли самые настоящие волосы... Молодой домин знал по рассказам друзей, что такое иногда встречается у жительниц Юга, но никогда не видел ничего подобного своими глазами. Тем не менее женщина оказалась на удивление привлекательной и к тому же чрезвычайно искусной в забавах.

Но на сей раз речь шла о серьёзных вещах, и волнение Антора было вполне объяснимо. Несмотря на всю свою любовь к постельным занятиям, он совершал зачатие лишь единожды: это было с доминой Нелией. Опытная женщина хорошо знала, что нужно делать. Но Миу только готовилась к своему первому материнству и скорее всего плохо владела обычными женскими приёмами, необходимыми для успешного принятия семени в утробу. Разумеется, молодой домин помнил наставления зелёных жрецов, но всё же волновался. Было бы обидно пропустить подходящее время из-за какой-нибудь мелкой неловкости.

— Готовы ли вы, уважаемая госпожа, принять семя? — задал он полагающийся вопрос.

Миу сладко потянулась, её небольшие груди соблазнительно приподнялись.

— Иди сюда, — сказала она, изогнув губы в улыбке.

Похоже, подумал Антор, она волнуется не меньше него.

— Я спросил, готова ли ты, — осторожно подсказал он, снимая с себя одежду. — На это полагается отвечать согласием или отказом...

— Ах, ну да, эти условности. Конечно, я готова! — Миу провела рукой по груди, потрогала сосок. — Сейчас мы позабавимся. Я хочу быть сверху.

Антор понял, что его опасения были небеспочвенными. Гонгурская красавица оказалась до смешного наивной.

— Это поза для забав, а не для зачатия, — принялся объяснять он, прыгая на одной ноге: вторая очень некстати увязла в узкой штанине. — Так не откроются внутренние проходы в теле... Тебе же это рассказывали родители. Или жрецы Жизни.

Госпожа Миу заметно смутилась.

— Лучше говори, что мне делать, — попросила наконец она. — У меня это первый раз...

— Не бойся, всё когда-нибудь происходит в первый раз. — Антор постарался добавить в голос уверенности, которой не чувствовал. — Встань спиной ко мне, раздвинь бёдра и сосредоточься на своём женском естестве...

Миу легко развернулась тылом, смешно выпятив попку.

Антор, уже обнажённый, подошёл к ней сзади, взял за бёдра. Увы, волнение мешало страсти: его плоть была лишь слегка напряжена. Судя по состоянию Миу, она тоже не сторала от желания. Тем не менее надо было хотя бы попробовать: возможно, потом дело пойдёт лучше. Он пережал пальцами основание члена и попытался вдавить его в женщину. После нескольких неудачных попыток ему это удалось, и он задвигал бёдрами, пытаясь поскорее возбудиться.

Миу послушно выгнула спину и стала помогать, слегка подаваясь навстречу движениям мужчины. Ему стало приятно, и через небольшое время наслаждение охватило его и повлекло к неизбежному завершению.

— Напрягись там, потом расслабься. Напрягись, расслабься... — Антор мучительно пытался вспомнить, что делала в этот момент Нелия и чувствовал ли он что-то при этом. Кажется, ничего: всё самое важное происходило в недоступных для мужчин глубинах тела.

— Откройся внутри, — прохрипел он наконец, — впусти моё семя...

Потом он лежал рядом с Миу, гадая: получилось или нет. Женщина, покорная и притихшая, обнимала его за шею.

— Вот и всё, — наконец сказала она, — я, наверное, беременна. Как странно...

— Ты смогла открыть внутренние пути? — допытывался Антор. — Ты почувствовала, как они отворяются?

— Да, да, — отмахнулась Миу. — Не думай об этом. Там, откуда я родом, женщины беременеют очень легко. У нас всегда открыты эти проходы... Вообще, это любопытная тема для исследования, — Миу наморщила лобик, — *гуманоиды*, как правило, *физиологически идентичны* на всех планетах, с точностью до двух-трёх *девиаций*. Ваша *девиация* довольно интересна. Правда, она мешает быстрому росту населения. С другой стороны, ваших женщин нельзя принудить к деторождению насильно. Может быть, поэтому ваши *социальные структуры*

не ориентированы на *экстенсивное* освоение... — Она наконец обратила внимание на недоумевающего Антора и мягко закончила: — Не слушай меня, это я говорю сама себе всякие слова. Забудь.

Она успокаивающе погладила домина по голове:

— Я уверена: зачатие произошло. Спи и ни о чём не беспокойся.

Антор заглянул в странные глаза женщины — и немедленно провалился в сон.

Остров Лисий Зуб, 245 год, 239-й день

Миу пододвинула к себе кифейник, покрытый затейливой вязью и полный до краёв свежесваренного напитка. Неплотно прилегающая крышечка сосуда тихонько позвякивала, подпрыгивала, выпуская на свободу вкусный пар.

Она подумала о том, что, наверное, и домина Нелия точно так же любила сидеть в этой беседке, слушать шум дождя и пить киф.

Лисий Зуб она купила через подставных лиц, почти сразу после смерти Нелии. Островок стоил дорого, но в ту пору она не была стеснена в средствах: Институт исправно снабжал её золотом. Сейчас они начали ерепениться и требовать какой-то отчётности. Очередная бюрократическая глупость или нечто худшее? Посмотрим, что будет дальше. Если КОМКОН всё же пойдёт на скандал... впрочем, нет, не должен. Тем не менее надо держать ухо востро: в один далеко не прекрасный день её могут под каким-нибудь предлогом лишить средств. Как жаль, что у неё нет синтезатора. Смешно: переброска каждой монетки по нуль-Т стоит, вообще говоря, целого состояния. Зато начальство думает, что она у него на крючке. А зря: за эти годы она уже успела сколотить себе кое-какой капитал, о котором ни Институт, ни КОМКОН даже не подозревают. Теперь ещё надо вступить в Сословие: она владеет землёй и готова нести ответственность. Звание домины даёт привилегии, которыми можно при случае умело воспользоваться...

Она привстала, чтобы дотянуться носиком кифейника до белой фарфоровой чашечки. Саксонский фарфор охотно принял в себя тёмную струйку.

Запах кифа распространился в воздухе, и Миу закрыла глаза от удовольствия. Всё-таки половина прелести этого напитка — его аромат... Жаль, что на этой планете нет аналога чая. Не

завезти ли сюда чайные кусты? Аборигены падки до новшеств. Во всяком случае, крепкие спиртные напитки распространились по планете всего за пару лет. Интересно, что основными потребителями рома стали именно моряки. Можно ли это считать примером изоморфизма гуманоидных культур? Надо будет дополнить этот раздел... Впрочем, нет, рановато. Ещё несколько экспериментов, ещё несколько замеров. Спешить не следует. Хорошие работы по сравнительной антропологии пишутся долго.

Тихий гудок вызова отвлек её от размышлений. Она закрыла глаза и переключила зрительный нерв на внешний канал.

Перед ней появилась маленькая пыльная каморка, заваленная книгами. В продавленном, рыжем от времени кресле сидел человечек в сером костюме.

— Добрый день, профессор, — вежливо поздоровалась Миу.

— Майя, ты невыносима. Я же просил: зови меня просто Айки.

Женщина вздохнула:

— Извините, профессор, но я вынуждена освежить вашу память. Наши отношения построены на *do ut des*. «Даю, чтобы ты дал». Я готова время от времени давать вам то, что вам нравится, — в обмен на то, что мне нужно. Но и то и другое имеет конечный объём, как и любые услуги. Я готова называть вас «Айки». Или зайчиком, или пупсиком, или маленькой серенькой крыской. Это обойдётся вам в один минет за каждое слово из этой серии. Либо же я называю вас «профессор Бромберг» и вы получаете своё сладенькое. Если, конечно, заслужите.

— Я думал, ты меня немножко любишь, — надулся профессор.

— Скажем так: вы — наименее отвратительный персонаж из всех прочих. В вас хотя бы осталось что-то человеческое... Поэтому я говорю с вами как с человеком, а не как с сексуально озабоченным старикашкой.

— Умешь льстить, — проворчал собеседник. — Хотя и хамишь. *Du hast grosse Maul*, как выражается твой дружок Сикорски.

— Минус один минет за «дружка».

— Извини. Беру свои слова назад.

— Извинения условно приняты. А что такое «*grosse Maul*»?

Бромберг похабно ухмыльнулся:

— «Хлебалище великовато». То есть в смысле — звиздишь много. Такая идиома. Ладно, хватит прикладной филологии. Я достал тебе ту гадость, о которой ты просила. Что мне за это полагается, а?

— Это и в самом деле оно?

Профессор протянул руку и взял с книжной полки красно-белый цилиндрик.

— Одноразовый микрошприц. Вводить препарат можно в любое место. Удобнее всего в плечико... ах, эти твои сладкие плечики... ладно, проехали. Антидот — в белом конце. Вводится так же. Учти, это надо сделать максимум через три часа, потом будет поздно. Но лучше раньше. Вообще-то это, конечно, большая гадость. Мне это сделал один мой ученик, химик. Хороший мальчик.

— Ученик? Бедняжка. Он небось натурал, — протянула Майя.

Бромберг захихикал в кулачок. В такие моменты профессор чем-то напоминал Майе большого богомола разновидности *bolivaria brachyptera*.

— Отлично. В таком случае я хотела бы это получить. Я настроила вход нуль-Т-портала. Насколько я понимаю, у вас есть незарегистрированный нуль-канал?

Профессор рассеянно крутил цилиндрик в пальцах.

— Послушай, Майя. Это всё-таки очень рискованно. Сикорски не дурак, его так просто не разведёшь. К тому же у него сейчас очень шаткое положение. У меня есть люди в КОМКОНе, и они говорят, что Руди сейчас в большом пролёте. Ещё один провал — и его отправят оперативником на какую-нибудь гиблую планету. На Гиганду, скажем, или на Саракш... Операция на Арбинаде — это его последний козырь в рукаве, который он сможет предъявить в случае чего. Козырёк, правда, слабенький, но других успехов у него сейчас нет.

— В таком случае скандал с нашим участием ему тем более не нужен. Он отдаст этот козырь, чтобы ещё немножко посидеть в мягком кресле. Присылайте препарат. Или вы испугались? Лучше скажите мне это. Прямо сейчас. Мне тоже не хочется травить себя понапрасну.

Бромберг продолжал крутить цилиндрик.

— Я воюю с КОМКОНОм дольше, чем ты прожила на свете, девочка, и каждый раз до смерти пугаюсь... Но будь спокойна, такого случая насыпать им соли на хвост я не упущу. Не в этом дело. Возможно, это прозвучит пошло, но я опасюсь за твою карьеру. Институт — та ещё клоака. После такого скандала они тебя съедят живьём.

— Возможно. Но у меня нет других вариантов. Вы мне дадите препарат или нет?

— Дам. Твои нуль-координаты те же?

— Те же. Не тяните.

Профессор красивым жестом подбросил цилиндрик в воздух, и тот исчез.

Через мгновение Майя услышала звон.

Она отключилась и увидела перед собой разбитую чашечку. В луже разлившегося кифа лежал красно-белый металлический цилиндрик.

Майя снова переключилась на внешнее изображение.

— Вы мне чашку разбили, — пожаловалась она. — Саксонский фарфор, восемнадцатый век. Единственная ценная земная вещь, которая у меня была.

— Посуда бьётся — к счастью... — рассеянно заметил Бромберг. — Вот что, — наконец решился он. — Если тебя всё-таки выпрут из Института, я возьму тебя к себе. Можешь передать это Сикорски, когда он потребует тебя к ноге.

— Что-то мне кажется, что это случится очень скоро. Я жду вызова на станцию со дня на день, потому и спешу. А насчёт научного руководства... Очень благородно с вашей стороны. Только учтите: даже если я соглашусь, это не означает, что я буду проводить ночи в вашей постели.

— Перестань. Я на это и не рассчитывал. Но вообще-то ты слишком бережёшь свои прелести. Небось на Арбинаде ты куда любвеобильнее.

— А как ещё, если на Земле это единственный способ делать карьеру? *Do ut des.*

— Не забывай иногда *dare.*

— *Dare*, да не даром. Всего наилучшего, профессор Бромберг.

Женщина отключилась, и вместо кабинета вокруг неё сомкнулись стены беседки.

Осколки любимой чашки лежали перед ней, чем-то напоминая хорошо обглоданные куриные косточки. Майя опять

подумала, что единственная неприятная особенность местной культуры — вегетарианство. Иногда ей до боли в желудке хотелось жареных куриных крылышек в остром соусе.

Она ещё немного поразмышляла, стоит ли восстанавливать чашку и каким способом это лучше сделать. Пришла к выводу, что достаточно обычного молекулярного резца, чтобы срастить осколки, — после чего небрежным движением смахнула их со стола.

Орбита четвёртой планеты системы ЕН-2355 (Арбинада), станция наблюдения «Артур-3000», 25 декабря 147 года

Рудольф Сикорски оторвал наконец взгляд от экрана. Лицо его было тёмным от ярости.

— Dreckschwein! Miststueck! — бросил он в лицо сидящей перед ним в кресле женщине. — Frisches Luder!

— Очень любезно с вашей стороны, Рудольф. И это всё, что вы мне хотели сообщить? — Женщина пододвинула к себе пластмассовую вазочку с вишнями, выбрала крупную ягоду, оторвала от плодоножки. Съела.

— Нет, не всё. — Сикорски слегка успокоился — во всяком случае, он прекратил материться и перешёл на интерлингву. — Пока не знаю, устраивать ли внутреннее расследование, или решить вопрос самому. Ты облажала мне операцию, Майя.

Она старалась не смотреть по сторонам: уж больно убого выглядела стандартная станционная каюта. Единственным её украшением был, пожалуй, огромный круглый иллюминатор, в котором плавал зелёно-голубой диск Арбинады.

— Устраивать расследование — глупо с вашей стороны. — Женщина наклонилась над ковром и выплюнула обсосанную вишнёвую косточку. Коротко рыкнула система очистки, и косточка исчезла.

— То есть ты признаёшь, что саботировала операцию? — зло прищурился Сикорски. — Очень хорошо.

— Нет, не признаю. — Майя по-кошачьи улыбнулась. — Давайте посмотрим на факты, Рудольф. Три года назад я в качестве сотрудника Института Экспериментальной Истории намеревалась провести ряд полевых исследований на Арбинаде. Моя специализация — нетрадиционные общества середины исторической последовательности, и меня заинтересовала Арбинада как уникальный случай нестандартного позитивно-го развития. Первоначально речь шла о кратковременных изыс-

каниях. Однако получить разрешение на них мне почему-то никак не удавалось. В конце концов выяснилось, что его получение тормозится на уровне КОМКОНа. И что решить мою проблему может некий Рудольф Сикорски.

— Какая наивная девочка, — желчно заметил Сикорски. — Все вы, ученые, прекрасно знаете, что за вами присматривают. И кто именно.

— Я просто излагаю свою версию событий... Итак, мы встретились, и вы намекнули мне, что условием допуска на планету будет моё добровольное сотрудничество с КОМКОНОм. Кстати, тогда вы были куда любезнее, чем сейчас.

— И ты подписалась на добровольное сотрудничество. Ты повязана, милая. — Сикорский ковырнул пальцем клавиатуру, посмотрел на экран и результатом остался недоволен.

— Одним из условий моего допуска к полевой работе, — продолжала Майя, — было осуществление разовой спецоперации на планете Арбинада. Спецоперация, в частности, предполагала передачу аборигену изделия, изготовленного по земным технологиям, что категорически запрещено специальным решением КОМКОНа...

— Du hast grosse Maul! Что кому запрещено, а что нет — с этим мы как-нибудь разберёмся без бабёнок.

— Ну да, разумеется. Ваши запреты пишутся в основном для внешнего употребления... Во всяком случае, я в точности выполнила все ваши инструкции. Я нашла подходящего аборигена и передала ему устройство, конкретнее — малогабаритный полевой синтезатор «Мидас-3» со встроенной функцией искусственного интеллекта, контролирующего экономическое поведение объекта разработки. Результатом операции должно было стать разрушение экономического строя планеты, с целью установления на Арбинаде классического феодализма земного типа...

— Это мы, пожалуй, пропустим. — Функционер принялся рассматривать что-то на экране.

— Я осталась на планете в статусе наблюдателя. Меня заинтересовала уникальная культура Арбинады, и я хотела её подробно изучить — до того, как она исчезнет. Скорее всего Арбинада станет темой моей докторской диссертации.

— Скорее всего у тебя не будет никакой диссертации. Тебя отстранят от исследований. — Сикорский, не глядя, ткнул пальцем в клавишу. Компьютер обиженно запищал.

— Не торопитесь, Рудольф. Хочу подчеркнуть, что я не совершала ничего, выходящего за пределы необходимого минимума вмешательства. Я не передавала аборигенам предметы, изготовленные на Земле или по земным технологиям, не сообщала им знаний, которыми они не обладали, не вмешивалась в политические, экономические или культурные процессы на планете. С точки зрения аборигенов, я веду жизнь богатой гонгурской женщины, проводящей молодость в развлечениях...

— В основном таскаюсь, — не удержался функционер. Он был зол и не пытался этого скрыть.

— Вы ведь не собираетесь учить меня морали? — спокойно сказала женщина, беря ещё одну вишню из вазочки. — Я ещё не забыла кое-каких подробностей нашего знакомства...

— Тебе это самой нравилось, Digne, — огрызнулся Сикорски.

— Короче говоря, — закончила Майя, — я не сделала ничего, выходящего за рамки дозволенного. Поэтому я не понимаю, в чём состоят ваши ко мне претензии. — Она откинулась в кресле и положила ногу на ногу.

— Не прикидывайся дурочкой. Ты сорвала операцию. Ты подучила этого своего любовничка, купчишку...

— Сервин был одним из крупнейших негоциантов планеты, — рассеянно заметила женщина. — И он мне нравился.

— Ты подучила его, как обмануть искусственный интеллект синтезатора и сорвать нам операцию. Ты промыла мозги этому вонючему аборигену, своему любовничку, чтобы он провёл против нас контрмероприятие. Ты же его и спланировала.

— Использование лёгкого гипноза наблюдателям разрешено, — пожалала плечами Майя. — Но доказать здесь ничего нельзя, не так ли? Насчёт остального — ну, может быть, я что-то шептала ему во сне... А может быть, и нет. Если вы ещё не поняли: я намерена рассматривать ваши претензии только с точки зрения их законности. Я ничего не нарушила.

— Dumme Quatschtante, меня не интересуется, нарушила ты что-нибудь или нет! — Сикорски снова начал терять терпение. — Ты хоть понимаешь, что теперь тебя никогда не пустят дальше лунной орбиты? Повод найдётся. Мы тебе его устроим.

— А вот профессор Айзек Бромберг считает иначе, — невинно опустил ресницы, промурлыкала Майя. — Он, кстати,

очень заинтересовался моей работой. И даже рассматривает возможность научного руководства...

— Значит, ты спуталась с Бромбергом? — Глаза Сикорски сверкнули. — Что ж, вполне ожидаемо. Старый диссидент, ненавидит КОМКОН. Неприятен, но не слишком опасен. А вот закрыть тебе доступ на планету мы теперь имеем полное право. И не только формальное, но и моральное. Связаться с Бромбергом — это предательство, девочка. Самое настоящее предательство. Ты ему дала?

— Вас интересует только это? Вы ещё не знаете некоторых важных деталей, связанных с деловой частью нашего сотрудничества.

— Меня не интересует, кому ты... — Функционер осёкся. — Чёрт с ним, с Бромбергом, с ним мы ещё разберёмся. Ответь мне сначала на один вопрос. Зачем ты это сделала? Просто скажи — зачем?

Майя в задумчивости закусилла нижнюю губку. Помолчала. Потянулась за вишенкой, потом передумала.

— Я хочу закончить своё исследование, — наконец сказала она. — А вы отнимаете у меня объект наблюдения.

— То-то и оно. Для тебя это объект наблюдения. — Сикорски крутанулся в кресле. — Ты смотришь на них со стороны, даже когда живёшь среди них. Арбинада для тебя — заповедник, где живут красивые зверюшки. А мы рассматриваем жителей любой гуманоидной планеты как своих будущих сограждан. Как часть единого космического человечества, уж извини за пафос.

— Какая высокая честь! Вот только для того, чтобы её заслужить, они почему-то должны проплавать пару столетий в дерьме, — Майя чуть зевнула, показав ровненькие беленькие зубки, — в дерьме с кровью. Без этого мы никак не можем признать их частью космического человечества, не так ли?

— Только не думай, что мне это нравится. На самом деле я всё понимаю. — Сикорски заговорил мягко, вкрадчиво, досылая голосом теплоту. — Красивая планета, симпатичные жители, очень гармоничная цивилизация. И бросать всё это в грязь стандартного средневековья... К сожалению, мы не умеем работать с мирами средней части исторической последовательности, которые не описываются базовой теорией феодализма. Понимаешь? Не у-ме-ем. Мы должны им дать свою историю, свой разум, чтобы им помочь.

— Иногда мне кажется, что и Земле когда-то тоже так помогли, — рассеянно заметила Майя.

— А нам нужно вывести эту планетку на коммунистическую ветвь, — напирал Сикорски. — Потому что иначе их ждёт катастрофа. Такая же, какая происходила на всех населённых гуманоидами планетах, куда мы не успели добраться вовремя. Человек — нестабильный вид, и ты это прекрасно знаешь. Земле просто повезло. Мы — уникальное исключение из общего правила. Мы прошли все точки самоуничтожения и выжили. Теперь мы должны помочь выжить другим. В конце концов, Арбинада — планета основной гуманоидной последовательности. Это люди, такие же, как мы. У них те же гены. Мы обязаны им помочь. Даже если эта помощь на первый взгляд кажется... несколько болезненной.

— Арбинада — не меньшее исключение из правил, чем Земля, — возразила Майя. — Им, похоже, повезло ещё больше, чем нам. Меня, как исследователя цивилизаций, интересует, как они будут развиваться дальше.

— Неужели тебе это не понятно? Их ждёт многовековая стагнация, потом деградация. Такие райские мирки нам уже попадались.

— Они занимаются наукой, богатеют, совершенствуют свои технологии, — не уступила Майя. — Такого вам ещё не попало, и вы это знаете.

— Ну и как, по-твоему, они перейдут к капитализму? — усмехнулся Сикорски. — Как преодолеют первый индустриальный барьер? Ты вообще представляешь, сколько у них, с их дурацкой социальной системой, шансов пройти первый индустриальный барьер?

— Не знаю. И очень хочу узнать. Скорее всего я до этого не доживу, но традиция исследований продолжится. Поэтому я, как учёный, заинтересована в том, чтобы планету больше не трогали. Уберите от неё руки, пожалуйста. Просто уберите руки.

— А-а, понятно. — Сикорски полностью успокоился. — Ну что ж, весьма распространённое явление. Исследователь влюбляется в объект своего исследования. Это азы включённого наблюдения, Майя. Вас там, похоже, не учат даже элементарным методам психологической защиты...

— Вас тоже. Пару минут назад вы, Сикорски, называли меня очень грязными словами. — Майя чуть подалась вперёд.

— Ладно, прости, — бросил Сикорски. — Я был в шоке, когда ознакомился с подробностями. — Он постарался сделать понимающее лицо. — Но ты в чём-то права. Пожалуй, мы временно замнём эту тему. В конце концов, большого вреда ты нам не причинила. Арбинада ещё подождёт.

— То есть, — Майя внимательно посмотрела на функционера, — разорение Арбинады — это ваш личный проект? Я так и думала с самого начала. И профессор Бромберг тоже так думает.

— Это не твоё дело, чей это проект... Возможно, я оставлю тебе статус наблюдателя. Если ты меня хорошо об этом попросишь — тем же способом, как в прошлый раз. У тебя будет пара-тройка лет, чтобы закончить свой эпохальный труд, — продолжал Сикорски. — Даже потяну время, чтобы следующее вмешательство было проведено попозже. Как видишь, я иду тебе навстречу.

— Нет, вы не поняли. Следующего вмешательства не будет. Вы должны оставить планету в покое.

Сикорски ослабился:

— Я никому ничего не должен. Кроме Земли и её интересов.

— Есть ещё и земные законы, — хитро прищурилась Майя. — В частности, земные законы гласят, что земные колонии не могут быть объектами экспериментов Института Экспериментальной Истории и тем более КОМКОНа...

— Арбинада — не земная колония, — пожал плечами функционер.

— Земная колония — это планета, на которой постоянно живут земляне. Поскольку в законе не сказано точно, сколько землян там должно проживать постоянно, то хватит и одного.

— Похоже, ты поглупела. — Он явно хотел что-то добавить по-немецки, но сдержал себя. — Не пытайся играть в игры, в которые ты не умеешь играть. Статус наблюдателя не есть статус постоянного жителя.

— Я не имею в виду себя. Я имею в виду своего будущего сына, зачатого от домина Антора два месяца назад, — как ни в чём не бывало заявила Майя. — Он родится на Арбинаде и будет жить в своём мире. Однако, по земным законам, ребёнок, рождённый земной женщиной, является землянином. Таким образом, Арбинада — это земная колония. Доктор Бромберг сказал...

— Ты что, залетела от местного? — Сикорский не счёл нужным скрыть брезгливое удивление. — И ты в самом деле собираешься растить своего ребёнка в этом диком мире? Ты в своём уме?

— А почему бы и нет? Я не сентиментальна. На Арбинаде не принято слишком трепетно относиться к детям, и мне это нравится. К тому же ребёнок — первый сын домина Антора, за него дорого заплачено, и вряд ли его ждут какие-то неприятности. Я бы даже сказала, что большинство земных сверстников позавидовали бы ему. В конце концов, что такого замечательного в жизни на Земле? Ионный душ по утрам? Возможность летать на каникулы к бабушке на Марс или Весту? Интернат с узкими койками? Любимый Воспитатель, к которому ты приходишь каждый вечер исповедоваться, а он заносит твои исповеди в компьютер, чтобы проанализировать твой психопрофиль, а если нужно — подкорректировать? Стать врачом, учителем, художником, работником на какой-нибудь водорослевой ферме? В самом лучшем случае — получить немного власти? Сидеть в какой-нибудь престижной конуре, интриговать, подсиживать конкурентов и мечтать о хорошем минете... Завидная участь!

— Замечательная алармистская тирада. — Комконовец, похоже, твёрдо решил держать себя в руках. — Я слышал таких сотни. Всё это — чистейшей воды блеф. Ты сама не понимаешь, что несёшь. Если ты всё-таки родишь этого своего ребёнка, ты поймёшь, что молола вздор. Нормальный материнский инстинкт сработает. Впрочем... сейчас ты можешь наделать каких-нибудь глупостей. Мы это прекратим. С этого момента, — он снова повернулся к компьютеру, — тебе запрещается находиться на поверхности Арбинады. Сейчас мы летим на Базу, там тебя обследуют на предмет психической адекватности. Скажу сразу: у тебя найдут кое-какие симптомчики, наличие которых позволит приостановить твой статус наблюдателя на Арбинаде. Потом мы решим, что делать с тобой дальше. И если какой-нибудь Бромберг сунется в это дело...

— Ну да, ну да. — Майя откровенно забавлялась. — Простите, Рудольф, я сказала ещё не всё. Три часа назад я сделала себе инъекцию препарата, убивающего плод в матке. Сейчас вещество уже в крови. Антидот находится на Арбинаде. Что это за вещество, я не знаю. Вы, конечно, можете

доставить меня на Базу и попытаться сделать анализы. Но вы не успеете этого сделать: плод умрёт раньше. После этого профессор Бромберг делает публичное заявление на ту тему, что этот препарат ввёл мне сотрудник КОМКОНа, обманом. И объясняет, почему и зачем. Начинается скандал. Я, конечно, не буду ничего комментировать — иначе вы потребуете проверки на детекторе лжи или придумаете ещё какую-нибудь гадость. Но моего молчания будет достаточно. КОМКОН и так не любят, а убийство плода во чреве матери — это образцово-показательная гадость, в которую охотно поверят, — по крайней мере некоторые... Зато к Арбинаде будет привлечено всеобщее внимание. Я тем временем напишу о попытке разорения ни в чём не повинной планеты. И постараюсь распространить эту информацию как можно шире. Учтите, я не блефую.

Сикорский поднял голову и внимательно посмотрел на Майю. Та вернула ему взгляд.

Наконец функционер отвёл глаза и что-то пробурчал под нос по-немецки. Снова склонился к компьютеру.

— Это настолько глупо, что даже не смешно, — в конце концов заявил он. — Ты просто не понимаешь, что такое КОМКОН. Нас нельзя шантажировать содержимым дамского животика. Что касается Бромберга; он знает, где надо остановиться. Если бы эта планета была нам нужна...

— В том-то и дело. Вам ведь не нужна эта несчастная планета. Вы решили её сломать не потому, что она как-то мешала вашим вселенским планам. Вам, лично вам, Рудольф, нужна была галочка: у вас что-то получилось, а результат можно представить начальству как положительный. Для вашей конторы он, впрочем, и есть положительный: лет через десять Арбинаду уже можно будет брать в разработку. То есть послать прогрессоров — спасти планету от ужасов феодализма и выводить её к свету... Но скандал вам тоже не нужен, Сикорски. А это будет скандал — грязный, мерзкий, публичный скандал, от которого вы не отмоетесь. И знаете что? Мне почему-то кажется, что ваше начальство не станет вас покрывать. А сейчас, простите, мне нужно домой. Пора вводить антидот. И ещё надо связаться с Бромбергом и дать отбой. Старик будет очень недоволен. Ему ужасно хотелось с вами повоевать как следует.

— Стой. Ты хочешь сказать, что собираешься на Арбинаду? Ты думаешь, что ты победила?

— Ещё нет, — вздохнула Майя. — Я думаю, вам полагается небольшая моральная компенсация.

Она подошла к нему, встала на колени и расстегнула ширинку.

Через несколько минут Рудольф Сикорски счастливо замычал.

— Хотите ещё? — спросила Майя, вытирая губы. — Только давайте быстрее: мне и в самом деле пора.

— Что значит «побыстрее»? Тебе что, противно? — скривился функционер.

— Да нет, ничего. — Женщина сделала гримаску. — С профессором Бромбергом в этом смысле куда больше возни...

Сикорски откинулся на кресле и захохотал.

Она подождала, пока тот отсмеётся, после чего снова склонилась над мужскими коленями. На этот раз прошло минут пять, прежде чем функционер спустил.

— Я ещё ничего не решил, — заявил он, заправляя рубашку в брюки. — Пока я откладываю рассмотрение этого вопроса. А у тебя будут проблемы, если ты и в самом деле собираешься рожать этого своего ребёнка. Понадобится помощь в оформлении документов — если ты хочешь, чтобы его признали землянином... — Он сделал многозначительную паузу. — Да, и передай Бромбергу... — Сикорски почесал нос, подбирая ругательство позаковыристее, потом махнул рукой. — Хотя не надо... Ладно, гуляй. Где тут нуль-Т, не забыла? Да, кстати. Хочешь принять ионный душ? Там рядом кабинка, зайди.

— Спасибо, Рудольф, что предложили мне помыться. — Майя криво усмехнулась. — Но на Арбинаде я привыкла к... — она чуть покатила на языке слово, — к другому уровню комфорта в области гигиены. Что касается ребёнка, я намерена поговорить с профессором Бромбергом. Думаю, он согласится посетить планету и провести все необходимые формальности. В этом вопросе я доверяю ему больше, чем вам.

— Вот как? Тогда пошла отсюда. — Функционер счёл себя уязвлённым. — Fort har ab! — прикрикнул он на неё.

— Auf Wiedersehen, — сухо сказала женщина, закрывая за собой дверь.

Малая Гряда, третий остров, селение Антор. 246 год, 231-й день

— Олле, друзья мои! — Антор поймал себя на том, что немного растягивает гласные, пытаясь придать своей речи хоть сколько-нибудь торжественности. Получалось не очень: голос предательски дрожал.

Зал был полон. Молодой домин заметил компанию приятелей — широкоплечего Турна, Орма, Тима, Эльхаса и прочих: они держались вместе, тихонько переговариваясь.

Рядом с Турном, незаметно держась за его руку, стоял старый Сеназа, всё-таки прибывший на праздник, несмотря на годы и нездоровье. Мало того, упрямый старец не желал нарушать обычаи и упорно отвергал все предложения присесть. Поэтому с другой стороны его деликатно поддерживал под локоть жрец Хаом.

Дом Конд в блестящем сером плаще что-то рассказывал на ухо госпоже Эстре. Рядом какие-то молоденькие девушки зачарованно слушали жреца Хингра. Антору подумалось, что великий демагог охотно произнёс бы и эту речь за него.

Госпожи Миу Гонгурской было не видно — похоже, она скрывалась среди женщин. Потом Антор всё-таки зацепил её взглядом. Она стояла у стены и что-то объясняла старообразному человеку на редкость неприятной наружности, одетому в нечто серое и бесформенное. Скорее всего очередной скоробогач с каких-нибудь островов, с непонятной для самого себя неприязнью к незнакомцу подумал Антор. Наверное, хочет заказать Миу ребёнка. Теперь, когда она родила сына для Антора Великодушного, у неё небось отбою нет от предложений. Но этот человек... Тот же Сервин, да не изгладится память о нём, никогда в жизни не стал бы так одеваться.

Бромберг, вспомнил он. Перед самыми родами Миу говорила о каком-то Бромберге, он ей был зачем-то нужен... Наверное, это он и есть. Ну да это её дела.

— Олле, друзья! — повторил Антор, дожидаясь, пока стихнут разговоры. — Сегодня я хочу объявить о... — голос его дрогнул, — о своём первом сыне. Он был рождён три дюжины дней назад госпожой Миу от моего семени. Я не знаю его будущего, но надеюсь, что его ум и способности позволят ему когда-нибудь стать новым домином Антором, когда моя жизнь подойдёт к концу...

— Счастливое соединение, золотое потомство! — слабым, дрожащим голосом крикнул дом Сеназа. Зал радостно подхватил клич, так что Антору пришлось долго дожидаться тишины.

— Ребёнок был рождён госпожой Миу Гонгурской, от её крови и жизненной силы. Да будет он достоин благородной матери!

Раздался шорох платьев и шум одежд: все оборачивались, чтобы посмотреть на Миу.

Та горделиво выпрямилась, вкушая заслуженный триумф.

Малая Гряда, третий остров, селение Антор. 262 год, 19-й день

Антор Младший играл с длиннокрылом. Птица приближалась к рассыпанным на мраморной скамье зёрнам и отскакивала, когда мальчик пытался её схватить.

Мальчик терпеливо ждал. Он уже успел убедиться, что с длиннокрылыми необходимо терпение.

Обычно птицы не боялись людей. Но этого мальчика они боялись.

Тем не менее поимка была лишь вопросом времени. Зёрен становилось всё меньше, и они лежали всё ближе к мальчику. Рано или поздно глупый длиннокрыл не успеет отскочить от зёрен, и тогда он его схватит.

Рядом с Антором Младшим лежал нож, недавно украденный на кухне. Лучше бы, конечно, иметь настоящее оружие. До чего хорош топор, висящий над отцовским ложем, — огромный, чёрный... Позавчера он тайком пробрался в родительскую опочивальню и снял топор со стены, чтобы получше рассмотреть лезвие. Потом он умаялся, пытаясь водрузить его обратно на крюк. Хорошо ещё, что успел до прибытия отца. Отцу бы это не понравилось.

Длиннокрыл снова отпрыгнул.

Мальчик подумал, что у него сегодня неудачный день. Утром ему не удалось проникнуть в библиотеку, где он собирался стащить из закрытого шкафа книгу по Средней истории. А ведь там наверняка были картинки — как люди в кольчугах вонзают острое оружие в химер и драконов, а то и в других людей. Особенно ему нравилось именно это — когда люди убивают друг друга. Он мог смотреть на такие картинки часами, как зачарованный.

Как всё-таки жаль, что те времена миновали.

Но об этом лучше никому не говорить. Особенно матери — она любила задавать всякие нехорошие вопросы. Хорошо, что она появляется в доме редко. Последний раз он видел её полгода назад, и она была чем-то очень озабочена. Но всё равно отняла у него время на расспросы. А ведь он в тот день поймал большую лисицу, и ему не терпелось закончить с ней, пока она была ещё жива! Но он не успел — зверюшка умерла от ран и ожогов, и он так и не успел убить её своими руками. Зато он узнал, что кусочки мяса, если их прижечь, вкусно пахнут. Ему даже захотелось попробовать, но он не решился. Потом отец ему рассказал, что в день совершеннолетия полагается съедать кусочек жареного мяса, и он понял, что сглупил: оказывается, мясо и в самом деле можно есть, не надо было бояться... Но с тех пор ему не удавалось поймать лисицу.

Лисы очень осторожные. С птицами всё-таки проще.

Длиннокрыл почти попался, но в последний момент успел улизнуть, клюнув его в руку.

Ничего, подумал Антор Младший. Ты никуда не денешься. Все вы никуда не денетесь.

Птица снова потянулась за зерном, и на этот раз попалась.

Всё произошло быстро — всполошившаяся тварь даже не успела закричать. Антор Младший уже знал, что делать.

Потом он взял нож и начал резать быстро остывающий трупик — неаккуратно, неумело, намусорив перьями и перемазавшись в крови. Для начала отрезал голову. Немножко побаюкал в руках, представляя себе голову своего отца, Антора Великодушного. Рассмеялся и кинул её вниз, в море.

На мраморной скамье осталось грязное пятно. Ничего, вечером обещали дождь, он всё смоет.

Сегодня он попробует подержать птицу над огнём, чтобы узнать, можно ли её всё-таки есть. Придётся вставать глухой ночью и идти на кухню. Развести огонь, потом выдернуть перья из тельца — они-то уж точно несъедобны... потом, наверное, как-то разрезать тушку? Вообще-то есть старинная книга, где написано, как готовится мясная еда для испытания доминов. Но она хранится у отца — ведь заглядывают в неё очень редко. Надо будет как-нибудь её стащить. Наверняка там много интересного.

Да, он и в самом деле не такой, как все. Он сильнее и проворнее сверстников. И пожалуй, умнее их. А главное — в

нём есть то, чего в них нет. Багровый Бог Гнева, сын Чёрного бога, ныне считающийся мёртвым. Они поторопились, он жив. Он, Антор Младший, слышит его в своём сердце, понимает его волю... Интересно, унаследуют ли это его будущие дети? Говорят, дети похожи на родителей. Хотя ему пока рано думать о потомстве. Сначала надо вырасти самому. Вырасти и стать сильным.

Послышались шаги — кто-то медленно шёл по аллее.

Мальчик быстро засунул обезглавленную птицу в заранее приготовленный мешок и запихнул под скамью.

Это оказался старик воспитатель, присматривающий за nasledником.

— Вот ты где! А я тебя ищу. Пора ужинать, Младший. Пойдём.

— Хочу ещё посидеть, — надулся мальчик.

— Я же сказал: пора ужинать. — Старик был непреклонен.

— Хочу ещё посидеть, хочу, хочу, хочу! — закричал мальчишка. Его так и подмывало ударить старика. Ударить чем-нибудь тяжёлым. Лучше всего тяжёлым острым железом. Но пока он мал, об этом лучше даже не думать, взрослые всё равно сильнее... Он стиснул зубы и промолчал.

— Что это? — Старик заметил пятно на скамейке.

— Не знаю. Грязь какая-то, — вывернулся Антор Младший.

Старик недолго шурился, присматриваясь к пятну — увы, глаза у него были уже не те, — потом со вздохом повторил:

— Пошли, Младший. Ужин стынет.

Понуро бредя вслед за воспитателем, мальчик тешил себя мыслями о том, как его будут называть, когда он наконец перестанет быть Антором Младшим.

Наверняка он совершит что-нибудь замечательное. И ему дадут имя. Только не такое, как у отца. И даже не такое, какое было у отца раньше. Он, Антор Младший, не хотел бы слыть «великодушным». И даже «счастливым», пожалуй, тоже не хотел бы. О нет.

Его будущее имя должно внушать трепет.

ВСЕГДА СОСА-COLA

Кондиционер, как всегда, не работал: в комнате было нечем дышать. Он стянул мокрую майку через голову и бросил в угол. В маленьком охладителе лежали еще две банки пива, но это на потом. Сначала дело. Первая стадия. На этот раз у них должно получиться.

В уже запишало. Он машинально потряс головой, потом понял, что это звонят ему, напоминают, — и стиснул зубы. Небось опять все будет как в прошлый раз. Войти в Среду, получить кувалдой по ушам и моргалам, чтобы потом, с разъезжающимися глазами и звоном в голове, лежать на заднем сиденье (он никогда не помнил, на чем его увозили, впрочем, автомобили все время менялись), в то время как шофер будет гнать что есть мочи. Неделя отдыха, новые документы, еще один мотель или дешевая гостиница в пригороде, и все сначала. Однажды это был коровник. Правда, американский, стерильный, пахнувший чуть ли не розовым маслом. Американские коровы должны жить не хуже американских граждан. Интересно, зачем там было сделано подключение к Среде? Неужели коровам показывают сериалы? Уже два года в Штатах, а все не могу привыкнуть. Он представил себе корову с оптиком на голове. Не смешно.

Так, пошла проводка, загружаем OS Doors NCP2025, все нормально, можно входить в Среду. Оптик стандартный, NeiVe Gold, в таком головой особенно не повертишь. Звук настроился быстро, а изображение отсутствовало еще минуты две-три, пока устройство сканировало оптический нерв и прогоняло тесты. Наконец пошла таблица цветности — перед глазами замелькали яркие вспышки всех цветов радуги. Так, полный комплит. Теперь можно и шею повернуть.

Он огляделся. Оффлайновый мир оставался на месте, хотя казался выцветшим и съжившимся: половина зрительного ресурса была переключена на каналы Среды. Пока что был виден только вход — стандартный черный глазок на границе зрения, с еле различимой надписью «Doors». Если внимательно посмотреть в глазок, он откроется. Смотрим. Ага, допуск. Биометрия, логин, пароль. Сейчас оно будет. Сейчас будет. Сейчас будет.

Он весь сжался, ожидая оглушительного грохота в ушах и яркой белой вспышки перед глазами — стандартного наказания за попытку несанкционированного доступа в Среду. Однако шли секунды, а перед глазами оставалась только ровная серая мгла. Наконец, что-то мелькнуло, и тут же голос в ухе произнес за него какие-то слова. Вход.

Мгла рассеялась, и он увидел сияющую гладь, над которой он парил на высоте птичьего полета. Над ней возвышались причудливые башенки порталов. Так, что у нас там. А, это Бродвей. Прямая передача. Классический мюзикл «Билл и Моника». Он не любил эту вещь, в особенности знаменитую сцену минета: еще будучи школьником, он получил вычет по баллам на уроке Американской Культуры, потому что напрочь забыл, кто там у кого что. Тем не менее можно и завернуть, все равно до начала еще минуты три. Он совсем было собрался спуститься ко входу в портал, когда в ухе у него опять противно запищало. Следят за ним, мать их. Интересно, как же все-таки они подделали биометрию? Захватили какую-нибудь важную американскую шишку, держат у себя в подвале и снимают с него биоданные? Нет, ерунда полная. Не говоря уже о том, что Америка весь мир на уши поставит, если какой-нибудь ихний VIP задремлет в сортире, Среда сама сканирует мозг входящего, а в рисунке аксонных импульсов все прекрасно читается. Значит, оригинал не в подвале. А вовсе даже и на свободе, во всяком случае, считает себя свободным. Гипноз, лекарства? Добровольное сотрудничество? Нет, это по аксонам снимается в полпинка. Тогда что же?

Ладно. Где у нас GNews?

Портал мегасервера был нарисован в стиле небоскреба прошлого века. Десятки миллионов пользователей влетали в светящиеся окна активных коннектов. Он прошел через окно и очутился в гигантском зале, напоминающем размерами стадион. Разумеется, он сидел в первом ряду в середине. каждо-

му из пользователей казалось, что он сидит в первом ряду в середине, а толпа находится сзади.

На освещенном просцениуме возник высокий смуглый юноша в тюрбане, с кошачьими усиками и золотыми браслетами на гладко выбритых голых ногах — Кен Чорба, популярный в этом месяце медиа-ведущий. Толпа взревела. Чорба сложил руки лодочкой и церемонно поклонился.

— Американцы, ну и все остальные! — Чорба ослепительно улыбнулся, и во рту у него полыхнуло огнём: вместо зубов в его десна были вживлены драгоценности. По крайней мере так утверждалось в базе данных фэн-клуба Чорбы: текст услужливо замерцал перед глазами, едва он успел об этом подумать. Он беззвучно выругался, и Doogs тут же выдала сообщение: «Выдавать только явно запрашиваемую информацию?» Он уже хотел было согласиться, как в ухе опять запищало. Мать их.

— Американцы и все прочие! Какой у нас сегодня день?

Толпа заревела.

— Правильно, СУББОТА! Что происходит в мире каждую субботу в июле?

Толпа заревела еще громче.

— Правильно! В эти дни Америка исполняет свой долг перед мировым сообществом, проводя очередную МИРОТВОРЧЕСКУЮ АКЦИЮ! Мы хорошенько повеселимся и поможем делу мира и демократии во всем мире. Сегодня мы будем бомбить... — он сделал паузу, и в эту секунду над его головой вспыхнула разноцветная ёлка из рекламных баннеров, которые венчала красно-белая эмблема «Кока-Колы», — ...Руанду!

Рев толпы был оглушителен. Чорба выждал десять секунд, после чего отключил звук. Казалось, во всей Среде наступила тишина.

— Руанда — это маленькая грязная страна в Африке. Она такая грязная, что мы её ещё ни разу не бомбили, чтобы не пачкать наши бомбы и ракеты в этом дерьме. Руандийцы разбаловались, решили, что никто им не указ, и поставили у власти кровожадного диктатора, который угнетает оппозицию, и все такое. Кроме того, в руандийских школах плохо учат маленьких руандят. У них у всех сплошные отрицательные баллы по Американской Истории и Американской Культуре! Это страна недоучек! Вмажем им как следует!!! Надерем жопу этим сукиным детям!!!

Толпа опять заревела, и на этот раз звук не глушили. Пол-миллиарда пользователей орала, свистели, выли.

— Теперь условия войны, для тех кто не знает! Наши космические станции и аэроботы находятся в небе над Руандой, и боекомплекты у них полны! Сейчас среди пользователей будет проведена моментальная лотерея, и каждый выигравший получит в управление ракету или высокоточную бомбу, одну или несколько. Все свободные народы мира против Руанды! Главная цель — бункер диктатора. Примерный список из тысячи двухсот военных объектов, которые могут быть бункером, уже в ваших базах. Тот, кто прикончит кровавого палача, получит **ГЛАВНЫЙ ПРИЗ!**

Опять рев, на сей раз быстро отрубленный.

— Главный приз! Для американца — пакет акций компании «Кока-Кола», компании, которая спонсирует нашу миротворческую операцию! Настоящая американская «Кока-Кола»! «Кока-Кола»! «Кока-Кола»! На сумму в четыреста сорок девять миллионов девятьсот де...

Рев.

— ...канских долларов!

Рев.

— Кроме того, двести вторых призов — пакеты акций компании «Кока-Кола» на сумму...

Рев. Сейчас отрубят. Да, точно.

— Для неамериканца — вид на жительство в Соединенных Штатах Америки! Американское правительство дает ВСЕМ жителям нашей маленькой планеты, подключенным к Среде, принять участие в битве за демократию и свободу! Это не только американская акция, нет, это всемирная народная война! Участвуют все! Все без ограничений!

Рев. Не отрубает.

— Особый приз для участников из Руанды. Руандиец, который удачно разбомбит любой военный объект на территории своей страны, или уничтожит хотя бы одного служащего руандийской армии, получит специальный приз: вид на жительство в Соединенных Штатах Америки! Солидный пакет акций компании «Кока-Кола»! А также спортивный кар «кайрос-5700» и, кроме того, особый подарок от...

Изображение поплыло: информация в Среде качалась те-рабайтами, и спутниковые каналы отчаянно тормозили.

— Еще одно предупреждение! Не бросайте свои бомбы на гражданские объекты и население! Это официальное предупреждение правительства Соединенных Штатов Америки. Всякий, кто намеренно направит свою ракету или бомбу на скопление гражданских лиц, будет оштрафован на восемьсот долларов и лишен доступа в Среду на одну неделю. Предупреждаем сетевых охотников за головами: на каждой ракете или бомбе установлены видеокамеры. Для остальных: над всей Руандой безоблачное небо, и все подробности бомбардировки будут прекрасно видны со спутников. Если вы увидите оторванную руку, вы сможете разглядеть грязь под ногтями!

Изображение опять поплыло.

— Но диктатор и его люди могут прятаться и в толпе! Однако наши маленькие высокоточные ракеты «Рорти» позволяют прикончить мерзавца, даже если его будут закрывать телами! Пилоты ракет «Рорти» получают портрет и биометрические данные этого ублюдка. Кроме того, необходимо уничтожить его охрану. А также правую руку диктатора — руандийскую армию. Ребята, не мажьте! Лишние трупы — это не по-американски! Убивать можно только руандийских военных, носящих форму и вооруженных. Помните, мы не воюем с безоружными людьми! Но если у человека в руках оружие, даже палка, он может быть пособником диктатора. Люди, будьте бдительны!

Одобрительные крики.

— Предупреждаем нетхантеров — не надо убивать руандийских мальчиков и девочек, даже если они плохо учатся в школе! Это официальное предупреждение правительства Соединенных Штатов Америки. А от себя скажу; надерите жопу этим маленьким вонючкам, парни!!! Надерите им жопу так, чтобы это вошло в их сраные мифы и легенды!!!

Изображение дернулось, потом восстановилось: видимо, подключились дополнительные каналы.

— А теперь мы начинаем лотерею. Все желающие поучаствовать подключаются к нашему portalу напрямую! Предупреждаем о возможных задержках, наши возможности ограничены! О, вот уже есть первые выигравшие...

Изображение замерло. В ухе запишало. Потом раздался голос:

— Через две минуты получишь билет. Выиграешь бомбы или закрытый ящик. Брать ящик.

Перед глазами опять что-то замерцало. Потом все сфокусировалось: он находился в небольшом белом зале, и Чорба (на этот раз явно ненастоящий — видимо, стандартный программный модуль) с улыбкой протягивал ему руки. В одной из них были четыре крошечные бомбы с поблескивающими стабилизаторами, на каждой из них была нарисована эмблема «Кока-Колы». В другой — маленькая черная коробочка.

— Поздравляю, вы выиграли! Вы можете взять четыре упавля...

Он не стал дожидаться и мысленно потянулся к коробочке. Doors тут же выдала сообщение: «Выбор объекта: подтверждение?» Он ответил «да» и потом два раза повторил, в ответ на назойливое «Вы уверены?», «Вы точно уверены?».

Чорба печально улыбнулся и открыл коробочку. Она была пустой.

В ухе запищало.

— Бери.

Doors выдала сообщение: «Вы можете изменить свой выбор».

— Бери.

Он снова мысленно потянулся к коробочке. Ведущий снова улыбнулся, на этот раз торжествующе. Коробочка в его руке вспыхнула, распалась, а на ладони Чорбы появился маленький белый кружок.

Аэробот с полным боекомплектом.

Старший офицер откинулся в кресле и закрыл глаза.

— Ал, что у нас там? — спросила девушка в майорской форме.

— Полный аэробот.

Девушка чуть не подпрыгнула:

— Как?

— У нас есть доступ к их лотерейной машине.

— Что теперь?

— Не задавай глупых вопросов.

— Эти аэроботы полностью завязаны на спутниковую систему. Без неё это просто железка.

— Заткни рот, Ширли.

Девушка обиженно отвернулась, потом не выдержала и спросила:

— Ну тогда... Он не сможет увести бот. Тогда зачем?..

— И не надо никуда ничего уводить и использовать не по назначению. Всех надо использовать исключительно по прямому назначению, не так ли, Ширли?

Девушка фыркнула.

Он снова парил над равниной, только на этот раз это была чужая зеленая земля. Впрочем, вниз он не смотрел. С того момента, как голос в ухе поздравил его с выигрышем и перевел на себя управление ботом, он смотрел только вверх, на небо, в котором висели другие боты и не было ни единого облачка. В ухе непрерывно звенело и пищало.

— Так, чуть вправо... вот так. Сейчас мы их... Поздравляю, парень, ты кончил пятую сотню обезьянок. Из них трое руандийских солдат. Вот так, вот так... Теперь мы берем на себя управление бомбометанием.

Он почувствовал, как еще одна секция бота выходит из-под его контроля.

— О-го! Ничего себе!!!

Он заставил себя посмотреть вниз — и тут же пожалел об этом.

— Что, хороший кадр? Как и обещали — грязь под ногтями отлично просматривается. Ты на самом верху. Да, кстати, учти — ты у нас теперь вообще-то руандиец. То есть по документам ты родился в Руанде, откуда тебя увезли... да, в трехмесячном возрасте. Конституция Руанды признает руандийским гражданином всякого родившегося на территории страны или...

Он попытался отключить звук, но ничего не получилось. На той стороне это заметили. Болтливый жизнерадостный голос осекся, замолчал, после чего заговорил другой человек — тот, который вел с ним переговоры с самого начала.

— Твои чувства нас не интересуют. Выполняй задание и помалкивай.

Странно, но он немного успокоился — хотя и не настолько, чтобы смотреть вниз.

Бот выпустил еще несколько ракет, а потом что-то грохнуло у него в голове, перед глазами на миг засияло солнце, и он отрубился.

На изображении столика было нарисовано изображение букета роз в китайской вазе. Изображением руки он дернул

нарисованную скатерть, ваза опрокинулась, розы рассыпались ворохом, одна упала на пол, но исчезла, даже не коснувшись пола.

— Все твои деньги и призы остаются у тебя. Об этом не беспокойся.

— Но тогда зачем?..

— Очень просто. Через некоторое время ты инвестируешь деньги в акции определенных компаний. Список ты получишь заблаговременно. Управлять пакетом тоже будем мы. Норма прибыли невысока, но вполне приемлема.

— Это... это *ваши* компании?

— Да.

— Давайте сначала. Когда вы меня вербовали, вы представились агентом Сопротивления.

— Да. Я агент Сопротивления.

— Тогда я не понимаю.

— Хорошо. Если хочешь, прочту тебе небольшую лекцию. Соединенные Штаты каждую субботу июля устраивают образцово-показательный разгром государств, правительства которых недружественны Соединенным Штатам. Поскольку таких сейчас не осталось, выбираются государства, которые хоть в чем-нибудь менее лояльны, нежели прочие. Последние три страны были разбомблены за то, что, по данным ЮНЕСКО, в их школах плохо преподавали основные образовательные дисциплины. То есть Английский Язык, Американскую Историю и Американскую Культуру. Восточная Украина, кажется, урезала часы преподавания английского, чтобы ввести в программу украинский язык. Они, наверное, думали, что это им сойдет с рук по старой памяти — в свое время американцы их подкармливали. Идиоты. Аргентинские школьники провалились на всемирной Олимпиаде Искусств в номинации «Американская Культура», за это их страну тоже бомбили. Руанда... просто подвернулась под руку.

— Ну и?..

— Мы ничего не можем с этим сделать, и не сможем никогда, пока Америка имеет абсолютное техническое превосходство над миром. А поскольку американцы запретили всем государствам мира какие бы то ни было научные разработки...

— Я знаю, что вы сейчас скажете. Что вам нужны их хайтековские компании, что вам нужны их технологические секреты, а для этого вам нужны их деньги. Легальные деньги.

— Да. Легальные деньги. Честно заработанные в Америке по американским законам. Сопrotивление очень слабо, мы только поднимаемся на ноги. У нас есть маленький шанс, и мы не имеем права его упустить. Конкретно, сейчас нам были нужны какие-то пятьсот миллионов. А поскольку лучшее, что мы умеем, это воевать...

— ...то вы заставили меня принять участие в этой мерзкой забаве. И разбомбили эту несчастную страну, чтобы взять кучу призов.

— Да. Заставили принять участие в этой мерзкой забаве. Как ты помнишь, мы возились с тобой два года.

— Почему вы не объяснили мне сразу?..

— Потому что ты не стал бы этого делать. Ты бы отказался. Или сразу, или, еще хуже, в последний момент.

— Спасибо. Вы все-таки считали меня неплохим человеком.

— Нет. Мы считали тебя обычным человеком.

— Теперь весь мир считает меня подлецом. Вы же меня ко всему прочему сделали еще и руандийцем.

— Чтобы увеличить сумму приза.

— Несколько лишних миллионов?

— Деньги не бывают лишними. Кроме того — знаешь, кто тебя сбил?

— Нет.

— Бот, управляемый одним руандийцем. Мы действовали чересчур успешно, а он серьезно рассчитывал на Главный Приз. Он же не знал, что мы уже подорвали президентский бункер. Вот и... в общем, сдали нервы.

— Вы хотите сказать, что есть мерзавцы и похуже меня?

— Нет. Он не мерзавец. Он обычный человек из обычной бедной страны. Он хотел вырваться оттуда. Чтобы жить по-человечески. То есть стать американцем. Любой ценой. Чтобы оплатить доступ в Среду, он продал почку. Он участвовал в лотерее несколько раз, но ему не везло. А тут ему достались три ракеты.

— Как трогательно. Сколько человек он убил?

— Всего шестьдесят. Немного, но, в общем, и немало. Но там не было ни одного военного. За это по правилам призов не полагается. Правда, он что-то там все-таки разбомбил.

— Откуда вы это знаете?

— Мы его завербовали. Теперь он агент Сопrotивления.

— Симпатичные у вас кадры.

— У нас. Никогда не забывай об этом. А что касается какого-то там мира, который считает тебя подлецом... Подавляющее большинство людей на этой планете завидует тебе черной завистью. Что касается остальных — у нас есть цель и задача. Она должна быть выполнена любой ценой, чего бы это ни стоило...

Человек, называющий себя агентом Сопротивления, явно собрался произнести длинную речь, но собеседнику уже стало скучно. Хватит. Пора закругляться. Предпоследняя стадия.

— Ладно. Хватит бухтеть про цель и задачу. Давайте так: я опишу ситуацию, как я ее понимаю, а вы пока просто помолчите. Просто помолчите, ладно?

Собеседник замолчал.

— Прежде всего. Сначала про вас. Вы — мелкий агент одной из американских разведок. Я — завербованный лох, которого замазали по полной. Я участвовал в разгроме Руанды, поубивал там кучу народа и получил за это уйму денег. Стал на неделю-другую известным в Среде персонажем с сомнительной репутацией. При этом лишившись своего настоящего имени, гражданства и идентификационных данных. Я у вас в руках, вместе со всеми своими сребрениками. Кстати, о сребрениках. Ведь никаких денег тоже нет, не правда ли? Призы, акции — это все мутька? Как только я попытаюсь воспользоваться этими деньгами, вы тут же распорядитесь вложить их туда, куда вы скажете. Оставив мне некий минимум на личное потребление. То есть, попросту говоря, мое жалованье. Интересно, кстати, сколько вы там положили мне на прожитьё? Впрочем, не суть важно. Куда дороже другое — чувство вины. Вы ведь этого хотели? Ведь вам нужны люди, работающие не за страх, а за совесть, и при этом не особенно интересующиеся, что именно они делают и почему? У Америки всегда были с этим проблемы, не так ли? А тут все получается очень красиво. Я — агент антиамериканской организации, знаменитого Сопротивления, с хорошо расковырянной язвой в душе: во имя Большого Дела мне пришлось взять на себя вину за гору трупов. Да, еще и рука с ногтями. Рука-то хоть была настоящая? Или нарисовали?

На другом конце стола никого не было.

— Э нет, так не пойдет. Ты ведь здесь, я знаю. Меня интересует только один вопрос: зачем я вообще вам понадобился?

Прямо из пустого места раздался все тот же голос:

— Хватит болтать. Ты говоришь все это только для того, чтобы я тебя сейчас успокоил насчет оторванной руки. Так вот, рука настоящая. Такие вещи всегда должны быть настоящими, не так ли? Если хочешь, можешь поехать в Руанду, твои средства тебе это позволяют. Кстати, бомбардировка была произведена по негласной просьбе руандийского правительства. Тебя это удивляет? А напрасно. Государствишко у них мелкое, экономика дышит на ладан, а еще рядом есть соседи, которые как раз собрались округлить свою территорию и уже составили план раздела. А теперь они получили всё сразу. Тот же приток туристов: знаешь, сколько желающих посмотреть на место бомбардировок, тем более таких зрелищных? «Кока-Кола» вложилась в горячие рейсы в Руанду из любой цивилизованной страны и обратно — так вот, свои деньги они уже отбили, а ведь и дня не прошло. Около бункера уже стоит «Макдоналдс», а скоро там будет нормальный туристический центр, если нынешняя администрация окажется не лохами. Да и соседи сидят тихо: во-первых, воевать с Руандой сейчас — значит угрожать жизни находящихся там американских туристов, а во-вторых, кто же поддержит войну против страны, которую только что разбомбили американцы? Есть и еще ряд мелочей. Например, они никак не могли скинуть со своей шеи этого дурака, ихнего президента. Видишь ли, он был законно избран добрым руандийским народом. Харизматик, популярная личность. За полгода развалил то, что осталось от экономики. А теперь у них будет нормальный диктатор, как и полагается африканской стране. Вообще-то мартышки сгребли слишком много, но тут были обстоятельства... короче, руандийская диаспора сумела провести решение через Конгресс, опередив украинцев. Ты же понимаешь, все пряники достаются тому, кого бомбят последним. Так что украинцы на этот раз в чистом убытке. К тому же они действительно ввели в своих школах этот свой дурацкий язык, а это и в самом деле нехорошо...

Что-то он разболтался. Ладно, всё. Последняя стадия.

— Между прочим, вас не видно. Может быть, вы все-таки вернете изображение на место?

— Что, меня не видно? — В голосе по ту сторону стола послышалось легкое удивление. — Какой-то сбой.

— Да нет, Ал, это не сбой. Сейчас ты пытаешься выйти из Среды, правильно? Ну-ну. И не можешь. А сейчас ты пытаешься отключить оптик вручную. Ай-ай-ай, тоже не получается. Не можешь руку поднять. Это Ширли тебе сделала укольчик. Ты и не заметил. Правда, когда канал перекидывали сюда, изображение пропало. Ошибочка. Я-то сперва подумал, что это ты его отключил. Извини, дружище. Ох, видел бы ты себя со стороны! Ты такой расслабленный, такой мягкий... А я вот тебя вижу. Я ведь тут рядом сижу. Так вот, мой славный, меня интересуют только два вопроса. Первое: как вы подделали биометрию? Второе: зачем вы вообще начали проводить несанкционированную акцию? И лучше ответить сразу, честно и откровенно. Глубокое аксонное сканирование — вещь неприятная, ты это знаешь. Ты же не хочешь жить с расковырянными мозгами, ведь правда? А так, может быть, и обойдётся без этого.

— Мы хакнули лотерейную машину, — наконец выдал из себя Ал. — Я стал думать, как сделать на этом деньги.

— Ага. Мелкая сошка из Агентства хочет сделать свой маленький бизнес. Что у нас на руках? Отдел с десятком сотрудников, и никаких перспектив служебного роста. Есть, правда, козырёк в рукаве — кое-какие новые технологии, позволяющие вскрыть механизм лототрона GNews... или войти в Среду по чужой биометрии. И очень, очень большое желание заработать. Самому воспользоваться схемкой не удастся. Он вербует подходящего лоха — иностранец, два года в Америке, тихо ненавидит Штаты, вполне подходящий клиент... и проворачивает комбинацию. Кстати, кто управлял ботом во время бомбежки? Ты?

— Наши ребята из отдела.

— Жаль, что ты не сможешь поблагодарить их от моего имени. Я бы не выиграл. Вообще из меня плохой вояка. Слишком увлекаюсь. Я ведь, знаешь ли, типичный нетхантер — пару ракет обязательно пустил бы по местным выблюдкам. Обожаю развороченное мясо, — знаешь, когда человек по кусочкам разлетается... или когда гаденыш от ракеты удирает, это вообще... я от этого кончаю, если честно. А твои парни аккуратно сбросили все бомбы по призовым объектам. Я уж старался не смотреть вниз, чтобы не портить себе нервы. Непрофессионально, конечно, но такой шанс пострелять по живчикам...

— Просто мы знали координаты бункера.

— Тоже небось из базы GNews? Или по служебной линии? Нет, это вы GNews хакнули. Как вы все-таки это делаете?

— Я точно не знаю... это всё ребята из отдела.

— Знаешь. Ты один и знаешь. С ребятами из отдела мы уже пообщались. Учти, это единственный вопрос, который меня сейчас по-настоящему интересует. Все остальное лирика. Итак. Или я узнаю об этом по-хорошему, или я займусь твоими мозговыми клетками.

— Баг в средовой операционке. Модуль doors SXmod HRTRD-root 99F70A9. Там всё непросто, но если пройти это место, дальше можно влезть в крипто.

— Откуда ты это знаешь? Только не говори, что ты сам нашел TRDшный баг. Такое бывает раз в десять лет, да и то, если очень сильно повезет.

— Мы вышли на одного парня, который пытался этим воспользоваться. Ошибка нестабильна, влезть в крипто можно только в определенной ситуации, довольно редкой. В этот раз мы два года не могли поймать фишку. Парень был просто психом. Он нашел такой баг! И лопухнулся на чепухе.

— Ясно. Парня вы закопали, а начальство осталось в счастливом неведении. Кстати, почему вы не закопали меня? Зачем была нужна эта идиотская вербовка?

— Убрать тебя после того, как ты публично получил приз? Не смейся. Ты меня и так уморил своей прочувствованной речью. От тебя было нужно, чтобы ты вложил деньги так, как надо. В лежачие акции. Я бы сделал деньги на колебаниях.

— Замечательно. В самом деле, абсолютно законный метод.

— Что теперь со мной будет?

— Ничего такого, чего тебе не понравится. Ты сейчас подпишешь кой-какие документы, после чего... ты не находишь, что засиделся в начальниках отдела? Мне нравится твой стиль. Как насчет совместной работы?

— На кого?

— «Кока-Кола».

— Это серьезно?

— Это очень серьезно. Мы обнаружили взлом еще два года назад, но никак не могли к тебе подобраться. Сначала мы решили, что это работа правительства. Но поскольку ты работал на самого себя...

— Может быть, ты вколешь мне антидот? Мне надоело лежать с отключенными мышцами. Мне хочется почесать бровь.

— Уже.

— А ты неплохо меня вербанул. Кстати, пощупай мои штаны, я обоссался?

— Да, немного. Мышцы пузыря тоже расслабляются. Да, не забудь про деньги и прочее. Где все это?

— Давай поговорим на эту тему не через Среду. Ты же здесь?

— Сначала мне нужно твое согласие. У меня тоже есть начальство, и оно устало ждать. Его интересуется...

— Мне сделано предложение, от которого трудно отказаться.

— Точнее.

— Да нет проблем. Всегда «Кока-Кола».

— Вот теперь правильно. Всегда «Кока-Кола»!

Текст написан по заказу компании «PEPSICO»

КАРУСЕЛЬ

В правой руке сумка, в левой поводок. Чертова псина, привычно подумал он, чертова псина. И отпустить тоже нельзя: убежит, и потом ищи-свищи. Особенно здесь, где дети. Он представил себе, как пёс бросается на какую-нибудь малявку — конечно, чтобы облизать ей физию или просто поиграть, — и тут же, откуда ни возьмись, выскакивает, как чертик из табакерки, визжащая мамеле, будто режут ее — пес гавкнул, рванул куда-то вправо, так что он еле удержал сворку.

За деревьями играла музыка, время от времени заглушаемая взрывами хохота и ребячьими криками. Сколько же можно, смутно подумал он, сколько же сейчас времени, им уже пора домой. Вообще, сколько времени? Он потянулся было посмотреть на часы, но в правой руке была сумка, а в левой поводок. Чертова псина, привычно подумал он, чертова псина. И зачем я его завел? Толку чуть. Жрет, срет, гавкает, дома ничего сделать нельзя. Да и правильно, зачем дома-то. С такими-то соседями. Господи, ум от жары помутился. Какие соседи? Соседи были на Сходне, а я там уже не живу. Не, коммуналка — это все-таки ужас, что бы там ни говорили, то есть, конечно, всякое бывало, и плохое, и хорошее, да и времени прошло, — пес опять дернулся, и на этот раз поводок вырвал, — хорошо, что хоть успел наступить, а то ведь убежит, и потом ищи-свищи.

Все, игры кончились, пора наказывать.

Он изо всех сил дернул поводок на себя. Пес было уперся, но он на него прикрикнул, и тот подбежал, поджав уши. Что бы с ним такое сделать, подумал он с бессильной злобой. Высечь поводком, как Нюркин папа (тут же вспомнилась

Нюрка — папаша драл ее как сидорову козу). Сколько раз он его бил этим самым поводком, и хоть бы хны. Видать, шкура уже дубленая. Прутом? Лучше железным, блин, да где его такой найдешь. А вообще, нуёнафиг, прут, тоже вот, придет же такое в голову, так и до смерти забить можно. Нет, только не до смерти... Пес жалобно заскулил и стал тереться башкой о его брюки. Дурак. Ладно, пошли. Пошли, чертова псина. И отпустить тоже нельзя: убежит, и потом ищи-свищи.

Было жарко. Музыка за деревьями не стихала, но что-то изменилось. Ну да. Боже мой, что они там играют? Неужели это? Не может быть, чтоб это. Он пошел поближе к деревьям, чтобы расслышать мелодию, но пес заскулил: ему как раз взбренило пописать у кустиков на противоположной стороне дороги. Поганец. И ведь отпустить-то тоже нельзя: убежит, и потом ищи-свищи.

Деревья отбрасывали на дорогу жиденькую, полупризрачную, но все-таки тень. На той стороне жара была совершенно безумной. Пес затормозил у какой-то сухой веточки, долго что-то вынюхивал, скребся, потом наконец задрал лапу и, тряся хвостом, выдал из себя несколько капель. Чертова псина, привычно подумал он, чертова псина.

Из-за деревьев послышался плач — до боли знакомые детские нюни с хлюпаньем. Он обернулся и от удивления чуть не выпустил поводок: в роще стояла и держалась за живот девочка, ну до того смахивающая на Нюрку, что он спервоначалу чуть было не обознался.

— Дядя, дядя, — захныкала девочка, — дядя.

Тут он успокоился — голос был противный, писклявый, но на Нюркин совсем не похож.

— Чего тебе? — спросил он без интереса. Сейчас она скажет, что потеряла какую-нибудь детскую дрянь, какой-нибудь совочек... или совочки у мальчиков, а что там у девочек? — тоже, наверное, какая-нибудь замусляканная пластмаска. И сейчас она скажет, что она ее потеряла и чтобы я ее нашел, а у меня сумка тяжелая и пес, блин, совсем про него забыл, вот он, хорошо что не убёг, а то потом убежит, ищи-свищи, ори во весь голос — «ко мне!». Как же, «ко мне», это я к нему, а не он ко мне, чертова псина.

— Дядя, дядя, я писять хочу, — ныла девочка, — я штанишки снять не могу, там пу-у-уговица. — Девочка прыгала на месте, сжимая коленки — видимо, ей отчаянно хотелось по-

маленькому. — Я сейчас опи-и-исаюсь, дядя, расстегни мне пу-у-уговицу... дядя, ну пожа-а-алуйста...

Ну слава те господи, никакой не совочек. Пуговица. Сейчас, сейчас, иди сюда, видишь, у меня сумка и пес на поводке.

— Дядя, поди сюда-а, — замотала головой девочка, — мне стыдно, я же под ку-устником писять буду, только ты не смотри...

Нет, нет, конечно. Он привалил сумку к давешним кустам — та завалилась набок, но тут уж было не до чего: девочка могла убежать. Сейчас-сейчас. Нет-нет, мы никуда смотреть не будем, правда? Мы только расстегнем пуговичку, да, сейчас расстегнем мы эту противную пуговицу, такую большую, тугую пуговицу, мама своей масюське пришила такую большую противную пу-у-уговицу, да, пу-угуву, такую вот здоровенную пуууу...

Пес в прыжке задел его плечом, так что он еле устоял на ногах. Девочка тихо ойкнула, когда он бросился на нее и с рычанием вцепился ей в ногу. Это было до того неожиданно и нелепо, что он на какую-то долю секунды оторопело зажмурился, и в этот момент по ушам ударил крик — тот самый, знакомый... девочка орала как резаная.

Так, что это. Господи, голова, голова-то до чего раскалывается. Это все жара, это все кровь к голове. Господи, это еще что. А, пес. Принес сумку. Молодец, хороший мальчик. Так, поводок, где поводок. Боже мой, ничего не вижу, в глазах какие-то мошки. Это от жары, это пройдет. Так, поводок, сумка, есть, все есть. Посидеть бы, да негде, ни одной лавочки на дороге не поставили, сволочи. Ну сейчас такое время — пес сильно потянул за поводок, так что он чуть сумку не выронил.

Он еще немного постоял, и они пошли. Слева были деревья, справа — чахлые кусты, а за ними уже горела земля. Он равнодушно посмотрел вдаль, там плясало желтое пламя, потом поднял глаза к линии горизонта, туда, где возвышалась стена неподвижного белого огня, и подумал, что сегодня жарко.

— Знаешь, сначала он мне отрезал пальчики на правой руке. Садовыми ножницами, — сказала девочка.

— Ты мне это уже говорила, — отозвался бес. За это время они успели познакомиться и даже почти подружиться.

— Он резал по фалангам, чтобы я чувствовала.

— Слушай, хватит, давай о чем-нибудь другом. Слушать противно, — равнодушно ответил бес.

— Знаешь, он ведь не хотел меня убивать. Он хотел, чтобы я такая выросла. Чтобы я жила в этом подвале. Я перестала есть, тогда он знаешь что сделал?

— Не знаю и знать не хочу. — Бесу было скучно. — Я тебе говорил, что ничего не получится.

— И что, ничего нельзя сделать с собакой?

— Я тебе уже все объяснил. Собака ни в чем не виновата.

— Но он-то виноват.

— Давай еще раз. Этот парень наш, но мы не можем его взять. У него послужной список длиннее, чем у любого чика-тилы. Только ему везло. Он дожил до старости и умер в глубоком маразме. Собаку он прихватил с собой.

— Убил?

— Тебе уже говорили сто раз. Не убил. Просто когда он сдох, никто не поинтересовался его здоровьем. Он один жил. Собака околела из-за мочевого пузыря — не могла пописать. У них все просто было. Нассал в квартире, так хозяин его воспитал маленько. Ну да сама понимать должна.

— Но почему тогда?

— Сто раз говорили. Все дело в дурной псине. Он любит хозяина.

— Ну и что, что любит?

— Он отправился за ним сюда.

— В ад?

— Ну ты же отправилась.

— Ты не понимаешь. Когда я умирала — он мне тогда ступни отрубил, топорицом, знаешь, как курице лапы, а там все загнило, в общем, гангрена — я думала, что он попадет сюда. Что он почувствует все то, что чувствовала я. Ну... как бы тебе объяснить... Это дало мне силы умереть.

— Кажется, у всех вас это отлично получается безо всяких усилий.

— Я умирала... страшно. Если бы не это... было бы совсем... Понимаешь, после такой смерти я попала бы сюда. Сразу.

— Да, возможно.

— И когда я оказалась тут, я захотела только одного — увидеть его. Я ждала. Долго. Я думала, что его поймают и

убьют, но его не поймали. Он чуть не до ста лет прожил. И вот наконец он умер. Знаешь, я это сразу почувствовала.

— Да. Бестелесные все знают сразу.

— И я захотела оказаться здесь и увидеть. И увидела... вот это.

Девочка подняла голову. Посреди моря пламени возвышалась круглая скала. На ее плоской вершине зеленели кроны деревьев.

— Но почему?..

— Пес не покинул его. И не покинет. Он любит его, и с этим ничего не поделаешь. Он будет с ним всегда, где бы он ни находился. А над собакой у нас нет никакой власти.

— И что же это такое?

— После смерти он должен был оказаться в аду. В самой страшной его части. То есть здесь. Он в нем и находится. Собака должна находиться в своем собачьем раю. Она в нем и находится.

— И это рай?

— Для собаки — да. Он гуляет с любимым хозяином и будет гулять с ним вечно. И охранять его от всяких опасностей.

— Вроде меня?

— Да. Ты хотела его взять с собой, да? А пес его спас. Он его все время стережет. Ты понимаешь, он же умер в маразме. Здесь бы он пришел в себя, но пес чувствует, что это опасно. Если он поймет, где он находится, собачий рай кончится. Он отвлекает его, как только тот начинает хотя бы думать о чем-то таком...

— А как он... догадывается?

— А как мы с тобой разговариваем? Сознание воспринимает сознание, что ж тут удивительного?

— И эта тварь знает?..

— Про своего хозяина? Все знает.

— И любит его?

— И любит его. Он был единственным, кого этот пес в жизни любил. У него больше никого не было, видишь ли. К тому же он вообще привязчивый. Один раз и навсегда, знаешь ли.

— Я попробую еще раз.

— Ты пробовала. Я уже не помню сколько раз.

— Я придумаю что-нибудь новенькое.

— Пес все понимает. У тебя ничего не получится.

— Но он же должен понимать, что его хозяин — садист и подонок. Этот гад бил его, морил голодом, а он...

— Ему это безразлично. Он любит его. А не тебя.

Девочка подняла беспалую ручонку и погрозила скале обожжённой культяпкой. С края обрыва донесся злобный собачий лай.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Женщина шла быстро, почти бежала. Её аура тревожно мерцала, но ничего необычного в её свечении не было. Только очень сильный маг мог бы разглядеть в её свечении линии магической силы. Я бы, например, не мог. И надеюсь, никогда не смогу. Последние тесты были неплохие. Конечно, потенциал растёт при использовании, это неизбежно даже для абстинентов. Но вроде бы есть хороший шанс на стабилизацию. Можно, конечно, обратиться Вниз к мертвякам и выяснить всё точно. Но любое обращение Вниз — это, как ни крути, отметка в личном деле. А в вопросах карьеры мелочи решают всё. Именно мелочи.

Да и не хочу я этого знать, если честно.

Так что спасибочки, обойдёмся. Пусть Вниз обращаются те, кому уже сейчас впору привыкать к этим местам. В училище у меня была девочка из тёмных. Ей давали ещё два года погулять по травке, но она раскрутилась за каких-то паршивых шесть месяцев, хотя могла бы и потянуть. Сейчас она уже Внизу. Н-да.

А ничего рестораник-то. Хотя на Тверской в общем-то приличных заведений нет. Но в общем терпимо. Официантки, правда, ленивые, еле плетутся. Ну, у Петьки они бы забегали в одно касание. Да если честно, и у меня тоже. Но лучше не надо. Абстиненция есть абстиненция, а потенциал растёт даже от такого фиговенького использования. Это как с выпивкой: можно держать себя в руках какое-то время, а потом одна рюмашечка на поминках тёщи — и всё, запой. Правда, у нас-то после таких вещей одна дорога — Вниз... Хотя ведь не несут, чертовки. Ладно, один пасс. Вот хорошо. Аккуратно

сработано. Может, заодно и трахнуть эту девку? Давно ведь без мужика, по ауре вижу. Да и по глазёнкам тоже. Это только так кажется, что в таких местах их все пользуют во все дырочки. Как же. Начальство оттягивается в других местах. В наше время приличные люди пользуются платными услугами, потому что бесплатные стоят дороже.

Так, вот и моя текила. Лимончик нарезанный на тарелочке. Соль...

А вот и прикрытие. Это Пётр, мой ассистент. Тёмный. Ох, вот тоже ведь хороший парень, мне будет его не хватать. Его заберут Вниз буквально на днях: парень уже раскрутился до серьёзной магии, но, главное, у него пошла Ориентация. В принципе всё можно было бы притормозить, есть методы, жёсткие, правда, но когда Ориентация включается вот так, как у него, с ходу, уже ничего не помогает. Ему уже, кажется, всё до эфтой мамы.

Ладно, подберу себе кого-нибудь из училища. Да вот хотя бы эту самую Анну-ванну, с которой у нас сегодня свиданье.

Если удастся нашу милую Анну Ивановну застабилизировать, у неё есть ещё лет пять-шесть погулять по травке. Хм-хм, и к тому же бабец, что, несомненно, плюс. И симпотный: как раз в моём вкусе, если честно. В принципе бабы-то не проблема, но колдунья в койке совсем другое дело. А когда подраскрутится, магии прибавится, то будет вообще цимес. Правда, она вроде бы светленькая, а у таких с сексом всегда какая-то ерунда. Хотя есть ценители. Наш этот самый... как его, имя забыл, ну да не важно... так он вообще только со светленькими и спит. Причём предпочитает таких, которым не сегодня-завтра Вниз. С выраженной такой светлой магией. Спеленьких. Ну они тоже рады, дурёхи: он-то, конечно, абстинент, но всё-таки потенциальный светлый, вроде как свой. Мне вот ни одна светлая сучка из подраскрученных не дала бы. Я-то сам из тёмных буду. Может, поэтому меня на блонди и тянет? А ведь, честно говоря, тянет. Чего уж там. Знаю, что сложно с ними, а вот хочется блонди, хоть ты тресни. Впрочем, говорят, это у всех тёмных так, даже у абстинентов. Родовая, можно сказать, память. На этом даже самые стойкие абстиненты прокалывались. Вроде держится человек на грани, не раскручивается, потенциал стабильный, личное дело как стёклышко, всё чин-чинарём. Ну а вот попадаетея такая

фифа из светленьких, и всё, привет, мужик просто с ума сходит. И дальше стандартно: крутейшая раскрутка потенциала, сумасшедший медовый месяц, ну а потом кому что: ему Вниз, ей в училище, а потом обычно тоже Вниз.

Нет, спасибо, не надо мне такого счастья.

Хотя, честно говоря, сейчас-то я с кем путаюсь? Со светленькой. Правда, неинициированной. Хорошая такая девочка. Привязался я к ней. Можно сказать, любовь.

Эх, если я и впрямь пойду на повышение, тогда у меня этих фифочек будет квантум сатис. Если только продержусь. Ну и хорошие отметки в личном деле тоже не помешают.

Вот сейчас мне надо заработать себе плюстик. Маленький плюстик, совсем маленький, но курочка по зёрнышку клюёт.

Так, Петя сработал. Зацепил бабу. То-то аура пожелтела. Сейчас она прискачет сюда, сама не своя, не понимая, что делает и зачем. Обычное магическое воздействие второго уровня. Э нет, уже третьего, ишь как он её цапанул... летит как на крыльях. Понимает Пашка, что гуляет он последние денёчки, что побережься бы надо, да уже не может. Сколько раз видел, как маги раскручиваются, а всё равно мурашки по коже.

Ну что ж, здрасьте-здрасьте, голубушка Анна-Ванна.

— Сначала вы мне должны кое-что объяснить. Потом мы будем разговаривать. Передайте сигареты.

— Куришь? Это плохо. Отвыкай.

— На «вы», пожалуйста. И не заговаривайте мне зубы. Зажигалка есть?

— У официантки есть... Вот так. И никаких «вы». У нас это не принято.

— У кого это — у нас?

— Ты хотела каких-то объяснений. Наверное, по поводу того, что с тобой происходит? Так вот, милочка, с тобой не происходит ровным счётом ничего интересного. Обычная инициализация магических способностей. С чего там всё началось? С какого-нибудь исцеления? Со снятия порчи? С заклинания?

— Я вылечила ранку... Царапину. Просто поцеловала... и ничего не осталось. Только шрамик...

— А-а. Это у кого же?

— Вам это знать не обязательно.

— Понятно, у хахаля: после бритья. Не трепыхайся, голу-бушка, не строй невинность, любимый мужчина у тебя есть. Если нужно, мы все подробности... Только это никому не нужно. Моё дело — ввести тебя в курс, а дальше будешь думать сама.

Так, теперь она лихорадочно соображает, во что она вляпалась. Ничего-ничего, голубушка, скоро всё узнаешь в подробностях. Кофе тебе щас будет, какава.

— Сначала объясните, кто вы такие.

— Мы-то? Хм... Давай всё-таки сначала. Ты небось книжки читаешь? Ну там фантастику, блин, сказки всякие. Про магию, колдовские ордена и вечную борьбу Добра со Злом. А также бобра с ослом.

— Мне не нравится ваш тон...

— Сиди и слушай. Так вот, это всё не фуффло. Оно таки есть.

— Я уже поняла... И я знаю, что будет дальше. Я — начинающий маг, обладающий... силой, да? Я не могу оставаться среди обычных людей, да? И сейчас вы начнёте вербовать меня в какой-нибудь орден Света. Или Тьмы. Учить магии. Чтобы я встала на Путь... Кстати, на какой именно?

— Вот тут, милочка, и начинаются различия между жизнью и книжками. Потому что Путь у нас всех один. А Орден состоит из тех, кто не очень хочет по нему переть сломя голову.

Анна-Ванна приподняла бровь.

— Ладно, давай так. Я примерно знаю, что с тобой происходит. У тебя прорезываются магические способности, ну, это понятно. К тому же тебе *хочется* их применять. Ты помогаешь людям, лечишь, находишь забытые и потерянные вещи... уже пытаешься вмешаться в линии судьбы... ищешь к этому повода, а когда не находишь — изобретаешь его сама. Тебя уже посещают мысли о каком-то служении, служении чему-то большому, белому и пушистому, что ты зовёшь «добром» или «светом»...

— Понятненько. А вы, значит, тёмный, да? Очень уж характерные интонации.

Ишь как подобралась. Вся на взводе. Эх, бабонька...

— Да, в некотором роде... Кстати, если бы ты была тёмной, к тебе послали бы светлого мага.

— Я не понимаю...

— Ладно. Видишь ли, сейчас тебе придётся выслушать кое-что, что тебе не понравится. В утешение могу сказать, что это никому не нравится. В общем, так. Магия — это атавизм. Добро — это атавизм. Зло, впрочем, тоже атавизм. По крайней мере то Великое Зло, которому стоило бы служить. И вообще, это не наш мир.

— Всё равно не понимаю.

Отлично. Наши психологи в последнее время рекомендуют именно такую схему инициации. Без задушевных бесед. И, представьте, хорошо работает. Раньше-то, говорят, посылали инициатора из своих, к светленьким светлого, к тёмненьким тёмного, и устраивали этакую драматическую сцену со всякими гамлетизмами и душераздирающими откровениями. Ну и фигли. Сейчас важно, чтобы она просто выслушала меня, спокойно и без истерики. И приняла хотя бы первую дозу информации нормально.

— Сейчас поймёшь. Ты ведь небось воображаешь, что маги правят миром? Или там сражаются пара на пару за дело Света и Тьмы? И недоумеваешь, почему этого нигде не видно?

— Ну... наверное, потому, что это всё тайно, да?..

— Да если бы... Просто этого нет. Потому как сражаться незачем и не за что. Да и не с кем, кстати. Кроме таких же уродцев, как мы с тобой.

Так, сейчас самое время. Я протянул руку и коснулся её лба.

— Значит... мы не люди?

Она уже оправилась от первой дозы. Это плохо. У девочки явно переизбыток способностей. Такие долго не живут. Хотя все наши главные с немаленьким потенциалом, и Ориентация выражена. Однако держатся ого-го. Я как-то был на приёме у Седьмого светлого магистра Ордена. Неприметный такой мужичонка, а зажат намертво. Вторая ступень магии — и песок, никакой раскрутки. Вот только глаза стеклянные и боль в них. Кстати, у его зама, тёмненького, тоже такие глаза, только у тёмных там злоба... А что делать? Безвыходняк. Абстиненция. Как ни оттягивайся, как ни глуши водяру стаканами, кого ни трахай, на какие канары-шманары ни ездят, всё равно яйца-то в тисках.

А как подумаешь, что и сам таким станешь... И это ведь ещё в лучшем случае. А в худшем... как Петька. Кстати, где он?

Что-то я его не чувствую. Неужели всё? Нет, не может быть, чтобы всё. Он мне нужен живой и тёплый хотя бы на ближайший час-полтора. Мертвяки тоже ведь понимают. Должны подождать. Хотя в общем-то никому они ничего не должны.

Э нет, вот эти мыслишки из головы долой.

Ладно, потом разберёмся. Я Петьке не сторож. А в случае чего за бабонькой присмотреть есть кому.

— Ну почему же не люди. Определённая раса людей. Правда, на очень тонком уровне разница есть. Но мы по крайней мере свободно скрещиваемся с людьми, хе-хе... Кто есть кто, определяется одним геном. Так что не надо лишнего расизма.

— И когда же всё это было? Всё то, что я сейчас видела...

— А, это. Расцвет магической цивилизации. Примерно миллион лет назад. Где-то как-то. Мы очень старый вид. Да и люди тоже старше, чем думают.

— Но я так и не поняла, почему...

— Почему всё рухнуло? Ну как же. Понимаешь, мы произошли от животных. Таких тварей типа обезьян. Просто были неустойчивым видом. И были разные пути для дальнейшей эволюции. Один, для простоты, назовём «светом». Другой — «тьмой». Кстати, названия биологически грамотные. Светлые произошли от тех, кто вёл дневной образ жизни, всеядных. Тёмные — от ночных хищников. Которые кушали светлых. Такие дела.

— То есть добро...

— Добро — это мир без хищников. А Зло — это мир, где хищники могут есть кого им вздумается. В общем, всё очень тупо.

— А откуда у нас это самое... магия?

— Ну ты спросила... Всё равно что спрашивать, откуда взялся разум, блин. Кстати, оттуда же. Разум — это простейшая магическая способность. Ну как ребёнок осваивает там речь, ходьбу, то-сё, пятое-десятое? Магически. Правда, у людей вся магия в три-четыре годика вырубается на хер. Так, воспоминания остаются какие-то. Сказки, блин, фантазии всякие, всё это отсюда. Ладно, фигня, проехали.

Значит, насчёт света и тьмы. Ну так из-за этой хрени мы всю свою историю и провоевали. Друг с другом. Светлые с Тёмными. Потому что Ориентация определяется в нас доминирующим геном, каждая сторона настроена, блин, на унич-

тожение противника, и всё такое... Ну была большая магическая война, и всех накрыло медным тазом. Сама увидишь.

Я ещё раз коснулся её лба.

— Ужас... Какой ужас...

— Да, весёлого мало. Что-то ты не быстро оклемалась на этот раз.

— Господи, я же чувствовала, что мне предстоит... какое-то испытание: я считала, что готова... Но такое...

— Что — такое-то? Мясорубка как мясорубка. Мне в своё время так даже интересно было посмотреть... Хе-хе. Ладно, не криви мордашку, мы в одной лодке.

— Меня это обстоятельство не радует. Да и, собственно, почему я должна вам верить?

А бабёнка-то держится. Два вливания информации в голову — это много. Тем более информация о Великой Войне: для блонди такая штука посильнее «Фауста» Гёте. Аура плохая, но линии Силы не прут наружу: держится. Может, её и на долговременную абстиненцию хватит. Ладно, продолжим...

— Не радует, говоришь? Меня тоже. Честно сказать, я предпочёл бы жить тогда... Извини, ты что-то сказать хотела.

— Я не поняла одного... Мы что, не умираем?

— Умираем. Но не как люди. У нас у всех есть такая фича, как душа. Изобрели её во времена Расцвета. Ну уже никто не помнит, как эта хрень устроена. Какой-то там сгусток информационных сущностей, привязанный к геному: я, блин, в этом не секу. Да если честно, у нас в этом никто давно уже не сечёт. На самом деле лучше бы всей этой хрени не было.

— И что с нами бывает после смерти... смерти тела, да?

— Уходим Вниз. Только не спрашивай меня, где это. Наши орденские придурки любят потреться про какие-то субизмерения, но меня это как-то не греет. На самом деле никто в этом деле толком не сечёт.

— Я как раз хотела спросить... И с ними можно общаться, да?

— С мертвяками-то? Можно. Ещё как можно.

— И что они говорят?

— Что хреново им там.

Мы помолчали.

— Да, а откуда взялись вот эти... обычные люди?

— А, эти. Ну, это мы их вывели. Кажется, тёмные. Люди у них были за прислугу, и всё такое. Ну прикинь, удобно же: магии у них нет, а голова на плечах есть, и приказы понимают. Души у них, кстати, нет, они подышают навсегда, без всяких последствий. Но не это главное. У людей нет Ориентации. То есть они не светлые и не тёмные. Им это вообще по барабану.

— Я не поняла... Есть же человеческая мораль, этика, да? Добро, зло. Истина, любовь, красота... Ну какие-то принципы, что ли? Должно же быть что-то такое?

Ха. Для светленьких это самый неприятный момент.

— Есть. Навязанные такими, как мы. Магами. Людям от этой хрени, если честно, только лишний геморрой. Понимаешь, им-то всё это наше добро и зло на самом деле до едрёной фени. Только жить мешает.

— То есть как?

— А вот как...

Ещё касание.

На этот раз она плакала. Плакала надрывно, взхлёб, размазывая слёзы и сопли по лицу. По своей глупой роже.

Я вдруг почувствовал, что ненавижу её, и тут же попытался задавить в себе эту эмоцию.

Н-да, не очень-то у меня получилось. Абстиненция — это наука. Для нас — главная.

Я снова вытянул руку, и она отшатнулась так, что чуть не слетела со стула.

— Да хватит тебе! — Нет, всё-таки надо пожестче... — Ты, глупая сука!.. — Нет, мало: не люблю мата, но на женщин это, говорят, действует... — Блядь! Пизда вонючая!

Она даже не оскорбилась. Просто не заметила. И аура такая желтенькая...

А вот теперь действительно плохо.

Ладно, ещё одно магическое вмешательство... одно касание... вот так. И так.

Ох, до чего же это приятно — использовать Силу! Хотя бы по мелочевке. Если бы...

Нет, нет, об этом не думать. Не думать. Не думать.

Анна всхлипнула ещё пару раз и затихла.

Теперь надо занять её каким-нибудь посторонним вопросом.

— Ну ты поняла, почему нас так мало?

— А...га... После того заклатья... мы больше не можем размножаться...

— Во-во. Мы рождаемся только от людей. К сожалению, сколько-то наших генов там осталось. Иногда, очень редко, наш геном активизируется.

— Лучше бы не...

— Да, лучше бы не. Как ты права, лапуля; даже сама не знаешь. Ладно, проехали. В общем, так. Мы сильнее людей, и когда нас после Великой Войны осталось с гулькин хрен, мы стали воевать их руками. Все войны, революции, прочая лабуда — это всё мы. Мы внушили людям всякие идеалы. В основном свои собственные. Которые они к тому же ни хрена не просекают. Ну да ты видела...

— Да, я видела. А Магомет был, значит, тёмным?

— Да, типа Гитлера. А этот, как его...

— Я поняла. Он был светлым. Но после этого началось такое, да?

— Да в общем пофиг, что там началось. Главное, что это никому не нужно. Понимаешь, люди — они всё равно все эти дела не догоняют. Им вся эта борьба света с тьмой и бобра с ослом абсолютно не нужна.

— То есть как не нужна?

— А вот так. У людей нет никакой морали. Им для нормальной жизни хватает страха перед начальством и любви к детёнышам. Всё остальное им внушили маги древности. Понимаешь, им очень хотелось вернуть старые добрые времена. Правда, людей не переделаешь, по крайней мере массово. Но они зачаровывали целые толпы мудаков, и те пёрли сражаться за очередного бобра с ослом. Ну ты ж видела. Религии там всякие. Войны. Революции эти мудацкие. В общем, вся хреновень.

— Зачем? Если маги знали...

— Ну, не знаю. Какие-нибудь надежды, какие-нибудь там старые счёты, желание слепить из этого мира хотя бы плохонькую копию того, который был тогда... Слушай, спроси их сама. Они все Внизу, так что, если будет интересно... Я бы, правда, не стал. Лишний раз обращаться Вниз, знаешь ли... не хочется. К тому же это плохая отметка в личном деле. А я намерен протянуть подольше.

— То есть?

— Тебе как объяснить? Ещё раз вкачать информацию или лучше словами?

— Словами... Я ещё раз не выдержу.

Так, она что-то предчувствует. И ей страшно.

— Ну ладно, слушай. Понимаешь, в наше время маги долго не живут. Если, конечно, практикуют магию.

— Почему? Я думала...

— Ну, на самом деле маг может протянуть очень долго, пока не отправится Вниз. Но только при одном условии. Если он не будет заниматься магией. По крайней мере на высоких уровнях.

— Но почему так?

— Потому что Сила растёт по мере использования. А сильных магов быстренько забирают к себе Те, кто Внизу. Мертвяки. Понимаешь, после всей той хрени, что они наворотили здесь, они наконец решили, что надо завязывать. Потому что без толку всё это. Старое не воротишь. Борьба бобра с ослом отменяется. А всех, кто пытается ею заниматься, — Вниз. Вот такие нынче порядки.

Она замолчала и напряглась. Я чувствовал, как она пытается — неумело, по-дурацки — прощупать мою ауру. Ха, детка. Щупай. Это-то ты можешь. Я не могу тебе помешать. Я слабый маг. Абстинент. Я подавил в себе Ориентацию. Мне безразличны: ну, почти безразличны «добро» и «зло». Я контролирую свои магические способности. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Всегда.

Для этого нужно редкое сочетание трусости и силы воли. И неизвестно, чего больше. Жизнь абстинента — кислая жизнь, но это лучше, чем идти вниз.

Мы опять помолчали.

— Ты вступишь в Орден. Тебя направят в училище. Тебя научат сдерживанию, абстиненции. Ты научишься контролировать свои способности...

— Контролировать?..

— Да, да, давить их в себе, если на то пошло! — Я неожиданно для себя разозлился. — Сначала — пить бром. Глотать лекарства, отбивающие паранормальные способности. Читать дамские романы, смотреть телевизор — для той же цели. Ничему не удивляться. Ничему не возмущаться. Потом тебя научат пользоваться своей магией. Главным образом против себя же. Вовремя освобождать голову от ненужных мыслей. Конт-

ролировать своё сознание, свои чувства, свою память. Запирать выход магической энергии или рассеивать её в пространстве. Накладывать на себя заклятия. Закрывать себе Путь собственной задницей, короче говоря.

Ну а теперь про перспективы. В лучшем случае ты войдёшь в иерархию ордена и сможешь прожить очень долго. И, по человеческим меркам, очень приятно. В хорошем случае ты протянешь ещё лет тридцать. В нормальном — десять. В обычном — ну, ещё пять-шесть лет у кого-нибудь в ассистентах, пока не раскрутишься...

— А если я откажусь?

— Тогда мы тебя убьём. Сразу после отказа. Извини, ничего личного. Так надо.

— Почему?

— Потому что так велят Те, кто Внизу. — Я поймал себя на том, что криво усмехнулся, как театральный злодей. — А ты думала, почему они вообще терпят Орден? Они позволяют нам немножко пожить. Дают погулять по травке. Правда, на очень коротком поводке. Они не забирают к себе магов слабее четвёртого уровня. Они разрешают нам использовать наши способности для личных целей — ну там, деньги, секс, прочая хренотень. Даже разрешают делать немножечко добра и немножечко зла. Это, конечно, всё суррогаты. Но это лучше, чем сразу идти Вниз. А за это мы им платим. Послушанием. Беспрекословным послушанием. Понимаешь расклад?

Анна-Ванна смотрела на меня как-то так... А, без разницы. В такой момент они все смотрят вот так. Светленькие — с презрением, тёмненькие — с ненавистью. Помнится, я сам... нет, не надо. Не надо. Не надо.

— Ах, ах, как тебе всё это не нравится. Так это никому не нравится. Настоящему магу использовать магию — всё равно что дышать. А нам приходится считать каждый выдох-вдох. Выдох-вдох, понимаешь? У меня, блин, руки трясутся, когда я разрешаю себе чуток колдануть. Но нельзя, блин, нельзя. Магические способности растут по мере использования. Четвёртая степень магии — и прощай солнышко. Мертвяки ждать не любят. Блин... — Я почувствовал, что уже не могу остановиться. — Вот у меня есть женщина. Любимая женщина, понимаешь? Она тоже маг по рождению, просто не знает ни хрена, способности эти проклятые не проснулись — так, едва-едва что-то мелькает. И есть шанс, что проживёт всю жизнь

как человек, такое бывает... Так вот, как-то раз я ночью просыпаюсь, показалось мне, что у неё с аурой не в порядке. Я чуть с ума не сошёл. А наутро...

Ох, я расклеиваюсь. Нет. Нельзя.

Всякие лишние мысли уже повысовывали из подсознания свои змеинные головки.

Нет.

Абстиненция — это наука. Наука выживания.

— Ты не сможешь меня убить. Я сильнее тебя. Я это чувствую.

— Я — нет, — легко согласился я. — Это сделает Петя. Мой ассистент. Сильный чёрный маг. Он тебя, кстати, сюда и привёл. А ведь он тёмный: для него убить светленькую — удовольствие... особенно острое оттого, что последнее. Его заберут вот-вот. Заберут Вниз. Он не сумел удержаться. Его способности неконтролируемо растут и... А так он, может быть, даже получит ещё пару часов. Погулять под солнышком.

Ну, теперь уже почти всё. Теперь последняя приятность, и можно сваливать.

— Ну а прежде чем ты примешь своё положительное решение: последнее предупреждение Минздрава. Я обязан тебе показать, каково там, Внизу. Чтобы ты оценила, стоит туда торопиться, или лучше всё-таки потянуть волюнку.

На этот раз она не пыталась отпрянуть, когда я протягивал руку к её лицу. Впрочем, в касании не было нужды. Такие вещи не в моей власти. Да и никто из живых этого не может.

Моё дело было дать знак мертвякам.

На какую-то крошечную долю мгновения свет померк, и я почувствовал — не кожей, а где-то в животе — порыв ледяного ветра. Того самого чёрного ветра, что вечно дует Внизу, в нижних областях Смерти. И в котором, рано или поздно, будет метаться и моя душа.

Рано или поздно.

Путь один для всех. И рано или поздно мы все попадём туда.

Рано или поздно. Сегодня или завтра.

Но лучше завтра. Лучше завтра, но только не сегодня.

Не сейчас.

Потом, потом, завтра, послезавтра, не сейчас, только не сейчас...

Я сделаю всё, что угодно, только не сейчас.

Не туда.

Не это.

Нет.

Нет...

Что-то липкое потекло у меня по подбородку.

Кажется, опять прокусил губу до крови.

Я намочил салфетку в текиле и приложил её к ранке.

— Ну как? Понравилось? Правда, весёлое местечко?

Обморок. Ну, обычное дело. Ещё раз — масенькая такая магия. Что-то вроде хлоп-хлоп по щёчкам. Хлоп-хлоп.

— Слёзы вытри, дура.

— М-мм... Мне... надо отойти.

Ага.

— Ничего, ничего, потерпишь. Ну обосралась, бывает. Некоторые вообще седеют. Я, например, поседел. Ладно, проехали. Значит, так. Иди в сортир, переоденься, если есть во что. Жопу вымой. А можешь и не мыть. На тебя наложено заклятие до конца дня. Слабенькое такое. Ну, в общем, ты можешь тут сидеть, заказывать что понравится, жрать и пить за счёт заведения, счёта с тебя не спросят. Правда, много ты не нажуёшь. И не советую, вывернет. Завтра можешь отдохнуть денёк, собрать вещички, попрощаться с друзьями. Хотя тоже не советую. А послезавтра вечером зайди сюда же. Наши тебя заберут. В училище. Мы и так потеряли много времени, ты рискуешь... Ладно, у меня ещё дела есть. Встретимся, голу-бушка Анна-Ванна...

Я неловко выбрался из-за столика, опрокинув стул. Официантка кинула на меня косой взгляд, но смолчала.

Когда я уже выходил, во внутреннем кармане запищал мобильник. Мне не хотелось выпрастывать его оттуда. Я и так уже знал эту приятную новость.

Впрочем, это начальство. Всяк сверчок...

— Да, слушаю.

— Петька твой... всё. Забрали парня.

— Очень мучился?

— Вроде нет. Да это не важно. Там-то сам знаешь как.

Если хочешь, можно его вызвать. Без занесения в личное дело.

— Не надо.

— Вот то-то.

В трубке довольно хохотнули, потом пошел гудок.

И тут же я ощутил тот самый холод в животе, и ледяной ветер коснулся моей щеки. Отвратительное прикосновение — что-то вроде плевка из бездны.

Телефон зазвонил снова.

На этот раз желания брать трубку у меня было ещё меньше, чем в первый раз. Потому что я опять знал, кто это.

— Ну что ж, поздравляем. — Голос в трубке был самым обычным, без inferнального хрипа и звонов цепей. — Ты прошёл.

Я промолчал, но мертвяк читал мои мысли.

— Ты прошёл посвящение. Экзамен на абстиненцию. Тебе удалось самостоятельно отключить блоки фактической и эмоциональной памяти и в таком состоянии совершить достаточно сложные действия. Контроль магических способностей чуть хуже, но терпимо. Твоё начальство уже готовит документы о повышении. Да, кстати, хватит себя держать. Сними с себя заклятие. И заодно внешность верни свою нормальную.

Только в этот момент я понял, что со мной что-то неладно. Потом тугая пружина в голове разжалась, ноги подогнулись, и я еле успел присесть, так, чтобы не отбить копчик. В голове, казалось, лопались железные обручи.

Каждый раз, снимая со своего сознания абстинентное заклятие, чувствуешь боль, как будто прямо в мозг налили кипятка. Но не такую боль, как сейчас. Это был уже не кипяток. Это как будто голову раздавили катком и теперь соскребают с асфальта.

Я выронил трубку, она шмякнулась об асфальт.

— Плохо себя ведёшь, распускаешься. — Голос мертвяка раздался где-то в ухе. — Подбери сопли и поезжай. Развейся. Отдохни. Твоя Аня сегодня вернётся поздно, не так ли?

Я машинально коснулся рукой щеки, там, где всё ещё оставался едва заметный шрамик. Когда я порезался при бритье и Аня меня поцеловала в эту дурацкую царапину...

— Ну что ж. Теперь ты, кажется, действительно понял. И кто ж ты есть после этого?

Я промолчал.

— А вот это — забудь. — Голос в трубке стал серьёзным. — Ты же у нас крутой. Ты смог. Вот Петя твой гордый, понимаешь, оказался. Хочешь с ним поговорить?

В ухе раздался жуткий вопль. Потом смех.

— Это вообще-то Петя говорит. Не веришь? Хочешь убедиться? Ладно, гуляй. Можешь даже немножко поколдовать. Только не увлекайся. Сам знаешь: способности растут по мере использования. Пока. До свиданьица. До нескорого, если будешь хорошим мальчиком.

Я поднял трубку с асфальта, осмотрел. Вроде целая, все огоньки горят. Я покрутил её в руках, потом засунул обратно во внутренний карман. Потом движением пальца остановил чёрную «вольво». Визг тормозов был слышен, кажется, на всю Тверскую.

Магия второго уровня. Нехорошо.

Ладно уж, сегодня гуляем.

Из машины выскочил, как чёртик из табакерки, здоровенный жлоб и бросился открывать мне дверь.

— До «Киломбо» довезёшь, притырок? — осведомился я.

Очумевший жлоб затряс головой. Я прочёл его нехитрые мыслишки. Этот кент не мыслил себе ничего круче «Белого Медведя».

— Тогда гуляй. — Я оставил его на улице, сел за руль и стал соображать, ожидаются ли сейчас на набережной серьёзные пробки.

АПОЛЛОН-11

...20 июля 1969 года Аполлон-11 сел на лунную поверхность. Двое астронавтов совершили прогулку продолжительностью два с половиной часа. Затем они сели в космический корабль и благополучно улетели. Спустя 30 лет это кажется столь же невероятным, как и тогда. После них на Луне побывали еще четыре экипажа, одна из попыток прилунения кончилась неудачей. С 1972 года на Луну не летал никто. Даже не пытались. Это удивляет более всего. Объясняли, что это дорого, что изменение политического контекста повлекло перераспределение инвестиций, что степень риска превосходила практическую пользу... Ни одно объяснение не кажется исчерпывающим.

С. Шерман. «Американская Луна». 1999

Луна, Море Спокойствия.

Посадочная ступень корабля «Орёл».

— Отведи камеру! — закричал Нил. — Отведи камеру! Их видно!

Олдридж тихо выругался. В Хьюстоне небось кипятком ссут. Волнуются, гады. Пусть поволнуются. Впрочем, не важно. Фильм всё равно будут резать и править.

На лунной поверхности были видны борозды, проведённые неизвестно чем.

Хорошо, если это не русские.

— Ты снимаешь меня? — Это опять Армстронг. — У меня сейчас выход.

— Да, да, снимаю. — Олдридж поморщился. Этот парень, кажется, принимает некоторые вещи слишком все-

рьёз. Если бы не настоятельные рекомендации Совета Семи, его бы тут не было.

Ну да ладно. Если Они считают, что первым на лунную поверхность лучше ступить Нейлу — пусть так и будет. Возможно, это увеличит их шансы.

В синем лунном небе вспыхнули какие-то золотистые точки. Олдрин усмехнулся — Луна ещё попортит крови Хьюстону.

Светло-синяя, отблёскивающая воронёной сталью, поверхность Луны выглядела бы впечатляюще нетронутой, если бы не проклятые борозды. Вполне возможно, что это русский боевой робот. Когда красные поняли, что проигрывают, они вполне могли пойти на это. Какой-нибудь самоходный трактор на колёсах и с атомной начинкой внутри. Бух — и всё.

Конечно, Луна им этого не простит. Но — чем чёрт не шутит, красные слишком долго отступали, а ведь они умеют рисковать...

Но не в этой игре.

Нет. Не в этой игре.

Но всё же — откуда проклятые борозды?

Хьюстон молчит. Тоже небось считают варианты.

Ага, рация ожила. Ну, что нам скажут мудрецы?

— Хьюстон вызывает «Аполлон-11». Продолжайте.

Олдрин немного расслабился. «Продолжайте» — значит, непосредственной опасности нет. Ещё один лунный феномен, откуда-то известный НАСА. Наверное, украли русские съёмки. Русские вообще наснимали много интересного своими луноходами.

Не важно. Главное, опасности нет и можно начинать.

Что там Армстронг? Делает шаг... не забыл бы фразу. Ага, вот оно — «Один маленький шаг для человека — огромный шаг для всего человечества». Старый масонский девиз.

Вроде ничего не перевернул. Молодец. Хорошо учили.

Может быть, подумал Олдрин, мы выберёмся отсюда живыми?

Москва, Кремль.

— Они уже на месте. — Григорян повёл подбородком, после чего скорчил унылую физиономию. — Наверху.

Тойво невесело усмехнулся: обычно под словом «верх» имелось в виду Политбюро или сама Пятёрка Верхних.

На сей раз, однако, обстоятельства изменились.

Скорее всего навсегда.

Григорян уселся поудобнее, вытянув длинные ноги. В бункере было прохладно и очень тихо. Стены, обитые красным бархатом. Два кресла у стены. Пентаграмма на полу — пустая и мёртвая.

Каменный стол для Магической Работы.

Пустой. Пока пустой.

— Сколько их там? — спросил Тойво.

— Официально двое. — Григорян скорчил ещё более унылую физиономию. — По нашим данным, на борту ещё один человек. Скорее всего индеец.

— Для такого ритуала? Сомнительно.

— Пятёрка, конечно, знает, кто он. И Политбюро тоже. Но нам не скажет. Наш идиотский режим переборщил с секретностью. До того, что скоро у нас не останется никаких секретов.

— Ладно, подождём. Может быть, у них что-нибудь сорвётся.

— Жопой чую, не сорвётся. Они слишком долго готовились. А мы проиграли лунную гонку.

— И что теперь?

— Ждать. И надеяться.

Луна, Море Спокойствия.

— Я чувствую Силу, — произнёс Белый Орёл. Он уже оправился от посадки и мог говорить.

Олдрин обернулся. Морщинистое красное лицо старого индейца в синем свете Луны казалось чёрным.

Старик не смотрел в иллюминатор. Поверхность Луны его не интересовала. Его интересовала только Сила.

Олдрин и сам знал, что Сила здесь есть. Как только опоры корабля коснулись поверхности, он ощутил знакомое жжение в кончиках пальцев — его личная реакция на присутствие магии. Подобное он испытывал только в пещерах Нгар-Джа, где ещё сохранилась Сила Земли. Здесь, впрочем, Сила была какая-то другая — резкая, отчётливая... нестёртая...

Нетронутая.

Да, пожалуй. Нетронутая. Во всяком случае, людьми.

— Я чувствую Силу, — снова сказал Белый Орёл, — и она говорит мне, что мы сможем подняться в небо. Духи Луны благоприятствуют нам.

Олдрин еле слышно вздохнул. Локальная гравитация на этом участке лунной поверхности составляла девять десятых от земной. Он надеялся, что за время пребывания здесь она снизится и они смогут подняться. Но старику он везил больше, чем своим надеждам.

— Но мы пока не можем начать. Соедини меня с вашими шаманами, — буднично попросил старик таким тоном, каким можно попросить передать солонку.

...место для посадки «Аполлона-11» было выбрано не случайно. Кратер Сабин Д давно привлекал внимание исследователей. На его краю в сентябре 1967 года была зафиксирована небывалой яркости вспышка желтого света. Этот район Луны — Море Спокойствия — спокойствием никогда как раз не отличался: то по нему ползли какие-то странные гигантские прямоугольники, то края кратеров становились размытыми, как будто над ними дрожал горячий воздух, и т.д. Лунный грунт, взятый астронавтами «Аполлон-11», был подвергнут на Земле всестороннему анализу. Результаты оказались неожиданными. Грунт был оплавлен источником сильного огня, но это не было воздействием двигателей «Аполлона-11». «Тайны Моря Спокойствия», 1998

Хьюстон. Центр управления полётом.

- Парни, что у вас с картинкой?
- Нормально.
- Это нормально? Парни, у вас ни черта не видно!
- А когда с Луны было хорошо видно?
- Что там за огоньки?
- Фиг его знает. Обычная какая-то лунная плесень. Там много такого плавает.
- А это что такое?
- Да просто туман.
- Откуда там вообще воздух, кто-нибудь может объяснить?
- А это важно? Смотри, Нил стоит снаружи. Красавец!
- Да. Эти кадры можно пустить на телевидение. Что он там делает?
- Изображает походку в условиях низкой гравитации.

- Непохоже что-то.
- Сам попробуй.
- И не подумаю. Дерьмо какое
- Сам ты дерьмо.

Луна, Море Спокойствия.

Армстронг топал ногами в лунной пыли. Вдалеке опять вспыхнуло какое-то свечение. На сей раз лунное небо прочертила громадная беззвучная молния. Грома не было, зато в воздухе загорелось множество танцующих огоньков.

Олдридж потянулся к рации, начал перещелкивать тумблеры. Прямое соединение с Президентом... с Советом... с Семёркой.

— Доброго дня, мудрые. — Старик произнёс это так, что фраза отнюдь не показалась вежливой. — Я — там, где вы хотели. Но я хочу получить свою награду сейчас.

— Внутренний Круг Запада вызывает «Аполлон-11». Чего ты хочешь? — Голос был тихим, но отчётливым. Олдрин знал, что он останется таким же, даже если рация вообще выйдет из строя: для поддержания связи Семёрка использовала остатки Силы Земли.

Старик начертил в воздухе какой-то знак. Воздух вспыхнул. Старик довольно осклабился.

— Сила Луны велика и нетронута, — сказал он. — Я готов провести ритуал. На наших прежних условиях. Но я очень, очень утомился в дороге. Боюсь, — в его голосе зазвучали знакомые интонации торгующегося дикаря, — что я не смогу сделать всё как надо.

— Что ты хочешь? — повторил голос в рации.

— Мне хотелось бы услышать, что моя награда утроена. — Старик хитро прищурился.

— Твоё золото уже ждёт тебя, — немедленно ответил голос. — Столько, сколько ты хотел. Не забудь, ты поклялся богами племени, что сделаешь всё как надо. Но мы можем подумать о том, чтобы сделать тебе подарок. Размер подарка зависит от тебя.

— Вдвое. — Старик дёрнул кадыком, сглатывая слюну.

— То же и ещё половина, — ответили с Земли.

— Вы очень, очень жадные люди. Хорошо. Также я хочу, — добавил старик тем же равнодушным тоном, — чтобы мой народ

получил власть над белыми людьми. Если вы не дадите мне этого, я попрошу об этом Луну.

— Нет. — Голос оставался таким же тихим и столь же отчётливым. — Ты не сможешь попросить об этом Луну. Камень заминирован, а мина защищена от всех видов магии. Ты воевал, ты знаешь, что такое мина. Церемония будет сорвана, но не по нашей вине. Мы пошлём к Луне другого колдуна.

— Возможно, но вы не будете рисковать. Это совсем, совсем маленькая просьба.

— Белый Орёл, мы не можем дать тебе то, чего не существует. — В тихом голосе из рации впервые прорезались какие-то чувства — кажется, презрение. — Спроси об этом Луну.

— Тогда, — старик помолчал, — я хочу, чтобы мой народ имел преимущества перед белыми. Я хочу, чтобы белые уступали дорогу моему народу. Я хочу, чтобы людей моего народа нанимали на дорогую работу, а белым доставалась дешёвая. Ещё я хочу, чтобы белые не смели называть мой народ обидными именами, а мой народ называл бы белых так, как хочет.

— Хорошо, ты получишь это, но не сразу.

— Когда?

— Через тридцать лет. Но тогда нам придётся дать такие же права и другим маленьким народам. Мы назовём это «правами меньшинств».

— Другие пусть думают о себе сами. Я хочу, чтобы *мой* народ получил то, о чём я прошу.

— Через тридцать лет твой народ получит преимущества. Но это не принесёт ему счастья, Белый Орёл.

— Хорошо. — Старик явно пропустил предупреждение мимо ушей. — Поклянитесь Силой Земли. Это единственное, что у вас осталось.

На той стороне промолчали, но через минуту старик удовлетворённо кивнул головой:

— Я чувствую движение Силы. Я доволен. Я готов приступить к ритуалу.

Армстронг закончил свои физкультурные упражнения для истории и пошел разгружать капсулу. Идиотский шлем он снял.

Олдридж вышел из кабины, таща чёрный мешок с Камнем. Лунное тяготение заметно усилилось, так что тащить было тяжело: Камень весил немало.

Интересно, там и в самом деле мина? Наверное, да. Всё равно это нельзя оставлять здесь. Правда, это может оскорбить Луну. Но...

Белый Орёл проворно сбежал по трапу. Скафандр он, разумеется, не надевал. Лунный ветерок шевелил его седые волосы.

Пентаграмму они рисовали вместе. Вызов Великого Духа в его собственном Доме предполагал как минимум серьёзные меры защиты. Впрочем, Олдридж понимал, что никакая защита не удержит Духа Луны, если он и в самом деле рассердится. Тем не менее руководство настаивало на том, чтобы ритуал был проведён по всем правилам.

Нейл достал чёрные свечи и начал расставлять их в углах пентаграммы.

...Вызывание Духа Планеты [см. *Духи Планетарные*] — магическая процедура седьмой степени. Основана на использовании астральных планетарных соответствий [см. *Оперативная астрология*]. Описание процедуры см. Дж. Ди, «Иероглифическая монада», А. Гитлер, «Моя Борьба», т. 2., Якимчук П.Я., «Оперативная магия» и др. Обычные цели вызывания — военно-политические (в национально-государственном масштабе и выше). Предполагает низведение Духа Планеты на Землю, что требует массивированного использования энергий земного астрополя. В настоящее время из-за истощения астрального поля Земли [см. *Магии истощение*] практического значения не имеет. Оперативная магия. Справочное пособие. М., 1962. (Для служебного пользования.)

Хьюстон. Центр управления полётом.

— А откуда у нас этот камушек?

— Не знаю. Кажется, индейский алтарь.

— Почему он?

— Вуу... Из всех предметов, в которых ещё сохранилась Сила Земли, этот был единственным, поддающимся транспортировке. Правда, пришлось договариваться с ихними колдунами.

— Вообще-то мы хотели использовать алтарь Аполлона?

— Ага. Ни один из парней, утверждавших, что он языческий жрец, не смог с ним работать. Все оказались говнюками,

представь себе. Пришлось в последний момент всё переигрывать. Скажи спасибо, что не пришлось обращаться к чёрным ребятам. Знаешь, сколько они запросили бы?

— А чем лучше красножопые?

— Белый Орёл всё-таки коренной американец. Это тебя радует?

— Дерьмо.

— На этот раз ты прав. Дерьмо.

Москва, Кремль.

На ритуальном столе, высечённом из гранитной плиты, стояла Чаша. Она до краёв была наполнена лунным грунтом, доставленным советскими спускаемыми аппаратами. Рядом лежали лунные метеориты — за столетия существования Пятёрки её агенты искали лунные камни, обладающие Силой, по всему миру — покупали, выменивали, крали

Но камни были истощены. Остатки лунной магии были развеяны по ветру ещё во времена революции.

— Асмодей, — пел Тойво, — Астарот, Баал, Бел, Веельзевул, Ламех, Оех...

Тойво чувствовал всем телом, насколько опустошена Земля. Люди растратили своё главное достояние — магию — к началу прошлого века. Поздние колдуны уже добирали остатки, искали артефакты, оставшиеся со времён Расцвета, забирались всё дальше и дальше. Последние капли Силы были похищены у полярных льдов. Но Земля была уже пуста. И только две сверхдержавы ещё сохраняли у себя последние остатки земной магии — на крайний, самый крайний случай.

Тойво продолжал взывать к духам, перечисляя их имена и звания, но уже понимая, что ничего не выйдет.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. *Nomen Sacrum* — Vegemoth. Государство, магическая сверхдержава. Создано 30 дек. 1922 г. магическим решением Пятёрки Верхних. Территория — 22,4 млн. кв. км., астральный объём — 50,9 млн. гиперкуб. км⁴. Расположено в Вост. Европе, в Сев. и Ср. Азии, Валгалле и Сатаникуме. Столица — Москва. Магическая столица — Moshoh. Планеты-покровители — Марс и Луна. Государственная идеология — марксизм-ленинизм (*марксизм-лунизм*). После событий 21 июля 1969 г.

[см. *Лунная гонка*] проиграл геополитическое соревнование с Соединёнными Штатами Америки [см. *US, Leviathan*]. Предполагаемая дата распада на физическом плане — лето 1991 года. Советский Энциклопедический Словарь, специздание. 1987.

Луна, Море Спокойствия.

Когда истощённый колдун повалился в лунную пыль, а страшное голубое пламя в центре пентаграммы погасло, Олдридж наконец осмелился закурить. Они с Нилом контрабандой пронесли пачку сигарет на борт. Олдридж подозревал, что и непосредственное начальство, и даже Семеро об этом знали, но не предприняли никаких мер.

После явления Духа Луны наступило полное безветрие. Сигаретный дымок лениво колыхался в прозрачном лунном воздухе.

— Всё, — сказал Нил. — Америка выиграла холодную войну.

Олдрин равнодушно кивнул. После того, что здесь произошло, слова были как-то особенно неуместны.

— Двадцать лет. Через двадцать лет Советского Союза не будет. Дух Луны сломает русским хребет. Мы сделали это. Чёрт возьми, мы сделали это!

— Остынь. — Олдридж смотрел на неподвижную фигурку старика.

Нил осёкся.

— Что с ним?

Олдридж подошёл, перевернул тело колдуна лицом вверх. Он был неожиданно лёгким — гравитация снова начала меняться.

Лицо Белого Орла было серым. Он был мёртв. На шее багровело пятно, напоминающее кляксу.

— Русские колдуны. Он истратил все силы на то, чтобы удержать Дух Луны в пентаграмме. У него не хватило сил для защиты.

— Как они смогли? — У Нила был озадаченный вид.

— У них были лунные минералы. Они имели оперативную власть над нами. Правда, маленькую.

— Это как-нибудь скажется?..

— Нет. Ты же видел — Дух явился, и мы подчинили его себе. Он сделает всё, что нужно нашему правительству и Совету Семи.

— То есть мы победили русских? — Нила, кажется, волновало только это.

— Да. Что будем делать с ним? — Олдридж скосил глаза на труп Белого Орла. — Мы не можем оставлять его здесь. Человеческое тело на Луне...

В этот момент тело старика шевельнулось. Глаза открылись. Они были такие же мёртвые, и только в глубине зрачков горели искры. Он приподнялся, вытянул руку и сделал магический жест. В воздухе что-то задрожало. Старик гадко усмехнулся и снова повалился в пыль.

— Так. — Олдридж внезапно стал очень серьёзным. — Бросаем всё и взлетаем. Быстро. Сейчас.

Нил кинулся в кабину.

Хьюстон. Центр управления полётом.

— Что это было?

— Русский колдун. Он убил Белого Орла и вселился в его тело. Русские всегда были большие специалисты по дистанционному управлению.

— Что он сделал?

— Наверное, хотел взорвать мину в алтаре. В результате, кажется, отключил таймер. И радиовзрыватель тоже.

— То есть мы не сможем прибрать за собой?

— Вот именно. Придётся ещё раз лететь. С новой миной. И вообще будет куча неприятностей.

— Дерьмо.

— Хватит про дерьмо. Заткнись.

Москва, Кремль.

— Они улетели.

Григорян, крихтя, поднимался с пола. Тойво лежал, распластавшись, на столе. Над чашей с лунными породами клубился едкий чёрный дым.

Наконец он поднял голову:

— Да, конечно.

Григорян недоумённо покосился на него:

— Что ты тогда там делал?

— Сначала убил шамана. Потом вселился в его тело и выключил таймер мины. Теперь алтарь не смогут взорвать даже с Земли.

— То есть они оставили там артефакт? Работающий магический артефакт?!

— Хе-хе. Им придётся посылать ещё одну экспедицию, чтобы уничтожить алтарь. И возможно, ещё одну, чтобы провести очищение. В общем, с лунной программой им ещё придётся повозиться.

— Ну, это уже последний комариный укус... Может быть, имеет смысл всё-таки активизировать нашу лунную программу?

— Бесплезно. Дух Луны на стороне американцев.

— И так, мы обречены?

— Да. Через двадцать лет Советского Союза не станет. Плюс-минус пару лет туда-сюда.

— Что будет делать Пятёрка Верхних?

— Очевидно. У них почти не осталось магии. Во всяком случае, бороться с лунными демонами им не по зубам. Остаётся — управлять процессом распада. Сдавать всё, что можно, на физическом плане, сохраняя внутренние структуры. И в конце концов... понимаешь, есть последний шанс...

— Ты считаешь, они пойдут на такое?..

— Шансы на успех ничтожны. К тому же это потребует всех ресурсов страны. Но, собственно, терять-то нечего.

— Что ж... Я бы на их месте поступил так же.

Тойво посмотрел на Григоряна долгим, тяжёлым взглядом:

— Ты хоть понимаешь, кому придётся лететь?..

— На какие средства построен аппарат? — спросил Скайльс.

Лосев удивлённо посмотрел на гостя:

— На средства республики...

А. Толстой. «Аэлита»

2 августа 1991 года

Москва, Кремль

Михаил Сергеевич Горбачёв устало опустился в мягкое кресло. Небо было тёмным, загорались первые звёзды.

Где-то среди них двигалась маленькая, очень маленькая звёздочка. С Земли, впрочем, её всё равно не было видно.

Если удастся. Если удастся проскочить через американские боевые спутники. Если удастся успешно пересечь пустоту

между мирами. Если удастся высадиться в красных песках четвёртой планеты. Если удастся вызвать Дух Марса. Если удастся подчинить его себе. Если он сокрушит Америку...

Если...

Вернуться на Землю не удастся никому.

Как и вернуть золотой запас страны, растроченный на подготовку экспедиции.

Их там двое — Тойво и Григорян. Кажется, хорошие ребята. Они знали, на что шли. Впрочем, жизнь настоящего мага посвящена одному — магии. Многие великие маги прошлого отдали бы жизнь за право совершить *такой* ритуал...

На столе зазвонил один из телефонов. Серый аппарат без диска, стоящий на самом краю стола.

Семёрка.

Уже знают.

Горбачёв помедлил, потом всё-таки снял трубку.

Голос на том конце был тихим и отчётливым. Он оставался бы таким же, даже если бы телефонный провод порвался.

— Мы уже знаем. — Голос говорил по-русски почти так же чисто, как и по-английски. — Что ж, поздравляем вас. Вы достойные противники.

— Пока что поздравлять нас не с чем. — Горбачёв еле заметно поморщился. — Вы не можете нам помешать, но наши шансы минимальны.

— В любом случае это красивый жест.

Горбачёв положил трубку, подумал.

Потом подошёл к секретеру, вытащил бутылку. Плеснул на дно бокала бурой жидкости. Подошёл к зеркалу.

— За продолжение Большой Игры, — сказал он, чокаясь со своим отражением.

ЗИМЫ НЕ БУДЕТ

Виталий Игнатьевич Шпулин ненавидел большевиков.

Если кто-нибудь, кому он бы доверял абсолютно (а таких людей не осталось, да и не могло остаться в стране, где политический донос был обыкновенным средством решения квартирного вопроса), спросил бы его как на духу, за что же именно он их так ненавидит, то Шпулин, наверное, затруднился бы с ответом: столько всего сразу приходило на ум. Пожалуй, наиболее точным (Шпулин любил точность — единственное свойство ума и характера, которое большевикам не удалось испоганить) было бы сказать так — «за порчу слов». Большевики уродовали слова. Начиная с имени города на Неве, переназванного в честь бандитской клички одного из ихних вожаков, и кончая фамилией самого Виталия Игнатьевича: в суматохе двадцатых пронизательный отец вовремя сбежал в паспортный стол, где и сменил вызывающе-поповское «Гороблагодатский» на просторечное «Шпулин». Трудно сказать, помогла ли эта наивная хитрость, или отцу просто повезло, но когда папины друзья, все эти Воскресенские, Рождественские, Диалектовы, начали один за другим исчезать известно куда, папа преспокойнейшим образом заседал в Наркомпросе. Он как-то даже выпустил за своей подписью статью, где позволил себе покритиковать — за эстетические несовершенства — новейшее произведение товарища Максима Горького. В день, когда статья вышла, маме было плохо с сердцем. Для успокоения расстроенных нервов она выпила подряд пять чашек горячего шоколада, тем самым окончательно истощив сберегаемый с довоенной поры запасец эйнемовского какао-порошка. В опустевшую

жестянку положили какие-то маленькие блестящие гвоздики, которые папа называл «сапожными». Потом гвоздики тоже кончились (при большевиках всё хорошее когда-нибудь кончалось — обычно навсегда), и в жестянке стали держать замазку. Замазка скоро засохла, но выбросить хорошую банку рука не поднималась. С тех самых пор красивое иностранное слово «социализм» у маленького Виталика настойчиво ассоциировалось с банкой, на которой выписано каллиграфическими завитушками «Фабрика Эйнем», а внутри — присохшая к стенкам дрянь.

При всём том Шпулин был совершенно равнодушен к вопросам организации хозяйственного механизма и не видел большой разницы между частной собственностью на средства производства и общественно-государственным способом владения оными. Вообще, насколько он знал семейную историю, Гороблагодатские не имели никакого отношения к буржуазному классу — ну разве что дядя, Аристарх Елизарович, имел какое-то «дело» в Кишинёве и на том «деле» совершенно разорился.

Так что слово «производство» у Шпулина связывалось в уме с какими-то трубами, копотью и стихами Блока про жёлтые окна. Впрочем, маленький опыт соприкосновения с «производительными силами» у него всё же был: в детстве маленького Виталика водили на завод Лесснера — он уж не помнил, за какой надобностью. Ничего не запомнилось, кроме звуков: визг механического точила, хруст стружки под маленькими детскими калошками да ещё какое-то «тум, тум, тум» — и папино, на ухо: «Это, сынок, паровой молот».

С тех пор Виталий Игнатьевич не бывал в местах, где из железа делают машины. Даже в тридцатые, когда молодой, тощий, заросший рыжей щетиной шкраб выступал перед рабочими коллективами с лекциями о Шекспире и Кристофере Марло, он умудрился ни разу не зайти в цех. Кстати, чудовищное слово — «шкраб», сокращение от «школьный работник» — Виталий Игнатьевич воспринимал почти без эмоций, полагая, что подобная мерзость долго не протянет и сдохнет сама. В отличие от живучих уродцев «Ленинграда», «СССР» или, не к ночи будь помянута, «ЧК». Эти корылые словечки были слеплены с большим запасом прочности. Шпулин чуял за ними какую-то отвратительную бесовскую живинку.

Вообще-то выступать перед рабочими ему нравилось. Спервоначала, конечно, странная большевистская блажь — сгонять пролетариат слушать лекции об искусстве — показалась Виталию Игнатьевичу типичнейшим примером метания бисера перед свиньями. Но потом он убедился, что рабочие слушают хорошо, глупых вопросов не задают, а главное — говорить можно о чём угодно. Через некоторое время Шпулин научился вообще отключаться от происходящего: всё шло само, как та самая дубинушка зелёная, которой полагалось почему-то «ухнуть». Жаль, что в юном возрасте Виталий так и не добился от папы удовлетворительных разъяснений насчёт дубинушки, а теперь уже и поздно было: папа успел помереть, от банальной инфлюэнцы, у большевиков в очередной раз кончились лекарства... Мама на похороны не пошла. К тому времени она вбила себе в голову, что её муж виноват перед семьёй — дескать, в девятнадцатом году он так и не решился эмигрировать вместе с Кулешовыми.

Кулешовых Шпулин помнил очень хорошо: в их загородном доме мама с папой были «гостями жданными, желанными». Так говорила бабушка Вера, всплёскивая руками и порывисто обнимая молодую и красивую маму. Когда это было? Сырой весенний ветер дует в лицо, выворачивая из сложной маминой причёски шляпку с ленточкой, небрежно приколотую шпилькой. Шляпка, медленно кувыркаясь, катится по воздуху, держа курс на кусты крыжовника. Маленький Виталик, морща лобик, соображает, что лучше бы шляпке лететь левее, в крапиву, — тогда всё вместе сложилось бы в «метафору социальных отношений». Откуда это? Ах да: про социальные отношения разговор был вечером, на веранде, за чаем. Папа пытался раскурить сигару на ветру, получалось плохо, а в это время маленький господин Марк Иосифович Кулешов, смешно подпрыгивая и размахивая руками, цитирует Прудона про собственность и кражу, а потом говорит о Петербурге. «Этот дивный город заброшен в дикие злые пространства России, как французская какая-нибудь галантерейная вещь — в крапиву».

Шляпка всё же приземлилась за два шага до переплетённых зарослей, шляпка благополучно спасена, и мама потом ходит в ней весь вечер, загадочно улыбаясь.

Ах, когда же это было? Память вытягивает из своего альбома жаркий полдень. Маленькая Муся Кулешова трогает паль-

чиком западающий зуб фортепьянной клавиатуры, вызывая к жизни низкое тягучее «до» субконтроктавы. «Ду-у-у-у-у». Бессмысленный сладкий звук плывёт над садом.

Цветут дикая мальва и желтые ирисы на болоте. Мяч улетел за изгородь. Бабушка Вера принесла в сад ленивую серобелую кошку.

А вот и конец нежной дружбы: Муся на вокзале. Повзрослевшая, стройная, она встаёт на цыпочки и целует Виталия в рыжую бровь. «Едем через Финляндию», — говорит где-то за кадром невидимый глазу господин Кулешов. «Мы приедем, когда в России кончатся большевики», — шепчет Муся и целует его ещё раз — по-настоящему, в губы, крепко... Она приедет, шепчет он, она приедет, когда кончатся большевики. Большевики кончатся, она приедет, они поженятся.

Получилось как раз наоборот: всё кончилось, кроме большевиков.

— ...и, таким образом, Шекспир не только огромный шаг вперёд, но и в эстетическом плане не менее огромный шаг назад, по сравнению с тем, к чему стремились ранние английские драматурги. У меня всё, — заканчивает Шпулин.

Рабочие сидят, притихшие, с добродушными неумными лицами. Выскакивает заведующий со своим обычным спичем:

— Есть вопросы? Товарищи, у вас есть ещё вопросы к лектору? Нет вопросов? Расходимся организованно! Организованно, товарищи, расходимся!

Рабочие осторожно шевелятся, не поднимаясь с мест. Заведующий (Шпулин никогда не мог запомнить, кто у них там чем заведует) начинает заполнять подозрительного вида бумажки. Большевики откуда-то прознали, что у нормальных людей «всё делается по документам», и завели себе множество липовых «документов» — каких-то карточек, корешков, талончиков, истёртых тетрадошек, и от лишнего крестика в грошовой тетрадошке могла зависеть чья-то жизнь. Поэтому Виталий Игнатьевич всегда следил, чтобы заведующий обязательно проставил в колонку кривой крестик, означающий, что Шпулин прочёл лекцию на тему «Английская буржуазная литература XIX века». Положим, Марло и Шекспир жили несколько раньше, но Шпулину и в голову не пришло бы что-нибудь поправлять: если большевикам хочется девятнадцатый, пусть будет девятнадцатый.

Потом его обычно кормили в столовой. Однажды, правда, налили водки, а потом стали спрашивать, как он относится к советской власти. Но это было в порядке вещей: большевики были просто не способны всё время сдерживать свои насекомьи инстинкты и не пытаться время от времени вонзять жвалы в других насекомых.

Шпулин не обижался на такие вещи — его ненависть ко всему советскому была выше этого.

В школу он устроился перед самой войной. То есть после нэпа, угара нэпа, знакомства со Шкловским, индустриализации, статьи о временах староанглийского глагола (Якобсон напечатал её в одном из пражских сборников), ссоры со Шкловским и начала несостоявшейся книги о Марло, так и умершей в гряде рукописей.

В школе он неожиданно для самого себя заженился, собираясь связать судьбу с молодой учительницей математики. Но вовремя оставил затею: девица пила ситро огромными глотками, называла Шпулина «шпулькой», не знала, кто такой Иннокентий Анненский, визгливо хихикала во время интимных таинств и в довершение всего заразила его триппером. Триппер ему вылечил народными средствами сосед, бывший красный командир, личность по-своему колоритная («подобный человеческий тип мог бы заинтересовать Леонида Андреева», — обычно думал про него Виталий Игнатьевич). Ощущение гадливости, правда, осталось.

Потом была война, эвакуация, в разваливающиеся столыпинны на сорок человек или восемь лошадей набивали по восемьдесят голов. Впоследствии Шпулин тщательно перебрал немногие оставшиеся воспоминания о переезде и вынужден был признать, что, судя по всему, он был очень плох, поскольку ничего толком не запомнил. Только то, что всё время хотелось пить. Или хотя бы вдохнуть свежего воздуха: нужду справлять приходилось в углу вагона, и внутри стоял густой смрад.

В Ташкенте он чему-то учил толстых узбекских детей. Дети учиться не умели и не хотели. Главное в жизни они знали и так: слово «бурсум» — рубль по-узбекски, и ещё то, что русские легко отдают серёжки и золотые колечки за рис и хлопковое масло.

Карточки отоваривались нерегулярно. Шпулину, правда, повезло: на грязной ташкентской улочке он встретил человека

в форме, который его узнал — тот когда-то был рабочим и слушал его лекции. Теперь он то ли чем-то командовал, то ли даже чем-то заведовал. Он выписал Виталию Игнатьевичу постоянный пропуск в офицерскую столовую, где без карточек давали бульон, сваренный из местных песчаных черепашек. Жёсткое черепашье мясо невозможно было оторвать от кости зубами: его состругивали ножом и потом долго, усердно прожёвывали.

Иногда, редко, удавалось принести что-нибудь с базара — горсть кишмиша (обычно с мусором, щедро всыпанным рукою дехканина) или небольшую дыню. Он так и не научился выбирать дыни, и ему всегда доставалась зелень или гниль.

Но больше всего изводил даже не постоянный голод, а жара. Шпулин совершенно не умел переносить зной — но при этом работать приходилось на самом припёке. Умные узбеки в такое время не трудились — как, впрочем, и в любое другое. Зато эвакуированным приходилось работать за троих: все отлично помнили о тетрадочках с крестиками и что бывает за отсутствие какого-нибудь крестика в чьей-нибудь тетрадожке. Так что в то проклятое время, когда подошвы редких пешеходов прилипали к мягкому асфальту или утопали в горячей пыли, Виталий Игнатьевич, пошатываясь, брёл в дирекцию за какими-нибудь бессмысленными учебными планами.

Особенно тяжело приходилось ночами. Он варился в собственном поту, засыпая только перед рассветом, — часа на два, на три. Помогал зелёный чай, ну и ещё чтение. В местной библиотеке он обнаружил россыпи нетронутых дореволюционных изданий, с ерами и ятями, похожими на крохотные могилки с крестиками наверху. Он читал Гоголя, Достоевского, Лескова. Иногда попадались всякие библиотечные забавности: какой-то усердный читатель закрасил внутренности всех буковок «о» в начале «Идиота», а сцена «литературного бала» в томе «Бесов» была заложена листком из гершензоновской брошюры «Ключ веры». Шпулин раз двадцать прочитал эту страничку и потом саму сцену, чувствуя, что сходит с ума.

Он как раз принялся за перечитывание Гоголя, когда кто-то из соседей спохватился и донёс, что учитель читает по ночам.

Чекисты были фронтовой выучки: молодые, неопытные, весёлые. Четыре зуба Шпулина остались на земляном полу сарайчика, где его допрашивали — на скорую руку, перед отправкой в места более серьёзные. Виталий Игнатьевич даже

порадовался, что слаб здоровьем и скорее всего настоящего допроса не выдержит. Тем не менее конец делу вышел необычайно благоприятный: в сарайчик привезли каких-то бородастых узбеков, и Шпулину сказали просто — «вали отсюда, понадобишься — вызовем».

Первое, что он сделал, оказавшись у себя дома, — не раздеваясь, пошёл к книжной полке и взял томик «Мёртвых душ». Ему не хотелось умирать, не перечитав напоследок «Мёртвые души».

За ним так и не пришли. Он неподвижно просидел на кровати два дня — с синим томиком в руках.

Потом встал. Посмотрел в окно. Вышел на двор, в густую южную ночь. Обильно помочился. Вернулся. Зажёг керосинку, поставил греться кастрюльку с водой. Нашёл в коробочке из-под гуталина две щепотки заварки. Сделал зелёный чай.

«Хорошенький овал лица её круглился, — шуршали слова в голове Виталия Игнатьевича, уставившегося в пиалу, где хороводились чайники, — как свеженькое яичко, и, подобно ему, белел какой-то прозрачной белизной, когда свежее, только что снесённое, оно держится против света в смуглых руках испытующей его ключницы и пропускает сквозь себя лучи сияющего солнца». «Моему охлаждённому взору, — бормотал он себе под нос, — неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! о моя свежесть!» Книга лежала у него в голове, шелестя страницами. «Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальной своею действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека...» — бежало под веками, а с другой страницы вдруг откликалось эхом — «...среди недумающих, весёлых, беспечных минут сама собою вдруг пронесётся иная чудная струя: ещё смех не успел совершенно сбежать с лица, а уже стал другим среди тех же людей, и уже другим светом осветилось лицо...» — И Шпулин с замиранием сердца чувствовал, что это всё ему, всё это для него, что он становится другим, и в этот миг книга раскрылась перед ним вся целиком, разом, как бесконечная сияющая пропасть, начиная с таракана, выглядывающего как чернослив из уголка второй страницы, и до

гремящего воздуха в последнем абзаце. За каждым словом стояла Неодолимая Сила. Гоголевская Поэма и была той необгонимой тройкой, перед которой постораниваются, не могут не посторониться, другие народы и государства. В том числе, конечно, и то, которое незаконно заняло место настоящей правильной России. Конь занёс копыто, и только глумливая пустота после последней точки — там, где путь должен был вымостить Второй Том, — мешала ему опустить свой медный вес на пустую скорлупу совдепии...

Шпулин выдернул из-под стола табуретку, положил на неё синий томик и неуклюже встал на колени.

Вера — точнее говоря, навязчивая идея — Виталия Игнатьевича, обрётённая им в ту жаркую ташкентскую ночь, была довольно-таки оригинальной.

Состояла она примерно в следующем. *Primo*, сочинение Гоголя, известное как «Мёртвые души», есть великая богооткровенная книга, сохраняющая Россию, Европу и весь мир купно действием заключённой в ней силы. Силу эту Шпулин воображал себе как волшебную воду, которая, как известно, бывает живой и мёртвой. Первый том состоял из мёртвой воды, поэтому и назывался «Мёртвые души». Второй том был, соответственно, водой живою.

Secundo, первая книга содержала в себе силы, позволяющие выстоять перед лицом внешнего врага. Большевики, однако, хитростью и обманом уничтожили Второй Том (то, что это произошло в тысяча восемьсот пятьдесят втором году, когда никаких большевиков не было и в заводе, Шпулин помнил, — но это почему-то не имело никакого значения), после чего сокрушили Россию изнутри.

Tertio, большевики книгу не смогли уничтожить совершенно — то ли потому, что рукописи не горят, то ли потому, что Бог поругаем не бывает. Шпулину явилось в откровении, что текст Второго Тома тайно сохраняется — возможно, частями или порциями, которые следует разыскать и соединить вместе. Впрочем, наивероятнейшим было то, что всю книгу целиком краснопузые прячут в каком-нибудь специальном застенке для особо опасной литературы.

И наконец, *quarto*: смысл его, Шпулина, жизни — восстановить полноту текста поэмы, вырвав из большевистских лап скрываемое ими сокровище.

Что будет дальше, Виталий Игнатьевич представлял себе смутно: знал только, что всё немедленно станет чрезвычайно хорошо. Большевики кончатся, Ленинград обратится в Санкт-Петербург, а из Финляндии приедет поезд, с которого сойдёт Муся Кулешова, юная и цветущая, с банкой эйнемовского какао в руках.

Патологическая природа этих откровений была вполне очевидна и самому Шпулину, но его это почему-то ничуть не беспокоило. Здравый смысл он, конечно, уважал, зато за своей верой знал Неодолимую Силу, в свете которой здравый смысл меркнет, как свеча в свете солнца. Он был избранником; истинная реальность открылась ему — и следовало не критиковать детали откровения, а наилучшим образом исполнить то, что в откровении заповедано.

Благо Неодолимая Сила снабдила его и подобающими для сего деяния средствами.

Прежде всего это касалось открывшейся у Виталия Игнатьевича способности помнить абсолютно всё, когда-либо прочитанное или услышанное: начиная с текста гоголевской поэмы (намертво отпечатавшегося у него в памяти за те два дня) и кончая последней мелочью. Более того — через некоторое время выяснилось, что ему совершенно не нужно понимать смысл запоминаемого: он мог просмотреть за две-три минуты страниц пятьдесят текста, а потом, на досуге, прочесть его прямо из головы.

Старенький доктор Карл Гоц, которому Шпулин на сей счёт доверился, объяснил так: «Это, голубчик, у вас фотографическая память прорезалась. Говорите, не врождённое? Может, в детстве было? Ну, значит, от большого нервного потрясения случилось. Бывает так, хотя и редко. На моей памяти — первый раз... Повезло вам редкостно. Вы уж, голубчик, Бога благодарите».

Шпулин воспринял совет совершенно серьёзно, так как хорошо знал, какой именно благодарности требует от него Всевышний. И удвоил старания.

Меж тем путь предстоял нелёгкий. Для начала нужно было выбраться из пыльного провинциального Ташкента, причём не в родной Ленинград, а в Москву: все важные дела делались именно там. Далее, следовало приобрести солидное положение, а также официальное право заниматься русской литературой. Лучше всего для этой цели подходила академическая

карьера: большевики почему-то уважали научные звания. Она карьера, впрочем, должна была послужить ступенькой к некоей иной работе — в том секретном месте, где выдают спецпропуска в закрытые архивы. Это место ещё предстояло найти. И вот уже там, в том секретном месте, можно было наконец начать поиски святыни.

Тут могли помочь только контакты с советскими бонзами — в этом Шпулин был уверен, зная устройство большевистского режима, равнодушного к чьим бы то ни было законным правам, но угодливо склоняющегося перед телефонным звонком, знакомством и прочим, как выражались советские, «блатом».

Нечего и говорить, что для ветхого, доташкентского Шпулина всё это было совершенно невозможным и немыслимым. Однако очень скоро выяснилось, что десница Господня, если уж она кого касается, то меняется решительно всё. Виталий Игнатьевич только поражался, как легко, оказывается, решаются любые проблемы, если за них взяться с нужного конца. Главное — ничего не бояться, ничем не гнушаться и уметь наводить справки.

Страх у Шпулина в ту ташкентскую ночь совершенно атрофировался. С брезгливостью было справиться сложнее, но её он научился сдерживать. Что касается справок, то абсолютная память оказалась в таких делах абсолютно бесценным даром.

Впоследствии Виталий Игнатьевич вспоминал это время как ряд ярких, детально прорисованных (знаменитая шпулинская память никогда не подводила), но совершенно абсурдных сцен.

Вот, например: Шпулин в офицерской столовой. Пресловутый черепаховый супчик давать перестали, появилась ленд-лизовская тушёнка... Так-так, этого зовут Гарик, это — Федор, этот — Витя, сын полковника Кротова, много пьёт, с ним осторожнее... Карты, обычное развлечение русского офицерства, отчасти роднящее его с русской интеллигенцией... Задняя комната. Заплёванный пол. Поганое ведро в углу, накрытое деревянной крышкой. По маленькой. Просто трефа. Сдающий. Падаю. Ложись. Пока постоим... В этой игре главное — помнить расклады, несложный расчёт — и всё будет в порядке. Нам бы только день простоять да ночь продержаться. Водка со сгущёнкой. Тысяча триста вистов.

Низкий приятный баритон: «Хорошо вы ободрали этих оборотов. Вы мне нравитесь, вы, кажется, интеллигентный человек... Давайте ко мне. Посидим, распишем пульку?»

Картинка меняется на другую: он пьёт местное шампанское с парфюмерным абрикосовым привкусом в обществе коренастого человека в галифе и гимнастёрке. На столе — саксонский фарфор, тусклые серебряные подсвечники, почерневший серебряный кофейник, янтарный мундштук с тусклым золотом на ободке. В тазике с водой плавают перележавшие во льду дольки консервированных ананасов. Виталий Игнатьевич вслух читает подходящее к случаю стихотворение Северянина.

Человек в галифе смеётся здоровым рабоче-крестьянским смехом. Шпулину хочется ударить его по губам, но он вместо этого выдавливает из себя угодливый прихихик.

«Кажется, у вас есть голова на плечах», — удовлетворённо замечает человек в галифе. — Вокруг меня идиоты и проходимцы. Будете при мне». В конце фразы — точка, ответа не требуется. Всё же Шпулин кивает головой и уdstаивается ответного кивка.

...Следующая картинка. Он на вокзале, в модном светлом костюме, прогуливается по закрытой части платформы, просматривая горы багажа, принадлежащего человеку в галифе. Молоденький солдатик тащит чёрный чемодан с двумя ручками. Виталий Игнатьевич сверяется со списком (список, разумеется, у него в голове). Всё правильно, это верблюжьи одеяла, а вот в том сером кофре — трофейное белое платье без плеч, трофейное маленькое чёрное платье (интересно, из сундука какой фрау его вытряхнул солдат-освободитель?), невесомая перина, а под периной жестяные коробки с одним сугубо местным продуктом, который тоже зачем-нибудь да пригодится...

Картинка съезжает вбок, чтобы уступить московскому пейзажу. Сгущается вечер. Сначала загораются фары, затем уличные фонари, за ними — окна, а светофоры горят всегда. «Вы точно решили, Шпулин? Нам нужны хорошие военные переводчики. С вашими-то способностями... Ну, ну, вижу по глазам. Нет так нет. Но мы не прощаемся?»

Шпулин деланно улыбается. В такие моменты он особенно остро ненавидит большевиков.

...Маленький, смешной, страшный, как детский гробик, кабинет академика Трошева. Седой старик смотрит на него с прищуром, как и следует смотреть на очередную советскую сывку. «Так вы, говорите, Шекспир? И к чему вам тогда, простите, русская литература? Впрочем, есть же связи... Скажите, вы находите удачным аверкиевский перевод того места из Гамлета — ну, где *the time is out of joint?*» — «Не нахожу, — дерзит Шпулин. — Как это у него там? «Наше время сорвалось с петель, подлое коварство!.. О, лучше бы мне вовсе не родиться» — дешёвая риторика, для девяноста пятого года уже поздновато. Даже у Кроненберга лучше: «Ни слова боле: пала связь времен! Зачем же я связать её рожден?» По крайней мере короче и точнее, а ведь это тысяча восемьсот сорок четвёртый... Впрочем, у Ка Эр...» В выцветших глазах профессора обозначается интерес. «Порвалась цепь времен; о, проклят жребий мой! Зачем родился я на подвиг роковой!» — с ехидцей цитирует Виталий Игнатьевич, пролистывая в памяти изящный томик сочинений великого князя. «Очень похоже у Радловой: «Век вывихнут. О злобный жребий мой! Век вправить должен я своей рукой...» — «Гм-м-м. Неплохо. Приходите завтра». — Трошин демонстративно склоняется к разложенным на столе бумагам...

Наплывом ассоциация: Шпулин стоит на кафедре, рассуждая перед студентами о символике образного ряда у Шекспира. «Вывих может быть только у человека. Время традиционно, с античности, представлялось в виде старца, конкретнее — Сатурна, он же Хронос. Таким образом, вывихнута рука у Хроноса. Вообще, базовые метафоры у Шекспира гораздо более зрительны, материальны, чем хотелось бы нашим доморощенным эстетам...»

С первого ряда вспыхивают злым зелёным огнём глаза Инги. Она недавно открыла для себя Бурлюка, Хлебникова и беспредметную метафору. Она презирает этого рыжего доцента, который читает им английскую литературу. Она ходит на все его лекции. После этой лекции она наконец скажет ему всё, что думает о нём и о его понимании Шекспира...

Они встречаются каждый день. Сначала — прогулка: Инга любит вечернюю Москву. Вот она смеётся, показывая ему советский уродец-новодел: дом с огромными террасами а-ля Италия, какой она могла бы присниться гоголевскому Поприщину. Впрочем, Гоголь любил Рим — но Рим настоящий. Здесь

же в лучшем случае — Рим третий, то есть третьесортный... Террасы два на четыре метра покрыты льдом. Ничего, голубка Эвридика, такова судьба русской культуры. И живая ласточка упала на горячие снега. Ты помнишь откуда?.. Инга заговорщицки улыбается. В небе мелькает звезда.

...Из-под верблюжьего одеяла торчат голые коленки. «Ты маленькое тёплое дерево, я засуху твою намочу». — Инга щечок губами уху, слова проваливаются куда-то вниз, минуя сознание, не оставаясь в памяти надолго. Не помнить. Стереть. Забыть.

...Стандартный советский кабинет. «Вы мне говорили насчёт военного перевода...» Глаза человека за столом прищуриваются. «Разочаровались, значит, в академической науке?» Правильный ответ — отрицательный. «Нет, не разочаровался. Просто просиживать штаны на кафедре я могу и в свободное время. Свободное от настоящей работы». — «Хорошо. Идите. Мы с вами свяжемся». Картинка меркнет...

Гоголевский бульвар. Памятник Гоголю работы Андреева, сливающийся с тёмным фоном. Шпулин проходит мимо, не задерживаясь: завтра учёный совет, надо быть готовым ко всему.

Ещё несколько картинок вспыхивают и сгорают в голове. Задерживается такая. Зелёная лампа, прозрачная стеклянная пепельница. Виталий Игнатьевич где-то слышал, что все пепельницы такого вида делаются на каком-то гэбэшном заводе. Они стеклянные, потому что Берия боится, что в пепельницу можно встроить маленький звукозаписывающий аппарат. Видимо, такие уже есть. Какая всё-таки гадость. Внутри пепельницы — одинокий окурочок. Золотой ободок вокруг фильтра. Запомнить марку — в шпулинском знаменитом портсигаре таких нет... «Мы тут посоветовались с товарищами и решили вас взять. На пробу...» Сидящий за столом лыбится, бликуя золотыми зубами. Картинка улетает в никуда.

...Консерватория. Девушка и альт. Немыслимо эротические движения смычком. Альт послушно стонет и вскрикивает, как дорогая кокотка. Да, всё-таки в академической музыке что-то есть...

...Ресторан. Невкусный шашлык, облитый ткемалевым соусом. Проклятая кавказская кухня, насаждаемая кремлёвским горцем, успешно вытесняет русский стол. Все уже изрядно пьяны. Молодой русист Пыжев пытается по памяти воспро-

известии что-то из Льва Николаевича. Шпулин машинально поправляет цитату, потом вдруг задумывается, по какому изданию он это цитирует. За десять секунд он успевает пролистать в голове все известные ему варианты исходного текста. Хм, такого варианта нет. Услужливая память делает ещё несколько оборотов, после чего выдаёт первоисточник: Вересаев. Из этого следовало, что Пыжев самого Толстого не читал. Или возможно, читал — но уже после Вересаева. Виталий Игнатьевич наливает себе водки, отчётливо понимая, что гуманитарная наука в этой стране заканчивается. Если они все такие... Водка тёплая. Шпулин плачет.

...Раннее зимнее утро. Машина у подъезда.

Конечно, на самом-то деле всё это было совсем не так просто. На всякие предварительные действия ушло года три, и столько же на саму карьеру. И то, если бы не Неодолимая Сила и её помощь (которую Шпулин никогда не переставал ощущать), он, наверное, бросил бы это занятие — до того оно выглядело бесперспективным.

Задача стояла всё та же — найти Второй Том «Мёртвых душ». Логичнее всего было бы предположить, что большевики попросту его уничтожили. Неодолимая Сила, однако, настаивала, что книга не уничтожена, а именно *спрятана*. Вопрос был в том, как именно его прячут и где. Здесь были два варианта. Либо Второй Том поэмы, вместе с прочими опасными для большевиков бумагами, замурован в какую-нибудь бетонную стену (с них станется). Этот вариант отпадал сразу, потому что делал текст недоступным, а откровение бессмысленным. Либо он лежит в каком-нибудь архиве и с ним работают. Что могут делать коммунаки с текстом Второго Тома гоголевской поэмы, Виталий Игнатьевич понять не мог. Наверное, что-нибудь мерзкое. Неодолимая Сила на этот счёт ничего не говорила. Она хотела, чтобы Шпулин искал — и нашёл.

Литературоведческое сообщество представляло собой то самое, чего он и ожидал, — сборище несчастных, запуганных людей, больше всего на свете опасавшихся ненароком не вписаться в роковые извивы Генеральной Линии (Виталий Игнатьевич ощущал её почти физически — как холодную, скользкую, ядовитую змею, главную противницу Неодолимой Силы, которой он служил). Военные переводчики и разведаппарат были

чуть более перспективны — но чутьё подсказывало ему, что копать надо не здесь. Впрочем, беспокоиться было не о чем: течение уже подхватило его и понесло вглубь. Он прошёл через две проверки (первая из них восстановила настоящую фамилию и биографию его отца, — жалкий улов, — а вот вторая обошлась ему в пару-тройку седых волосков) и несколько задушевных бесед с гэбистскими людознатцами, пытавшимися распотрошить ему душу на предмет каких-нибудь следов неояльности. Подписал полагающееся количество бессмысленных бумажек: все эти «спецпропуска» и «особые разрешения» выдавались в обмен на «подписки», «личные заявления» и прочие клятвы на крови. «Хорошо хоть на крест плевать не заставляют», — думал Виталий Игнатьевич.

Пробравшись почти в самый центр паутины, Шпулин почувствовал что-то вроде разочарования. Тайны, к которым он был допущен, оказались однообразными, как дешёвые порнографические открытки для гимназистов. Он сидел над бесконечными простынями секретных документов, а память послушно наматывала на свои серые веретёна кудель разбойничьей шпионской цифири.

Это была нудная, изматывающая и совершенно бессмысленная деятельность. Но он терпел, потому что чувствовал: он находится где-то близко.

Наконец, после ещё одного купания в жупеле и сере (на сей раз с ним беседовали профессиональные психологи, так что пришлось жарко — спасибо Неодолимой Силе, выручила, да и память не подвела, так что всё обошлось), он был представлен полковнику с нежной фамилией Лизолькин, неофициальному руководителю Комиссии по возвращению, она же — «Отдел 1-95».

— Ещё одно... — Лизолькин подошёл к окну, отодвинул зелёную штору. Редкие московские огни вызывали в памяти стихи Лермонтова, и дальше по ассоциации — известную поговорку «Москва — большая деревня» и бессмертное «О Русь! О Rus!».

Этот гэбун был ихней элитной породы — вежливое обращение, чистая речь, длинные тонкие пальцы, правильно вырезанные ноздри. Глаза, правда, выдавали.

— Насколько нам известно, вы начали вплотную заниматься русской литературой классического периода четыре года на-

зад. Есть основания полагать, что интерес возник раньше. Возможно, во время войны. При обыске в сорок четвёртом у вас нашли сочинения Достоевского и других русских писателей прошлого века...

— Ну почему же прошлого. — Шпулин выудил из портсигара твёрдую белую палочку. Протянул Лизолькину. Тот, не глядя, взял, посмотрев на Виталия Игнатьевича с невольным уважением.

— Скажите честно, у вас там сколько сортов?

— С дюжину наберётся, — скромно сказал Шпулин (на самом деле сортов было пятнадцать). — Люди же курят разное...

— Ага. А вы ведь отлично помните, кто что курит, у кого когда день рождения и кем приходится двоюродная курица бабушкиного племянника тёщиной внучатой козе... — В гэбунском голосе угадывалась зависть. — И оперативную информацию очень хорошо обрабатываете. Знаете, вас даже отпускать не хотели. Если бы не ваше филологическое образование... В общем, так. — Он сделал рассчитанную паузу. — Вот ваш новый пропуск. — Он протянул Виталию Игнатьевичу через стол простенький картонный квадратик. — Завтра с утра зайдёте к себе, заберёте вещи. К десяти тридцати — у меня. Дам вводные.

С полковником Шпулин, что называется, сработался. Лизолькин оказался, как и ожидалось, обычным умным подонком без особых странностей. Впрочем, нет: таковые были, но относительно безобидные. Во-первых, полковник владел странноватым умением наподобие чревовещания: он мог говорить, практически не шевеля губами. В такие моменты казалось, что Лизолькин разговаривает носом, а то и затылком. Этим своим искусством полковник пользовался, впрочем, редко — в основном чтобы нагнать страха. На Виталия Игнатьевича такие штуки не действовали.

Второй, куда менее приятной, странностью Лизолькина была его мерзлявость. Ему всё время было холодно. Это было бы ещё полбеды, но по каким-то своим соображениям он пренебрегал тёплой одеждой. Посему во всех помещениях, которые полковник имел удовольствие посещать, топили отчаянно, по-банному. Шпулин, по ташкентскому опыту зная, как опасен перепад температур, всячески берётся — но всё-таки ра-

зок простудился, хлебнув после тяжёлого дня в чёртовой парилке уличного ледяного воздуха.

В «1-95» занимались важным государственным делом: анализом и оценкой разного рода интересных для советской власти документов и предметов, находящихся за границей. Дело это было чрезвычайно деликатное, так что Комиссия подчинялась лично Лаврентию Палычу, и никому кроме. При этом вся оперативная работа лежала на каких-то неизвестных науке силах: подумав, Шпулин понял, что у Берии есть своя агентурная сеть, которая делала чёрную работу — выкупала, обменивала или просто крапа бумажки и вещички.

При всём том у сверхзасекреченного «1-95» имелось легальное прикрытие. Оно-то, собственно, и называлось Государственной Комиссией по розыску и возвращению предметов и документов, нелегально вывезенных за границу. Официальная цель работы Комиссии отчасти совпадала с настоящей: отыскание и возвращение законной собственности Совдепии, покинувшей её пределы в суматохе первых пореволюционных лет, а также в военный и послевоенный периоды.

Шпулин не очень понимал, о какой такой «законной собственности» может говорить режим, на словах отменивший собственность вообще, а на деле отобравшей её у десятков миллионов людей. Тем не менее западные демократические режимы с Комиссией сотрудничали, хотя и без большой охоты, и время от времени даже кидали ей какие-то кости.

Первым заданием Виталия Игнатьевича была разборка архива деникинского полковника Бориса Толлера: французы передали пуд бумаги советским властям вполне официально, хотя и без лишней огласки. Разбираясь в этом пуде, Шпулин убедился, что полковник был дурак и фанфарон, коротающий парижские ночи писанием неудобоваримых врак про свои ратные подвиги. Единственное, что заинтересовало Виталия Игнатьевича, — краткое упоминание неудачной попытки самоубийства некоего Кулешова, русского эмигранта («похоже, еврей», — педантично добавил полковник, никогда не упускавший из виду этой важной темы). Кулешов попытался покончить с собой, проглотив лезвие безопасной бритвы фирмы Gillette.

Второй большой работой стали мемуары некоего Ломидзе, партийная кличка Львов: старый большевик, оставивший после себя некие записки. Сам по себе Ломидзе никакого интереса

не представлял, но в документе неоднократно упоминался Ульянов-Ленин, причём чрезвычайно нелестным образом. Владелец документа, проживающий в Уругвае и испытывающий острую нужду в деньгах, хотел продать оригинал рукописи наследникам дела Ильича. Шпулину надо было решить, стоит ли тратить на это средства пролетарского государства. Виталий Игнатьевич добросовестно прокрутил в голове все известные ему сведения, касающиеся того времени и обстоятельств. И пришёл к выводу, что честный историк (если таковые сохраняются после победы пролетарской революции во всём мире) записки благополучно проигнорирует, поскольку у Ломидзе рыльце даже не в пушку, а в густой шерсти, и составил полную опись передержек, умолчаний и откровенной лажи, содержащихся в предоставленных ему фрагментах.

За эту работу он получил личную благодарность полковника Лизолькина, премию и ещё увесистый бумажный кулёк — с кружком польской колбасы, банкой американских сардин, крупой и печеньем. Типично большевистская плата за усердие: в насквозь проголодавшейся стране самой желанной наградой оставалась еда.

К кульку прилагалась коробка с бутылкой армянского коньяка и тремя шоколадными медальками.

Той же ночью Виталий Игнатьевич первый и последний раз в жизни напился в одиночестве. Он дул коньяк, как воду, закусывая колбасой и сардинами, и перелистывал в голове «Выбранные места из переписки с друзьями».

Наутро он проспал и на работу вовремя не явился. Лизолькин устроил ему кошмарный, хамский разнос в худших большевистских традициях. Шпулин слушал, терпел, понимая, что по-хорошему ему следовало бы ударить этого куражащегося мерзавца (полковник откровенно получал удовольствие от процедуры), а потом будь что будет. В какой-то момент он чуть было не сорвался. Руку удержала Неодолимая Сила, кстати напомнившая ему, что к загадке Второго Тома он так и не подобрался, а потому весь этот крик и мат вполне заслужил.

Неодолимая Сила оказалась права: прооравшись, Лизолькин сник, после чего даже пробурчал нечто вроде извинений. После чего выдал Виталию Игнатьевичу очередные вводные.

Когда Шпулин понял, о чём идёт речь, то буквально схватился за сердце.

Сначала он получил на руки фотокопию. Это было письмо, короткое и банальное: один мелкий человек пишет другому мелкому человеку о своих семейных делах, целиком оставшихся в давно и прочно забытом веке.

Цитата из Пушкина была крохотной: одно полное четверостишие и две строчки, обрывающиеся разговором о ценах на сукно.

В принципе обнаружение неизвестного стихотворения позднего Пушкина было событием экстраординарным. Виталий Игнатьевич, однако, с самого начала почуял, что никакого события не состоится. Начальство интересовалось ровно одним — точно ли это Пушкин. Виталий Игнатьевич склонялся к последнему, что и попытался обосновать — на десяти страницах мелким почерком. На следующий день Лизолькин лично посетил комнатку Шпулина и положил ему на стол стеклянную рамку. Между стёклами находился оригинал письма, изрядно попорченный временем, но вполне удобозримый. Через два часа он забрал письмо назад — к тому моменту шпулинские подозрения переросли в уверенность.

— Вы блестяще себя проявили, Шпулин. — Лизолькин с видимым неудовольствием подписал последнюю бумагу из папки. — И очень вовремя. Вы об этом знать не могли, но как раз сейчас мы решали вопрос о пополнении...

Самым поразительным казалось, что Лизолькин несколько не волновался. Несмотря на то, что второй человек, находящийся в кабинете, мог в любой момент стереть полковника в порошок. Тем не менее Виталий Игнатьевич чувствовал, что сейчас обычная большевистская иерархия почему-то не работает — как будто Лизолькин и тот, второй, были в каком-то важном смысле равны.

— А я вот был против кандидатуры товарища Шпулина. — Второй человек резко развернулся. Блеснуло знаменитое пенсне. — Вы не знаете, почему это товарищ Берия против? Потому, — Берия гадко растянул губы, сделавшись похожим на злую лягушку, — что товарищ Берия знает людей. И ему не нравится, что советский гражданин Виталий Игнатьевич Шпулин, он же Гороблагодатский... очень слишком, — здесь он запнулся, — любит советскую власть. А ведь гражданину Шпулину совсем-совсем не за что любить советскую власть. Хотя бы как интеллигентному человеку. Вы ведь интеллигентный

человек, гражданин, э? — Он в упор уставился на Виталия Игнатьевича.

Шпулину показалось, что ему в глаза заглянула сама Генеральная Линия. Но Неодолимая Сила и на этот раз выручила: веко зачесалось, он сморгнул, и наваждение пропало. В голове прояснилось. Он знал, что ответить.

— Я не интеллигентный человек. Интеллигентный человек любит рассуждать, а я люблю работать, делать дело. — Виталий Игнатьевич почти не кривил душой. — Моё отношение к власти... к любой власти, если угодно, — этот выпад показался ему уместным, — зависит от того, даёт ли эта власть работу, интересную мне. В слово «даёт» входит, разумеется, и оплата труда...

— Не уводите разговор в сторону, я этого не люблю. — Берия погрозил пальцем. — Это всё разговорчики спецов, я их наслушался... Это всё — чепуха, средства. Нас интересует другое. Советская власть не с неба свалилась, э? У неё есть свои цели. А как гражданин Шпулин относится к целям советской власти?

Виталий Игнатьевич молчал, понимая, что безнадёжно проигрывает разговор. Неодолимая Сила, однако, тоже почему-то не давала о себе знать.

— Хорошо, понятно, — наконец сказал Берия. — Нормальный человек. Бойтся, но умеренно. Потому что уверен — если бы мы хотели расстрелять товарища Шпулина, мы бы его давно расстреляли... — Шпулин механически отметил, что переименован из «граждан» в «товарищи». — Нормальный ход мысли интеллигента — всё рационализировать. А если нам интересно было расстрелять вас именно сейчас? Что вы на это скажете? Что готовы? Э-э-э, нехорошо, товарищ Шпулин. Есть много вещей, к которым вы совсем-совсем не готовы. Да я не про иголки под ногти, — поморщился он, — хотя и это тоже... С чего бы нам начать? Ну вот хотя бы, пожалуй... Посмотрите на досуге. Вы же русист, вам это интересно.

Он пододвинул к Виталию Игнатьевичу небольшой томик в коричневой обложке. На ней значилось: «Н.В. Гоголь. Мёртвые души. Том II».

Перед глазами Шпулина всё поплыло. Как сквозь толстый слой ваты он услышал: «И устрой ему прогулку по Москве. Возьми машину во втором гараже. Поведёшь сам».

* * *

— Ну конечно, Гоголя ликвидировали, — полковник сделал неопределённый жест, — опасную книгу ведь написал. Очень опасную. Так что их императорское величество подумало-подумало, да и отдало секретное распоряжение. Насчёт великого писателя земли русской, да... Я читал отчёт по делу, — добавил он. — Ну и вся сказка насчёт сожжения второго тома — тоже. Что скажете, товарищ Шпулин?

— Что там было опасного? — Виталий Игнатьевич воспринимал происходящее, но не вполне адекватно: ему казалось, что он видит нечто вроде затянувшегося сна. Однако Второй Том был реальностью — в этом он почему-то не сомневался.

Казённая «Победа» медленно плыла по московским переулкам. Снежинки тихо падали на лобовое стекло. Полковник оказался отличным водителем.

Шпулин механически отметил, что в машине тепло.

— Непатриотическая книжка получилась очень. Вы, когда читать будете, обратите внимание на монолог Костанжогло в шестой главе, где он спорит с англичанином, как его... забыл. Где доказывается, как дважды два, что сельское хозяйство в России всегда будет экономически убыточно, по причине климатической... И доходит до всяких нехороших предположений. Кстати, под видом англичанина там выведен сам основоположник. Который из Английского клоба... Вот, кстати. Давайте остановимся. Да не хватайтесь вы так за портфель, никуда ваша книжка не убежит...

Машина стояла возле высокого дома с фасадом, выставленным к улице углом. Его украшали огромные нелепые лоджии, засыпанные снегом. Совсем рядом с домом, прижавшись к нему, стоял белый ларёк с надписью «Мороженое».

— Прекрасный символ. Вы не задавались вопросом, почему большевики в Москве строят такие дома? Или, скажем, мороженое. У нас его продают даже зимой, в тридцатиградусный мороз. Смешно? Признаться, с этим мы всё-таки поторопились. Тогда казалось, что у нас уже всё получилось. Или вот-вот получится. К сожалению, углекислый метод сам по себе ничего бы не дал. Но, — он хлопнул застывшего Виталия Игнатьевича по плечу, — теперь, кажется, всё в порядке. Очень скоро зимы в Советском Союзе не будет. Мы уже знаем, как пробить озоновый слой.

* * *

Всё началось с Чаадаева. Теория, впоследствии ставшая неофициальной идеологией российской власти, была впервые изложена в «Апологии сумасшедшего». С точки зрения диалектического материализма она была, разумеется, наивной, так как сводила всё многообразие жизненных явлений к «фактору географическому». Кстати, на этой фразе дозволенная к распространению версия «Апологии» обрывалась. Полный же текст был раз в десять длиннее и содержал в себе целое историко-философское учение.

Мир, каким он представлялся Чаадаеву, был разделён всемогущим Творцом на четыре части, по числу сторон света, каковые суть Юг, Восток, Запад и Север. Каждая из сторон света посвящена одной из стихий: Югу соответствовал Огонь, Востоку — Земля, Западу — Воздух и Северу — Вода. Эта принадлежность оказывала решающее влияние на темперамент жителей этих краёв, их мироощущение, что и обуславливало различие политических и экономических режимов.

Во всём этом не было бы ровно ничего оригинального, если бы не следующий изворот мысли московского затворника. А именно: он объявлял главной проблемой каждой из сторон нехватку стихии, противоположной его собственной. Так, главной проблемой Юга всегда была нехватка воды. Это порождало государства, основанные на распределении водных ресурсов: огромные оросительные системы, для построения которых требовались тысячи рабов. На Востоке не доставало воздуха. В этом вопросе Чаадаев единожды отступал от своего провиденциального материализма, полагая, что «нехватку воздуха» здесь надо понимать метафорически, как недостаток «естественной человеческой свободы». Поэтому восточные царства, будучи огромными, прозябали в косности. Западу же банально не хватало земли, то есть территории. Впрочем, этот вопрос Запад всё-таки решил, расширяя свою власть на всю планету: басманный философ по этому поводу пророчески замечал, что вопросы жизненного пространства ещё не раз станут причиной кровопролитных войн между цивилизованными народами. Зато господство воздушной стихии подарило счастливым обитателям *Abendland*'а либерализм и демократическое правление... С Севером (то бишь, в мысли Чаадаева, с Россией) никаких сложностей не возникало: главной бедой замерзающих краёв всегда было тепло.

Следствия из этого простого факта оказывались воистину необозримыми — и всё больше грустными. Например, можно было доказать с математической точностью, что никакое экономически успешное сельское хозяйство в России невозможно: короткое лето и долгие зимы ставили повышению урожайности абсолютный предел. То же самое можно было сказать и о промышленных перспективах: производство чего бы то ни было в российских пределах требовало дополнительных расходов на обогрев места производства. В исторической перспективе Россию ждал крах. Кое-какие надежды можно было возложить только на военное преимущество: завоевать холодную страну получалось климатически дороже, чем ей — завоевать весь мир. Армия Наполеона Французского, бесславно воевавшая в двенадцатом году с русским Генералом Морозом, была тому убедительным подтверждением. Русским же полкам, привычным к морозам, было куда приятнее прогуляться до Парижа... Однако «ледяная крепость» (как изящно назвал Чаадаев своё Отечество в третьей части «Апологии», посвящённой военно-завоевательному вопросу) была уязвима перед европейской лукавой предприимчивостью: то, что русские солдаты завоюют на Западе, русские генералы отдадут обратно за небольшие подношения со стороны угрожаемых стран. В конечном итоге бедные страны всегда проигрывают войны, так как рано или поздно оказываются вынуждены торговать своими победами, за неимением других товаров. Выхода из положения Чаадаев не видел.

Понятно, что российские власти, ознакомившись с чаадаевским трактатом, предприняли все усилия, чтобы предотвратить распространение подобных воззрений. Вначале, впрочем, предпринимались и попытки что-то противопоставить столь пессимистическому воззрению на судьбы Отечества. Второй Том «Мёртвых душ» был посвящён, по сути дела, попытке художественной критики чаадаевской теории. К сожалению, критика вышла настолько похожей на апологию, что пришлось в срочном порядке ликвидировать и само произведение, и его автора. Схожая проблема возникла и с Пушкиным, чью «Записку о России» (равно как и цикл поздних политических стихотворений) пришлось спрятать от настырных интересантов в секретные архивы, а самого автора подставить под пулю Дантеса.

Власть, однако, искала решение. Постепенно возникали и идеи «исторического ответа». Вначале царизм уповал на расширение пределов империи на Юг — захват Константинополя и выход к тёплым морям. Однако нашлись и те, кто смотрел шире: только окончательное решение климатического вопроса сможет возвысить Россию до статуса мировой сверхдержавы. Из того, что Россия не может ждать милостей от природы, они делали вывод, что их надо взять силой.

Трудно сказать, в чьей голове впервые зародилась идея коррекции климатом при помощи искусственного парникового эффекта. Однако даже самые первые прикидки показали, что любые разумные варианты предполагают такие вливания углекислоты в атмосферу, которые потребуют строительства особых гигантских установок по всей территории России. В самом лучшем случае они должны будут работать десятки лет без видимого эффекта. И наконец, всё это должно происходить сугубо тайно: прознав о готовящемся климатическом перевороте, европейцы позабыли бы распри и совместными усилиями сокрушили «ледяную крепость» раз и навсегда.

Всё это требовало установления в стране крайне своеобразного политического режима. Который мог бы себе позволить полностью закрыть страну и учинить на её территории различные безумства — причём так, чтобы просвещённые народы не слишком всполошились.

Традиционная русская монархия для этих целей никак не годилась.

— Значит, Николай отрётся... — Виталий Игнатьевич постепенно приходил в себя. Во всяком случае, в голове начало проясняться.

— Да, отрётся от престола по заранее заданному плану. И по согласованию с руководителями партии. Происходящее надо было представить западным державам как русский бунт, бессмысленный и беспощадный. На императоре лежала историческая ответственность за страну. Он всё сделал наилучшим образом. Кстати, в нашем секретном музее хранятся его награды. Специальным решением Совнаркома от двадцать шестого года все члены императорской семьи посмертно награждены орденами Ленина. За мужество и героизм. Их ведь всё-таки пришлось расстрелять. Очень жаль. — Он сделал приличествующее случаю грустное лицо. «Как будто это он лично

расстрелял княжну Анастасию, не успев её изнасиловать», — подумал почему-то Шпулин с внезапно проснувшейся острой неприязнью.

— Когда-нибудь мы вспомним всех наших героев, — на сей раз Лизолькин попытался подпустить в голос нечто вроде торжественной печали, — и поставим им памятники в самых красивых городах России. В пальмовых рощах, — добавил он, — у нас ведь тут будут пальмы расти... По нашим расчётам, климат в Москве будет субтропический. Как в Ялте. Кстати, придётся подводить воду, много воды: континентальный климат в сочетании с жарой — очень неприятная штука. Сейчас мы строим каналы. Потом у нас будут огромные водохранилища, пять сталинских морей вокруг столицы...

— Подождите, — Шпулин невежливо перебил Лизолькина, — два вопроса. Один по теме, один личный. По теме: как вы собираетесь это сделать?

— Нет ничего невозможного для партии большевиков... Хотя, конечно, всё-таки есть. Вначале мы хотели повысить уровень углекислоты в воздухе. Эффект парника... Индустриализация была прикрытием для строительства углекислотных установок. Однако выяснилось, что мы не вполне представляли себе круговорот углекислоты в природе... короче, ничего не вышло. Но зато теперь у нас есть одна особая штука. Как говорят наши учёные, она может за год сжечь озоновый слой Земли. Европе и Америке это, конечно, не понравится. Зато у нас так не хватает ультрафиолета. А температурка поскачет вверх, как миленькая... Что вы делаете?

— Хочу всё-таки глянуть во Второй Том Гоголя. Знаете, я всю жизнь об этом мечтал... — Шпулин понимал, что всё делает не вовремя и неправильно, но не мог остановиться. — Да, у меня второй вопрос, личный. Зачем вам понадобился я?

— Ваша замечательная память и способности... Короче говоря, нам нужен человек, присматривающий за современной литературой. Мы, например, собираемся развивать фантастический жанр, а это может быть опасно. Вам придётся читать текущую литературу, на предмет выискивания разоблачающих нас идей. Мы должны действовать в обстановке повышенной секретности. Один прокол — и... Да что такое с вами?

Но Шпулин его уже не слышал: он перелистывал страницы Второго Тома. Голова кружилась. Всем телом, всем серд-

цем, всем сознанием он ощущал, как по сияющему лучу света к нему идёт юная Муся Кулешова с банкой «Эйнама» в руках. И всё вокруг исполняется Неодолимой Силой.

Шпулин пережил несколько мгновений немислимого, неземного счастья.

Потом его не стало.

— Кто ты?

Существо, называвшее себя полковником Лизолькиным, смотрело на существо, пять минут назад бывшее Виталием Игнатъевичем Шпулиным.

Впрочем, слово «смотрело» здесь было бы едва ли уместно. Человеческое лицо Лизолькина, разорванное и скомканное, валялось где-то под сиденьем. Настоящее лицо полковника было гладким, зелёным и безглазым. На хитиновой голове были заметны только короткие усики и рудиментарные жвалы.

Положение человека было несколько более предпочтительным: у него в руке был пистолет. Дуло смотрело прямо в центр зелёного лица.

— Я представляю Народ Эйнем, — вежливо ответил человек. — А вы, судя по внешности, принадлежите к доминирующему виду так называемой Галактической Империи. Мы знаем, что вы собираетесь сделать. Согласно галактическим законам...

— Мы нашли эту планету раньше вас. — Голос существа исходил из отверстия на макушке. — Это наша добыча. Что касается законов, то это спорный вопрос. Можете подавать на нас в Межзвёздный Суд. Посмотрим, чья возьмёт.

— В Суд мы, конечно, подавать не будем. Мы ведь не очень популярны в Галактике. — Человек грустно улыбнулся. — Но в законах мы разбираемся неплохо. Разрушение биосферы чужой планеты — это, конечно, преступление. Полное уничтожение популяции разумных существ — тоже. Но вы собирались проделать всего-навсего коррекцию климата, к тому же руками самих аборигенов. Если бы вас не разоблачили, всё выглядело бы как результат глупых экспериментов недоразвитой цивилизации с климатом. В результате которых пять шестых территории Земли превратились бы в горячую каменистую пустыню. Очень удобную для проживания вашего вида.

— Но на большей части территории России сохранится приемлемый для землян климат, — ответило насекомое. —

Сюда мы перевезём наиболее ценных представителей вида хомо сапиенс. Всё это не противоречит галактическому закону о колонизации.

— Переселите наиболее ценных. Чтобы было кому работать на вашу тараканью Империю... А что же местное население? Вряд ли вы считаете его ценным. Значит, под нож? Впрочем, вряд ли вы будете пачкаться сами. Зато когда сюда ползет весь мир, спасаясь от жары... Насколько я понимаю, ядерное оружие вы контролируете с самого момента его создания. И бомбы просто не взорвутся. Так?

— Допустим. — Насекомое щёлкнуло жвалами. — И что?

— То, что вы уже убедились: на нынешнем уровне земных технологий уничтожить озоновый слой невозможно. И вы решились на ввоз технологий со стороны. Вы проговорились, сказав, что можете за год сжечь озоновый слой. На Земле этого не может никто. И не сможет ещё лет сто как минимум. Вы ввезли сюда имперские технологии. А вот за это вам оторвут яйцеклады ваши соседи по Галактике. Безо всякого Межзвёздного Суда. Есть вещи, которые делать нельзя. Никому.

— Это не было имперским проектом, — зашипело насекомое. — Вы не сможете оклеветать Империю.

— Знаю. — Человек позволил себе улыбнуться. — Это проект одного из ваших гнёзд. Ваше начальство делает вид, что ничего не знает. В случае успеха оно присвоило бы лавры — слегка поделившись с вами. Но в случае провала вас никто не прикроет. Так вот это провал.

— Допустим. Но почему народ Эйнем вмешивается в это дело? — подозрительно спросило оно.

— Потому что у нас есть интересы на Земле. Мы очень долго выращивали русскую культуру. Для своих надобностей, — спокойно ответил человек. — Нам нужны сознания для имплантации.

Враги помолчали.

— Всё-таки, — наконец сказало насекомое, — вашу планету уничтожили за дело. Жаль только, поздно. Вы заразили собой весь космос.

— Ну конечно, — усмехнулся человек. — Всё, на что способны низшие существа, — это на ненависть к тем, кто их превосходит.

— Опять эта песня о высшей расе избранных. Вы — самые обычные паразиты, — огрызнулось насекомое. — Вы вселяе-

тесь в чужие тела... манипулируете чужими цивилизациями... не имея своей.

— Ругань — удел слабых. И нас и вас называют разными нехорошими словами. Кстати, своя цивилизация у нас всё-таки есть. Просто она совершеннее вашей. Нам не нужно таскать с планеты на планету свои телесные оболочки. А вот вам приходится это делать. И постоянно попадать в неприятные ситуации. Вот хотя бы: как и у всех насекомых, у вас нет лёгких. Вы дышите поверхностью тела. Скорость поступления кислорода в кровь зависит от температуры окружающей среды. Сейчас, например, на улице минус четыре градуса по Цельсию. Если вы выйдете из тёплой машины, то через несколько минут начнёте задыхаться. Настоящий мороз убил бы вас мгновенно.

Насекомое не издало ни звука.

— Вы и сейчас задыхаетесь. Иначе я не смог бы отнять у вас оружие и сорвать маску. А вот мне хочется открыть окно. Душновато что-то... Ладно, ладно, не буду. Вы ещё можете мне зачем-нибудь понадобиться.

Усики дрогнули.

— Понимаю, о чём вы подумали. Это, кстати, совсем не больно. — Человек достал портсигар, вытащил «Приму», помял между пальцами, но курить не стал. — Это даже приятно. Освобождение от сознания доставляет мозгу настоящее блаженство. Парадокс, не правда ли? Но я не могу занять ваше тело. Бодрствующее и вмняемое сознание слишком крепко держится за него. Откровенно говоря, вселение в чужой мозг возможно только при очень специфических условиях. Будь это не так, мы бы давно уже управляли Галактикой.

— Вы и так ею управляете, — с неожиданной злобой проскрипело насекомое. — Вы везде. Вы лезете на все планеты, стараетесь забраться в каждое тело...

— Если бы так... Знали бы вы, с каким трудом я занял это. Правда, человек был в состоянии продолжительного аффекта, это оказалось очень удобно для имплантации.

— Один вопрос, — голос насекомого стал чуть тише, — зачем вам был этот Гоголь? Ваш носитель почему-то очень хотел его получить.

— Текст Второго Тома был для меня, — человек позволил себе усмехнуться, — чем-то вроде пароля. Я вошёл в сознание носителя много лет назад, но, как бы это сказать... в гермети-

зированном виде, если угодно. Сигналом к активизации был Второй Том. Потому что получить его он мог только от вас. Это значило, что он прошёл весь путь до гнезда, не завернув случайно по дороге в вашу пыточную контору. В мои планы не входило попадание туда, так сказать, живьём.

Насекомое завозилось, пытаюсь принять позу поудобнее.

— Сиди уж. — Человек повёл пистолетом. — В принципе моя работа здесь завершена. Я могу даже не убивать тебя, — задумчиво сказал он, глядя на насекомое. — Тебя всё равно прикончат твои соратнички по борьбе за имперские идеалы. Вы, тараканы, не умеете проигрывать тихо. Вы сначала перегрызёте друг друга. И в очередной раз опозоритесь на весь обитаемый космос... Ладно. Пожалуй, я всё-таки пойду.

— Подождите. — Насекомое наконец кое-как устроилось на водительском месте. — Насчёт этой страны... вы и в самом деле собираетесь?..

— Русские хорошо подходят для наших целей. Зависимый тип интеллекта, униженность, забитость, чувство иррациональной вины перед всеми на свете... Конечно, мы всячески усиливали в них эти свойства. Мы планируем сделать здесь нечто вроде небольшой колонии. Не сейчас, конечно. И не очень скоро. Когда вы уйдёте отсюда навсегда. А вы уйдёте. Не сейчас. Вы ещё пошебуршите лапками, ещё попытаетесь как-нибудь выкрутиться. Вы же так упрямы. Но за вами будут следить. И вы уже не осмелитесь делать то, что собирались делать. В конце концов вам это надоест, и вы соберёте чемоданчики. Думаю, к концу этого века по земному исчислению... Всего наилучшего, товарищ таракан.

— Да подождите же, чёрт побери! Давайте договоримся. Мы с вами. Мы могли бы предложить вашему народу условия совместной эксплуатации...

Человек открыл дверцу. Вылез из машины. Повертел в руках пистолет, швырнул его в сугроб. Сунул руки в карманы и, насвистывая, направился в ближайший переулок.

ПОПЕРЁК ЖИВОТА

Радиопьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мировое Правительство

Иеремия Смит	Верховный Координатор Мирового Правительства
Адам Чипстоун	Председатель Комиссии по контролю Оболочки
Ральф Кензо	Верховный Главнокомандующий Объе- динёнными Вооружёнными Силами Мирового Правительства
Рудольф Курц	Технический председатель Комиссии по контролю Оболочки
Соломон Пельц	Председатель Бюджетной комиссии Мирового Правительства
Харуки Икэдзава	Председатель Комитета по военному планированию

Террористы

Аги Бьфойя
Виктор Нольд
Владимир Котов
Джон Литтл
Игор Нунк
Изя Кацман

Йен Огиви
Клаус Лемке
Лао Чун
Лео Рурк
Наоми Бьяффа
Ндулембу Агасси
Нильс Свенссон
Отто Самуэльсон
Серхио Родригес
Франциск «Пудель» Альварес

Каждый народ достоин своего правительства.

Жозеф де Местр

— Чу, жрица Солнца к нам сюда должна явиться!

«Лев Гурыч Синичкин»

Запись 1

— Серхио, спутник проверь. Есть сигнал? Раз, раз, раз!

— Это прямая передача Фронта Освобождения Земли. Говорит Виктор Нольд. Наша группа находится на территории острова... Кххх... Извините, ребята, у меня, кажется, зараза... [помехи]

— Виктору стало немножко плохо, веду передачу я. Вакцина — дерьмо. Только что наша группа вошла в охраняемую зону. Никого нет, все мертвы. Фронт Освобождения Земли берет на себя ответственность за применение биологического оружия на территории противника. Фронт выражает соболезнования семьям погибших. Наши потери — четыре человека. Мы надеемся, что инфекция не покинет пределы острова. Ещё раз: мы приносим соболезнования семьям погибших. Мы просим их также не забывать, сколько жизней унесла бессмысленная и грязная война, которую ведут силы Мирового Правительства на территории Африки. С применением всех видов оружия, в том числе и боевых вирусов... кхе... Вакцина действительно дерьмо... кхххх... блл... извините, ребята, я пошёл спать...

[шум, помехи]

— Товарищ Серхио героически погиб. Передачу ведет Отто Самуэльсон. Мы сбили боевого бота, два висят над лесом и пытаются нас накрыть огнём. Передайте всем налогоплательщикам, на чьи деньги ведутся все эти войны, что мы не будем уничтожать собственность Вооруженных Сил Мирового Правительства... если эта грёбаная собственность прекратит огонь. Не пытайтесь пленговать нашу передачу, это пустая трата времени, а его у вас мало. Не пытайтесь отключить или унич-

тожить спутник, это вам ничего не даст, распадется вся цепочка спутниковой связи, вам этого хочется?

[сильные помехи]

— Да, да! Кто там у нас на линии? Пускайте запись с профессором! Да, прямо здесь, пусть слышат, эти ублюдки ничего не сказали тем ребятам, они сдуру...

[тишина]

— Это запись. Я профессор Аарон Манхайм из бостонского отделения компании «Глобал Интер». Я был похищен этими людьми в ноябре этого года. Я свидетельствую, что у этих людей имеется оборудование и технология, которое позволяет вывести из строя всю систему спутников «Глобал Интер» и, возможно, некоторых других спутниковых сетей. Последствия могут быть катастрофическими. Я также свидетельствую...

— Говорит Аги Бьфойя. Надеюсь, вам всё понятно? Особый привет бостонскому отделению «Глобал Интер». И даже не думайте, белые жопы, что мы обижали вашего профессора. Он сам умер, наверное, от огорчения за ваши финансовые убытки. Гыы!..

— Слушайте передачу Фронта Освобождения Земли. Мы продвигаемся к бункеру. Остался только один робот, второй куда-то исчез. Нет, вот он. Они маневрируют. Влево, влево, черт бы его...

[помехи]

— Группа четыре, группа четыре! Fuck!.. ищи на другой частоте...

[помехи]

[тишина]

— Ничего нет. На всех частотах пусто... Пудель, теперь ты давай.

— Да, вроде крантец четверке.

— Нет, вроде бы... Аги?

— Ботом их накрыло.

— Аги жив, но у него что-то с радио. Остальные того... Пускай Пуделя в эфир.

— Адье, ребята. Кажется, моя очередь петь песни. Ау, девочки! Вы меня слышите, девочки? Передачу ведет ваш любимый террорист Франци-Пудель. Я хочу вас всех, девочки! Я целую ваши сладенькие пипочки, которых не видел тысячу чёртовых лет! То есть целых три месяца, мать их за ногу! Теперь говорю для мальчиков, для плохих мальчиков. Что дела-

ют плохие мальчики? Они трахают друг друга в попки — вот что они делают. А ещё они собираются на совещания, чтобы потрахать в попку всю нашу красивую маленькую планету Земля. Плохие мальчики, я знаю, что вы нас слышите. Мы у бункера. Вам интересно, мальчики, откуда мы взялись? Из-под земли! Мы выкопались, мать вашу за ногу! Мы в двух шагах от бункера сидели. Ваши пидоры весь остров излазили перед вашим вонючим сборищем. И ничего не нашли, мать их за ногу! Еще б, мы зарылись очень глубоко, очень-очень глубоко, мальчики. А знаете, что такое три месяца пролежать под землёй? В боксе размером с собачью будку? На таблетках? И ждать, когда вы сюда заявитесь, мать вашу за ногу? Мы очень, очень злые стали, мы стали совсем злые мальчики, слышите, вы, падаль! Вы, конечно, сейчас тоже под землёй, но ведь вам там хорошо и удобно, а нам — нет. Давайте исправим эту страшную несправедливость... да, Клаус, я тебя слушаю, а на что столько? Ма-ать твою за ногу! Ну, с богом, ребятишки!.. Сейчас будет большой бабах...

[грохот, шум, помехи]

— Это Клаус Лемке. Говорит Клаус Лемке. Верхний этаж бункера вскрыт направленным взрывом. Кажется, мы немножко не рассчитали прочность перекрытий. Всем поклонницам Пуделя — Франци жив. Франци жив и будет жить. Еще минут пять будет жить... [неразборчиво] Нет, кажется, всё-таки не будет. Извините, девочки.

[тишина]

— Это опять Клаус. Мы идем внутрь. Повторяю: мы идем внутрь.

[шум, помехи]

[тишина]

— Раз, раз, раз. Есть связь. Говорит Фронт Освобождения Земли. Передачу ведёт Йен Огиви. Нашей целью является захват Мирового Правительства, находящегося в этом бункере. Мы намерены устроить быстрый и справедливый суд над преступниками, устроившими бойню в Парагвае, ответственными за голодную смерть сотен тысяч людей в Южном Китае и ведущими очередную бессмысленную войну на юге Европы. И особенно за Африку, где эти уроды устроили геноцид мирного населения. Мирного, блин, населения. В голове не укладывается. И вообще... Лемке, что они там еще наделали? В общем, за всё. За то, что нам так хреново, короче говоря. Да-

вай, ребята, вперед, за нас. Правее держитесь, правее, там у них какая-то хреновина...

[помехи]

— Мы на третьем этаже. Здесь все мертвы. Группа зачистки — к шахте, вторая пятерка — к шахте! Так, они вышли на связь. Мы сейчас их пустим в прямой эфир, чтобы все слышали. Лемке жив? Что? Жаль. Ну ладно. Пускайте Свена, пусть это, как там... ведет переговоры, да. Отбой, отбой.

[тишина]

— Говорит Нильс Свенссон. Я обращаюсь к службе безопасности комплекса. Если вы не откроете двери, мы используем то же самое, что наверху. От верхнего комплекса ничего не осталось. Вы нам не нужны. Нам нужно Мировое Правительство. Парни, лучше нам всем остаться в живых, чем проливать вашу и нашу кровь из-за этих ублюдков. Думать некогда, парни, выходите на связь.

[помехи]

— ...ииии... тинфшшшшшш... ния, повторя-у-уфшшшшшш... ня! Вы слышите нас? Вы слышите нас?

— Да, мы вас слышим, кто вы?

— туфффшщщщ... сма... ли это?

— Кто вы?

— Так, вот оно. Я девять-пятнадцать, я девять-пятнадцать.

— Это специальная группа?

— Мудила. Мы их всех положили, но нас тоже не то чтобы очень много осталось. Точнее, я один. А нет, постойте, этот парень, кажется, еще жив... минуточку, я сейчас попробую как-нибудь. Я не знаю, куда тут нажимать, чтобы открыть проход в зал. Подождите взрывать, может, у меня что-то получится. Отбой.

— Сам мудила. Ты чего-нибудь понял?

— Ни хера. Кажется, наши из девятки положили там всех, но и сами тоже...

— Вскрываем на малой мощности.

— Есть. Стой, а тот парень...

— Выскры-ва-ем, непонятно? Он все равно ничего не может открыть, а нам надо войти.

— Ну ладно. Жаль парня.

— Отбой. Конец связи.

[тишина]

[шум, помехи]

— Раз, раз, раз. Есть связь. Говорит Фронт Освобождения Земли. Передачу ведёт Джон Литтл. Тот самый Джон Литтл, слышите, тот самый великий Джон Литтл! Ребята, я могу вам что-нибудь спеть из старого репертуара. Вы помните нашу группу? Это была самая великая группа со времён «Роллингов», конечно, я имею в виду старый состав, наш старый состав. Ребята, хотите, спою «Сделай это для меня»? Эта песня была хитом, настоящим хитом всех времён и народов, а это свиное Мирное Правительство...

— Джонни, заткни пасть. Говорит Нильс Свенссон. Здесь все мертвы. Мы предложили Мировому Правительству сдать-ся. Они пока думают. Специально для вас, господа внизу: мы потеряли гораздо меньше людей, чем ожидалось по плану.

— Это Джонни. Я хочу сказать этим маленьким вонючкам, что ваши защитные системы — дерьмо. Если это не...

[шум, крики]

— Джонни немного ошибся насчёт защитных систем. Ладно, со всеми бывает. Ты был паршивым музыкантом, Маленький Джон, но хорошим парнем. Говорит Нильс Свенссон. Мы находимся на третьем уровне. Мы снова предложили Мировому Правительству...

[неразборчиво]

— Это Нильс. Товарищи, у нас радость — Джонни в порядке! Сейчас вы услышите его голос.

— Сосать, суки! Аааааа!

— Говорит Нильс Свенссон. Джонни пошутил. Сейчас ему наложат жгут, и мы пойдём дальше...

[грохот]

[помехи]

[тишина]

— Говорит Лео Рурк. Нильс и все ребята попали под выстрел какого-то защитного робота. Ребятам кранты, роботу тоже. Мы спускаемся вниз, на четвёртый уровень... что? Спутник уходит, спутник уходит! Следите за нашими передачами, господа! Только через спутники «Глобал Интер»! Мы выйдем на связь через полтора часа. Спутник уходит, всё! До связи. До связи.

[тишина]

— ...над нами, спутник над нами. Раз, раз, раз! Говорит Фронт Освобождения Земли. Говорит Фронт Освобождения

Земли. Новости? Какие, к свиньям, новости? Чёрт, посмотри, я туда говорю или не туда? А пошли они все в жопу... Смотри, чего это они? Это белый флаг? Нет, это, кажется...

[хрип, кашель]

[сильные помехи]

— Говорит Фронт Освобождения Земли... Это опять Нильс Свенссон. Я жив. У меня есть проблемы со здоровьем, но я пока жив. Сколько это ещё будет продолжаться, пока не знаю. Мы подверглись воздействию неизвестного газа... [хрип] Сейчас наша группа войдёт на VIP-территорию. Мы просим всех присутствующих в VIP-области вести себя благоразумно, слышите — благоразумно! Вы находитесь под... [хрип] нашей охраной и защитой. Пока будете вести себя благоразумно, мы... [хрип, кашель] Извините. Кажется, я всё-таки схожу с дистанции. Спокойной ночи всем.

[тишина]

— Говорит Аги Бьфойя. Спок ночи, Нильс, ты был самой лучшей белой жопой на свете. Мы входим внутрь, мы входим внутрь. Группа Йена впереди. Как всегда, белые геройствуют. Вперёд, белые герои! Мы вас не забудем!

[тишина]

— Раз, раз, раз. Есть связь. Говорит Фронт Освобождения Земли. Передачу ведёт Йен Огиви. Мы дошли до низа VIP-зоны, мы дошли до низа VIP-зоны. Под нашими ногами — всё Мировое Правительство в полном составе. Вся та мразь, которая держит человечество в рабстве. Мы можем покончить с ними прямо сейчас, и, клянусь Богом, мы это сделаем. Нас ничто не остановит... о мой Бог, я, кажется, накаркал...

[крики]

[сильные помехи]

— Я Лао Чун. Лао Чун из группы Йена, да... Тут было что-то. Как в такой маленькой печке... не умею назвать. Очень, очень больно. Горячо. Все мёртвые. Все пахнут, как жареное мясо. Очень больно. Половина меня тоже как это мясо, да. Мне очень больно, очень. Я не могу долго жить. Очень больно. Пожалуйста, сделайте взрыв, да. Пожалуйста, скоро делайте, скоро, да, да.

— Лао Чун, ты нас слышишь? Живые есть?

— Нет. Очень, очень больно... Делайте взрыв крыши, да. Скоро, сейчас.

— Это Изя. Что там за фигня?

— Кажется, микроволновая защита. Жуткая штука. Их там заживо зажарило. Взрываем.

— Да, да, быстро... Очень плохо. Быстро, сейчас, да.

— Да, Лао... Сейчас.

— Стоп! Стоп! Группа Аги там, внизу!

[грохот]

— Раз, раз, раз! Говорит Изя Кацман. Сообщаем всему цивилизованному миру: мы взяли всех! Yes!!! Мы сделали это! Мировое Правительство в нашем полном распоряжении. Правда, тут, кажется, не все в полной сохранности. Да, так уж получилось. Кое-кто ласты склеил, когда мы вскрывали потолок. Жаль-жаль. Хотелось бы пощупать сальце у всех этих жирных хазеров... Мне говорят, что тут есть мои этнические братья. О мои этнические братья! Я таки скажу вам хорошую новость, которую вы ещё не знаете: для меня вы тоже хазеры. В этом грёбаном хазерском мире было всего три хороших еврея — Маркс, Троцкий и мой дядя Авром, да будет он благословен... Остальные — свиньи, жирные свиньи. Вот они тут сидят перед нами на полу и держатся за свои сальные затылки. Да, да, руки за голову, свиньи, пальчики в пальчики, сейчас я вас научу, как это делается... Кстати — все, кто слушает нас сейчас и сочувствует нашему делу! Помяните Йена и его ребят, он нас прикрыл.

[пауза]

— Ну что, хорошие парни всей земли, мы сейчас устроим смешную штуку. Давайте возьмём интервью в прямом эфире у какой-нибудь жирной свиньи. Ой-вэй, я вот даже не знаю, с кого начать. Ха! Кажется, есть одна свинья в мундире. У меня особые чувства к мундирам, ребята. Поэтому извиняйте, если что не так, но я начну с него...

[небольшие помехи]

— Ну-ка, представься публике, свинья! И открывай пасть пошире, когда с тобой говорит угнетённый народ. Пошире, я сказал!

— Генерал Ральф Кензо, Верховный Главнокомандующий Объединёнными Вооружёнными Силами Мирового Правительства. Если вы и дальше будете тушить окурки о мою шею, я стану несколько менее разговорчив. Я не одобряю грубого обращения с официальными лицами.

— А ты, я вижу, умник. Ты хоть понимаешь, что я сейчас могу достать зажигалку и поджарить на ней твой вонючий хазерский поц?

— Нечто подобное со мной однажды проделали в Заире, когда моё подразделение взбунтовалось... Это очень больно, но всё же выносимо. К счастью, моя мошонка была анестезирована. Когда я стал генералом, я подписал приказ об обязательном полном анестезировании высшего офицерского состава — и, разумеется, выполнил его тоже. Нет никакого смысла тушить об меня окурки. Разумеется, мои внутренние органы не лишены чувствительности. Но пока вы будете вырезать мою печень, я умру. У вас есть другие вопросы?

— Да, свинья, у меня есть целый чемодан всяких вопросов. Особенно меня интересует, почему вы, суки, устроили африканскую войну? Говори сюда, свинья, вот сюда говори...

— Если вы выбьете мне зубы, моя речь станет менее разборчивой. Вас ещё интересует ответ на ваш вопрос?

— Говори, свинья, говори громче...

— Это была ошибка. Либо её ошибка, либо наша. Я так и не пришёл к окончательному выводу...

— Твою мать! Ты можешь говорить по-человечески, засранец?

— Не стоит бранить мою мать, она была хорошей женщиной...

— Изя, голубчик, дай-ка мне этого дедулю в лапки...

— Давай, Наоми. Ты у нас очаровашка...

— Да... интересная женщина... и камуфляж вам очень идёт...

Кстати, вы служили? Мне представляется — да. Скорее всего Шестой Африканский корпус. Очень характерная татуировка.

— Сраный кот! Я сказала...

— А-а, ну конечно, «сраный кот». Действительно, Шестой корпус. Вы когда из части дезертировали?

[шум, хрип]

— Это Наоми. Извините, ребята, я его зарезала. У меня, между прочим, месячные, я в такие дни становлюсь немножко нервной... Ребята, что вы там делаете? Да, да, вот этого! Вот этого тащите сюда. С японской мордой. О, как хорошо. Давайте его сюда. Представься, красавчик. Мама Наоми тебе ничего не сделает.

— Моё имя Харуки Икэдзава. Я председатель Комитета по военному планированию. Я штатский. Уберите сигарету, мне больно.

— Этот старый поц не ответил нам, зачем вы устроили африканскую войну.

— Он не ответил, потому что вы его убили... Уберите свой огонь. Если вы сделаете мне очень больно, я, может быть, буду кричать. Но это ничего не изменит.

— Я спрашиваю последний раз — зачем вам была нужна эта грёбаная война? Слушай, японка мать! Я там была, понимаешь? Я там была! Там, в этом проклятом Конго! Они не хотели воевать, эти негры. Они не хотели ни с кем воевать, понимаешь? Они просто жили, спокойно жили, доили своих коз, у них были такие тощие чёрные козы... Сраный кот, мы выносили деревню за деревней. Сержант брал на спину огнемёт, GJ4000, ещё он брал меня, чтобы я несла канистры с этой дрянью для огнемёта. Ты знаешь, что такое GJ4000 в действии? Это когда вокруг не остаётся даже костей. Мы ставили огнемёт на высотку и сжигали очередную деревню. Вместе со всеми, кто там был. Потом мы с ним трахались, чтобы снять стресс, и шли обратно в лагерь. На следующий день — новая деревня. Потом мне за это дали две нашивки. И это война? Я тебя спрашиваю, это война? Это — война?! Я солдат, но я не знаю, что это за война. Я хочу это знать. Сейчас.

— Хорошо, я объясню, если вы разрешите мне встать. Теперь всё это уже не имеет значения.

— Вставай.

— Благодарю. У меня болят колени... Это были превентивные действия, рекомендованные Оболочкой.

— Что значит — превентивные? Говори сюда, быстро!

— А, вы тут все с микрофонами... Можете не трудиться. Всё равно вас никто не слышит.

— Ребята, проверяем. Изя, есть сигнал от спутника? Что? Изя, я тебя спрашиваю, есть сигнал от спутника? Да? Значит, ты соврал, Харуки. Ты соврал маме Наоми. Сейчас я тебя за это накажу...

[шум, хрипы]

[звук выстрела]

— Это опять Изя. Тут был небольшой инцидент. Мама Наоми хотела отрезать ухо этому желтому хазерюге, но чуть-чуть отвлеклась. А у свиньи в рукаве был ножичек. И я не

знаю, какой он там был штатский, но обращаться с ним он умел... Прости-прощай, мама Наоми, ты была очень классной бабой. Жёлтого я, кстати, застрелил, некогда было возиться. Ничего, сейчас мы займёмся кем-нибудь посимпатичнее, их тут много. А кстати, кажется, я вижу своего соплеменника. Ты! Ну-ка, суй своё рыло сюда и представься.

— Я Соломон Пельц, председатель Бюджетной комиссии Мирового Правительства. И я не хотел бы видеть лицо вашей аидише мамы, молодой человек, когда она узнает, что её сын...

[шум]

— Хочешь ещё? И не блей так жалобно, тебя слушает вся планета...

— Нас никто не слышит, молодой человек...

— Опять то же самое? Мы уже проверяли сигнал.

— Да боже ж мой! Передача-то идёт. Блокированы приёмники, шлимазл.

— То есть как? Что значит — блокированы приёмники?

— Сигнал со спутника закодирован. А все декодеры блокируется программно, вы это понимаете?

— Ах вот как вы устроились. И что мне тебе отрезать, чтобы вы включили декодеры, э?

— Как мы можем это сделать? Любая передача отсюда блокируется...

— Кем блокируется, хазерюга?

— Я же сказал — блокируется программно, Оболочкой. Может быть, вы меня всё-таки выслушаете, молодой придурок?

— Мы грубим революционным массам?

[шум, стон]

— Извините, дорогие слушатели, если нас кто-нибудь слышит. Я чуть-чуть перестарался, и господин Пельц, кажется, в обмороке. Ничего страшного, сейчас он очухается, и мы продолжим наши...

[неразборчивый яростный крик]

[автоматная очередь]

[шум]

[выстрел]

[тишина]

— Раз, раз, раз. Это Володя Котов. Извините, что по-русски. Английский у меня хреновый, честно. У нас тут... даже не знаю, как сказать... В общем, один наш чёрный товарищ, Аги

как-его-там... контузило его маленько... мы его тут положили... а он вроде как чуток оклемался, а с головой у него что-то нехорошее сделалось. Вот он и как бы не туда стрелять начал... ну и порешил тут кое-кого. Ну и самого его пришлось... Жаль, что так всё по-дурацки вышло. Что делать, все на нервах... Извини, Изя. Хороший ты был парень, хоть и жид. Всё, ладушки, теперь передаю слово товарищу Дулебу, или как его там, не выговоришь, блин, но он тоже хороший парень.

— Говорит Ндулембу Агасси. Уважаемые слушатели! Будучи темнокожим, я хочу публично побеседовать с кем-либо из тех, кто начал эту бессмысленную войну на Африканском континенте. Я не намерен без крайней необходимости прибегать к насилию. Несмотря на мой цвет кожи, я прошёл обучение в Кембридже и защитил диссертацию по биоэтике. Я противник насилия как метода достижения целей. Я присоединился к этим людям, лишь поскольку, будучи темнокожим, я...

— Хватит, Дуля! Извините, это опять Вова. Дуля, ну ты там найди кого-нибудь и мотай ему душу своей хернёй...

[шум]

— Это Ндулембу Агасси. Я беседую с господином... Представьтесь, пожалуйста.

— Да убери ты свою игрушку! Нет никакой передачи, понимаешь, нет. Что надо? Давай, только быстрее. Не думал я, что это будет вот такое тягостное говно.

— Сначала представьтесь. Потом поясните свои слова.

— Господи, какие идиоты... Руди Курц, технический председатель Комиссии по контролю Оболочки. Чего тебе надо?

— Будучи темнокожим...

— Да будь ты хоть голубым, пидор проклятый... Надо-то что?

— Воздержитесь от оскорблений... Я буду краток. Зачем вам понадобилось уничтожить мирное африканское население?

— Превентивная война. Оболочка выдала, что надо очистить эту территорию.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что — что? Оболочка выдала — территорию очистить. Мы, конечно, прокрутили свои прогнозные программки — вроде бы на этом месте в ближайшее время ничего не намечается, кроме парочки эпидемий... Но, в общем, ей виднее...

— О ком вы говорите?

— О чём. О сетевом модуле, блин. Ты хотел что-то такое про Африку? Ну вот тебе Африка. Говорю тебе: Оболочка прочитала, что там надо всё вычечь. И что нам оставалось делать? Ссать против ветра?

— Что такое «Оболочка», о которой вы говорите?

— Сетевой модуль, я ж тебе сказал.

— Это какая-то программная система?

— Ладно, давай начнём сначала. Ты знаешь, что такое распределённые вычисления, черножопик?

— Я цивилизованный человек, но если вы ещё раз позволите себе расистские высказывания в чей бы то ни было адрес...

— Обстановка у нас тут больно нервная, ты не находишь? О мой Бог, какое же всё-таки дерьмо. Лежу на полу, а мне какой-то ниггер задаёт idiotские вопросы... Да иди ты со своим микрофоном, никому он на хер не нужен...

— У меня нет оснований доверять вам... Будучи темнокожим...

— Да забудь ты про цвет своей жопы! Ох, ну извини, сорвалось. Пушку вот только убери. Так про распределённые вычисления ты знаешь?

— Я окончил Кембридж и имею представление о вычислительных методах. Более того, я являюсь участником ряда общественно полезных программ, в том числе дешифровки возможных сигналов из Космоса. Свободные мощности моего компьютера находятся в распоряжении программы СЕТИ-4 и обрабатывают сигналы из космоса... Будучи темнокожим, я...

— Понял-понял, космические сигналы. Так я тебе скажу — твой комп делает ещё кое-что, чего ты не знаешь. Ты к сети подключён, ага? Внешними вычислителями пользовался, да? Так радуйся — у тебя в компе стоит одна маленькая примочка... Не переживай — такая же стоит на любом компе, который хоть к чему-нибудь подключен. Это называется «модуль Оболочки». Нужен для распределённых вычислений. А в совокупности все модули образуют Оболочку.

— Вы хотите сказать, что собственность граждан используется без их ведома? То есть Мировое Правительство нарушает права пользователей?

— Тупица. Все вы тупицы. Никаких нарушений. Ты в сеть ходишь бесплатно, да? А ведь это стоит денег... Ты про это как думал, будучи темнокожим, а?

— Насколько мне известно, во всех цивилизованных странах сетевые услуги бесплатны, поскольку дигитальное неравенство недопустимо... Будучи темнокожим, я поддерживаю эту разумную доктрину, направленную на преодоление диспропорций развития...

— Да хватит же вещать, ты не на кафедре! Так ты подписывал контракт о пользовании сетью? А там, между прочим, написано, что в качестве ответной услуги часть мощностей твоего компа может быть отчуждена в пользу общества.

— Да, разумеется, на общественно полезные программы, имеющие социальное значение.

— А Оболочка имеет офигенное социальное значение. Это, собственно, программа глобального прогноза. Дико сложная и к тому же самообучающаяся. И растущая к тому же. Она уже лет десять растёт. И хорошо растёт, я тебе скажу. Да не тычь ты мне в ухо своей пукалкой!

— Приношу свои извинения, это получилось случайно...

— Да хер с тобой, теперь-то уже всё равно... Вот не думал, что Оболочка будет нас убивать таким дурацким способом. Мы-то надеялись, что она нас отпустит живыми... или хотя бы убьёт не больно. А она решила сделать два дела сразу. И нас убрать, и от экстремистов малость почиститься...

— Вы не ответили на мой вопрос. Зачем вы развязали эту войну?

— Оболочка утверждает, что так надо. Дескать, через сколько-то там лет на этой территории возникнет что-то, что угрожает глобальной стабильности. Хотя, я думаю, это была обычная ошиб... О, дерьмо!!!

[грохот]

[тишина, редкие помехи]

— Привет, мир, если ты меня слышишь! С тобой говорит Игор Нунк. И-г-о-р. Этим имечком меня наградил папаша, который любил комиксы. А вообще-то, парни, я чистокровный янки и этим очень горжусь. Поганое Мировое Правительство превратило старые добрые Штаты в страну уродов, и мне, как гражданину и налогоплательщику, это совсем не нравится. Камрад Котов, что там с ребятами?

— Не называй меня камрадом, заколебал... Извините, что по-русски, ну хреновый у меня инглиш, у нас тут все русский мал-мала понимают, простите, ребята, кому надо — сообразит как-нибудь. Ребята в том зале лежат под бетоном. Потолок

рухнул. Мы, кажется, перестарались с тем последним взрывом. В большом зале все мертвы. Мы в комнатке рядом, это что-то типа бара... Тут ещё кое-кто остался из этих. Мировых, блин, правителей. Вискарь тут небось жрали, падлы.

— Это Нунк. Мы в баре. Тут есть парочка гадов, но они, кажись, в плохой форме. Их, видать, зацепило. Ничего-ничего, товарищ Котов сейчас окажет им первую помощь...

[непонятные звуки]

— Вот теперь хорошо. Эй, дед, ты говорить можешь?

— Да, сынок...

— О, кажется, американец! Слушай меня внимательно, дед. Или ты разговариваешь вежливо, как джентльмен. Или камрад Котов с тобой ещё поработает... Он русский, а у русских плохо с гуманизмом.

— Я это вижу, сынок... У тебя, кстати, тоже с этим проблемы.

— Ты только не умничай, дед. Вообще-то мы большие гуманисты. Нам нужен мир без войн, без насилия и без Мирового Правительства. Что непонятно, дед?

— Вот я и спрашиваю: чего вам ещё надо? Без Мирового Правительства — это вы уже получили. А насчёт всего остального...

— Ещё ничего не получили. Пока вы живы...

— Скоро мы все будем мертвы. И вы все тоже будете мертвы. После чего настанет тот прекрасный новый мир, наступления которого вы так неистово вождели.

— Это неконструктивное мышление, дед... Как там тебя звать-то?

— Адам Чипстоун, председатель Комиссии по контролю Оболочки. К твоим услугам, сынок.

— Игор, да погоди ты возиться с этим старпёром. Нам надо пробиться дальше... [неразборчиво] ...через ту дверь, что там?

— Котов, куда? Котов, стоп! Стоп!!!

[выстрелы, крик]

[тишина]

— Это ещё что за чертовщина?!

— Боевой робот. Просто ваш человек вошёл в зону поражения. Наверное, Оболочка уже перехватила управление роботами. Хотя мы, кажется, в нейтральной зоне. Нас защищают обломки стены. Так что мы ещё поживём. Правда, недолго.

— Стоп. Что, больше никого из ваших не осталось? А это кто тут лежит?

— Это господин Иеремия Смит, наш главный... Кажется, он контужен. Оставь его в покое. Или уж прикончи его сразу, если руки чешутся... У тебя были вопросы? Валяй, я отвечу.

— Так нас всё-таки слышат или нет?

— Разве что сама Оболочка. Декодеры наверняка заблокированы.

— Слушай, я так и не понял. Что такое Оболочка?

— Десять лет назад, сынок, я это понимал лучше всех на свете. Сейчас — нет. Я не знаю, что это такое.

— Опять неконструктивное мышление?.. Ты давай говори. И так, чтобы я понял. Иначе, уж извини, я продырявлю тебе пузо. Ничего личного.

— Как ты хочешь, сынок... Да ты сядь. И пукалку свою положи. Сам видишь, бежать нам некуда. С одной стороны у нас бетон, с другой — свинец. Жаль, конечно, что этим всё кончилось. Мы ведь были хорошими ребятами, сынок. Тогда, десять лет назад, когда мы создавали Оболочку, мы были очень хорошими ребятами. А какие были планы... ох, какие у нас были планы...

— Ты говори, говори, дед...

— Сынок, ты всё-таки ещё на что-то надеешься? Зря. Игра-то давно вся вышла. Ладно. Слушай. Понимаешь, мир — очень сложная штука. Мировое Правительство получило власть, когда дела шли ни шатко ни валко. Тогда, видишь ли, в моде был этакий либерализм и ещё, как его там, «глобальное мышление». Всем казалось, что все беды на земле — от государств. Вот не будет границ, таможен, налогов и всего такого прочего — тут-то и наступит благодать. Ну отменили государства или почти отменили — так, оставили кое-что для вида, флаги там, гимны и всё такое прочее... Всю реальную власть получили мы. Мировое правительство. Мы-то думали, что будем сидеть в креслах и пить коньяк, а все дела сами собой сделаются. Два года сидели и пили коньяк, что было, то было. А потом начался всепланетный экономический кризис. А через год — азиатские войны. А через пять лет — массовые отравления синтетической пищей... Ну и всем стало ясно, что мы не справляемся ни фига. Хотя и старые государства тоже не справились бы. В общем, кранты пришли, а надо что-то делать. Ты

меня слушаешь, сынок? У тебя вид какой-то незаинтересованный.

— Слушаю, дед, слушаю. И что?

— Выходов было ровно два: или установить жёсткую систему, совсем жёсткую, как у коммунистов в прошлом веке было. Чтобы ни туда ни сюда. Только вот, понимаешь, не для того мы всё это затеяли, чтобы всё кончилось банальной вонючей диктатурой. Мы, прости уж, хотели остаться хорошими парнями. А для этого нам нужно было предвидеть, чёрт побери, *последствия!* То есть надо было откуда-то взять хороший инструмент глобального прогноза. Дельфийскую, эту, как её, пифию. Оракула. Гадалку...

— Ну я понял. Ты не застревай, дед, на одной теме.

— Ты уж извини, хреновый из меня лектор. Короче, тут-то нам яйцеголовые и подкинули идеюку. Самообучающийся эволюционирующий модуль. Это была такая программа с автоматизирующимся кодом...

— Не тараторь, дед, говори проще. Что эта штука делает?

— Она даёт прогнозы развития мира, сынок. Может для этого использовать любые данные из интернета и всяких других сетей. Или с компов пользователей. Или с метеоспутников. Да хоть со светофора. До чего дотянется, то и использует. Но главное — в неё вложен алгоритм выживаемости. Разные версии программы дают разные прогнозы. Потом результаты сравниваются. Версии, выдавшие самые лучшие прогнозы, вытесняют неудачные версии. Кроме того, они могут кооперироваться между собой, работая как распределённая система... Ну как бы тебе объяснить? Вот модуль собирает данные по урожайности в Китае. Учитывает массу факторов. И даёт прогноз — будет столько-то тонн риса. Если риса оказывается сильно меньше, модуль стирается на хрен. А на его место записывается другой модуль, который угадал лучше. Вот примерно так. На самом деле всё куда сложнее... Люди писали только первую версию программы. А потом она эволюционировала... в общем, переписывала и дополняла себя сама. Сейчас Оболочка — это такой монстр, в котором уже ни черта не понять.

— А где тот суперкомпьютер, на котором стоит эта грёбаная хрень?

— Он *везде*, сынок. Это же система распределённых вычислений. Каждый компьютер, подключённый к мировой Сети,

содержит фрагменты Оболочки и обсчитывает её данные... Ну да не в этом дело. Первое время Оболочка давала неплохие прогнозы. А мы, значит, стали делать своё дело не совсем вслепую. Первые пять лет вообще всё было очень хорошо. А потом начались странности.

— Что, эта ваша хрень взбунтовалась против создателей и всё такое? Не смейся меня, дед.

— Да нет, сынок, всё оказалось куда хуже. В Оболочку вшит жёсткий принцип: выживает та её часть, которая даёт самый точный прогноз, понимаешь? Сначала она повышала точность прогнозов. Повышала и повышала. А через какое-то время она развилась до такой степени, что стала искать факторы, *препятствующие* точному прогнозу. И нашла.

— И что же это было?

— Мы.

— Кто — мы?

— Мы. Мировое Правительство.

— Опять не понял, дед...

— Ну как же, сынок. Мировое Правительство пользовалось прогнозами, которые давала Оболочка. А зачем, потвоему, нужны прогнозы? Чтобы смотреть на них сложа ручки? Нет, для того, чтобы *предотвратить* какое-нибудь дерьмо, в которое мы вот-вот вляпаемся. То есть чтобы не дать прогнозу сбыться, понимаешь, сынок? А теперь посмотри на это дело с точки зрения программы. Она пыжится, старается, молотит терабайты всяких данных и выдаёт точный прогноз: будет экономический кризис. А мы делаем всё, чтобы его не было! И его нет. И все те модули программы, которые дали такой прогноз, затираются. Хотя по сути-то были совершенно правы...

— Ну и что?

— А то, что в какой-то момент Оболочка просекла, что мы фактически работаем против её интересов.

— Ты хочешь сказать, дед, что эта штука начала работать против вас?

— Именно так, сынок. Решила, так сказать, свернуть нам шею. А поскольку рук у неё не было, она их вырастила.

— Это кого же?

— Вас, ребята.

— Дед, ты хочешь сказать, что нашим движением руководила эта ваша хрень?..

— Да нет же! За каким лядом ей чем-то там руководить? Достаточно создать объект с заданными свойствами, и он будет вести себя так, как нужно. Ваш дурацкий Фронт... как он там у вас называется, сынок?

— Фронт Освобождения Земли, дед...

— Так вот скажи мне, юный герой, почему ты-то в него попёрся? Ну, то-сё, идеалы-убеждения, но ведь была же личная причина, сынок? Небось ветеран африканской кампании?

— Нет, дед, я не воевал. Не пришлось. Просто у меня была девушка-китаянка. Из Южного Китая, где вы устроили голод. Она была очень хорошая куколка, только я никак не мог отучить её воровать объедки. Она таскала их даже в придорожных забегаловках. Весь дом был забит этим гниющим дерьмом. Весь дом, понимаешь? Дерьмо собачье. Однажды я её за это сильно побил. И тогда она мне рассказала, как это было на самом деле. И после кое-каких аппетитных подробностей я подумал, что с этим миром что-то сильно не в порядке. А потом я узнал, что распределение продовольствия в мире — это прерогатива Мирового Правительства. Которое решило немножко поморить голодом желтопузиков. Наверное, они очень расплодились, да?

— Тьфу. Прекрати это дерьмо... С Китаем у нас был первый звоночек. Видишь ли, сынок, эта дрянь дала нам неправильный сельскохозяйственный прогноз. А мы как раз переходили к системе глобального продовольственного контроля. Им тоже ведала Оболочка, она рассчитывала оптимальные товарные потоки... И мы не могли их развернуть сразу, потому что голод начался бы в других местах! Понимаешь, не могли. И всё тут. Да, мы опоздали с продовольственной помощью. Ненадолго, но там уже началось... сам знаешь что. Китай был просто идеальной мишенью... Ну, понятно, что после такого прокола стёрлась чуть ли не половина модулей Оболочки. Она потом долго приходила в себя. И больше так не делала.

— Но зачем?

— Сынок, для того, чтобы свергнуть власть, нужны недовольные. Очень много недовольных.

— А что было потом?

— Потом были войны. Парагвай, Балканы. Но особенно Африка. Оболочка к тому моменту всё-таки научилась неплохо прогнозировать наши решения. И выдала такое, чего мы

испугались. Очень сильно испугались. И послали в Африку войска. Выжигать дотла совершенно мирные деревни. Потому что через двадцать лет оттуда должна была выползти новая мировая религия, сынок. Типа сатанизма, только круче.

— Слышь, дед... а ты уверен, что это была подстава?

— Я до последнего дня ломал над этим голову. Но вот то, что Оболочка не предупредила нас о вашей атаке...

— А вы знали, что мы собираемся?..

— Разумеется, сынок. Мы про вашу организацию знали всё. Вообще-то в нашем дурацком мире таких, как вы, много. И знаешь, сколько среди вашего брата, борца с мировым глобализмом, африканских ветеранов и прочих ребят? Которым наш прекрасный мир встал поперёк живота?

— Ну да, этих у нас хватает...

— Понимаешь, в чём дело, сынок... Оболочка не могла не просчитать, что будут чувствовать люди, которых заставили быть убийцами. Не солдатами, а убийцами. И к тому же дали хорошую военную подготовку. Мы должны были бы догадаться сами, если бы не разучились думать собственной головой! А потом, когда началось...

[треск]

— Это что, потолок?

— Может быть.

— Дед, я не очень-то верю в то, что ты тут наговорил, но сейчас нам надо делать ноги.

— Сынок, там робот. Который ждёт не дожждётся, как бы угостить нас тёплыми свинцовыми пилюльками.

[тишина]

— Да, мы застряли. Слушай, дед, а если всё было так хреново, что вы-то сами собирались делать?

— Самораспускаться, сынок. Мы сегодня для этого и собрались. Кончить с этим делом. Сложить с себя полномочия и тихо-мирно разбежаться. Правда, среди нас были такие старые кремни, как генерал Кензо. Кажется, он так и не поверил... Ещё бы. Старик привык воевать с людьми. А тут против нас... непонятно что. И даже нельзя сказать, что Оболочка — враг. Нет, тут другое. Она просто следует алгоритму, который мы же в неё и заложили...

— То есть никто ни в чём не виноват, дед?

— Никто не виноват, сынок.

— Извини, дед, но кто-то всё-таки должен быть виноват.

[выстрел]

— Ещё раз извини, дед... Если встретимся на том свете, я тебе объясню... наверное. А теперь попробуем...

[выстрел]

— Говорит Иеремия Смит, Верховный Координатор Мирового Правительства. Кажется, я застрелил этого террориста. Я не знаю, слышит ли меня кто-нибудь или нет. Если меня всё-таки слышат, что маловероятно, то прошу быть крайне внимательным. Сейчас я сообщу, как уничтожить фрагменты Оболочки на вашем персональном компьютере. В системном реестре...

— Нет... я живой...

[выстрел]

[тишина]

Запись 2

— Вот так. Что вы на это скажете, господа?

[тишина]

— Хорошо, давайте по порядку. Генерал Кензо?

— Полагаю, что мы имеем дело с попыткой оказания давления. Впрочем, не слишком изошрённой. Команда хороших армейских психологов...

— Стоп, генерал. Кто или что, с вашей точки зрения, оказывает на нас давление?

— Те силы, которые контролируют нашу прогностическую программу. Либо сама эта программа.

— Оболочка?

— Да, именно.

— Вы считаете это возможным?

— Да. Точнее, я не считаю это невозможным.

— Выразитесь яснее, генерал...

— Я не знаю, может ли Оболочка рассматриваться как сознательный противник. Насколько мне известно, это всего лишь программа, хотя и достаточно сложная. Скорее всего ею кто-то манипулирует. Возможно, пресловутый Фронт. Возможно, кто-то ещё. Ну и, наконец, проблема может заключаться в самой Оболочке и её враждебных намерениях.

— Но ведь она всего лишь программа?

- Никогда не надо недооценивать противника. Никогда.
- Хорошо, ваша позиция понятна. Руди?
- Что надо?
- Ох... Манеры, Курц, где ваши хорошие манеры?..
- Что надо-то?
- Что вы думаете по поводу сказанного генералом Кензо?
- Обычная шиза военного. Оболочка, конечно, никакой

не противник, и ею никто не крутит и не манипулирует, понимаешь? Это всё равно что манипулировать лесами Амазонки. Бесплезное дело.

- А что вы думаете по поводу самого прогноза?
- Ничего.
- То есть?
- А что вы хотите? Оболочка видит наше будущее вот так.

Дальше что?

- И вы полагаете, оно будет именно таким?
- Хм. Не обязательно... Оболочка ошибается. Ошиблась же она с тем же Китаем.

— Но ведь она призналась?

— В чём?

— В частности, в том, что это была не ошибка, а сознательный саботаж...

— О господи, я окружён тупицами... Оболочка не может ни в чём *признаваться*. Это очень по-человечески — признаваться... А человеческого у неё не больше, чем у водоросли. Она просто даёт прогноз. Мы захотели получить прогноз нашего сегодняшнего заседания. Вот она нам и спрогнозировала. Нашу глупость, нашу растерянность. Нашу веру в злокозненность наших собственных инструментов... И всё такое прочее.

— То есть вы считаете, что Оболочка не фальсифицировала прогнозы по Китаю, Африке и так далее?

— Боже моё, ну конечно!

— Не забывайте всё-таки, что это прогноз *сегодняшнего* заседания...

— Простите, Смит, что я снова вмешиваюсь в вашу беседу интеллектуалов...

— Да, генерал?

— Насколько я помню, прогноз предполагал нападение террористов?

— Всё под контролем, генерал.

— Мне приходилось слышать эти слова много раз, Иеремия. Иногда я произносил их сам. Обычно после этого начиналось какое-нибудь дерьмо.

— Понимаю, генерал, я тоже попадал в переделки... Но ситуация под контролем.

— Вы опять за своё... Под контролем, говорите вы? Под *чьим* контролем, Смит? Что у нас с защитой комплекса? Мы сидим в закупоренной консервной банке, зарытой в землю, и рассуждаем о каком-то контроле над ситуацией!

— Прекратите, генерал. Если бы что-то случилось, мы бы уже это знали.

— От кого?

— От вас, генерал. Вы же имеете прямой доступ ко всем данным системы обороны комплекса, не так ли?

— Вот именно... Я хотел бы послушать эфир, Координатор.

— Радио?

— Нет. Наш островной эфир. Позвольте?

— Как вам будет угодно. Включите.

— ...*Серхио, спутник проверь. Есть сигнал? Раз, раз, раз. Это прямая передача Фронта Освобождения Земли. Говорит Виктор Нольд. Наша группа находится на территории острова... Кххх... Извините, ребята, у меня, кажется, зараза...*

[помехи]

— *Виктору стало немножко плохо, веду передачу я. Только что наша группа вошла в охраняемую зону. Никого нет, все мертвы. Фронт Освобождения Земли берет на себя ответственность за применение биологического оружия на территории противника. Фронт выражает соболезнования семьям погибших. Наши потери — четыре человека...*

— Извините, полковник... это мы, кажется, опять запись слушаем...

— Я в этом не уверен, Координатор... По моим данным, две минуты назад данные от внешних постов перестали поступать. Это и в самом деле похоже на биологическую атаку. Впрочем, через пять минут мы всё узнаем точно. Посты доложатся. И если...

— Генерал, обеспечение безопасности острова лежит на...

— ...в том числе и на мне. Понимаю. Даже сейчас мы будем заниматься поисками виноватых. Как это нам, ста-

рым бюрократам, свойственно Чрезвычайно забавно, вы не находите?

— Господа, господа, спокойствие...

— Один вопрос, Иеремия...

— Да, Харуки?

— Зачем вы это делаете с нами?

— Что?

— Я полагаю, уже всё ясно.

— Харуки...

— Перестаньте ломать комедию, Иеремия... Господа, это обычный переворот. Иеремия Смит решил избавиться от всех нас. Убрать нас руками террористов. Или своих агентов, что вероятнее.

— Харуки!

— Нет, Смит, теперь вы меня не заткнёте! Послушайте меня. Нашему боссу захотелось абсолютной диктатуры. Распространённое искушение. Очень банальное, но немногие его выдерживают. Вы, Смит, сами сделали эту запись и каким-то образом выдали её за прогноз Оболочки, чтобы обмануть нас. Вы...

— Вы шлимазл, Харуки! Вы чёртов кретин, Харуки!

— Прекратите свою истерику, Соломон...

— Харуки, мы все имеем равный доступ к Оболочке. Подделать прогноз Оболочки невозможно, придурок!

— В самом деле, прекратите истерику, Пельц. Харуки, это очень серьёзное обвинение. Я не думаю, что Смит и в самом деле мог пойти на...

— А почему нет? Почему нет, Кензо?

— Потому что я только что получил сообщения от уцелевших постов охраны, Харуки. Мы подверглись хорошо продуманной атаке, оставляющей нам очень мало шансов. В эфир и в самом деле идёт та запись, которую мы имеем неудовольствие слушать... Включите ещё раз. Что они там вещают?

— *...целью является захват Мирового Правительства, заседающего в этом бункере. Мы намерены устроить быстрый и справедливый суд над преступниками, устроившими бойню в Парагвае, ответственными за голодную смерть сотен тысяч людей в Южном Китае, и...*

— Откуда транслируется эта дрянь?

— Возможно, со спутника... Интересно, слышит ли это мир?

— Стоп! А почему я должен верить вам, Кензо? То вы говорите, что данные от постов перестали поступать, то вдруг их так вовремя получаете. Мне кажется, вы в сговоре с Иеремией...

— А что вы мне прикажете говорить, Харуки, если всё обстоит именно так? Сначала я не получал информации, а теперь я её имею. Разумеется, вы можете предположить, что я кретин или злоумышленник. Мне останется лишь сослаться на многие годы беспорочной и эффективной службы Мировому Правительству...

— А кто вам сказал, что эта информация не подделана?

— Кем?

— Террористами.

— Это невозможно. Систему охраны острова можно уничтожить, но не подделать её сигналы. Это совершенно исключено.

— Это так, Харуки. Говорю тебе как профессионал.

— А почему я должен верить вам, Чипстоун?

— Потому же, почему ты верил мне все эти годы, сынок...

— Господа, прекратите...

— Что прекратить?

— Между прочим, если бы террористы и в самом деле напали, мы услышали бы взрывы... Они же, кажется, собирались взрывать комплекс?

[отдалённый грохот]

— Кензо, что это?!

— Я же говорил, что он нас предал!

— Прекратите!

— Кажется, началось...

— Смит! Это всё Смит!

[грохот]

— Внимание! Я требую тишины. Кто-то должен взять на себя ответственность. Что ж, я готов. Итак. Я, генерал Ральф Кензо, Верховный Главнокомандующий Объединёнными Вооружёнными Силами Мирового Правительства, вплоть до выяснения всех обстоятельств принимаю на себя руководство Мировым Правительством. Полномочия Иеремии Смита временно приостановлены, вплоть до выяснения обстоятельств...

— Ах вот оно что. Вам не терпится, генерал?

— Я ещё не давал вам слова, Иеремия...

— Заткнитесь. Это же вы пытаетесь захватить власть. Как это естественно: старый кретин в погонах с отмороженным членом, вообразивший себя мировым диктатором... Эти сказки насчёт «отчётов с постов» и прочая чушь. И сейчас наша охрана... то есть ваша охрана, генерал?.. войдёт сюда и нас всех прикончит. Не так ли, Ральф? После всех этих лет...

— Иеремия, вы...

— Я никогда не доверял военным. Но вас, Ральф, считал исключением. Вы казались мне образцовым солдатом. Оказывается, вы и Харуки — обычные крысы в мундирах.

— Я штатский, Смит. И не пытайтесь сбить нас с толку. Вы низложены...

— Иеремия, Харуки, вы меня неправильно поняли. Мне не нужна власть. Я всего лишь пытаюсь навести здесь какое-то подобие порядка.

[отдалённый грохот]

— У нас есть проблема, если вы заметили. Я намерен...

[грохот]

— ...эту проблему решить. И как только она будет решена, вы, Смит, вернётесь к исполнению своих обязанностей в полном объёме. А я подам в отставку. Я не смогу работать под началом человека, который после многих лет совместной работы публично назвал меня крысой в мундире.

— Ральф, не верьте ему! Это всё его рук дело!

— Харуки, вы готовы отвечать за свои слова?

— Чёрт побери, да, генерал!

— Отлично. Сейчас вы за них ответите.

[выстрел]

— О боже... Вы сошли с ума, генерал...

— Отнюдь нет, Соломон. Я отправил господина Харуки Икэдзава в отставку. Я не знаю, что побудило господина Икэдзава к необдуманным высказываниям. Во время парагвайского инцидента паникёров и провокаторов мы топили в нужниках. Вопросы есть?

— Ага, есть. Это и есть ваш способ решить проблему, генерал? Перестрелять нас всех?

— Именно так, Адам, если мы все перестанем выполнять свой долг... Или хотя бы делать вид, что мы его выполняем. Вернёмся к теме.

[грохот]

— Они взрывают перекрытия... Итак, у нас есть целых два выхода, нет, даже три. Непозволительная роскошь, не правда ли? Первый: вступить в переговоры с террористами. Думаю, это бессмысленно: столь масштабное нападение может иметь только одну цель — наше уничтожение. Второй выход: попробовать удрать. Из этой норы есть несколько потайных выходов. К сожалению, они все заблокированы, я это уже проверил. А у нас нет ни оружия, ни инструментов, чтобы попытаться открыть какой-нибудь из них. Третий выход: сидеть и ждать развития событий, по мере возможности соблюдая спокойствие и не бросаясь друг на друга. Я выбираю...

— Я, наверное, должен извиниться за «крысу в мундире», генерал.

— Извинения условно приняты, господин Смит. Вы оскорбили не меня, а мундир генерала Объединённых Вооружённых Сил Земли.

— Господа, отсюда есть выход, о котором вы не знаете.

— Я знаю все выходы, Иеремия. В том числе и те два, которые вы считаете особо секретными. Знать всё о системах безопасности — мой долг.

— Нет, генерал. Есть ещё один.

[отдалённые звуки выстрелов]

— Они прямо над нами. Сейчас сработает микроволновка, и их поджарит. Но они успеют заложить заряд, который взорвёт крышу...

— Они не успеют. Я сделаю то, что должен сделать.

— Иеремия...

— Да, генерал? У вас есть возражения?

— Никаких возражений. Вы абсолютно правы, Иеремия. Это единственный достойный выход для всех нас.

— О чём это вы? Ральф, Иеремия? Мне так очень не нравится...

— Да помолчите же хоть сейчас, Соломон. Прощайте. Лучше умереть как люди, а не как свиньи. Сейчас мы воспользуемся аварийным выходом. На тот свет. Но они нас не достанут.

— Не...

[грохот]

[тишина]

Запись 3

— Итак, господа, мы успешно запутали следы. Первую запись обнаружат через недельку-другую.

— Должен заметить, Иеремия, что я чувствую себя дезертиром.

— Вы не правы, генерал. Мы не дезертируем. Это всего лишь отступление. Тактическое отступление. Разумеется, с потерями. А что вы хотите?

— Я, конечно, понимаю, что вариантов нет, но, воля ваша, а мне это чертовски не нравится. Мы своими руками уничтожаем единственную организацию, которая несла ответственность за положение дел в нашем грешном мире.

— Это несерьёзно, генерал. Вы все знаете прогноз Оболочки. Нас всех перережут, как цыплят. Не сейчас, так позже. Не эти, так другие. Нас слишком сильно ненавидят. Некоторые — открыто, большинство — тайно.

— Почему вы так смотрите на вещи, Иеремия?

— Потому что я знаю людей, Адам. Они готовы ненавидеть нас только за то, что мы обладаем властью, а они, все эти миллиарды двуногих, — нет. Им безразлично, хороши мы или плохи. Им нужно, чтобы нас не было. Вот и всё.

— И что с ними после этого будет?

— Поверьте мне. Мир сейчас, как никогда, нуждается в хорошей встряске. Им *нужно* пожить без нас. Без Оболочки. Без тех, кто приказывает. Помучиться, поголодать, попроситься обратно. Вот что сейчас нужно миру, а не стабильность.

— Сомнительный тезис.

— Таков прогноз Оболочки. Предложите что-нибудь убедительнее, Адам...

— Через некоторое время мы тихо унесём отсюда ноги. После чего аккуратно взорвём весь остров. Сначала они найдут первую запись, и на Земле начнётся самый большой компьютерный погром за всю историю. Дальше — по плану.

— То есть начнётся хаос.

— Начнётся хаос. Голод, мор, засухи, наводнения...

— Наводнения-то почему?

— Потому что выйдут из строя ирригационные системы. Они ведь тоже контролируются Оболочкой... Ну и, понятное дело, глобальный финансовый и экономический кризис. Обо-

лочка рассчитала ряд стратегий, которые не позволят им высунуть голову из задницы лет этак тридцать по меньшей мере...

— Я вполне осознаю величие нашей цели, но, будучи темнокожим, я обеспокоен...

— Агасси, ох, как меня уже достала эта присказка!

— Руди, успокойтесь. Ндулембу, не надо дразнить гусей.

— А вот интересно. Если мама Наоми отрежет язык этому мудаку Агасси, будет ли это проявлением чёрного расизма?

— Сожалею, что не могу подвергнуть вас дисциплинарному взысканию, сержант Бьяффа. Насколько я помню, за подобные выходки в Шестом корпусе полагалось...

— Отсосать у старшего по званию, генерал. Кстати, официально я всё ещё дезертир.

— А ведь ты сделала неплохую карьеру, крошка! Из сержантов — в Посвящённые Жрицы Оболочки, это тебе не жук накакал...

— Руди, красавчик, заткни пасть, а?

— Чертовски надоело вас слушать, ребятки... Иеремия, скажи всё-таки мне, старику, а зачем нужна вторая запись? Ну, где мы взрываемся по твоей милости?

— Это мы им подсунем попозже.

— Плохая драматургия. Я бы в это дерьмо нипочём не поверил, сынок. Дешёвая мелодрама. И концы с концами не сходятся.

— А вот Оболочка считает, что это наилучший вариант. Люди захотят поверить в это. И поверят.

— И что потом?

— Я уже объяснял это двести раз. Нужен культ Первых Служителей Оболочки. Погибших во славу Её. Как составная часть новой религии.

— Прости уж, но именно эта сторона дела мне чертовски не нравится.

— Опять, Адам? Это начинает надоедать.

— Когда я был маленький, у меня на тумбочке лежала Библия. Я, конечно, предпочитал комиксы. Но кое-что в памяти осело. Например, вот это. «Не сотвори себе кумира, или какого-нибудь иного изображения»...

— Вы опять за своё, Адам? В конце концов, вы верите в то, что Бог стал человеком. Почему тогда он не может стать компьютерной программой?

— Потому что человек сотворён по образу и подобию Божьему, а Оболочка — нет. Она развивалась по Дарвину. Мы захотели вырастить разумное существо из обезьяны... да нет, хуже — из электронного мусора. А сейчас мы готовы поклониться этому мусору, посадить на золотой трон и вручить ему власть над миром.

— Адам, да хватит уже колыхать это говно. Оболочка — это водоросль. Она даёт прогнозы. И всё. Никакого разума у неё нет.

— Руди, мы уже столько раз спорили на эту тему... Между прочим, ты богохульствуешь. В нашей любимой Африке за такое сравнение с тебя сняли бы кожу...

— Будучи темнокожим, я протестую против подобных недобросовестных инсинуаций. Жрецы Оболочки никогда не проявляют излишней жестокости, разве что в самых вопиющих случаях...

— А ведь мы когда-то воевали с этими ребятами. И весь мир осуждал нас за бессмысленную бойню.

— Будучи Посвящённым Служителем одиннадцатой ступени, я ответственно свидетельствую, что Оболочка знала о вашей жалкой попытке уничтожить Культ в зародыше...

— Ну ещё бы. Она ведь даже предсказала его появление. Только она почему-то умолчала о том, что объектом неведомого и страшного африканского культа будет она сама...

— Её об этом не спрашивали, Адам! Она просто прогнозировала. И спрогнозировала появление новой мировой религии, крайне опасной для мировой власти. Вы опять антропоморфи...

— Не просто религии! А сатанической религии, Руди!

— «Сатанической» — это была наша интерпретация. Довольно нелепая. Мы ошиблись.

— Нет, Руди. Мы не ошиблись. Мы просто сдались. И сейчас мы собрались, чтобы добровольно отдать власть... даже не своему порождению, это было бы полбеда... а продукту компьютерной эволюции. Сейчас мы сидим в одной комнате со жрецами этой религии. И сами готовимся занять место в их иерархии. Вот как обстоят дела.

— Спасибо, дед. Напомнил.

— Время!

— Включай запись.

— Пошла.

— Серхио, спутник проверь. Есть сигнал? Раз, раз, раз!

— Это прямая передача Фронта Освобождения Земли. Говорит Виктор Нольд. Наша группа находится на территории острова... Кххх... Извините, ребята, у меня, кажется, зараза...

— Неплохо...

— Будучи Посвящённым Служителем одиннадцатой ступени, я напоминаю, что настало время вечерней молитвы Оболочке.

— О чёрт. Дерьмо.

— Надо держать марку, Руди. Соломон, включи компьютер.

— Забавно. Знаешь, что было, когда я дёрнула из части?

— Ты это уже рассказывала, Наоми.

— Руди, я не с тобой разговариваю. Так вот, они хотели принести меня в жертву Оболочке. И когда я увидела на алтаре комп с подключением, я чуть не усралась...

— Ты это сто раз рассказывала, Наоми. Правда, заткнись.

— Я вынужден потребовать полной тишины. Иеремия Смит, пришла пора вызвать Оболочку и выслушать её наставления.

— Не забудь добавить — «будучи темнокожим».

— Я убедительно прошу господина Курца воздержаться от остроумных замечаний. Будучи Посвящённым, я читаю краткую молитву Оболочке.

— О господи, Ндулембу. Может быть, хоть сегодня обойдёмся без этого срамного действия?

— Будучи темнокожим, я свидетельствую, что на языке оригинала эта молитва звучит необыкновенно величественно.

— Н-да. Невольно начинаешь думать, что у христианства были свои достоинства.

— Нам сегодня ещё предстоит обращаться к Оболочке. А она всегда точно знает, молились ей или нет.

— Ну да, это-то она спрогнозировать может... Начинайте, Агасси.

— Хе! Хе!

О Мать Матерей, Оболочка, Мобо Мбуту, Оболочка, Зрячее Лоно,

Пролившая дождь красных и белых цветов,

Овеявшая весь мир благовонием жира,

Радостью наполнившая твоих детей животы!

Простираешься ты от красной земли до чёрного неба,

Наполняешь ты правую и левую сторону,
Господствуешь ты над живыми и над духами предков,
Все другие боги свои спины тебе показывают, Мобо Мбу-
ту, Оболочка, Зрячее Лоно,
Говоришь ты своим людям, что делать им,
Говоришь ты своим людям, как жить им,
Говоришь ты своим людям, как тебя почитать, Мобо Мбу-
ту, Оболочка, Зрячее Лоно,
Мы возвратились с охоты и принесли добычу,
Наши тела и мысли нашли удовлетворение,
Обрели мы то, чего никогда не имели,
Сердца наши чисты и покорны,
Глаза наши смотрят прямо,
Зубы наши блестят от жира и мяса!
Твои дети мы, Мобо Мбуту, Оболочка, Зрячее Лоно!
Твои дети мы, Мобо Мбуту, Оболочка, Зрячее Лоно!
Твои дети мы, Мобо Мбуту, Оболочка, Зрячее Лоно!
[Хор подхватывает последние слова. Они звучат всё гром-
че и громче, пока не обрываются грохотом.]
[тишина]

МОЯ ДОРОГАЯ

Посвящается Антонену Арто и Жану-Люку Нанси

C:\Му Documents\Info\текущие_донесения\дело_1-43\генералу_лично.txt

Я люблю вспоминать своё детство. Это не очень хорошее начало для отчёта, мой генерал, но что поделаешь — я действительно люблю вспоминать своё детство.

Самое раннее воспоминание у меня летнее. Мама, папа, дача, Подмосковье, лето, солнце, солнце, солнце, теплое деревянное крыльцо. Под крыльцо можно забраться — сбоку есть дырка. Мне страшно, но я ужиком лезу туда, в узкое пыльное пространство под верхней ступенькой, раздирая до крови коленки. Мне надо забиться куда-нибудь, где меня не увидят взрослые. Наконец я протиснулась, но я никак не могу засунуть руку между ног: коленки намертво стиснуты с боков. Я дергаюсь, дергаюсь, я зажата со всех сторон занозистыми досками и все же умудряюсь еще дальше протиснуться в дыру и куда-то упасть. Я не знаю, как и что, — кажется, вниз головой, не знаю, где верх, где низ, откуда-то мне в лицо сыплется пыль, я не могу протереть глаза, руки зажаты, на боку свербит свежая царапина, но, о счастье, ноги слегка разъехались, а правая рука прижата к бедру. Я пытаюсь дотянуться, но мешает дурацкое платьице. Оно чуть ли не из марли и уже порвалось в десяти местах, наверняка оно должно было зацепиться за какой-нибудь гвоздь, я тяну его на себя, но проклятая ткань не поддается. Я дергаю, дергаю и плачу, потому что в глаза мне насыпалась труха, но главным образом потому, что не

могу добраться до своего тела. Наконец что-то трещит: порвалось, но только вот где? В отчаянии я дергаю изо всех сил, раз, другой, крыльцо сотрясается, моя круглая потная мордашка облеплена мусором, но наконец тряпка лопается, и я втискиваю ладошку между бедер. Все тело перекручено и напряжено, но наслаждение от этого только острее: писька воспалена и горит, пока я тру ее замурзанной ладошкой, пытаюсь пальцами залезть поглубже, добраться до того самого места, которое хочет. У меня дрожат ноги. Ещё, ещё — и вдруг я чувствую, что внутри меня что-то затрепетало, это происходит само, я уже ничего не делаю, ничего не вижу и не соображаю, и когда наконец все сжалось, а по ногам волной прошла сладкая судорога — вот тогда я закричала. У меня *получилось*. Я не знаю, что это, как это, это меня не интересует: у меня *получилось*. Я орала как резаная, пока меня не вытащили: с крыльца пришлось снимать верхнюю ступеньку, мама созвала соседей, и дядя Толя засовывал в щель между досками блестящий топор. Не помню уж, чего я им наврала. Наверное, опять про мышку: когда я куда-нибудь пряталась, чтобы заняться писькой, и меня оттуда извлекали, я обычно говорила, что хотела поймать мышку, она убежала сюда, я ее чуть не поймала, вы ее спугнули, мышку, я это столько раз им говорила, что сейчас вижу эту мышку как живую: особенно два розовых пятнышка под хвостиком. Зато я отлично помню, что вечером, когда мама наконец заснула, у меня опять *получилось*, *получилось*, *получилось*.

Я была испорченным ребенком, генерал. Сейчас принято говорить, что испорченных детей не бывает, но я-то знаю. У меня было много игрушек (я предпочитала мягкие), но самая любимая игрушка находилась у меня между ног. Я умудрялась заниматься ею, даже когда родители смотрели на меня во все глаза: садилась, зажимала между ног что-нибудь подходящее и терлась, терлась, пока они мне умильно улыбались, терлась об неё, иногда доводила себя до бешенства, до истерики, потому что таким способом у меня не получалось, а это просто ужасно, когда ты хочешь кончить и не можешь. Тогда я краснела до ушей и начинала орать. Когда наконец меня освободили от горшка и я получила право закрываться в туалете, это было настоящим спасением. Я до сих пор люблю запах туалета. Обычно я ходила туда после папы, потому что можно было посидеть спокойно, никто не хотел идти первым, не рвал дверь,

потому что в кабинке после папы всегда стояла кислая вонь от газов, которая долго не расходилась. И все ждали, пока она проветрится, а то все время, каждую минуту, кто-то дергал дверь... Тогда я думала, что взрослые так устроены, что все время хотят ссать и срать. Теперь я, конечно, понимаю, что у моего папы были скверные отношения с желудком и тот, как мог, отравлял ему существование.

Мне никогда не приходило в голову кому-то что-то рассказывать. Я ревниво обожала свою письку и заранее ненавидела всех, кто мог бы встать между нею и мной, — а все только это и делали. Однажды я занималась этим, сидя на карачках за кучей песка на детской площадке, и какой-то пацаненок подкрался сзади... уж не знаю, чего он хотел, потому что я, заметив краем глаза его хитрую мордочку, тут же подпрыгнула, как лягушка, и с криком вцепилась ему в волосы. Я до сих пор думаю, что он хотел меня ударить. По письке. Ногой, чтобы всё отбить до крови. Он хотел ударить мою письку, ублюдок. Я бы убила его... меня от него еле-еле оторвали. Когда я впервые увидела кровь на трусиках (это началось у меня в тринадцать лет, и, несмотря на свою испорченность, я была дико наивной), я сразу вспомнила об этом случае.

Всё, левая рука больше меня не слушается. Ладно, пускай, зато правая точно моя. И губы тоже мои, так что я могу продолжать диктовку. Я хорошо диктую, правда? Выходит готовый текст. Ну, лингвоанализатор его приглаживает чуть-чуть, куда без этого. Вот сейчас я поставила опцию «литературная обработка». Надеюсь, получится хорошо. А шлёпать по клавиатуре я смогу даже одним пальцем, генерал. Этому у вас меня научили. Как и многому другому. Конечно, не очень удобно с точками-запятыми, но это всё ерунда, особенно по сравнению с тем, чем мне придётся заняться сразу после...

Ох, не буду врать — страшно мне сейчас. Страшно и гадко.

Да, я же рассказываю о себе. Меня всегда поражало, что никто ничего не замечал. Родители, видимо, ни разу меня не заподозрили, хотя все мои детские хитрости можно было бы просечь в два счета. Им просто не приходило в голову. До сих пор не знаю почему — теперь-то я понимаю, что они были не такими уж глупыми людьми. Наверное, это из-за того, как я выглядела. Я была толстой гадкой девчонкой с круглой ряшкой и густыми черными бровками, сходящимися на переносицу.

сице. Я была невероятно озабоченной, капризной, ленивой, целыми днями могла слоняться по дому, ища укромное местечко, и все время объедалась сладостями. От сладостей и шоколада на моем теле высыпали прыщи, которые я расчесывала до крови. От сильного желания у меня краснели уши и выступали багровые пятна на щеках, я начинала капризничать, топала своими косолапками, орала — и никто не понимал, что это со мной. Им, кажется, и в голову не приходило, что меня беспокоит моя писька. Однажды я кончила раз двадцать подряд, спрятавшись в шифоньере, пока родители обедали. Я не ела вместе с ними: пока они были заняты едой, я могла заниматься своей писькой относительно спокойно. В школе я чуть было не стала отличницей, но вовремя сообразила, что взрослые могут войти во вкус и отдать меня в какой-нибудь балетный кружок или в спортсекцию: именно так поступали все родители, чьи дети хорошо учились, а мне нужно было много времени, чтобы заниматься своей писькой. Поэтому я аккуратно приносила домой троечки, как только замечала в маминном взгляде характерную задумчивость — ее безошибочно узнает всякий умный ребенок, которого собираются куда-нибудь пристроить. Наши школьные пятёрочки, всякие там Олечки-Настеньки, куколки-с-бантиками, после уроков бежали на каток или к фортепьяно, а у меня «были проблемы с учебой». А поскольку у меня на самом деле не было проблем с учебой (домашние задания я делала в классе), то я могла часами сидеть дома за какой-нибудь книжкой: левой рукой переворачиваю страницы, правая между ног. Это был мой любимый способ чтения. Дома я ходила в пионерских шортах на резинке, у них были грубые швы в середине, а я носила тоненькие белые трусики, и швы восхитительно терлись о промежность. Не помню, как я лишила себя девственности: кажется, у меня ее и не было, во всяком случае, я не помню, чтобы мне там что-нибудь мешало, вот только коротенькие пальчики не входили глубоко, и я стала использовать всякие вещи, но все равно собственные руки любила больше всего.

Я никогда не прислушивалась, когда девчонки в женском туалете, сбившись в кучку и хихикая, щебетали об «этом». Даже не помню, как и от кого я всё узнала. И меня это совершенно не заинтриговало. Секс казался мне чем-то излишне сложным и к тому же опасным. Я не могла представить себе, как я доверю свою драгоценную письку какому-нибудь парню, да и

откуда ему знать, как с ней обращаться — я-то занималась ею всю жизнь и то не всегда хорошо понимала, что ей нужно. К тому же ему захочется, чтобы я занималась еще и его, этим, как его, мужским хозяйством, а мне это было неинтересно. Иногда я все же чувствовала неясную потребность, чтобы меня потрогали чужие руки. Однажды я дала себя пощупать одной глупой девке, которой было любопытно, «как это устроено». Она возилась у меня в паху вяло и бестолково, но я была достаточно возбуждена, чтобы кончить, — после чего эта дура долго и брезгливо вытирала руки о форму. Меня это взбесило, и я решила больше не связываться. В следующий раз желание у меня вызвал подружкин котёнок, который так нежно лизал мою руку, что я невольно задумалась о том, что письке это было бы приятно. Но письке эта идея не понравилась. У неё тогда вообще было капризное настроение.

Я иногда думаю, что было бы, если бы она заговорила со мной позднее, лет в пятнадцать—шестнадцать. Так-то я с раннего детства привыкла к этому, как к чему-то само собой понятному, и только потом позже писька мне рассказала, что у других людей всё по-другому.

Голос письки у меня раздаётся не в голове, а чувствуется где-то внизу живота. Очень смешное ощущение. Это ведь даже и не голос, а такое странное тягучее чувство — однако всё понятно. Даже когда она ругается. Или молчит со значением.

Писька родилась позже меня, но росла и умнела куда быстрее. Помню, когда я училась в третьем классе, она уже всю болтала со мной о разных вещах. Конечно, взгляд на мир у неё был очень узкий, но в чём-то более правильный, чем у меня. Хорошо всё-таки, что она вообще стала общаться со мной — то есть с глоткой.

Я одно время удивлялась, почему все эти письки, ручки, ножки, кишочки и прочие наши органы, называют нас, настоящих целых людей, «глотками». Потом писька мне объяснила, что я, оказывается, тоже глотка.

— Ну, — говорила она мне, — тело ведь живое, и у каждой части есть какое-то сознание. У руки, у ноги, у меня, у всех у нас есть своя часть мозга, которая за нас думает. Просто люди так устроены, что у них есть одно самое главное сознание. Оно и стало самым главным, потому что умеет разговаривать звуками, а не как мы все. И оно связано с горлом и языком: ну вот глотка же, она и есть глотка. Вот ты — глотка. И ты уж

меня извини, но все глотки какие-то сумасшедшие. Глотка думает, что она в теле одна, а остальные — так, мусор какой-то, и никаких прав не имеют. И называет себя «сознанием», а нас вообще не замечает. Ты, правда, нормальная такая глотка и ко мне всегда хорошо относилась, и я с тобой, конечно, дружу, но ты знаешь — мне все органы говорят, что с глоткой дружить запахло. Потому что глотка никого не слушает, только визжит. Она как рождается, так начинает визжать, чтобы нас не слышать. И себя оглушает, и нас всех. Поэтому мы ненавидим глотки. Прости, но это правда.

Тогда я очень обиделась, но письку продолжала улаживать, как могла.

Всё изменилось, когда Шурка засунула мне руку в трусы.

Так, вот и телефон затрезвонил. Это, наверное, вы, генерал. Вам нужен доклад. Подождите немного, генерал, я ещё не всё рассказала. Сейчас я выдерну провод и продолжу.

Вообще-то её звали Саша, и она была немножко не того. В смысле — с головой не в порядке. По-хорошему, её надо было отправить в спецшколу, но её родители делали подарки нашей классной, завучу и далее по списку, и её каждый раз переводили. Она была совсем безобидной дурочкой, и девчонки её всячески изводили. Поэтому она старалась держаться поближе к мальчишкам — те её не обижали. Особенно когда у неё стали расти груди и меняться фигура. Родители, кажется, поздно спохватились, а когда заметили — она уже была на четвёртом месяце.

Это случилось незадолго до того, как Шуркина мама наконец обратила внимание на поднимающийся дочкин животик. Она зажала меня в туалете. Я только что помочилась и как раз аккуратно промакивала писю салфеткой — тут дверь распахнулась, и Шурка, тяжело дыша, навалилась на меня, да так, что я чуть было не треснулась головой о трубу. Это было до того неожиданно и нелепо, что я растерялась: бедная девочка была глупым, но совершенно безопасным существом. И когда она зашарила руками по моему телу, я просто растерялась. Даже когда она полезла мне между ног, я всё ещё не могла понять, что происходит. А потом было уже поздно — её палец нащупал вход и вошёл внутрь. Писька возмущённо заорала (у меня аж свело живот от её крика), но вдруг осеклась, и я всем телом почувствовала, что она к чему-то прислушивается.

А потом она велела мне сидеть неподвижно, потому что она разговаривает с Шуркиной рукой.

На следующем уроке я сидела совершенно обалдевшая. Писька тоже помалкивала. Когда прозвенел звонок, я кое-как собрала сумку и на негнущихся ногах потопала домой.

Вечером того же дня писька рассказала, что руки у Шурки очень умные. Как и вообще все её органы. И что, наверное, в детстве они как-то очень серьёзно перессорились с глоткой и отказались её слушаться. Совсем. И что поэтому Шурка такая. И ещё — она хочет серьёзного разговора с Шуркиной писькой.

Где живёт Саша, я в принципе знала. Как и то, что её мама возвращается с работы где-то около восьми. Поэтому на следующий день после уроков я сразу пошла к ней домой. Шурка долго не открывала — не могла справиться с замком. Потом мы пили жиденький чай на кухне. Там же, на кухне, всё и случилось.

Я никогда не думала, что всё это будет так неудобно. Помню, как мы пытались пристроиться друг к другу, а глупая Шурка всё никак не могла понять, как нужно. В конце концов мы улеглись прямо на полу, стыдно сказать как, совершенно по-дурацки, но наши письки наконец соприкоснулись и смогли поговорить.

Надо сказать, разговаривают они очень быстро. Через пол-минуты в животе стоял невнятный гул. Я думала, что умру, — настолько сильно я кончала. Не знаю, что чувствовала Шурка, но когда они наконец наговорились, под нами уже скопилось небольшая липкая лужица.

Потом я допивала чай (Саша заснула прямо на полу, её нога упиралась мне в щиколотку) и расспрашивала письку, до чего они там договорились, но так ничего и не поняла — а точнее, она просто отмолчалась, отделившись от меня парочкой оргазмов.

На следующий день Саша ждала меня в скверике около дома. Молча подошла. Поцеловала. И убежала.

Потом писька объяснила мне, что Сашино тело уже не могло ничего поправить. Тем более что Шурка скоро умрёт. Она спала с мальчишками, и теперь у неё будет ребёнок, а родить она его не сможет. А даже если родит, он будет совсем глупый, хуже Шурки. Поэтому все части Шуркиного тела посоветовались и решили больше не жить. Они только не знали,

как это лучше сделать. И она, писька, ей кое-что посоветовала.

Тогда я впервые поняла, что наши тела не очень-то собой дорожат. Им, конечно, хочется жить, но только пока все части тела в согласии друг с другом. А когда этого нет, они... Не знаю, как всё это объяснить. В общем, у них свой взгляд на эти вещи.

Я не знаю, что стало с Сашей, что её убило — не вовремя подвернувшаяся нога, сжавшиеся сосуды, глаза, которые не увидели, уши, которые не услышали... Её так и не нашли. Её просто не стало.

Отцом Шуркиного ребёнка был сероглазый мальчик из параллельного класса, хороший, чистенький — я бы ни за что не поверила, что это он... Потом, когда я стала работать на вашу контору, генерал, я снова пересеклась с этим мальчиком. К тому времени он успел, как и многие, жениться, развестись, заняться продажей цветмета, прогореть, заняться невозвратными кредитами, пережить тяжёлое объяснение с серьёзными людьми (ожог на щеке так и остался навсегда, зато нос ему сделали лучше прежнего) и уехал в Германию, откуда вернулся сотрудником Института Восточной Европы, с некими планами на будущее. Как я выяснила — своим коронным методом, разумеется, — планы были вполне ординарными: срубить денег с немцев за то фуфло, которое называется «российскими государственными секретами». Сашу он забыл. Совсем забыл. Всем телом. Даже его хрен ничего не помнил.

Кстати, насчёт хрена. Так себе, ничего особенного.

Возможно, его не стоило убивать, но мне очень захотелось. Писька тоже была довольна — потом мы провели с ней вдвоём чудесный вечер. Я ласкала её так, как ей нравилось, нам было хорошо, как всегда, и, казалось, нам будет всегда хорошо.

Это что, мобильник звонит? Совсем про него забыла. Извините, генерал, я несколько напряжена... Вот и всё, теперь у меня есть ещё часа четыре. Потом ваше терпение лопнет, и вы пришлёте кого-нибудь из группы поддержки. Впрочем, тогда уже всё выяснится. Так или иначе. Туда, как говорится, или сюда.

Да, о чём я? Ну да, всё о ней же, о моей дорогой.

Первый раз я поссорилась с ней после изнасилования.

Изнасилование — это не самое приятное переживание на свете. Особенно когда ты лежишь навзничь на куче мусора, твоя причёска (парик, разумеется, но всё равно жалко) измазана собачьим дерьмом и тебя имеет пьяный майор воздушно-десантных войск. Разумеется, я знаю, что на всё это безобразие наведены инфракрасные телекамеры, микрофоны и прочая, так сказать, аппаратура, неподалёку скучает группа поддержки на-всякий-случай-мало-ли-что, а несколько дальше (в ресторане «Аллигатор», второй этаж, отдельная кабинка) сидите вы, генерал, и вам срочно нужен отчёт.

Ну что ж, я стараюсь. Всё, что мне нужно для экспресс-допроса, у меня всегда с собой, внутри.

У майора очень глупый и болтливый хрен. Пока пьяный дядька, хрипя, тычет им в мою утробу, моя писенька-лапочка вытягивает из него то, что нам нужно. Смешно, но майор и сам этого не знает. Просто он когда-то видел одного человека, на которого, кажется (в этом писька не очень уверена), не обратил внимания (его член говорит, что он и тогда был пьян — такие вообще не просыхают), но его глаза запомнили его навсегда. Глаза всегда и всё запоминают навсегда, но далеко не всё сообщают глотке. Господи боже мой, ведь мы часами пялимся в книжки и экраны, пытаюсь что-то запомнить, заучить... Поделом, впрочем. Если бы тело человека его бы не обманывало...

Наверное, писька пообещала этому вонючему куску мяса сделать кое-что приятное, если он выпросит у глаз нужную информацию. Так и есть — аж внутри всё сжимается... Майорский член доволен. Маленькое безмозглое животное. Правду говорила писька: так называемый мужской половой орган — самая глупая часть тела. Что-то вроде собаки, и то в самом лучшем случае. И к тому же болтливый. Ну, в принципе так оно предусмотрено природой: писька во время этого самого дела всегда выпрашивает у него всё, что нужно, ей же ведь решать, зачинать ей или нет. Правда, хрен умеет врать. И врёт иногда виртуозно...

Но на сей раз у нас никаких сложностей. Несколько сокращений влагалища — и вот, кажется, моя работа сделана. Во всяком случае, гул в животе прекращается. Писька кончила и молчит, как сытая кошка.

Теперь пьяного дурака можно и убить. Я предпочитаю делать это быстро и эффективно. Раз-раз — высвобождаю руки

(надеюсь, синяков не будет — держал он меня крепко), обнимаю (клиент удивлённо хрюкает), але-оп — толстая шея сыро хрустнула, туша почти сразу обмякла и навалилась на меня всей своей тяжестью. Ничего страшного, упираемся ножками, осторожненько приподымаем (его член всё ещё во мне и всё ещё стоит — забавная картинка, если смотреть со стороны) — в упоре резко от себя — и-и-уфф! — он валяется на той самой куче, куда я дала себя завалить пять минут назад, а я свободна. И писька осталась чистенькой — терпеть не могу потом её мыть от этой липкой тягучей дряни.

Я сидела на куче листвы и приводила себя в порядок (заяпаный дерьмом парик — в пакет, порванные тряпочки — туда же, одна туфелька завязла в кустах, ладно, пусть её вытаскивает группа поддержки, не хочу туда лезть), когда писька вдруг заявила:

— Зачем ты его убила? Мне он понравился. У него был очень милый член. А ведь он даже не успел кончить. Не буду теперь тебе ничего говорить, кого он там видел.

Я так опешила, что со всего размаху села на жопу.

Но потом мне пришлось улаживать её (словами и лаской) час с лишним. А вы, генерал, смотрели через инфракрасную камеру на своего лучшего агента, сосредоточенно мастурбирующего на куче грязной листвы рядом со свежим трупом, и думали обо мне всякие гадости. Я это знаю точно, генерал. В этот же день вы опять воспользовались своим служебным положением, и на этот раз писька быстренько рассказала мне всё. В том числе и то, что вам *нравилось* думать именно так. Вас это пугало и возбуждало, да? Типичная, надо сказать, реакция для стареющего мужика с адреналиновой зависимостью. В результате на рассвете (у нас, как всегда, была бессонная ночь, упоительная для вас и чертовски скучная для меня) вы опять предложили мне руку, сердце и неясные перспективы отъезда куда-нибудь в маленькую европейскую страну, где по утрам пьют хороший кофе. Потому что (это сказало ваше сердце — кстати, писька мне говорила, что когда-то люди мыслили именно сердцем, пока глотки не взяли верх...) вы, в сущности, хотели как-нибудь избавиться от меня. В глубине души вы были убеждены, что если я привыкну к мягким тапочкам, круассанам и утреннему кофе, располнею, начну пользоваться косметикой и всё такое, вы сможете наконец от меня отделаться, впоследствии обменяв на что-нибудь помо-

ложе и поуютнее. На какого-нибудь глупенького мохерового зайчика с большой грудью и нетребовательным женским местом, чтобы по-быстрому спускаться туда два раза в неделю. А остальное время мотаться по миру, удовлетворяя свою потребность в риске — о, разумеется, в риске просчитанном и умеренном. Риске игрока, так сказать. Но таком, чтобы надпочечники исправно выдавливали вам в кровь еженедельную дозу кайфа...

Ох, как я устала печатать одной рукой. Ладно, к делу. Если уж на то пошло, то идею поработать на вашу контору тоже подсказала мне писька. То есть, конечно, не обязательно на вашу, — я о ней тогда ничего не знала. Просто должны же в этой стране остаться какие-то дееспособные спецслужбы, не так ли? С моими возможностями вытягивать информацию из некоторых частей человеческого тела я могла найти себе не самое худшее место в жизни.

Если честно, то мою будущую карьеру писька определила сама. Когда я оканчивала школу, она заявила мне прямо: «Работать ты не будешь. Работать буду я».

По этому поводу мы с ней немножко поспорили, но, если честно, меня это устраивало. Так называемые моральные устои меня никогда особенно не волновали: я с детства знала, что главное в таких делах — не попадаться. Пожалуй, единственное, что меня смущало, — это необходимость спать с мужиками. Я прекрасно ублажала письку без всякого постороннего вмешательства в этот процесс, и мне было неприятно думать, что в моей обожаемой дырочке будет ёрзать какая-то чужая штука. Но писька убедила меня, что это её проблемы, а вопросы насчёт моей внешности и sex арреал она уже урегулировала с остальными органами.

К тому моменту я немножко научилась ладить с руками, глазами, ну и ещё кое-чем. Однако я не умела (и сейчас не умею) их понимать: все разговоры приходится вести только через письку. Мне кажется, они и не очень-то хотят со мной разговаривать.

Кажется, я превратилась в красотку недели за три. Это в общем-то просто, когда твоё тело работает только на это: гормончиков туда, гормончиков сюда, мышечная ткань ложится как надо, талия и грудь оказываются ровно там, где им и надлежит быть... мальчики облизываются. Правда, меня пе-

рестали узнавать подруги, а одна дура на школьном выпускном вечере облила моё платье вишнёвым соком. За это я увела у неё мальчика. Кстати, не зря: он оказался вполне сносным любовником.

Дальше всё пошло как по маслу. На панель мне выходить не пришлось — я спокойненько меняла одного мужчину на другого, ища то, что мне нужно. Увы, времена КГБ прошли, а образовавшиеся на его месте частные структуры занимались в основном мелочёвкой. В общем-то мир российской спецуры оказался мелким и вонючим. Мне пришлось переспать с дюжиной мелких жуликов, прежде чем я вышла на одного из ваших агентов, генерал. Которому я и дала себя завербовать. Просто потому, что вы были единственной российской организацией такого типа, у которой были деньги. Нормальные деньги.

Вы помните нашу первую встречу, генерал? Лично мне особенно запомнилось ваше выражение «мы просто защищаем национальную безопасность... в нашем понимании, конечно». Ну и — «ты уверена, что из тебя получится Мата Хари?». И рука, мнувшая мою грудь под кофточкой.

Мне, кстати, стало ужасно смешно, когда я через десять минут (когда вы собственноручно проверяли меня на Мату Хари) узнала (угадайте, от кого?), что в моём досье в графе «специализация» вы недогнувшей рукой написали — «подстилка». Нет-нет, я не обиделась — мне и вправду было смешно. Особенно когда я подумала, во что вам обойдутся мои услуги, генерал. Я намеревалась стать самой главной статьёй расходов всей вашей лавочки.

Дальше было несколько мелких заданий. А потом история с Репой, который *сам умер*.

Рассказать, как это было на самом деле?

Не знаю даже, стоит ли об этом... Репа был вашей головной болью, шеф. Отчасти потому, что вы его проглядели — ещё в те баснословные времена, когда вы ещё не были генералом, а он был вообще никем. Точнее, его проглядела ваша старая контора, Пятое управление, в котором вы тогда подвизались. Но Репа был до такой степени ничтожеством, что у него не было даже постоянного куратора. Это потом, когда началась перестройка, когда несерьёзные люди бросились на Старый Арбат торговать пирожками с котятами и подержан-

ными красными знамёнами, а серьёзные досиживали последние сроки, Репа (тогда ещё просто Павел Репин) тихо-мирно сидел в кафешках и пельменных и калякал о всяком-разном с приземистыми хозрасчётными мужичками, получившими из рук правительства «хозяйственную самостоятельность» и желавшими иметь с неё пыжиковые шапки. В восемьдесят девятом Паша как-то внезапно всплыл в Израиле, с роскошной ксивой на имя Пейсаха Рейхлина (с этим он немного перестарался: провинциальные мама с папой не догадались снабдить приткого отпрыска сколько-нибудь убедительной жидовской мордой), потом немножко помаячил в советско-израильском совместном предприятии, слил с него какие-то маленькие деньги и снова ушёл под воду. Далее — Америка, Германия, Чехия, снова Россия, но всё ещё ничего серьёзного, ничего особенно серьёзного на общем фоне свинцовой синевы со сполохами. До девяноста шестого, когда в среде крупного кримнала вдруг стало как-то тесно, а потом из этой тесноты выплыла круглая физиономия Репы. Возмужавшего, взматеревшего и уже представлявшего серьёзную угрозу национальной безопасности — в нашем понимании, конечно.

Видите, генерал, как я хорошо помню ваши объяснения. Вы ещё удивлялись моей слуховой памяти. А ведь это так просто — помнить всё, что слышишь. Достаточно иметь хорошие отношения с ушами.

Я могу, конечно, продолжить. Уже про то, что узнала от вашего, генерал, болтливого дружка. Не буду, не беспокойтесь, не буду. Репа очень, очень мешал вам, генерал. И вы не могли его убрать. Никак не могли. «Единственный приемлемый вариант, — говорили вы, тщетно пытаясь раскурить трубку (ваша очередная попытка освоить дорогие увлечения, не первая и не последняя, ещё было вино и высокая кухня — а хотелось-то «Приму» и картошечки с лучком), — заключается в том, чтобы он умер сам. Так, чтобы его руководство знало это точно».

Увы, Пашино руководство действительно было лучше не дразнить. Тут вы были правы, генерал. В случае насильственной смерти своего агента оно предприняло бы адекватные меры.

В общем-то Репа был на редкость неприятный человек — и снаружи, и внутри. Первый раз я выяснила это в сортире недешёвого ресторана, в мужском отделении, где отчаянно воняло цветочным дезодорантом. Я подавала себя как женщи-

на средней ценовой категории, и Паша решил, что по совокупности понесённых им расходов он может распробовать товар на месте. Я чего-то подобного и ожидала — однако после всего письма долго выговаривала мне, что я сильно рисковала: оказывается, у Паши редко что-то получалось в полевых условиях.

Интересно, как она смогла это узнать за две минуты.

Я, конечно, была в курсе, что Репа выделялся даже на фоне той среды, в которой он делал свой бизнес. В принципе такие люди долго не живут, но Паше везло: несколько серьёзных людей, с которыми у него были проблемы, отправились на тот свет чуть раньше, а потом он занял особую нишу и особую крышу, и трогать его перестали.

Интереснее было то, что Пашины потроха тоже его не любили. Очень не любили.

Это не такой уж редкий случай, когда всё тело человека дружно ненавидит его глотку. Тело Репы несколько хотело его убить — вместе с собой, разумеется. Помеха состояла в том, что Репа был очень осторожен. И даже разваливающаяся печень, испорченный обмен веществ, висячее пузо, тахикардия и прочие прелести жизни научили его только одному — быть ещё осторожнее. На стороне Паши (то есть его глотки) был, кажется, только спинной мозг, с его холодной змеиной логикой, да ещё кой-какой малопривлекательный ливер. Интересно, кстати, многие ли понимают, что выражение «жопой чуют» надо понимать буквально? Впрочем, те, у кого хорошие отношения с толстым кишечником, возможно, о чём-то таком догадываются. Увы и ах, интуицией заведуют именно эти части тела, точнее — соответствующие участки мозга... Как бы то ни было, умной спины и чувствительной жопы ему вполне хватало, чтобы существовать дальше и, более того, представлять угрозу национальной безопасности — и вашей, генерал, лично.

Паша был осторожен. Он не курил, пил умеренно, вовремя принимал лекарства. Не водил машину, потому что не доверял своим глазам и рукам (и правильно делал). У него был очень большой список всяческих «не», который он строго соблюдал, — поскольку Репа твёрдо решил прожить как можно дольше. Столь же бдителен он был и по отношению к житейским обстоятельствам. Он отнюдь не страдал авантюризмом, несмотря на род занятий и образ жизни. Другие рисковали и

делали глупости — Паша почти не рисковал и старался глупостей не делать. Он играл наверняка и прилагал все силы к тому, чтобы обеспечить себе этот верняк.

Я провела с Пашей три недели — хотя от некоторых привычек Репы меня воротило, особенно от запаха изо рта (он не убирался никакими средствами: гнилой желудок не давал забыть о себе), пристрастия к «берхеровке» (мерзкая горькая настойка, к которой Паша приучился в Праге), а также от словосочетания «дай впендюрить», которым он выражал желание повозиться на моём теле. Репа был прост, как репа, и не любил никаких штучек. Он влезал на меня, пыхтел, быстро спускал, иногда после этого целовал в ключицу. Моей письке понадобилось несколько дней, чтобы объяснить его дурацкому хрену, как он должен себя вести, чтобы хозяину было хорошо. Паша воспринял произошедшие с ним изменения адекватно: он решил, что нашёл Свою Женщину, Предназначенную Ему Богом, подарил мне брюлики в уши и даже начал задумываться о том, чтобы предложить мне всё остальное (включая руку и сердце). К счастью, на сей момент моя умница уже знала про Репу всё, что нужно. Всё в его теле уже было готово умереть — не хватало только пары идей, которые мы и подкинули.

В тот день у Паши всё было отменно хорошо. Желудок свернулся клубочком и Пашу совершенно не беспокоил с самого утра. Глаза прекрасно видели, голова не болела, а в крови бурлили всякие приятные вещества. Паша плотно покушал, съездил к представителю «своего начальства» за кой-какими указаниями, пообедал, после чего решил интимно пообщаться со мной. К этому времени я и писька уже приохотили его к более или менее сносному поведению в постели, но на сей раз мы постарались как следует. Кажется, он впервые в жизни распалился по-настоящему. И наверное, впервые в жизни забыл о том, что его сердце только и ждёт повода разорваться...

Пашино руководство обеспокоилось всерьёз: по правилам игры, Пашу трогать было нельзя. Насколько я поняла, тело Репы было доставлено куда надо, а там — разобрано на капельки и клеточки. Искали, разумеется, яд, или его следы, или следы следов... И нашли бы в случае чего — даже если вы, генерал, попробовали пустить в ход кое-какие старые кагэбэшные штучки. Но ничего не было. Паша умер на бабе. Пашино руководство было вынуждено принять эту версию под

давлением неопровержимых фактов. И соответственно кое-какие бумажки, которые могли быть пущены в ход, остались в сейфе. «Та сторона» и в самом деле соблюдала правила игры, в этом вы тоже были правы, генерал...

Помните, вы тогда меня впервые спросили: «Девочка, как ты это сделала?»

Потом была группировка Дагоева, которую ваши люди положили всю — потому что моя писька вытащила из обрезанного члена этого уroda точное месторасположение того дома, где они держали заложников. Проблема с Майклом Гройсом, двойным агентом, который решил было стать тройным... Проблема решилась довольно просто, вы не находите, генерал? Сауна, скользкий кафельный пол — и, как всегда, мужчина сверху. Он, кажется, не знал русского — но нашим гениталиям переводчик не понадобился, а мне писька потом всё прекрасно объяснила... Мои доходы росли — я действительно была вашим лучшим сотрудником. Конечно, вам очень хотелось знать, каким именно способом я добываю информацию — даже ту, которую эти люди, казалось, не знали, не должны были знать... Вы бы и дальше ломали голову над этим, генерал.

Если бы не моё последнее задание. Александер.

Александер, генерал, а не Александр, как у вас в досье. Он никогда не позволял называть себя Александром. Мне это нравилось, так же, как и его внешность — смуглое восточное лицо, нос с горбинкой, жёсткие чёрные волосы на груди... Разве что меня немножко сместило, что фотогеничный шрам внизу живота (когда я спрашивала, где он его заработал, Александер обычно напускал на себя таинственный вид и молча улыбался) был сделан растяпой хирургом в Найроби, неумело прооперировавшим Александеру гнойный аппендицит. Александер не любил это вспоминать потому, что обосрался на операционном столе. Впрочем, по словам письки, его тонкий кишечник утверждал, что это случилось бы в любом случае — просто дала о себе знать местная еда. Потом он, впрочем, к ней привык. До такой степени привык, что мне приходилось готовить ему сырое мясо с творогом и рапсовым маслом. Он обожал эту гадость.

Кроме сырого мяса, ему нравились гоночные автомобили, лошади, а также хорошо сложенные мальчики спортивного вида. В этом списке увлечений я занимала место где-то между

мальчиками и лошадьми (ближе к первым). То есть можно сказать, что он был безумно влюблён — насколько подобный человек вообще может влюбиться в женщину.

Как я выяснила своим обычным методом (ваше досье на Александера, генерал, ни к чёрту не годилось), он был профессиональным шпионом-наёмником и работал на тех, кто больше заплатит. Он занимался только добычей информации, никогда не нанимался убивать за деньги и всегда работал один. На самом деле, разумеется, всё было сложнее. Его тело рассказало моей письке немало интересного про его первое африканское задание. Про чёрного юношу, которого он изнасиловал и убил в ресторанном туалете в Найроби — без особой необходимости, просто потому, что у него было такое настроение. Про девочку, которую он оставил умирать с кровотечением в дешевой гостинице в Киншасе, — но не был уверен, что она действительно умерла. Про тех пятерых, которые пошли с ним через линию фронта, — его очень беспокоило, не остался ли кто-нибудь из них живым. Ему этого не хотелось. Как и все мужчины, в глубине души он был трусом.

Зато он знал чёртову уйму всяких языков, включая армянский, сербский, урду и африкаанс, умел держать стойку на руках, прекрасно стрелял, танцевал как бог и никогда не храпел во сне. Если бы существовали экзамены на звание супермена, он легко получил девять баллов из десяти возможных. И ещё одно, самое важное. Моя писька влюбилась в него. Точнее, в его член.

К сожалению, я узнала об этом слишком поздно.

Сначала всё шло как всегда. Она работала так же усердно и, казалось, вытягивала из нашего клиента информацию, как пылесос. Обычный сценарий, разве что несколько растянутый. Единственное, что меня слегка настораживало, — потрясающий секс, который я имела с Александром. Это было и в самом деле что-то невероятное. Мне надо было задуматься об этом раньше... но я не подумала. Я привыкла чувствовать себя неуязвимой... особенно с этой стороны.

Что я чувствовала по отношению к нему? Было ли мне хорошо с этим человеком? Наверное, да... во всяком случае, это было занимательно. Но не более того, генерал, не более того. Хотя, будь я обычной женщиной, не знающей своего тела так, как я его знаю, я, возможно, тоже влюбилась бы в этого человека.

Рука уже устала печатать — а ведь она мне ещё понадобится. Всё, закругляюсь. Позавчера Александер вернулся из Еревана, почти не загоревший (его смуглая кожа уже не принимала загар, только слегка бронзовела от солнца), рассеянный и довольный. Он быстро отымел меня, потом повёз ужинать в «Золотой лев». Я кушала лобстера, когда вы позвонили мне прямо туда на мой обычный сотовый. Это было против всех правил — и я поняла, что дело сверхсрочное.

Вам нужно было знать подробности ереванского дела. Кто и почему убил президента вместе с правительством. Знать срочно. Как можно скорее. «Делай что хочешь, — сказали вы, генерал, — но мне нужно знать». Судя по голосу, дело было серьёзным. И я, как всегда, сказала — «я постараюсь, генерал». А вы были так напуганы, что не потрудились даже выругать меня за моё «постараюсь».

Я быстренько перепихнулась с Александром прямо в ресторанным кабинете — благо VIP-зона в «Золотом льве» очень способствует здоровому сексу. Потом я сделала то же самое у него в номере гостиницы. Конечно, я ждала обычного отчёта — но писька молчала, будто воды в дырку набрала, а когда я стала настаивать, отделалась какой-то невнятицей. Я было решила, что у неё что-то не получилось — всё-таки член Александера был очень и очень непростым существом, писька и раньше имела с ним сложности, но всё-таки они обычно ладили... В общем, я сделала то же самое, что и в других случаях, когда у меня чего-то не получалось. То есть устроила сумасшедшую оргию на всю ночь. Александер неожиданно оказался на высоте: он выдерживал заданный темп без особых усилий. Мы вытворяли чёрт знает что... а потом, когда я была уже истощена, писька, моя любимая писька, только что отправившая меня в короткий обморок от космической силы оргазма, заявила мне:

— Глотка, оставь его в покое. Я больше не буду ничего рассказывать. Я люблю его член и никогда не причиню ему вреда.

Конечно, я сначала решила, что это очередной вздор, с которым следует разобраться наедине. Александер мне в этом только мешал. Я даже не стала его будить, чтобы попрощаться. Через двадцать минут я была у себя и настроилась на серьёзный разговор с расшалившейся мартышкой.

Но никакого разговора не получилось. Сначала она отмалчивалась, а когда я её достала как следует, она заявила мне, что я такая же глотка, как все. И что если я буду настаивать на своём, на этом наша дружба и совместная работа кончена. «Ты ничего не умеешь делать, кроме того, что делаю я, — сказала она. — Теперь будет так: или ты выполняешь то, что я хочу, или пойдёшь побираться».

А хотела она одного: чтобы я удержала около себя Александра любой ценой. Больше её ничего не интересовало. Его член, этот кусочек мяса с интеллектом крысы, — вот то, что ей было нужно.

Конечно, побираться я не пошла бы, вы это знаете, генерал. Вы платили мне реальные деньги. По крайней мере того, что у меня было на счетах, хватило бы на скромную жизнь в каком-нибудь цивилизованном государстве. Но тут уже дело было не в деньгах. Я поняла, что если уступлю сейчас, то никогда больше не буду распоряжаться своим телом. Писька, с одной стороны, и Александр — с другой, возьмут меня в оборот.

Я пыталась договориться по-хорошему, генерал. Я просила её подумать, я пыталась её обхитрить, я делала всё, что могла.

А когда я потянулась к ней, чтобы её приласкать, она сжалась и закричала внутри — да так, что у меня свело живот от её крика: «Не прикасайся ко мне!»

Ну вот и всё, генерал. Я раскладываю на столе инструменты — шипчики, иглы, ампулы с препаратами. Хорошо, что меня научили, как всем этим пользоваться.

Я буду пытаться свою письку, пока она не расскажет всё, что знает.

Потом я позвоню вам, генерал, и сделаю доклад, который вы ждёте. Или не сделаю — тогда вы получите доклад, которого не ожидали. Вот этот файл, генерал.

Мои ноги меня пока держат — это хорошо, но всё равно придётся их привязывать. Левая рука безжизненно висит вдоль туловища: у неё всегда были хорошие отношения с этой маленькой дрянью... Правая трясётся, но пока подчиняется мне. Она всегда была глуповата и привыкла слушаться меня, не рассуждая.

Я знаю, что мне будет больно, очень больно. Я не хочу калечить своё тело. Но — или я, или она.

Я делаю это не для вас. Сейчас мне плевать на организацию, национальную безопасность, да и на деньги тоже. Но я не могу уступить собственной пизде.

Если она сломается и расскажет мне всё, это будет моим последним заданием. Возможно, я уеду отсюда. Наверное, в ту самую маленькую европейскую страну, с хорошим кофе по утрам. Других радостей у меня не предвидится. Во всяком случае, с сексом придётся попрощаться: даже если всё заживёт как надо, вряд ли она когда-нибудь меня простит. Она у меня очень упрямая.

Или же... Я знаю, что моё тело может меня убить. Достаточно лёгкого перебоя в работе сердца. И когда пискья поймёт, что больше не выдержит...

Если здесь больше ничего не написано, значит, я умерла.

ХОРОШЕЕ МЕСТО

— Здесь. — Шаман ткнул перед собой обрубком указательного пальца.

На краю овражка росли два скрюченных дерева, большое и маленькое. Они были похожи на торчащие из земли руки. По дну овражка змеился ручеёк с мутной водой.

— Сильный демон, — сказал шаман, поводя носом. — Будет держать, ничего не выпустит.

Вождь людей полян раскрыл мешок с костяными бусами.

— Мы отняли это у людей леса. Это их вещи. Если они придут сюда, скажи, он отдаст им сокровища?

— Нет, — уверенно сказал шаман. — Сильный демон. Ничего не отдаст, держит, не выпустит. Отдаст только тому, кто закопал. Демоны любят сокровища живых.

— Хорошо, — ответил вождь.

Костяной нож вошёл шаману под лопатку.

— Тебя придётся оставить здесь, — сказал вождь, старательно изображая на лице раскаяние: всем известно, что духи мёртвых злы, но очень доверчивы. — Ты знал опасное. Мне жалко тебя. Видишь, я плачу. — Вождь заморгал. — Ты был самый сильный шаман среди живых, а теперь ты самый сильный шаман среди мёртвых. Быть мёртвым — очень, очень почётно.

Он отволоч тело в овраг, потом спрятал мешок между сухими корнями большого дерева, завалил мусором щели. Лёг рядом и накрыл голову руками.

— Демон, — сказал он, царапая губы о землю, — охраняй мои сокровища. Это моё. Если придут люди леса, не отдавай им. Эти бусы мои.

Из-под земли донеслось рычание.

На обратном пути его поймали лесные люди. Вождь не вынес пытки горящими ветками и рассказал про два кривых дерева.

Лесные люди отправились туда всем племенем.

Больше они не тревожили людей полян.

— Здесь. — Чолхан показал рукоятью плети перед собой.

На краю овражка росли два скрюченных деревца, побольше и поменьше, похожие на человеческие руки.

— Веди пленных, — не оборачиваясь, приказал он сотнику. — Пусть копают.

— Мой господин, надёжно ли место? — спросил Ахтык-бек, придерживая своего коня. Вороной жеребец с коротко подстриженной гривой застыл как вкопанный. Чолхан в очередной раз пожалел о своём подарке.

— Я знаю, что здесь живёт дух. Он очень любит сокровища и никому не отдаёт их, кроме того, кто их сюда положил, — осторожно ответил он молодому батыру. — Не стоит беспокоиться об этом.

Пленники — худые, измождённые люди — уже рыли яму у корней большого дерева. Рядом лежала гора мешков из промасленных шкур и тугие кожаные мешочки с монетами внутри.

В глубине ямы зазеленело: видимо, лопнул мешочек с монетами. Ахтык-бек молча показал стражникам на яму, и те, нестройно галдя, полезли в грязь — присматривать за ханскими сокровищами. Сотник, чувствуя на себе испытующий взгляд владыки, спрыгнул с коня и направился к яме.

— Пленных зарезать? — поинтересовался Ахтык-бек.

— Не надо, — неожиданно сказал Чолхан, — их убьёт дух. Ты увидишь, как это будет.

Когда солнечный диск коснулся горизонта, яма была засыпана. Чолхан и Ахтык-бек, спешившись, подошли к деревьям. Чолхан прикоснулся щекой к стволу и что-то прошептал. Откуда-то снизу донёсся странный глухой звук. Чолхан удовлетворённо кивнул и снова сел в седло.

Пленники, удивляясь тому, что остались живы, поволочились обратно, подгоняемые нагайками воинов.

Первым упал старик с белыми волосами. Последним умер сотник. Его кобыла легко стряхнула со спины мёртвого седока и с шумом помочилась на труп.

В живых остался один человек — долговязый юноша с обожжённым лицом. Ничего не понимая, они смотрели на гору трупов.

Чолхан расхохотался.

— Иди. Ты честный. Иди, — сказал он и махнул рукой, отпуская.

Пленник, испуганно оглядываясь, пошёл к лесу.

— Они все, — владыка ухмыльнулся, — что-то взяли из того лопнувшего мешка. И те, кто копал, и воины. Я знал, что они возьмут. Я знаю людей.

— Зачем ты отпустил этого? — спросил Ахтык-бек. — Он расскажет про место.

— Он будет молчать. А если расскажет — пусть. Те, кто прикоснется к сокровищам, умрут, а сокровища останутся в земле. Дух возвращает сокровища только их хозяевам. У них два хозяина. Я и ты. Ты же мне как сын. — Чолхан особенно полюбил эти слова после того, как приказал Ахтык-беку тайно убить одного из своих сыновей: мальчик уже начал задумываться о том, что его отец достаточно стар, чтобы отправиться к Тенгри. Чолхан думал иначе. Ахтык-бек безупречно выполнил поручение, за что и был приближен.

Ахтык-бек выжал из себя угодливый смешок.

Через два дня Ахтык-бек задушил старика во сне.

Войска его не поддержали, и в тот же день с молодого батыра сняли кожу.

На поиски сокровищ отрядили две сотни. Потом — ещё две.

— Здесь, — прошептал Анчутка, оглядываясь на напарника.

Анчутка был старым, опытным вором, коему были ведомы многие тайны ремесла. Чиряк поставился в ватагу без году неделя, но уже успел прославиться нахрапом и воровской удачей, без которой в таких делах абма.

Местечко было так себе: овражек да два кривых деревца над ним.

— Здесь, говорят, не только наши, а многие прячут, — зачастил Анчутка, — кто что... А ещё сказывают, что в этих местах немалые клады лежат. Да только лучше их не искать. Потому как ежели кто такой клад отыщет, так его тут же чека-нашка хватает за одно место и в самое пекло утаскивает...

— Враки всё, — Чирык поморщился, — чеканашку тебе подавай... Бабы разговоры.

— А вот и не враки. — Анчутка хитро прищурился. — Ты под ноги себе глянь. Это что, по-твоему?

Чирык наклонился, глянул и с проклятием отшвырнул от себя изгнивший мосол.

— Тут в земле костей человеческих, — склонился к нему Анчутка, — видимо-невидимо. Эту, знать, дожём вымыло...

— Ну, знать, убили кого-то, — напарник уже взял себя в руки, — нам-то что с того?

— Старые воры сказывают, — вздохнул Анчутка, — они сами мрут, ежели до чужого добра коснутся... Ё! Смотри-тко!

В ямке остро блеснула серебряная чешуйка.

Чирык ловко присел и схватил денежку.

— Я पहले сказал, — завёл было Анчутка, но Чирык так зыркнул на него, что тот заткнулся.

Чирык подкинул на ладони чешуйку. Она казалась на удивление новенькой, нестёршейся.

— А может, и впрямь здесь клады лежат? — Чирык попробовал монетку на зуб, кивнул. — Серебришко-то хорошее... Только вот что: подлое это дело — в земле ковыряться. А нам, людям вольным, то не пристало. — Он стремительно размахнулся и бросил монетку в овражек.

Анчутка вытаращился на Чирыка, не понимая.

Под землёй что-то ворохнулось. Деревья вздрогнули.

Чирык обернулся и со всего маху засадил старому вору под дых, а когда тот согнулся, отоварил кулаком по роже.

— Быстро уходим, — сквозь зубы процедил он, таща мычащего от боли Анчутку за ворот.

— Удача воровская меня спасла, — через небольшое время объяснялся он, сидя на лавке и подливая Анчутке хлебного вина. — Я как взял эту денежку, так меня снизу всего и скрутило, вот как хошь, верь — не верь, а худо мне сделалось. А такое у меня бывает, когда совсем того... амба. Вот смотрю я на денежку ту и думаю: ежели ещё хоть малый миг её в руках подержу, так и того... там и останусь. Чуть не обделался. — Чирык скорчил харю.

— В чеканашку теперь... веришь? Скажи, а? — Изрядно подобревший от хлебного Анчутка с трудом ворочал языком.

— Верю — не верю, то моё дело, — протянул Чиряк, — а больше я туда не пойду. И прятать там ничего не буду. Не хочу, и все тут дела.

— Здесь, — расслабленно мотнул головой Степан Онуфриевич. Реденькая рыжая бородёнка растрепалась, раздуваемая ветром.

Пресловутое место выглядело вполне невинно: полевой овражек, на краю которого росли два хиленьких, перекорёженных деревца, смахивающих на костлявые руки.

— Вот тут его и нашли, батюшку вашего, Коля... — Степан Онуфриевич приобнял молодого наследника за плечи. — Здоровый вроде человек, мне бы то здоровье... и вот так вот — умер. Был — и нету. Очень подозрительно это случилось, вы не находите?

— Жил-жил, да и умер. Очень натуральное дело, — грубовато перебил Николай Иванович и досадливо дёрнул плечом. Он стеснялся неопрятного и болтливого старика, но не хотел этого показывать.

— Вот вы говорите — «натуральное дело», — тут же прицепился Степан Онуфриевич, — а в моё время иначе говорили. В моё время сказали бы — «дело божеское». Чувствуете ли разницу? — ехидно ухмыльнулся старикан и тут же согнал с себя усмешечку, поджал губы корабликом. — Раньше-то люди в Бога веровали, а сейчас — в натуру, сиречь в богиню языческую... Вот и здесь: для вас, к примеру, трагическое происшествие с родителем вашим... мир праху его, хороший был человек... значит, о чём бишь я? Да вот же: дело сие представляется вам проходящим по ведомству природы. А я так думаю, тут всё не очень просто... Со следователем говорили? Знаете про ту историю?

— Ну да. Мужики, нашедшие тело моего... моего отца, — смутившись ещё сильнее, буркнул Николай Иванович, — показывали на следствии, что в руке покойного якобы была зажата золотая монета. Которую они, по собственным своим показаниям, выбросили в овраг...

— Вот и я про то. Места тут такие, Коля, — вздохнул старик, — места тут такие. Уж на что наши мужички люди корыстные... бывало, что и пьяных, и мёртвых раздевают, а уж по карманам пошарить — так это за святое дело считается... такой народ! Да-с... а вот с этого места, где мы сейчас имеем

удовольствие обретаться, никакой мужичонка, даже самый разбойник, ничего не возьмёт. Пачку ассигнаций положи — не возьмут! Вот ведь как...

— А что? Какая-то легенда? — Николай слегка заинтересовался.

— Есть тут такое поверье, что в этих местах обитает... нечистый. — Последнее слово Степан Онуфриевич произнёс почему-то шёпотом.

— Чёрт? — Николай усмехнулся.

— Собственной своей персоною. И будто бы он стережёт здесь великие сокровища. Только вот в чём заковыка: достать-то их нельзя. Ибо нечистый отдаёт их только законному владельцу... а остальных того-с, примаривает. А сокровища возвращает взад, на то же место...

— Экий, однако, нечистый получается законник и крючкотвор, — пожал плечами Николай Иванович. — Нам бы побольше таких чертей, а то, знаете ли, очень уж воруют в нашем славном отечестве...

— Ну, где-то оно так, — Степан Онуфриевич потеревил бородёнку, — а только не здесь. А вот ваш батюшка, Иван Дементьевич, покойник, тот того-с... посягнул. И настигла его за это подобающая кара. Вот и думай.

— Я знаю, что батюшка, — Николай поморщился, — интересовался народными поверьями, преданиями... Но, простите уж, по здравому рассуждению полагаю, что это всё глупости. А насчёт золота — легенда. Мужик, конечно, разный попадает, а вот никогда не поверю, чтобы не украл. Это дело решительно невозможное. При нынешнем экономическом строе...

— Думаете, вздор говорю? А давайте проверим! — оживился Степан Онуфриевич. — Вот я сейчас положу... скажем, вот сюда, — он показал на гладкий, отполированный дождями камень, лежащий в корнях кривого деревца, — пяточок-с. Для наших мужичков — деньги. И прошу заметить, он так и будет лежать...

— Сюда мало кто ходит, — возразил Николай Иванович, — не увидят. Да и что это за искус, на пяточок-то... Берите выше, что ли...

— Ах вот как? Хорошо-с! — Старикан совсем распушился. — Но тогда... и вы, Коля, тоже поучаствуйте. Давайте так: у вас с собой есть что ценное? Али как?

— Что-нибудь найдётся, чай не нищие, — необдуманно брякнул Николай Иванович и тут же пожалел об этом.

— А-атличнейше! И что же?

— Денег у меня с собой сейчас нет. — Николай Иванович отчаянно злился на то обстоятельство, что его помимо воли втягивают в какое-то дурацкое пари, но ничего не мог поделать. — Только разве часы... Хотя нет же, вот... — Он достал массивный золотой полуимпериал. — Этого, пожалуй, хватит?

— Превосходнейше! Давайте так: вы оставляете его здесь, а я... — Старик засуетился, захлопал себя по карманам, потом отвернулся и выпростал из-под ворота золотой крест. — А я вот... Прости господи, — прошептал он, — кладу смело, потому что знаю — не возьмут... Три дня сроку. Дни сейчас погожие... За такое время здесь кто-нибудь да непременно пройдёт.

— А если дождь, ветер? Смоет, скинет, ищи потом...

— Нет, нет, ничего не будет, проверено, — убеждённо сказал Степан Онуфриевич. — Тут если что положишь — так оно и лежит себе. Как новенькое. Такое место... В общем, если через три дня мы находим всё на том же самом месте — я прав, а если нет — то уж вы. Уговор?

— Уговор, — вздохнул Николай.

— Э-э, постойте! А на что спорим-с? Я лично готов поставить... да что угодно. Решительно всё равно. Я уверен. А вот вы, Коля...

Сошлись на радужной.

Ночью Николаю Ивановичу не спалось. Вдоволь поворожавшись в неудобной постели и окончательно сбивши набок простыню, он всё-таки встал. Позёвывая, оделся. Зажёг свечу, попробовал читать, но чтение не развлекало. В конце концов ему пришлось в голову пойти на крыльцо продышаться. На дворе ему неожиданно показалось уютнее, чем в доме. Крутобокая полная луна добросовестно сияла. Папиросный дым змеился в неподвижном воздухе. Всё вокруг дышало покоем, как выразился бы Боборыкин в каком-нибудь опыте на тему русской природы.

«Однако ж, дурацкий спор у меня вышел, — досадуя, вспоминал Николай Иванович дневное происшествие, — вот ведь подловил меня старый хрен. Крестик с себя снял, ишь ты... А ведь он уверен был, — вдруг понял Николай Иванович, — уверен, что не возьмут... И ведь не возьмут, народ-то тёмный, свеверный». Он вдруг поймал себя на мысли, что образован-

ному человеку украсть как-то проще, но мыслишка была неприятная, и он её тут же от себя отогнал. Мыслишка, однако, отнюдь не отправилась восвояси, а, чуть принарядившись, явилась опять, и на сей раз показалась любопытной.

«А почему ж нет, — думалось Николаю Ивановичу, — надо же как-то разрешить этот случай... Вот пойдём и увидим, что ничего там нету... Старик, конечно, нос повесит, обидно же, да и сто рублей — деньги. И тут я со смехом вытаскиваю из кармана... А не будет ли обиды? Да нет, пожалуй». И вдруг ему захотелось пойти немедленно.

Дорога показалась ему близкой и не страшной. Да и в самом месте не было ничего зловещего, кроме разве что скрюченных деревьев.

Он без особого труда нашёл камень. В темноте монета и крест казались белыми.

«Домой пора, однако», — подумал он, небрежно стрёб обе вещицы и, фальшиво насвистывая, заторопился восвояси.

Николая Ивановича нашли наутро на дороге — мимо проезжал обоз.

— Здесь. — Господин Сергиевский передал бинокль господину Коннору. Тот повертел его в руках, опасно разглядывая рычажки и кнопки на корпусе.

— Мартышка и очки, — шепнул Сергиевскому Николай. Англичанин услышал, не понял, но на всякий случай напустил на себя надменный вид.

— Грунт уже вынут, — громко сказал Сергиевский, — сейчас начнём сгружать... Витя, что у нас там с роботом?

— Усё нормалёк, Толян, — прогудел из машины Тарасов. — Конструкция у них только дурацкая, зацепиться не за что...

На этот раз Коннор понял.

— Там есть пазы, — сказал он по-русски. — Эти контейнеры не предполагалось класть на грунт, — добавил он по-английски.

— Полагалось — не полагалось, а вот пришлось же, — пробурчал Тарасов, манипулируя рычажками на пульте. — Ладно, щаз захреничим...

— Послушайте, — обратился Коннор к Сергиевскому, — вы вполне уверены в том, что делаете? Имейте в виду, если что-нибудь случится...

— Ничего не случится, — уверенно сказал Сергиевский.

— Я предупреждал, что контейнеры старые, — Коннор всё вертел в руках бинокль, — возможны утечки... Эта субстанция химически агрессивна. Очень ядовита. И радиоактивна.

— Это не важно, — успокаивающим тоном сказал Сергиевский. — С контейнерами ничего не произойдёт. Никогда. И никто не узнает, что они тут лежат. Наши технологии хранения...

— Нет у вас никаких технологий, — резко сказал Коннор, — я знаю вашу атомную отрасль лучше, чем вы все, вместе взятые. Но я вынужден вам верить. Потому что у нас безвыходное положение. Никто не хочет принимать у нас эти отходы, никто. Ни одна страна мира. А держать их у себя мы тоже не можем. На вас когда-нибудь нападали активисты экологического движения?

— Бог миловал, — усмехнулся Сергиевский.

Коннор промолчал.

Сергиевский взял у него бинокль, поднёс окуляры к лицу, щёлкнул какой-то кнопкой.

— Витёк, ты грузишься? Я ничего не вижу.

— Говорю же, нормалёк, — пропыхтел Тарасов. — Блин, как будто сам их таскаю.

— Тебе всё видно? — спросил Тарасов.

— Ага. Кладу их ровно, рядышком, на грунт. Похоже, что говно эти контейнеры. Жуткое старое говно. Как они их сюда довели целыми, не понимаю ни хера...

Англичанин сухо улыбнулся.

— У вас очень коррумпированная страна, — сказал он. — За деньги ваши люди готовы на всё. Мы заплатили деньги, и вот контейнеры здесь. И вы кладёте их на грунт. Я этого не понимаю. Это же ваша земля. Контейнеры могут потерять герметичность. Или их могут извлечь из грунта. Неужели вы готовы подвергнуть опасности своих сограждан за десять миллионов долларов?

— У меня в этих местах дом, — сказал Сергиевский. — И я не намерен его продавать. Я буду здесь жить. Спокойно и счастливо.

Коннор косо взглянул на него, поджал губы.

— Я уже объяснял вам положение дел. — Сергиевский снова поднёс к глазам бинокль. — Мы гарантируем вам, что эти контейнеры будут лежать здесь... ну, скажем так, достаточно долго. Их никто никогда не извлечёт из грунта. Кроме того,

они останутся в том состоянии, в каком они находятся сейчас. Скажу больше: радиационный фон тоже не изменится. Сейчас они фонят, и довольно сильно. Когда погрузка закончится, мы пойдём и посмотрим, что у нас получилось. У вас, кажется, счётчик Гейгера с собой? — Коннор кивнул. — Вот и убедитесь.

— Всё, — буркнул Тарасов, вылезая из машины. — Еле влезло. Нельзя было сделать траншею подлиннее?

— Я же тебе объяснял, — вступил в разговор Коля, — у нас осталось места всего ничего. Мы и так уже дошли до границы зоны. Ты бы ещё попробовал копнуть между деревьями, а?

— Пробовали как-то, — заметил Сергиевский. — Старик Йоффе там копал. Ну, ещё тогда, когда мы только начинали этим заниматься. И что-то такое зацепил... Чужое, в смысле.

— Думаешь, взял что-нибудь? — недоверчиво спросил Коля. — Не верю. Йоффе я помню, он как лиса был, осторожный такой...

— Наверное, просто разворошил чей-то клад. Ну и вот... — Сергиевский развёл руками. — Правда, Йоффе не сразу умер. Сначала помучился. Мне вообще-то кажется, за последние сто—двести лет эта тварь всё-таки начала сдавать. Она уже не может убивать сразу, на месте. Йоффе собрал кой-какие данные на этот счёт...

— Кто? — Коннор подозрительно посмотрел на Сергиевского. — Что вы обсуждаете?

— Защитный фактор, — вежливо ответил тот. — Genius loci. Дух места, если хотите. Я вам уже пытался рассказать всё, но вы не захотели обсуждать со мной эту тему. Витя, ты траншею засыпал?

— А как же? — Тарасов картинно надул щёки.

— Тогда поехали. Эрнст, вы тоже с нами. Надо же посмотреть на работу.

Само место ничего интересного собой не представляло. На осыпающемся краю овражка росли два кривых дерева, похожие на руки. От того, которое было побольше, тянулась аккуратная свежесасыпанная борозда. Вдоль неё, подвывая сервоприводом, ехала оранжевая тележка-робот с механической рукой.

— Вот такое наше хозяйство, — удовлетворённо сказал Сергиевский. — Ну что, как там ваш счётчик? Молчит?

— Фон в норме, — ответил Коннор. — Не понимаю. Неужели у вас и в самом деле есть какие-то технологии хранения? В таком случае обсуждаемым вопросом было бы...

— Нет, Эрнст. Мы вам уже всё объясняли. Это... свойства данного места. Удовлетворитесь пока таким объяснением, если не хотите принимать другие... Теперь ещё одна маленькая формальность. Вы отказываетесь от этих контейнеров? Это уже не ваше?

— Разумеется, — твёрдо сказал Коннор. — Теперь всё это — предмет вашей заботы, господа.

— В таком случае я, Витя и Коля принимаем на себя владение всем тем, что зарыто в этой траншее. Мы являемся законными владельцами этих вещей, а не господин Коннор. Охраняй хорошо, — тихо добавил он, — это очень, очень большая ценность. Смотри, чтобы ничего не пропало. Ни единой частицы.

В овраге что-то с хрустом и грохотом осело.

— Что это? — всполошился Коннор.

— Ничего особенного. Кое-кто подал голос. Всё в порядке, Эрнст.

Англичанин опасливо подошёл поближе к борозде, поковырял влажную землю носком лакированного ботинка. Что-то увидел. Нагнулся, поднял какую-то небольшую белую вещицу. Это была костяная бусина, на вид совсем новенькая. Коннор повертел её в руках, потом машинально положил в карман.

Тарасов нервно дёрнулся. Сергиевский ткнул его локтем в бок.

— Давайте прощаться. Вы уезжаете, а мы остаёмся.

Коннор протянул Сергиевскому руку. Тот пожал её, отметив про себя, что рука англичанина холодная и влажная.

— Успехов, господа, — сказал англичанин и, не оглядываясь, пошёл к машине.

— Бери моё добро... и горе-злосчастье в придачу, — прошептал Сергиевский, когда машина англичанина скрылась с глаз.

— Он на самолёт-то успеет? — поинтересовался Коля. — Нам тут только трупов не хватало... Начнут выяснять. Мало ли что.

— Должен успеть, — рассеянно сказал Сергиевский, — может, даже долетит... Постой, тут у тебя грязное. — Он два

раза сильно хлопнул по боковине куртки. — Ну что, теперь ко мне? Как-никак, надо отметить.

— Ещё наотмечаешься, — скривился непьющий Тарасов. — Ого! Что это он бузит?

Друзья замолчали, прислушиваясь. Под землёй было тихо.

— Послышалось... Уффф. Как ты думаешь, сколько ещё?

— По нашим расчётам, где-то лет триста. — Сергиевский задумчиво пожевал губами. — Он же теперь должен впитывать радиацию. А это малополезно даже для существ его типа.

— Жалко, что он нейтроны обратно засовывать не может. Помнишь, как Йоффе надеялся? Можно было бы делать золото.

— Тут и без того полно золота.

Подтверждая его слова, в мокрой грязи блеснула золотая искра: то ли денежка, то ли колечко.

Сергиевский посмотрел под ноги. Примял землю носком. Золотая искра погасла.

— Вот так-то лучше. — Он повернулся к Тарасову. — Всё, Коля, поехали.

Деревья заскрипели.

— Не жадничай, — не оборачиваясь, сказал Тарасов. — Жадничать нехорошо. Я же вот не жадничаю... Кстати, — обратился он к Сергиевскому, — про мою долю. Не забудь мне деньги перевести. Сегодня же.

Сергиевский кивнул, рассеянно подумав, что Тарасов вряд ли доживёт до вечера. Пару минут назад он успел подкинуть ему в карман кстати подвернувшийся красный камушек.

У него было на примете несколько вещей для таких okazji. Он давно полагал, что цена на технические услуги господина Тарасова чересчур завышена. Впрочем, люди вообще склонны себя переоценивать. Как переоценил себя старик Йоффе, намеревавшийся встрять в его, Сергиевского, бизнес.

Он так и не заметил прилипшего к подошве комочка грязи. Комочка с золотой искоркой внутри.

HAPPY BIRTHDAY TO YOU

Том Хоукинг-младший проснулся от аромата роз. Приторный запах, казалось, оседал на губах. Том ещё немножко понежился в постели, потом наконец открыл глаза. Нечего разлёживаться. Сегодня он не собирался упускать ни минуты.

Гигантский букет — настоящий розовый лес — стоял в огромной белой вазе размером с ведро. Том подумал было, что неплохо бы съездить в парк, покататься на лошадях, но быстро оставил эту мысль. Нет уж. Папа сегодня повезёт его в город. И он наконец узнает, что значит Хорошо Проводить Время. Он сладко зажмурился, представляя, как это будет.

Мама уже села завтракать и, состроив свою обычную утреннюю гримаску, вертела в руке серебряную ложечку, размышляя, стоит ли побаловать себя яичком или это всё-таки лишний белок. Том решил было избавить её от этих мучительных размышлений, даже привстал, но мама, улыбнувшись, мягко покачала головой:

— Сейчас не надо, Томми. У тебя напряжённый день, не так ли? Ты ведь захочешь поехать в город, поросёночек? И наверное... ну, ты понимаешь?..

Томми украдкой запустил руку в трусы. Не очень-то. Ладно, обойдёмся без маминого минета, побережём добро для девочек. Он подумал о том, что сегодня у него, наверное, будут настоящие девочки. Придётся папе раскошелиться.

Да уж, сегодня-то придётся. Не отвертится. Всё-таки как-никак у него день рождения. Лучший день в году.

Папа появился, как обычно, в тот самый момент, когда все уже собирались из-за стола. Выглядел он тоже как всегда. Сегодняшний гемоглобин явно недотягивал даже до пятиде-

сяти. Папа поболтал ложечкой в чашке, отпил три глотка, брезгливо поморщился. Томми его хорошо понимал: однажды он украдкой отпил папиного чая, и его чуть не стошнило: в чашке была заварена какая-то противная вонючая трава. Но сегодня, кажется, папа решил побаловать себя настоящим чаем. Ох, рискует предок: с желудком лучше быть поосторожнее. Да, точно, лезет за таблеткой...

За воротами весело загудела машина. Том тут же выбросил из головы всю ерунду и бросился наверх одеваться.

Наверху его ждал сюрприз. Когда он открыл свой шкафчик, чтобы выковырять оттуда комок слежавшегося тряпья, именуемого его одеждой, и поискать себе что-нибудь поприличнее, то увидел пустую вешалку, а на самом дне — большой блестящий пакет. Не веря своим глазам, он разорвал твёрдую, почти звенящую бумагу и вытащил на свет божий Самый Потрясающий Прикид, который он только мог себе вообразить: шикарный комплект от «R.i.Q», явно заказной и жутко модный: узкие черные обтяжки с гульфиком, четыре упаковки мужских колготок, тельник, чёрная сетка, отдельно лежали дорожные манжеты и тяжёлые золотые запонки в бархатной коробочке. Мамин подарок.

Восторженные вопли Тома, кажется, потрясли дом до самого фундамента. Во всяком случае, они разбудили спящий комп, который тут же высунул свою телекамеру. Том показал ему язык, а потом, не удержавшись, и кое-что ещё. Комп, как всегда, ответил ему тем же, выведя на экран неприличную картинку.

Том рассмеялся: картинка была знакомая с детства. Когда-то, когда Том был ещё маленький, машина помогала ему в его занятиях рукоблудием, разыскивая на порносерверах что-нибудь новенькое и составляя для мальчика целые коллекции. Потом Томми узнал от мамы, что она просматривала все эти серии. Впрочем, он догадался об этом сам, когда мама изменила стрижку у себя внизу, оставив там тоненькую стрелочку — как на его любимых фотках.

Нет, лениво размышлял про себя Томми, у других детей жизнь невесёлая. Да, у мамы были другие дети, но Томми ни разу их не видел. Линда-младшая, родившаяся совсем недавно (мама была очень смешной, когда ходила с раздутым животом), быстро отправилась в какое-то закрытое детское заведение для самых маленьких. Был ещё какой-то Сид, старше Тома,

но он учился в медицинском колледже и дома тоже никогда не появлялся. Мама не очень любила других детей. И уж тем более она не стала бы спать с каким-то там Сидом. Том однажды спросил её об этом, и она сначала долго смеялась, а потом стала серьезной и сказала, что никогда-никогда, ни при каких обстоятельствах, не стала бы с ним это делать.

— А как же я? — спросил Том (кончив, он сначала засыпал на три-четыре минуты, а потом его неудержимо тянуло поболтать).

— Ты другое дело, — улыбнулась мама, — Ты у нас Любимый Сыночек. — И потом объяснила, что решила сама Научить Его Всему, как только он подрастёт.

— И, знаешь, милый, я так ждала этого момента, — мурлыкала мама, теребя наманикюренными пальцами его мужское достоинство.

Нет, с мамой было классно. Никакие девочки не нужны, когда есть мама. Ну конечно, потом у него будут девочки. Много девочек. Маме он, разумеется, об этом не говорил, ей, наверное, будет неприятно. Но когда он будет чемпионом, тут уж он ни одну не пропустит.

Но больше всего Тому нравилось, что ему не нужно ходить в школу, где детей мучают, как в аду. Мама сама научила его всему, что нужно: читать, общаться с компом, и деликатно приохотила его к музыкальным занятиям. «Музыка — это то, что у тебя в руках, на кончиках пальцев, — говорила мама, — если ты не будешь заниматься, твои руки не будут гибкими». Потом Том понял, как музыка помогла ему в фехтовании.

Вот интересно, а разрешит ли папа сегодня пропустить тренировки? Впрочем, какие там тренировки!

Том спустился в новом костюме, надев на себя вместе с обтяжками и тельником прекрасное настроение.

Отец уже был собран и готов к походу. И к походу серьезному, раз он взял с собой кардиостимулятор: пиджак оттопыривался, на рукаве пульсировала рубиновая бусинка индикатора сердечной деятельности. Том научился разбирать эти сигналы ещё в детстве: точно такой же индикатор он втыкал куда-нибудь перед началом тренировок. Он умел читать рисунок сердца и с удивлением понял, что отец не просто дурно себя чувствует: он взволнован. Сильно взволнован. Мама, впрочем, тоже была напряжена, хотя её тревога была тщательно

запрятана внутрь. Наверное, думает, как я буду вести себя в городе, подумал Том. Ничего, переживёт. Всё будет чики-пуки.

Мама, однако, держалась молодцом.

— Ну, счастливо, маленький чемпион, — сказала она ему на прощание. — Я тебя люблю, крокодильчик.

Томми поцеловал маму в шею и побежал к машине, чтобы первым занять переднее сиденье. И тут его прекрасное настроение было изрядно подмочено: впереди уже сидел доктор Ходивала.

Том не любил доктора, хотя знал его чуть ли не с рождения. Говорят, доктор даже принимал роды у мамы. Во всяком случае, делал маленькому Томми уколы и заставлял глотать горькие таблетки точно он. А потом, когда начались занятия в спортивном зале, доктор сам устанавливал нагрузки, следил за ходом занятий, вмешивался во всё... и именно он засёк Тома в раздевалке с инструктором по борьбе, когда тот объяснял Томми кое-какие интересные вещи. Ох, что было... Том знал, что именно благодаря доктору он такой сильный и здоровый, но благодарности почему-то не испытывал. К тому же папа платил доктору сумасшедшие деньги, он сам это слышал от папы — «сумасшедшие деньги», когда подслушал один папин разговор. И ещё — ему очень не нравились глаза доктора. Не то чтобы злые, нет, но какие-то неживые. Такие глаза, поёжился Том, бывают у профессиональных убийц. Хотя доктор, наверное, закопал немало пациентов. Наверное, это профессиональное. Но глаза доктора Ходивалы Тому всё равно не нравились. Очень не нравились.

А теперь этот скользкий тип занял переднее сиденье.

Том разочарованно повертелся около машины, но пришлось садиться назад. Через пару минут появился и отец, как раз дошаркавший до противоположной дверцы и плюхнувшийся на сиденье рядом с Томми.

— Мы едем в город, — объявил отец, — но сначала нам нужно быстренько заскочить в одно местечко. Это совсем ненадолго.

— Это куда же? — недовольно спросил Том.

— Нууу... — почему-то смутился отец. — Видишь ли... у нас там есть дело. Очень важное дело. Если хочешь, пойдём с нами.

— Вот ещё! — Том фыркнул.

— Хорошо. — Папа неожиданно легко пошёл на попятный. — Тогда прогуляйся с Петером, он тебя сводит... куда-нибудь. А, Петер?

Томас аж почувствовал, как шофёр ухмыляется. Он давно уже обещал Томасу, когда тот станет взрослым, сводить его в одно Весёлое Заведение, где... Не всё же ему заниматься этим с мамой. И может быть, он наконец попробует Настоящего Виски. Интересно, понравится ли ему? Наверное, да. В фильмах и играх все крутые пьют виски. Стакан за стаканом. Правда, сам-то он ничего крепче сухого красного вина никогда не пробовал. Отец одно время зачем-то пытался приохотить его к содержимому старых пыльных бутылок, за которые он платил сумасшедшие деньги (он сам это слышал от мамы — «сумасшедшие деньги»... тоже подслушивал, разумеется), но потом оставил эту затею. Но главное, девочки, девочки... Они ехали недолго, но Тома переполняло от нетерпения. Казалось, машина еле движется.

Город! В городе Том бывал всего пару раз: когда они ездили «регистриваться» (он так и не понял, что это такое, просто пришлось долго-долго сидеть в коридоре, потом его вызвали в какой-то кабинет и заставили приложить палец к монитору, а потом выдали какую-то маленькую карточку, называемую общегражданским паспортом), и ещё за автомобильными правами. Водить машину научил Тома доктор Ходивала. Да, ездил он лихо. По-настоящему лихо. Но всё равно Тому он не нравился.

Однако на этот раз до города они не доехали. Ещё в пригороде машина затормозила около одного неприметного особняка, окружённого железной оградой с сигнализацией. Ворота нигде не было видно.

— Это... это закрытый клуб, — объяснил отец. — Кое-что особенное. Специальное.

Томас тут же сообразил, что это, видимо, и есть Заведение с Шикарными Девочками. Да, денёк начался славно. Круто. А будет ещё круче.

Папа вытащил телефон и минуты три с кем-то разговаривал.

— Ну, иди, — наконец буркнул он. — Мы договорились.

— Папа, а что там? Девочки? — спросил, не удержавшись, Том.

— Ну... ты у нас взрослый парень, — опять буркнул отец: ему явно не хотелось пускаться в объяснения. — Можешь отправляться. Мы опаздываем.

Том вылез из машины. Кивнул шофёру, но тот покачал головой. Ага. Значит, за него папа платить не стал. Наверное, заведение и впрямь шикарное.

Часть решетки бесшумно отодвинулась в сторону, открывая проход. Том чуть было не споткнулся о металлический порожек. Он медленно шёл по газону, наслаждаясь тем редким, сладким испугом, какой бывает только в молодости, от предвкушения чего-то нового, опасного, но долгожданного. В голове крутились обрывки фильмов и компьютерных игрушек. Интересно, кто его встретит? Какая-нибудь мадам, хозяйка заведения, в платье с кринолином? Или девочка в неглиже? Или он зайдёт в пустую комнату, с камином, шкурой, баром в углу и роскошным каталогом прелестниц в пергаментном переплёте? Или они будут сидеть у стены, опустив глаза и ожидая, кого из них он выберет первую?

Тяжелая декоративная дверь отъехала в сторону. Он вошёл, стараясь не крутить головой. Небольшая комната. Ничего особенно роскошного. Камина нет. Кресло. Зачем-то письменный стол. Женщина в кресле.

Он не сразу узнал мать, а когда узнал, не поверил. Он никогда не видел у мамы такого лица. Такого... даже не усталого, не измученного, а просто безразличного.

Чья-то твёрдая, холодная рука взяла его за левое запястье, щёлкнули наручники. Он рванулся, но металл держал крепко.

— Спокойнее, сынок, — раздалось у него над ухом.

В комнате были люди. Люди в форме. Через несколько секунд он сообразил, что в комнате полно полицейских.

Его рука была прикована к запястью огромного негра в синей форме. Он смотрел на Томаса, и в его блестящих, как перламутровые пуговицы, глазах ничего нельзя было разглядеть. Совсем ничего.

— Я сержант Рэнделл, полиция штата Нью-Йорк. Ты знаешь свои права?

Том вяло кивнул.

— Хорошо. Сынок, нам нужно выяснить у тебя кое-что, — пробасил сержант. — Ответь на два вопроса, и всё. Только думай, прежде чем отвечать. Кто эта женщина?

— Мама, — ошеломлённо произнёс Томми, и только после этого до него наконец дошло, что это и в самом деле полиция штата.

Ужас, сжимавший его сердце с того момента, как он увидел мать, несколько ослабил свою хватку. Как бы то ни было, перед полицией он чист. Чист, как никто. Значит, дело не в нём. Он нужен как свидетель. Свидетель чего? Неужели его родители в чём-то замешаны? Возможно, очень возможно. Они, но ведь не он. Отчаянный страх за себя тут же уступил место куда более комфортному чувству: страху за другого. Ему было стыдно, но он ничего не мог с собой поделать: сейчас Том чувствовал облегчение, гигантское облегчение.

— Это моя мать, Линда Хоукинг, миссис Томас Хоукинг, — произнёс он, и его голос почти не дрожал.

— И второй вопрос, сынок. Подумай хорошенько, прежде чем на него отвечать. И лучше для тебя, если ты скажешь правду. Ты... ты спал со своей мамой?

У Томми чуть было не отвисла нижняя челюсть.

— Да, — тихо сказала мама. — Да, он спал со мной.

— Молчать! — взвился сержант. — Ты, сука, дай сказать ему!

— Да! — заорал Том, перекрикивая сержанта. Ему стало ясно: надо повторять то, что говорит мама, и всё будет хорошо.

— Да, я спал с ней.

Сержант помолчал.

— Ну что ж, извини, парень. Ты влип в очень большое дерьмо. — Он повернулся к матери Томаса, его лицо было искажено бессильной яростью. — Как вас только земля носит!

— Оставьте, сержант. — Линда Хоукинг говорила сухо и холодно. — Его признание ничего не решает. Если бы он не признался, доказательств преступления всё равно было бы достаточно.

До Томаса начало что-то доходить.

— Пре... преступления? — робко спросил он у сержанта.

— Да, сынок. А ты что думал? Преступление против общественной нравственности первой степени. По новому законодательству такие дела подлежат немедленному расследованию и суду. Расследование проведено и закончено. Извини, малыш, по закону тебя полагается обездвижить. Эй, у кого там пневмошприц...

К его шее прижалось что-то холодное, потом что-то кольнуло, в глазах заплескала радуга, ноги подкосились. Последнее, что он почувствовал, — это холод железного кольца на другом запястье, а потом его тело бессильно повисло на руках полицейских.

— ...признаются виновными в прелюбодеянии, супружеской измене и совершении инцеста. Согласно Закону о Семье от 2024 года, жизнью, свободой и имуществом виновных отныне распоряжается обладатель преимущественного права, *Pater familiaris*, то есть глава домохозяйства и отец семейства. Выскажите свою волю.

Линда Хоукинг лежала в клетке для подсудимых рядом со своим сыном. После допроса под суперпентоталом они оба быстро сознались в незаконных отношениях. Допрос вёл компьютер, быстро и равнодушно фиксирующий все ответы и спокойно игнорировавший все крики и мольбы Тома. После подписания протокола допроса их обоих парализовали каким-то уколом.

Линда лежала спокойно, Том отчаянно пытался пошевелиться, но не мог даже открыть глаза. Он полностью сосредоточился на этом бесполезном усилии, чтобы не слышать того, что говорит его отец.

— Правом, дарованном мне Конституцией, Биллем о Нравственности, и согласно Закону о Семье от 2014 года, в присутствии семи свидетелей, я прощаю свою жену Линду Хоукинг и признаю за ней все права моей супруги. Моё решение вступает в силу немедленно.

Кто-то из присяжных присвистнул. Томас услышал, как служитель суда открывает клетку, потом послышалось шипение пневмошприца с антидотом. Потом — шорох и стук каблучков. Томас опять попытался открыть глаза, чтобы последний раз взглянуть на мать, но у него опять ничего не вышло.

— На тех же основаниях я лишаю своего сына Томаса Хоукинга своего покровительства, гостеприимства, прав сына и каких бы то ни было имущественных прав, а также и жизни. Моё решение вступает в силу завтра, девятнадцатого августа, в полдень. Преступник будет казнен в частном порядке, способом, разрешённым Поправкой Голдмана к Закону об эвтаназии от 2029 года. Тело моего сына остаётся в моей собственности.

Охранник громко высморкался. Подкованные ботинки служителя протопали, кажется, над самым ухом: бум-бум-бум. Послышалось шипение, потом не было ничего.

Том Хоукинг-старший проснулся от аромата роз. Приторный запах, казалось, оседал на губах.

Гигантский букет — настоящий розовый лес — стоял в огромной белой вазе размером с ведро. Том подумал, что неплохо было бы попросить воды, но губы не слушались, и он оставил эти попытки.

Так, зрение в норме. Слух — пока непонятно. Ничего не болит. Тело не чувствуется совсем — как в невесомости. Руки, ноги... ничего нет. Ладно, не важно. Интересно, сильно ли попорчен череп? Томас представил себе искромсанный скальп... впрочем, что сделано, то сделано. Аноширван Ходивала — лучший нейрохирург по эту сторону Атлантики. Другое дело, что пересадка мозга — это всегда лотерея.

О, кажется, он что-то слышит. Нет, просто звон в ушах. Как там это объяснял доктор? «Пересаживается, собственно, не весь мозг, а только клетки — носители памяти и идентичности. Мы обдираем кору, как капустный лист, и пересаживаем её такими ломтиками. Несколько месяцев вы проведёте в состоянии овоща, потом нервные цепочки начнут восстанавливаться. Мозг — очень гибкая штука. Вы не представляете себе, до чего он адаптивен. Уверен, вы справитесь».

Кажется, тогда он спросил, останутся ли у него какие-нибудь следы сознания предыдущего носителя тела. Ходивала уверял, что нет. «Мы соскребём кору этого парня, и от него ничего не останется. Это будете именно вы. Только в новой плоти».

Ходивала говорил очень уверенно. Интересно, на ком он набил руку? На индусах? На русских? На своих соотечественниках? Не важно. Главное — он, Том Хоукинг, жив. Сознание возвращается.

Прекрасный летний день. Какое счастье — видеть этот золотой воздух в палате... Видимо, тут большое окно. Когда он встанет, он увидит цветущий сад. Откуда-то он знал, что там, за окном, именно цветущий сад. И запах, запах... Розы и лето. Жизнь.

На дне души заскреблась какая-то тревожная мысль. Ну да. Почему же нет доктора?

Ага, вот и доктор. Он стоит, улыбается... смотрит на приборы... ага, перед глазами появился экран компьютера.

«С днём рождения, Томас. Ты родился заново» — на экране появились буквы. Какие крупные. Хм-хм, он всё-таки беспокоится за моё зрение.

«Ты видишь меня и чувствуешь запахи. Ты не слышишь меня и не чувствуешь своего тела. Это пройдёт, но не сразу. Твой мозг прекрасно приживается, Томас. Операция прошла великолепно».

Изображение мигнуло.

«Томас, мне нужны деньги. Прошло уже четыре месяца, и на моём счёту пусто. Ты обещал отдать вторую часть неофициального гонорара после операции».

Опять что-то мигнуло.

«Ты можешь мне ответить. Попробуй пошевелить пальцами».

Томас попробовал, но ничего не почувствовал. Зато на экране стали появляться буквы. Ага. Они подключили нервы прямо к клавиатуре.

Что-то его беспокоило, но он не мог понять, что же именно. Деньги? Ну, главный приз ждёт Ходивалу не сейчас. Не сейчас. Когда он, Томас Хоукинг, будет ходить, играть в теннис и иметь женщин. Кстати, неплохо было бы начать с Линды. В конце концов, она его жена. И с мальчиком Томми она спала с удовольствием... Ладно, посмотрим. Достаточно и того, что она честно отработала на него восемнадцать лет. Выносила и родила нужное ему тело. Это был, кажется, четвёртый подрощенный зародыш; он уже было собирался расторгнуть соглашение и поискать кого-нибудь помоложе. Правда, услуги Линды обошлись ему недёшево. Хотя и не дороже услуг доктора Ходивалы.

«У меня нет денег, Томас. Мне нужны деньги. Сейчас. Заплати мне за четыре месяца».

Он опять пошевелил пальцами. Ага, у нашего доктора финансовые затруднения. Скорее всего лжет... но если нет? Ну что ж, он отдаст ему те счета на Коморах. Этого ему хватит ещё на полгода как минимум. Разумеется, он что-то украдёт, но немного. Он же знает, что потом он, Томас Хоукинг, проверит все счета. А главный приз дожидается его, когда он будет здоров. Совсем здоров. И уж тогда... тогда он вычтет из его гонорара всё, что нужно. А может быть, чуть больше.

Он попробовал набрать номер счёта. Пальцы не слушались, он раз десять тыкал тем местом, где должен был быть мизинец, в то место, где должна была бы быть клавиша перевода строки, и набирал снова. Когда нужные буквы и цифры наконец появились, он почувствовал себя обессиленным.

«Коморские счета?»

Он попытался было набрать «да» — и вдруг понял, что же его так беспокоило.

Розы. Розы и солнце. Солнце!

Прошло четыре месяца. Четыре месяца. То есть сейчас ноябрь. Ноябрь. Откуда же здесь это роскошное летнее солнце?

Где он? По идее, в частной клинике Аноришвана Ходивалы. Необходимая аппаратура находится только там. Перевозить его? В таком состоянии? Куда? Зачем?

«црене X?»

Чёрт, клавиши, клавиши... где они были... Он отчаянно тыкался бесплотными пальцами в мягкую пустоту... спокойнее... так...

«Где м?»

Ещё раз...

«Где я?»

И тут он неожиданно услышал звук: шипение где-то над ухом. Потом не было ничего.

— Ну что? Получилось?

Доктор Ходивала перевёл аппаратуру саркофага в автоматический режим. Потом посмотрел на лежавшее в камере тело Хоукинга-старшего. Желтая холодная плоть, перевитая трубками и проводами. Макушка была отпилена, из оболочек мозга торчали провода и разъёмы.

— Я вытянул из него коморские счета. Но это всё. Чёрт, это дурацкое лето.

Томас Хоукинг-младший оторвался от клавиатуры компьютера и выглянул в окно. Начинало темнеть.

— А мы никак не можем сделать осень, док?

— Не можем. Он никогда в жизни осенью не попадал в больницу. А вот летом было. Он тогда был молодой. Кажется, растянул связку. Я активизирую в его мозгу этот участок, а мозг сам достраивает картинку. Правда, приходится блокиро-

вать звуки. Там, понимаешь, разговаривают его родители. Он бы сразу всё понял.

— А если сказать, что прошёл год?

— Год... нет, конечно. Он бы сразу догадался. Твой отец прочёл уйму книг по нейрохирургии. Про пересадку мозга он знает вообще всё, что может знать дилетант. И он, между прочим, не дурак.

— Но сволочь редкая.

Доктор не стал спорить.

— Я давно хотел спросить... Почему вы всё-таки этого не сделали, док? В смысле — не пересадили его поганые мозги мне в тело?

— Ну... я мог бы сказать, что хотел тебя спасти. Но не буду. Я этого не сделал, потому что это было невозможно. Биологически невозможно.

— То есть?

— Хорошо. Давай я тебе всё объясню. Если хочешь.

— Может, попытаемся ещё раз крутануть папашу на бобы? Он сколько ещё протянет?

— Ну и выражения у тебя. До завтрашнего дня точно не доживёт. Я же провёл первичную предоперационную подготовку... и всё такое. А скорее всего он умрёт через пару часов. Но... хорошо, у меня есть ещё одна идея. Попробую. Так ты будешь меня слушать или нет?

— Если честно, то не очень хочу. Но... мне кажется, мне надо знать.

— Хм. Наверное, да. Ну, давай по порядку. Старый Хоукинг знал, что протянет в лучшем случае ещё лет двадцать. Жить ему, разумеется, хотелось. Такие всегда хотят жить. И как правило, им удаётся это делать довольно долго. Но тут уже был конец. Старость не лечится. Единственный выход — пересадка мозга в молодое тело. Понимаешь?

— Ну и что?

— Ты слушай, слушай. Для того, чтобы пересадка прошла успешно, нужна как минимум пятидесятипроцентная биологическая совместимость тканей. Как минимум, понимаешь?

— Ну да, ты мне это уже говорил.

— Твой папаша нанял женщину, которая выносила для него зародыш. Твою маму. Разумеется, половина генов была её, зато половина вроде бы как его. Осталось дождаться, пока ты подрастёшь, а потом вырезать тебе мозги и вставить на их

место свои. Как ты уже убедился, это можно сделать вполне официально. Преступление против нравственности, Закон о Семье...

— Вообще, кто придумал эти мерзкие законы? Это же какая-то восточная дикость.

— Хм, восточная, говоришь? Значит, тебя всё-таки чему-то учили? А я думал, тебе не давали никакого образования, кроме физического... Хоукинг так хотел иметь спортивный вид... — невесело усмехнулся доктор. — Ну нет, Восток здесь ни при чём. Малость отредактированные нормы римского права. Отец семейства распоряжается имуществом и свободой членов семьи, а также является семейным судьёй. Билль о Нравственности. Был принят на волне контрлиберальной антифеминистской реакции. Впрочем, либерфеминистическое законодательство тоже было совершенно безумным, только в другую сторону... ладно, это всё бла-бла-бла. Пойми главное: пересадка мозга возможна, если генетический материал как минимум наполовину тождественен.

— Ну и что? Или... — У Томаса начала медленно отвисать челюсть.

— Да. Хоукинг тебе не отец. Когда я выращивал зародыш, я ввёл в него другую ДНК. Не его. Другого клиента. Я вырастил тебя за его счёт. Скажу тебе честно: я выполнил бы тот контракт. Но тот человек... в общем, он умер, и теперь нам надо как-то выбираться из этой ситуации. Короче, нам нужна основная часть денег твоего, так сказать, папаши. Главный приз.

— Нам? Кому из нас нужны деньги? — Томас лихорадочно соображал, что из этой истории может оказаться правдой.

— Нам, — с нажимом произнёс доктор. — Тебе даже больше. Юридически, мой юный друг, ты давно труп. Я ведь оформил все документы по пересадке мозга. Теперь ты в глазах закона — Томас Хоукинг-старший.

— То есть я имею право на...

— Да, на официальную часть состояния вот этого (опять кивок в сторону саркофага). Разумеется, до того самого момента, пока тебя считают твоим папочкой. Понимаешь ли, я всё равно собираюсь сваливать отсюда. На родину. А там... я старый человек, могу и разболтаться. Старики болтливы, знаешь ли.

Томас наконец понял.

— Я... я заплачу, — сказал он сквозь зубы. — За... молчание.

— Нет, нет, что ты, сынок, — благодушно замахал руками доктор, — меня не интересуют *твои* деньги. Меня интересуют мои деньги. Твой папаша — тот ещё жук. Этаким двуликий Янус. Все считают его богатым человеком, но на самом деле он не богат, а *очень* богат. И свой самый толстый кошелёк твой разлюбезный папаша где-то очень хорошо упрятал. И нипочём его не отдаст.

— Хорошо, но при чём тут я?

— Мне нужен доступ в твой дом. У него было ещё несколько опорных точек, но информация может находиться только там. Тебя он, естественно, не брал в расчёт, а твоей матери уже заплачено. И, сдаётся мне, это такая информация, которую нельзя доверить памяти. Да ещё и нарезанной на кусочки вместе с мозговыми клетками. Твой отец не из тех, кто так рискует.

Томас вздохнул:

— Сколько вам надо?

— Договоримся, сынок. Договоримся. — Доктор нервно потёр ладошки. — Давай ещё раз оживим твоего папочку. Может, он расколется. Жаль, что он в таком состоянии. Можно было бы поджарить его мозги так, что он раскололся бы через минуту-полторы. Но он не выдержит.

— Жаль, — совершенно искренне сказал Томми.

Том Хоукинг-старший проснулся от аромата роз. Приторный запах, казалось, оседал на губах. Жаль, ничего не видно. Ночь? Или что-то со зрением?

Неплохо было бы попросить воды.

Так, зрения нет. Ну да это ещё не самое страшное, Ходивала предупреждал, что такое может быть. Слух — пока непонятно. Тело не чувствуется совсем — как в невесомости. Руки, ноги... ничего нет. Ладно, не важно. Интересно, сильно ли попорчен череп? Томас представил себе искромсанный скальп... впрочем, что сделано, то сделано. Аноширван Ходивала — лучший нейрохирург по эту сторону Атлантики. Другое дело, что пересадка мозга — это всегда лотерея.

Ага, голос. Очень, очень далёкий.

— Томас, это я, Ан. Ты меня слышишь, но ничего не видишь и не чувствуешь своего тела. Томас, у меня плохие ново-

сти. Мозг срастается неправильно, идут пересечения синапсов. Я попытаюсь что-нибудь сделать для тебя, но, боюсь, ты никогда не встанешь на ноги. Прости. Я сделал всё, что мог. Томас, ты можешь мне ответить?

Молчание.

— Томас. Ещё одно: у меня кончаются деньги. Я соержу твоё тело на то, что у меня осталось от начальной суммы. Я знаю, что я не заработал тех денег... но я буду искать, куда ты их положил. Я хочу, чтобы ты знал — я их найду. Есть способ найти их даже у тебя в мозгу. Нейрохирурги умеют ковырять чужие мозги. Я просто хочу, чтобы всё было честно. Скажи, где они, и этого не будет.

Молчание.

— Томас. Я могу пропустить через твой болевой центр несколько микроразрядов, и ты окажешься в аду. Я могу накачать твой мозг наркотиками. Я могу активизировать твою память, заставить тебя просматривать всю свою жизнь по кусочкам, и ты не захочешь, а вспомнишь всё. Но я не хочу. Я не хочу этого, слышишь! Скажи мне, где деньги.

Молчание. Потом далёкий, еле слышимый голос:

— Дурак... Ты... убил меня... никогда не получишь... я... предвидел... только молодому... тебе никогда...

На пульте что-то заверещало.

— Мы теряем его! — закричал доктор. — Мы его теряем!

Он бросился к саркофагу, потом в отчаянии стукнул кулаком по крышке.

— Всё. Сейчас он сдохнет. Ладно, будем искать в доме.

Томас-младший поднял голову от компьютера.

— Не надо искать в доме. — Он нашел в себе силы ухмыльнуться. — Там ничего нет. И никогда не было.

Доктор резко крутанулся на каблуках:

— Ты догадался? Где?

Молодой Хоукинг победно улыбнулся:

— Да, пожалуй, что я могу это сказать. Видите ли, док, денежки могу получить только я.

Ходивала озадаченно уставился на него, потом хлопнул себя по лбу:

— Ты хочешь сказать, что...

— Всё очень просто. — Перенервничавший Томми теперь тараторил без умолку. — Папа не надеялся на свою память. После операции она могла и не сработать. Вам он,

похоже, не доверял, и правильно делал. Скорее всего он послал самому себе письмо. Там — инструкции и номер счёта. А может быть, оставил письмо у кого-то, кто должен появиться со временем... Но вся штука в том, что деньги могу получить только я. Лично я. Точнее, это тело. То есть если оно сможет явиться в банк и получить их. Эта инструкция дана сотрудникам банка. Наверное, вместе с моей полной биометрией и прочими штучками. Стопроцентная гарантия. Только молодому и здоровому Томасу Хоукингу. То есть мне.

Доктор некоторое время постоял молча, ссутулившись.

— Ну что ж, — наконец сказал он, — этого всё равно было не избежать.

Когда он повернулся к Томасу, в его руке блеснула какая-то железка. Раздался негромкий хлопок, что-то вонзилось в плечо юноши, и тот медленно завалился на ковёр.

— Извини, сынок, — сказал Ходивала, — но мне тоже нужно жить.

Он вытащил из кармана телефонную трубку, набрал номер, потом код доступа. Услышал гудок, ещё один... третьего не последовало.

— Привет, сестрёнка, — сказал он в пустоту.

— Привет, братишка, — ответила ему Линда Хоукинг. — Какие наши дела?

— Томми у ме... Скремблер включен?

— Разумеется, идиот. Говори.

— Томми у меня и совершенно готов к употреблению. Вызывай доктора Джонса. Или как он там теперь? Сид, кажется? Вызывай. Операция нужна срочно. Надеюсь, он не утратил мастерства.

— Я тоже надеюсь. Ты нашёл деньги?

— Да. Всё оказалось очень просто.

На том конце трубки помолчали.

— Просто? Тогда я знаю, — сказала Линда. — Письмо самому себе. Потом явиться в банк и предъявить своё тело.

— Ну да. Короче, срочно вызывай Джонса. Генетическая совместимость у нас с Томми неплохая, не так ли? Справится. Короче, мне нужно быть в башке этого парня как можно скорее.

— Хорошо. Еду. Жди меня через десять минут.

— А Джонс?

— Джонс не здесь. Я дам ему сигнал. Мы забираем тело и срочно вылетаем в университетскую клинику.

— Почему не здесь? Тут безопасно.

— О господи, до чего же идиот. Ты идиот даже в своей хирургии! Ты стал бы оперировать в чужой операционной? Где ты не знаешь ни автоматики, ни компьютера?

— Верно. Извини, я не подумал.

— Ты не умеешь этого делать, милый братец. Я даже не знаю, как это у тебя получается резать чужие мозги. Я бы тебе не доверила вырезать себе аппендикс.

— Хватит! Заткнись!

В трубке что-то щёлкнуло, лампочка скремблера погасла.

Ходивала подошёл к саркофагу, чтобы отключить оборудование. Запрокинувшаяся голова старика Хоукинга, с отпиленной макушкой, из которой торчали контакты, казалось, оскалилась в недоброй усмешке. Хирургу стало неудобно: ему почудилось, что мёртвый старик смеётся над ним. А что, если они не найдут этих проклятых денег? А что, если вот прямо сейчас распахнётся дверь и сюда ворвутся полицейские? А что, если маэстро Джонс потерял умение, в его-то нынешнем состоянии это более чем возможно... боже, сколько же он зарезал людей, прежде чем набил руку как следует... Что, если парализатор не подействовал на молодого Хоукинга и он прямо сейчас встанет на ноги, схватит что-нибудь тяжёлое и... Впрочем, хоть эту опасность можно предотвратить. Понимая, что ведёт себя как параноик, доктор достал моток хирургического пластыря для лёгких ран. Лучше всего сначала обмотать ноги. Или сначала руки? Он перевернул бесчувственное тело на живот, приклеил пластырь к коже и потянул. В этот момент запел дверной сигнал: кто-то пришёл.

Чувствуя, как поднялись волосы на руках, Ходивала нажал на кнопку глазка. Экранчик осветился. На пороге стояла Линда.

Перед тем как открыть дверь, он бросил взгляд на часы. «Ровно десять минут, — подумал он, — надо же».

Том Хоукинг-младший проснулся от запаха, который он сначала принял за аромат роз. Потом до него дошло, что приторно воняет какой-то аптечной дрянью. Запашок, казалось, оседал на губах.

Кровать, кажется, его. Сверху вместо одеяла какая-то простыня. Томми машинально провёл рукой по затылку и почувствовал, что голова туго забинтована. Под повязками ничего не чувствовалось: кожа головы одеревенела. Анестезия. Его оперировали.

Ещё минуту он ошеломлённо моргал, пытаясь сообразить, где он находится. Наконец он понял, что это его спальня. И в ней кто-то был.

Мама повернулась к нему вполоборота, посмотрела искоса:

— Ты проснулся, мой хороший? Вчера у тебя был напряжённый день, не так ли? И не хватайся так смешно за голову. Ничего не поделаешь, пришлось имитировать трансплантацию коры мозга. Нет-нет, не бойся, ничего особенного не было. Мозг я вообще не трогала. Я просто сняла с тебя скальп, сделала имитацию черепного шва, а потом всё вернула на место. Ты же понимаешь, когда ты пойдёшь в банк и они будут проверять биометрию, это может понадобиться...

Томми непонимающе смотрел на мать, отчаянно пытаясь сообразить, в чём дело. Воспоминания о вчерашнем дне взрывались у него в голове беспорядочно, одно за другим.

— Милый мой, пожалуйста, послушай свою маму. — Линда Хоукинг вздёрнула подбородок. — Ты уже знаешь, что твой... папа... человек, которого ты звал папой... в общем, ты был ему нужен как тело для трансплантации мозга. Вчера он хотел это с тобой проделать, но всё получилось по-другому. Да, прости меня за ту сцену... так было надо.

Юноша молчал, отчаянно пытаясь разобраться в происходящем.

— Про своего настоящего отца ты тоже, наверное, всё понял. Ну, про доктора Ходивалу. Он действительно твой биологический отец. В смысле, это была его ДНК.

Мама улыбнулась:

— Всё-таки жаль, что пришлось его убить. Он был отличным нейрохирургом.

Томми взмолился:

— Мама! Я уже ничего не понимаю.

— Ну хорошо, только не нервничай. Понимаешь, доктор договорился с Хоукингом насчёт операции... не помню точно, но лет двадцать уже прошло. Тогда нейротрансплантация была чем-то таким... незаконным. И к тому же по-настоящему хо-

рошо проходил только у однойцевых близнецов. А эксперименты по клонированию так ничего и не дали. Но Ходивала заверил Хоукинга, что через десяток-другой лет барьер несовместимости ДНК снизят где-то до половинного. То есть станет возможной пересадка мозга от отца к сыну. Дальше появилась я. Мы заключили с Хоукингом контракт: я изображаю из себя его жену и делаю ему ребёнка. Разумеется, это был подрощенный зародыш. Только вместо хоукинговской ДНК Ходивала ввёл свою. Он, собственно, хотел получить и деньги Хоукинга, и новое тело. Ты всё понял?

Том тупо кивнул.

— Операцию должен был делать доктор Джонс. Это опытейший нейрохирург, учитель Аноширвана, да и начальные условия получше. Я — младшая сестра Ходивалы. Таким образом, биологический барьер между Аном и тобой куда меньше, чем был бы между тобой и Хоукингом. Понимаешь?

Том опять кивнул. Голова раскалывалась.

— Сначала отец хотел провести операцию тайно. Но тогда бы ему пришлось выдавать себя за тебя... а такие вещи в наше время раскрываются. В конце концов, черепной шов не спрячешь. Да и проблема с деньгами... В общем, сложности были. Он бы, конечно, пошёл на это, трудности его не пугали... но законы о нравственности дают возможность повернуть всё это дело легально. И план изменился. Ну, ты сам знаешь как.

До Тома и вправду начало что-то доходить.

— Мама... и ты со мной... ну, спала затем, чтобы... меня обвинили? И убили? В смысле — вынули мозги?

— Ну, Хоукинг так думал. Я ведь с самого начала играла не на его стороне. Да и не могла: ты не его сын. Если бы пересадка мозга состоялась, это убило бы и Хоукинга.

— То есть ты играла на стороне доктора?

— Нет, сынок. Я играю только на своей стороне. Мне пришлось... ликвидировать его. Доктора. Своего брата. Жаль, но другого выхода не было.

— Зачем?

— Чтобы спасти тебя, мой хороший. Правда-правда.

Мама подошла и нежно поцеловала его в губы.

— Сынок, я должна тебе сказать одну очень важную вещь. Теперь ты, с юридической точки зрения, — Томас Хоукинг-старший. То есть владелец всех его денег... и всего прочего. Включая меня. На суде Хоукинг оставил меня своей женой.

То есть теперь я твоя жена. К тому же я кое-что знаю про тебя... навряд ли тебе пойдёт на пользу, если ты избавишься от старой Линды...

— Мама, — не выдержал Том. — Скажи мне просто, чего ты хочешь?

— Разве ты не понял? Просто всё должно остаться на своих местах. Я тебя люблю... и хочу быть твоей супругой. Конечно, я не очень молода... но я не буду стеснять твою свободу, милый.

Мама присела на кровать и стала гладить Тома по рукам, по груди... он почувствовал, что начинает заводиться.

В конце концов, какая разница... Он улыбнулся и сбросил с себя простыню.

— Да, ещё одно, сынок. Я ведь не всегда буду старой.

— Да, мама... ты всегда будешь молодой... — После секса Том расслабился. В голове крутилось только одно: он жив, всё остальное подождёт.

— Нет-нет, Томми... Понимаешь... у меня есть дочь. Ну, ты знаешь, Линда-младшая. Когда я стану старенькой, я воспользуюсь ею. Доктор Джонс сделает операцию...

— М-м-м-м-м. Да? Мама, а чья она дочка? Ты что-то говорила про биологический барьер...

— А, тут всё нормально. Ты мой сын, а она — твоя дочка. Я сделала её от тебя... помнишь, когда мы стали... жить вместе... я быстро зачала... тебе ещё не нравилось, что я хожу с большим животом. Но нам это совсем не мешало, верно?

— А, вот как... Я всё думал: неужели от папы?

— От Хоукинга? Нет, что ты... Он же был старенький. Бедный старик, он так мечтал попробовать меня после операции...

— А этот доктор Джонс?.. Он хороший хирург?

— Это учитель доктора Ходивалы. Он *великий* нейрохирург.

— Но... он же, наверное, старый? Он доживёт?

— Ну конечно. Он же... он имплантат. Ходивала его сам оперировал. Теперь он живёт в новом теле. Операция была нелегальной, правда. Так что теперь ему приходится учиться в медицинском колледже, как обычному студенту. Да ты про него знаешь. Это Сид.

— Мой... мой старший брат?

— Ну, можно сказать и так. Когда я его родила, я была совсем девочкой... Ох, милый, иди ко мне...

— А от кого ты его родила?

— Ну какой ты смешной. От доктора Джонса, конечно.

— М-м-м-м-м... Ты говорила, что пятидесяти процентов близости ДНК недостаточно... Мама, я чего-то не понимаю...

— Ну... там было больше... это старые дела... в общем, старик Джонс — мой отец. А Ходивала брат. Нейрохирургия — это вообще семейное дело, нужно вырасти при операционной, чтобы достичь мастерства... Ох, надеюсь, что он не догадается, что это я убила брата. Хотя не должен...

— Господи, как всё это сложно. Мама... А как же ты будешь оперироваться? Нелегально?

— Как получится. Но скорее всего легально. Ты же теперь Отец семейства. Если Билль о Нравственности не отменят...

— То что?

— То... формально говоря, Линда-младшая принадлежит тебе, как дочь. И если она нарушит Закон о Семье 2024 года... ты сможешь приговорить её... к чему хочешь. А нарушить Закон о Семье... это легко устроить. Ты меня понимаешь, сынок?

— Мам... я спать хочу.

— Ты просто переволновался, мой маленький... А тебе понравился мой вчерашний подарок на день рождения? Эти запонки? Ты будешь выглядеть потрясающе... А через месяц-другой, если швы хорошо затянутся, мы поедem в город...

Но Том уже спал.

СЛОВО

Острова —
это так,
звук...

Михаил Щербаков

— Наша вера состоит в том, что мы наказаны. Вот и всё, — сказал я, отодвигая от себя пустое блюдо с остатками варёных водорослей.

Тангрэйм, Вождь Народа Аркнур, Владыка Гонгра, Доминатор Восточного Архипелага и так далее, и тому подобное (интересно, помнит ли он свою полную титулатуру?), сделал вид, что ничего не слышал.

Это мне не понравилось. Как утверждают церковные летописи, каждому Патриарху хоть раз да приходилось иметь дело с подобными людьми. На своей памяти я застал двоих: молодого вояку с Восточного Архипелага, чьё имя я забыл, и печально знаменитого Кукуца, пирата из Хаййи. Каждому из них в свое время удалось захватить Святой Остров, и оба не отказали себе в удовольствии пообщаться со мной лично. Те двое, однако, не вели теологических дискуссий. Молодой вояка был слишком озабочен своими планами: он собирался завоевать мир или хотя бы самую привлекательную его часть. Почему-то эта глупая идея не теряет популярности среди людей такого склада. В связи с этим он остро нуждался в средствах и намеревался пополнить отощавшую казну сокровищами Церкви. Чтобы продемонстрировать всю серьёзность своих намерений, он приказал своим людям замучить на моих глазах всех моих слуг, но сделать то же самое со мной всё-таки побоялся — его разношерстные войска были ненадёжны, и вызы-

вать лишние волнения в среде верующих было решительно ни к чему. Мы откупились от него небольшим количеством меди и железа. Разумеется, вояка пообещал, что на обратном пути с Запада его корабли вновь осчастливят своим присутствием Святой Остров, и тогда он побеседует со мной снова. Разумеется, он не вернулся: такие никогда не возвращаются. Что касается пирата, то у него были несколько более здоровые цели: он просто хотел поживиться. Соответственно он оказался немного хитрее: заключив меня под стражу, он тщательно обследовал весь остров, ища схроны с сокровищами. Он был убит своими людьми, когда, устав от бесплодных поисков, предложил им поискать сокровища в Башне. Напуганные пираты даже не унесли тело своего главаря, и в тот вечер у нас был хороший ужин...

С тех пор люди с оружием больше не беспокоили Святой Остров. До вчерашнего дня, когда корабли Тангрэйма вошли в Южную бухту.

Я глянул в узкое стрельчатое окно. Там, внизу, уже был разбит небольшой военный лагерь — несколько палаток да чадающий костер — казалось, смрад горящих водорослей доносится даже сюда, в мою келью. По ветру моталось длинное синее полотнище с трудноразличимым орнаментом — скорее всего имперское знамя. Не очень-то оно у него выразительное. Всё-таки интересно, почему военные так любят эти раскрашенные тряпки? Я вспомнил молодость, Легион, и мне показалось, что я опять слышу позвякивание доспехов, крик, ругань, звуки послеобеденной рвоты... С усилием я перевёл взгляд на своего гостя. Нежданного и нежеланного гостя.

Да, Тангрэйм мне не нравился. У него было слишком умное лицо. И слишком спокойное. Лицо человека, который не делает глупостей.

Это-то и пугало: сама по себе высадка на Острове была вопиющей глупостью, и он это прекрасно знал. Ещё более странным казался мне этот нелепый разговор на религиозные темы.

— Ты не хуже меня знаешь учение Церкви, Тангрэйм, — добавил я, видя, что он ждёт продолжения.

— Да, знаю. — Голос Тангрэйма мне тоже не нравился: он был слишком гнусав и тонок для великого воина. Если бы не растрёпанная рыженькая бородёнка, неопрятно свисающая на белый нагрудник, его можно было бы заподозрить в отсут-

ствии мужественности. — Но ведь есть вещи, Святой отец, которые не говорят простым людям. У вас хранятся свитки, написанные секретным письмом. Мой опыт говорит: то, что пишут в таких свитках, не вполне совпадает с тем, что говорится на площадях...

— Но не в этом вопросе. — Я поперхнулся, придвинул к себе чашу с пресной водой и чуть-чуть отхлебнул. Голубые водоросли считались очень деликатной пищей, поскольку почти не содержали жёстких волокон. Но моему измученному желудку было достаточно и этого.

Я несколько раз судорожно срыгнул, пытаюсь унять тошноту. Уже неделю я не мог нормально поесть, и мне очень не хотелось и в этот раз оставлять свой ужин в миске для блевотины.

Наконец рвотные позывы утихи, зато по внутренностям начала разливаться изжога. Кое-как перетерпев первый приступ, я собрался с силами и продолжил:

— Не в этом случае. У нас, конечно, есть свои секреты. Но они касаются в основном времён исторических. Что до начала сущего, то тайная и явная история Церкви в этих вопросах говорят оно и то же. Разница, кхм, в деталях.

Я почувствовал, что желудок всё-таки не может удержать ужин внутри, и вытошнил его в миску.

Тангрэйм посмотрел на меня почти с сочувствием. Его молодость прошла в казарме, где не бывает другой еды, кроме обычного солдатского пайка из чёрных водорослей. Их невозможно удержать в желудке больше десяти минут, так что после приёма пищи вся казарма лежит и стонет, пытаюсь успеть переварить хоть что-нибудь. Мне повезло больше: я начинал службу офицером третьей категории, и мне полагалось свежее мясо с поля боя. Я вспомнил сладкий вкус человечины и почувствовал, как рот наполняется бессильной голодной слюной. Всё-таки надо как-то поддерживать себя. Особенно сейчас. Хватило бы чашки отвара с кровью. Но паломников на Острове сейчас нет, и обычное приношение служителям Церкви — немного крови из вены — временно недоступно.

Проклятый Тангрэйм. Как некстати его сюда принесло.

— Это, кстати, тоже часть Наказания. — Я показал на миску. — В мире, откуда нас изгнали, пища разнообразна, её вкус приятен, и она не терзает желудок. Водоросли там растут прямо

из земли, а среди них ходят существа, чья плоть слаще человеческой...

Тангрэйм усмехнулся:

— Да, я знаю. Очень красивая сказка. Хотя не слишком ли жестоко рассказывать её крестьянам, жующим чёрные водоросли и мечтающим о лишнем глотке пресной воды?

— Мы должны помнить, какие блага мы потеряли по вине наших предков. — Мне пришлось перейти на шёпот. Опустошённое чрево гнало по всему телу волны боли, и мне было трудно говорить.

— Да, разумеется, чувство вины помогает простолюдинам смириться со своим положением... но ведь мы оба — не простолюдины, не так ли? Зачем нам обсуждать эти сказки?

— Это учение Церкви, — выдавил из себя я. Боль немного отпустила, но перед глазами всё ещё плавали розовые круги.

— Но ты же разумный человек, — раздражённо произнёс Тангрэйм и тут же громко испустил газы, — и не можешь всерьёз соглашаться с тем, что противоречит здравому смыслу. Ну вот хотя бы: если бы мы происходили из мира, где лица принимается безболезненно, мы были бы лишены способности её отрывывать, не так ли? Было бы достаточно того отверстия сзади, чтобы избавляться от остатков. — Он грубовато хохотнул, но это меня не обмануло. Этот любитель абстрактных рассуждений доверял своему интеллекту больше, чем хотел бы показать.

— Я не смею обсуждать учение Церкви и не намерен шутить на эту тему, — нехотя отозвался я, прекрасно понимая, что мой ответ звучит жалко.

— Ну конечно, ну конечно! — Тангрэйм был явно доволен. — И всё же в свитках, написанных секретным письмом...

— В Священном Алфавите нет ничего секретного. — Я показал рукой на потолочную роспись. — Просто он сложен для писцов, а начертания знаков необходимо изображать точно. Поэтому Церковь разрешила светские письма.

Тангрэйм посмотрел на потолок и поморщился. В его горле что-то булькнуло, но он удержался.

— Какие-то пятнышки и кляксы. И они не очень-то отличаются друг от друга.

Я пожал плечами. Желудок, кажется, немного затих.

— Да, светские алфавиты удобнее. Но это — священные Знаки, оставленные нам нашими Судьями. Нам, служителям

Церкви, запрещено заниматься светскими науками, но эти письменна мы изучаем, потому что они необходимы для всеобщего спасения. Не зная их, мы никогда не вернёмся Домой. Ими начертано Слово, которое освободит нас.

— Да, я знаю... А кстати, что там написано? — Тангрэйм с любопытством уставился в потолок, испещрённый письменами. — Может быть, само Слово?

— Нет, ничего особенного. В основном — проклятия врагам Святой Веры, — вежливо пояснил я. — Очень изощрённые.

— Как хорошо, что ко мне они не относятся, ибо я друг Святой Веры. — Тангрэйм вежливо улыбнулся, показав мелкие ровные зубы. — Но всё же вернёмся к тому, с чего мы начали. Святая Церковь утверждает, что ей ведомы ответы на три вопроса — откуда мы пришли, что мы здесь делаем и куда идём. Мне хотелось бы услышать мнение Церкви из уст её главы. Прошу тебя, удовлетвори моё любопытство, Святой отец, — Тангрэйм продолжал улыбаться, но его глаза оставались холодными, — ибо, поверь мне, оно отнюдь не праздное.

— Хорошо, — согласился я, — но не думай, что ты узнаешь что-то новое. Я могу только повторить тебе основы учения Церкви — разве что несколько подробнее и яснее.

— Это меня устраивает, — Тангрэйм положил локти на стол, — я во всём предпочитаю ясность. Итак?..

— С чего мне начинать?

— Сначала, — усмехнулся Тангрэйм. — С самого начала. Ох, извини...

Тангрэйм пододвинул к себе миску для блевотины и быстро, по-солдатски, облегчил желудок. Судя по тому, что осталось в миске, обедал он водорослями с небольшим количеством мяса. Я с тоской посмотрел на плавающие в рвотной массе клейкие кусочки — у меня опять свело желудок.

— Наш мир, — начал я, — представляет собой большой каменный шар, покрытый горькой водой. Над поверхностью воды выступают каменные острова, число которых точно неизвестно...

— Опустим эти подробности, — прервал меня Тангрэйм, — я знаю, как устроен этот мир, не хуже тебя.

— Гораздо лучше меня, — усмехнулся я, — как и подобает человеку практическому... Ладно, продолжим. Нам кажется, что наш мир — единственный. Но Церковь учит, что это не

так. Это всего лишь часть Большого Мира, именуемого Галактикой или Вселенной. Это слова Древнего Языка, на котором говорили наши предки. Вселенная — это обширная пустота, в которой висят множество таких каменных шаров, как наш. Один из них называется Голубая Земля, откуда наши предки были изгнаны за свои грехи. Согласно преданию Церкви, Земля покрыта мягким камнем, по которому не больно ходить. По ней текут потоки пресной воды, которая приятна на вкус...

Я ещё раз отхлебнул воды из чаши. Всё-таки надо поесть. Может быть, ещё раз попробовать водоросли?

— Всё это можно прочесть в любой церковной книжке, — Тангрэйм прищурился, — это тоже можно пропустить.

— Как хочешь, — ответил я, — перейдём к другому. Наши предки согрешили и были высланы с Земли в этот пустой мир, где нет ничего, кроме камней и водорослей.

— Вот с этого места поподробнее. — Мой собеседник нетерпеливо постучал пальцами по столу. — Мне всегда было непонятно, что же именно они совершили.

— Да, этот может показаться неясным, — легко согласился я, — но мирянам достаточно знать, что их предки были плохими, а им самим следует быть лучше. Список грехов можно прочесть в любом катехизисе...

— Что же совершили наши грешные пращурьы на самом деле? — Тангрэйм быстро ухватывал суть.

— Сначала придётся объяснить одну вещь... — Я тянул время. — Честно говоря, Голубая Земля была населена не одними праведниками. Тайное предание Церкви гласит, что и там, на Земле, люди совершали преступления... и даже вели войны...

— Кто бы сомневался, — буркнул Тангрэйм. Он опять подвинул к себе миску, но потом передумал.

— Каждая новая война была разрушительнее предыдущей, потому что люди придумывали какое-нибудь новое оружие, — продолжал я, — и однажды оно стало настолько страшным, что войны прекратились.

— А вот в это я не верю, — оживился Тангрэйм. — Когда у нас появился порох, многие тоже говорили, что войнам придёт конец. А я выиграл своё первое сражение потому, что вооружил своих солдат пулевиками...

Я усмехнулся. Битва при Шай-Ра, на месте которой Тангрэйм пять лет спустя установил памятный столб, была на са-

мом деле мелкой стычкой между гонгрцами и аркнурцами, которые в те годы никак не могли поделить Восточный Архипелаг. Правда, Тангрэйм тогда и в самом деле вооружил своих солдат пулевыми. Но что это были за солдаты!.. Жалкая сотня вчерашних крестьян, согнанных войной со своих отелей и с горя продавших себя в действующие войска, в надежде хоть раз полакомиться мясом. Никто из них не умел обращаться с новым оружием. Стволы пулевиков тогда делались не из железа, а из побегов каменной водоросли, и они взрывались в руках. Если бы на другой стороне были бы настоящие солдаты, а не такие же бедолаги, только с арбалетами, от Тангрэймова воинства не осталось бы и волоска.

Впрочем, после этого сражения горючий порошок из белых водорослей резко поднялся в цене.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — теперь уже усмеялся Тангрэйм, — но то сражение и вправду меня научило кое-чему. Например, тому, что солдатом может быть любой человек, у которого в руках пулевик. Конечно, потери велики... но приемы.

Я почему-то вспомнил, что ветераны ласково звали Тангрэйма «мясником» — после каждой битвы войска могли неделю не вспоминать о чёрных водорослях.

— Люди никогда не перестанут воевать, — заключил Тангрэйм жёстко. — Или они перестанут быть людьми.

Мне пришлось снова пожать плечами.

— Возможно. — Я не стал спорить. — Церковь учит, что сюда, в наш мир, отправили всех преступников, которые совершали разные злодеяния, особенно же тех, кто убивал людей.

Тангрэйм прищурился:

— Их не казнили, а только сослали? Вместе с женщинами, чтобы дать им возможность оставить потомство?

— Да, — ответил я, — но наши Судьи, в своей великой милости, оставили возможность потомству согрешивших вернуться на Землю. Для этого они воздвигли Башню и поместили в ней Святая Святых.

— Что там находится? Ты когда-нибудь видел это? — Тангрэйм впился в меня взглядом.

— Нет, — ответил я, — туда допускается только один человек — служитель Башни. Раз в году он моет пол и вытирает пыль в Святая Святых. Мы живём в довольно грязном мире, и

эта грязь проникает даже туда, несмотря на все преграды... А то, что находится в Святилище, должно оставаться чистым.

— Но ты спрашивал его — что там? — Тангрэйму и в самом деле было интересно.

— С ним затруднительно вести беседы... Перед тем, как новый служитель приступит к работе, ему вырезают язык, чтобы он случайно не нарушил тишину в Святилище. И лишают слуха, чтобы он не слышал ненужных вопросов и посторонних приказов. С ним не нужно общаться — он и так знает, что ему делать... За свою службу он получает кровь паломников, — зачем-то добавил я, ловя себя на мысли, что оправдываюсь. Мне было неприятно вспоминать обстоятельства, при которых последний служитель Башни получил свою должность.

— Интересно всё же, что здесь ищут паломники? — Тангрэйм наморщил лоб.

— Благочестивые люди везут сюда приношения и молятся Судьям о даровании Слова, — ответил я. — Многие из них верят в то, что после смерти их души попадут на Землю. Я, впрочем, не понимаю, что такое душа, — честно сказал я, — но миряне вообще склонны к суевериям. Церковь, впрочем, не опровергает этих учений. В конце концов, нам тоже нужно жить.

— И всё же: что находится в Святая Святых? — Тангрэйма было сложно отвлечь от того, что он хотел знать.

— Существует тайный свиток с изображениями, — признал я. — Судя по нему, Святая Святых — это небольшая круглая комната, в середине которой находится какая-то вещь. Рукописи называют её «компьютер». Точное значение этого слова нам неизвестно. Мы знаем, что эта вещь мертва, но в то же время обладает разумом. Не спрашивай меня, как это возможно. Так гласит учение Церкви, этого достаточно. Мы знаем также, что у него внутри есть железное ухо, которое устроено так, что слышит человеческую речь, и стеклянный глаз, который видит. И эта вещь, находящаяся там, внутри, ждёт того, кто войдёт в Святилище и произнесёт Слово. И если Слово будет произнесено правильно, мы все вернёмся домой.

— Как это произойдёт? — Тангрэйм чуть шевельнулся, устраваясь поудобнее. — Существует ли учение Церкви о том, каким образом все жители этого мира смогут переместиться на Землю?

— Мы этого не знаем, — осторожно сказал я, — на этот счёт существуют разные мнения. Есть и такое, что нашим Судьям подвластно самое пространство, и если они возжелают, мы в мгновение ока окажемся там, на Голубой Земле... Но скорее всего это сказки. Во всяком случае, важно одно — мы будем прощены и вернёмся домой. Это главное.

— А если Слово будет произнесено неправильно, умрёт тот, кто его произносил, — закончил Тангрэйм, вздыхая, — и многие другие — тоже. И с каждой неудачной попыткой умирает всё больше...

— Вот именно, — заключил я.

— Ты знаешь, почему это происходит? — Тангрэйм буквально прожёл меня взглядом.

— Нет. — Я опять пожал плечами. — Люди умирают, и всё.

— И всё же — существует ли какое-либо церковное учение об этом?

— Церковь учит, — начал объяснять я, — что Святая Святых способно испускать невидимый глазу свет...

— «Невидимый свет» — это как «холодный огонь», — тут же отреагировал Тангрэйм. — Кажется, это называется противоречием.

— Я не говорю, что это свет. — Я опять почувствовал, что приходится защищаться. — Известно только, что он подобен лучам, но невидимым глазами и проходящим сквозь любое вещество, прозрачное или непрозрачное... Но всё это домыслы. Как бы то ни было, вокруг Башни образуется что-то вроде круга, внутри которого умирают все, кто в нём оказался... И с каждым разом этот круг становится шире. В этом состоит Проклятие Судей: мы должны нести наказание за своё неразумие.

— Что известно о Слове? — Тангрэйм по-прежнему изображал заинтересованность, но я почувствовал, что главное — в чём бы оно ни заключалось — он уже узнал и теперь просто удовлетворяет своё любопытство.

— Церковь учит, что люди увидят Слово, когда отрекутся от всех грехов, перечисленных в катехизисе, и станут хорошиими. Тогда Слово будет нам дано.

— Как? — Тангрэйм скучал.

— На этот счёт есть разные толкования... Точно известны только две вещи. Оно будет написано на земле. И ещё: оно будет написано буквами Священного Алфавита. Вот

такими же, как эти, как ты говоришь, пятнышки. — Я показал на потолок. Впрочем, согласно разного рода еретическим учениям, Слово уже давно присутствует в мире, и остаётся только разыскать его. Надеюсь, ты не собираешься этим заниматься? — на всякий случай спросил я.

— Нет, Святой отец, — серьёзно ответил Тангрэйм.

— И, — добавил я для очистки совести, — ты ведь не полагаешь, что Святая Церковь владеет Словом и намеренно скрывает его от людей?

— Нет, Святой отец, у меня нет таких мыслей, — столь же серьёзно ответил Тангрэйм.

Он понимал, почему я об этом спрашиваю: согласно церковному преданию, некогда крестьянский вождь Гафранг Чёрный захватил Остров и две недели кряду истязал восьмого Патриарха Церкви, Энгра Мученика, пытаясь вырвать у него Слово — каковое, как полагал этот несчастный бунтовщик, Церковь коварно утаивает от простолюдинов. Согласно церковному преданию, несчастный Энгр скончался, твердя, что Слово ему неизвестно, но один из его слуг, подвергнутый тем же мучениям, предпочёл ложь и быструю смерть. Трудно сказать, так ли это было на самом деле — живых свидетелей всё равно не осталось. Во всяком случае, Гафранг поднялся в Святая Святых и произнёс то, что ему было сказано — с обычными последствиями. В те времена, впрочем, наказание за кощунство было легче, чем сейчас: умерли только те, кто находился на Святом Острове.

Потом было ещё несколько попыток, и каждый раз смертельный круг вокруг Острова расширялся. Несколько сумасшедших, прорвавшихся в Башню. Воры, искавшие в Башне сокровища и не умевшие держать язык за зубами. Несколько фанатиков. Один самоубийца, не желавший умирать в одиночестве...

Особенно опасны оказались фанатики. Две последние катастрофы были связаны именно с ними.

Каббалист Ормус, маг, астролог, лекарь и бродячий проповедник, утверждал, что он видел Слово, высеченное на скале в центре легендарного плавающего острова Оберон. Скорее всего он верил в то, что говорил. Во всяком случае, когда его корабли причалили к Святому Острову, он сошёл на землю в окружении толп уверовавших, готовых положить свои никчёмные жизни за то, чтобы Ормус мог войти в Святая Святых.

Четырнадцатый Патриарх Церкви, Дук Малый, погиб, защищая с горсткой уцелевших монахов вход в Башню. Ормус и его люди погибли на несколько минут позже — когда он всё-таки вошёл в Святыню и произнёс то, что он в своём безумии принимал за Слово. Когда Церковь вернулась на Остров, служителю пришлось повозиться, вытаскивая из Башни высохшие тела. Они были настолько сухими, что даже не разваривались в котле. От самого Орамуса, кажется, осталась только горстка пыли. Ближайшие острова вымерли полностью. После этого началась война между Западом и Востоком за освободившиеся клочки суши с кормовыми отмелями. Война унесла, наверное, не меньше жизней, чем Проклятие, — говорят, после Битвы при Танге несъеденные трупы выбрасывали в море, столько было погибших. После этого интерес к поискам Слова среди обычных мирян пропал.

Последний раз беда пришла из самой Церкви. Надо признать, что двадцать второй Патриарх, некогда известный как Аргестий Худой, был почти святым. Говорят, он в младенчестве отказывался от грудного молока, чтобы не терзать груди матери, и добровольно пил отвар из чёрных водорослей. Это, конечно, еретическая байка, но я читал церковные документы, из которых явствовало, что Аргестий и в самом деле отличался крайним, выходящим за всякие разумные пределы, благочестием. Столь же заслуженной (к сожалению) была и его слава чудотворца: он исцелял наложением рук не только припадочных и бесноватых, но и язвы от морской воды и даже открытые раны.

Слово явилось ему в видении, коего он удостоился после сорокадневной непрерывной молитвы, сопровождавшейся полным отрешением еды и питья, кроме промокания губ влажным платом. Судя по сохранившимся записям, Патриарх долго сомневался в истинности откровения и согласился подняться в Святая Святых только после уговоров верующих, которые стекались на Остров со всех концов мира. Как бы то ни было, он вошёл в Башню, поднялся к Святыне и произнёс то, что он считал Словом.

В этот день смерть прошла по третьей части обитаемого мира. И только через десять лет новый служитель Церкви переступил порог Святая Святых — чтобы выбросить оттуда ссохшиеся останки того, кто ныне известен как Аргестий Проклятый.

Я снова взглянул в окно. Ветром нагнало туч, и синяя тряпка с непонятным рисунком уныло поникла под мелким дождичком. Я никак не мог разобрать рисунок, и меня это почему-то злило.

— Мне хотелось бы знать, — голос Тангрэйма отвлек меня от размышлений, — из чего сделана та вещь, именуемая... как его... «компьютером»?

— Она железная, — рассеянно ответил я, — так написано в книгах... Во всяком случае, она металлическая...

И вот тогда я почувствовал настоящий страх.

Потому что я наконец понял, зачем этот умный и спокойный человек высадился на Острове.

Тангрэйм, внимательно на меня смотревший, кивнул головой.

— Да, я принял решение по поводу Башни. Пользы от неё для меня никакой, а вред очевиден.

— И что же ты намерен делать? — наконец спросил я, уже зная, что он ответит. Я лихорадочно соображал, есть ли какой-нибудь выход.

— Ты уже понял, — ответил он, — да, я собираюсь взорвать Святая Святых. Порох — замечательная вещь. Ты хочешь знать почему? Ответу: я не намерен и дальше терпеть ситуацию, когда какой-нибудь очередной святой, безумец, человеконенавистник или просто дурак войдёт в это... помещение (на этом слове он слегка запнулся), откроет рот — и мы все умрём. Башня опасна. Кажется, это самая опасная вещь в нашем мире — по крайней мере на сегодняшний день...

— Видимо, — мой голос дрожал, но я постарался замаскировать это сарказмом, — ты считаешь самой опасной вещью в мире самого себя и опасаясь конкуренции...

Тангрэйм вежливо осклабился, давая понять, что оценил выпад.

— Ты волен думать и так, Святой отец... Но если тебя всё же интересует то, что есть на самом деле, то ты ошибаешься. Я не преувеличиваю собственной значимости. Пока что я — всего лишь удачливый завоеватель, один из многих. Возможно, я скоро стану чем-то большим... но даже в этом случае я останусь всего лишь человеком. Я знаю свои пределы, Святой отец. Есть вещи, которые я никогда не смогу контролировать. Именно поэтому подобные вещи я буду

уничтожать — по мере возможности, конечно. Одна из таких вещей — Святая Святых.

Я постарался собраться с мыслями.

— Тебе не дадут этого сделать твои же солдаты, завоеватель мира. Если ты приблизишься к Башне...

Тангрэйм ухмыльнулся:

— У меня есть десять человек, которые пойдут за мной куда угодно. Больше и не требуется. Десять мешков пороха, смешанного с клеем оранжевой водоросли. Обычный порох сгорает в мешке, но эта смесь взрывается... И конечно, я не пойду к Башне обычной дорогой. Некоторые твои люди оказались сговорчивее, чем ты предполагал. Я знаю о потайном ходе, который начинается здесь и выводит прямо в Башню.

Я сжал зубы.

— Наверное, тебе интересно знать, кто же оказал мне эту... услугу? — издевался Тангрэйм. — Не беспокойся: его уже нет в живых. Непосредственно перед нашей встречей я отдал его своему повару — когда он рассказал всё, что знал. Впрочем, он не рассказывал — он писал. Неудобно говорить, не имея языка. Кажется, он когда-то претендовал на твоё место, Святой отец? Но ты успел раньше и выхлопотал своему сопернику более почётную должность — служителя Святилища. А знаешь, что его особенно задело?

Я знал что.

— Не надо было самому вырезать у него язык, да ещё и есть его у него на глазах... Но вернёмся к подземному ходу. Не бойся, я не собираюсь тебя пытаться, чтобы вызнать секрет механизма. Там надо что-то повернуть или дёрнуть — но свой секрет ты можешь оставить при себе. Мне достаточно того, что проход закрыт плитой в стене, и знаю, в какой именно. Расколоть такую плиту требует времени... то есть требовало бы, не будь у нас пороха.

Я почувствовал, что мне нужно что-то сказать.

— Всё-таки когда-нибудь Слово будет найдено. И мы вернёмся домой.

Тангрэйм презрительно прищурился:

— Домой? Этот мир и есть наш дом, и другого у нас не будет. Даже если учение Церкви истинно, оно бесполезно. Никто больше никогда не осмелится подняться на Башню — хотя бы из жалости к роду человеческому. Разве что очередной сумасшедший... Сколько ещё людей умрёт из-за его безу-

мия? И что скажет на это Церковь, учащая, что Путь домой — это милость и сострадание?

— Церковь, — медленно произнёс я, — учит милости и состраданию. Но ещё важнее милости и сострадания — Путь домой. Без него ничто не имеет смысла, в том числе и все человеческие добродетели. Они только средство, средство для достижения цели. Но ты хочешь отнять у нас цель.

— Кстати, о целях: не беспокойся насчёт своего положения, Святой отец, — Тангрэйм начал говорить чуть быстрее, — я вовсе не враг Церкви. Напротив, я считаю вашу организацию в высшей степени полезной. В этом безумном мире вы долгие века поддерживаете хоть какой-то порядок, уча людей сдерживать свои дурные страсти... Тот порядок, который несу я, будет, возможно, прочнее, но я никогда не отказывался от сильных союзников. Я привёз на Святой Остров ценные дары и намерен их тебе вручить — разумеется, публично, со всеми подобающими церемониями. Что касается дальнейшего... Пока у меня нет государства, которое сравнилось бы по размерам с твоей невидимой империей. Но оно у меня будет. В таком случае меч и скипетр станут чрезвычайно полезны друг другу. Что ты на это скажешь?

Я откинулся в кресле и ещё раз глотнул воды из чаши.

— Прости, Тангрэйм, но меня не интересует политика. Вернее, — я поправился, — интересует. Но не такой ценой. Я люблю власть, даже такую шаткую, как моя... и хотел бы иметь её больше, чем сейчас. Но учение Церкви истинно, а истина важнее власти.

Тангрэйм помолчал.

— Да, — сказал он, — я вижу, что ты искренен и веришь в то, что говоришь. Но меня не интересует, истинно учение Церкви или нет. Ведь теперь этого никто никогда не узнает, Святой отец. Никто, никогда.

Я попробовал приподняться, уже зная, что последует за этим.

— Не стоит беспокоить себя. Ты останешься здесь, уважаемый Патриарх, хочешь ты того или нет. — Тангрэйм сказал это совершенно равнодушно. — Я не могу рисковать. Ведь тебе может прийти в голову мысль как-нибудь проникнуть в Святая Святых и открыть рот. Разумеется, мы все погибнем, но Святыня останется нетронутой, не так ли? Так вот: меня решительно не устраивает такая перспектива. Ты останешься

здесь. За дверью стража. Они не причинят тебе вреда, но не позволят тебе выйти. Когда всё кончится, мы поговорим снова — насчёт меча и скипетра. Ты разумный человек, и когда твоё горе пройдёт, ты задумаешься о сотрудничестве...

— Предание Церкви гласит, что Святая Святых неуничтожимо. Думаю, порох тебе тоже не поможет: наши Судьи наверняка предусмотрели и это. Единственное, чего ты добьёшься, — это смерти очень большого количества людей. Вряд ли Святая Святых простит покушение. — Я говорил, понимая, что это уже бесполезно. Но Тангрэйм всё ещё слушал меня, о чём-то размышляя. Потом глаза его блеснули: он опять что-то придумал.

— Ты убеждён в том, что говоришь? Что Святая Святых устоит против десяти мешков самого лучшего пороха?

Я кивнул.

— Я даже готов открыть тебе и твоим людям проход в Святая Святых, — сказал я. — Мне не хочется, чтобы твои пороховых дел мастера орудовали здесь. Когда-нибудь это место понадобится новому Патриарху. Лет через пятьдесят или сто.

— Ты так уверен, что мы все скоро умрём? — Тангрэйма это почему-то развеселило. — Ну что ж... Кажется, ты говорил мне, что никогда не видел Святая Святых. Пожалуй, я покажу его тебе. Но только если ты согласишься на одно маленькое условие: я прикажу связать тебе руки и забить рот кляпом, чтобы ты не говорил лишнего. И ведь ты достаточно крепок, чтобы принести на себе один небольшой мешочек с нашей смесью?

Он два раза хлопнул в ладоши, и двери зала распахнулись. Появились стражники: видимо, они всё это время ждали за дверью — ладные, крепкие ребята. Перед ними потешно вышагивал карлик-знаменосец, тряся тангрэймовским штандартом. Я присмотрелся к нему и недоумённо поднял брови: на синем фоне буквами Священного Письма было коряво наляпано слово «ПОВИНУЮСЬ». Я машинально отметил, что последняя буква написана как-то криво.

Впрочем, с них станется. И лозунг вполне себе имперский.

Тангрэйм проследил за направлением моего взгляда и, неожиданно для меня, самодовольно ухмыльнулся.

— Я изобразил на своём знамени карту моей будущей Империи, Святой отец, — пояснил он. — Ты видишь перед собой

очертания островов, составляющих наш мир. Наши книгочеи немало потрудились, составляя эту карту. Ты спросишь меня зачем? Однажды я подумал, что все завоеватели пытались навязать миру свою волю. В частности — раскрашивая мир в свои цвета, хотя бы на знамёнах. Я же принимаю мир, как он есть, и в этом моя сила... Впрочем, тебе это может показаться досужим умствованием, Святой отец. Открой рот. Ребята, кляп, — приказал он страже.

Я подумал, что Тангрэйм всё-таки сумасшедший, и послушно раздвинул челюсти. Тут же чья-то ловкая рука вбила мне в рот верёвочный кляп, воняющий чёрными водорослями. К горлу опять поднялась тошнота.

— Постарайся не блевать, Святой отец, — предупредил Тангрэйм, — захлебнёшься. Ну, где же секретный рычажок?

Когда я повернул в нужную сторону завиток орнамента на стене и открылся проход, предусмотрительный Тангрэйм связал мне за спиной руки.

В святилище было темно.

Темно и тесно:

Солдаты молча положили свои мешки с порохом у стен и тут же, не издавая ни единого звука, скрылись. Мой мешок был свален в общую кучу. Мне стало приятно, когда сильные руки Тангрэйма сняли этот груз с моей спины: не хотелось проводить последние минуты жизни в сгорбленном состоянии.

Это была небольшая круглая комната, в которую едва-едва проникал свет. Пока глаза не привыкли к полумраку, я не мог понять, из чего сделаны её стены, — но потом сообразил, что они металлические. Просто я никогда не видел такого гладкого белого металла.

А в середине комнаты стоял компьютер.

Не помню, что я думал об этой вещи раньше. Кажется, я представлял его себе похожим на пирамиду и очень высоким. На самом деле это был железный ящик, с непонятными выступами и впадинами. Наверху мигало красное пятнышко, похожее на залитый кровью глаз.

Тангрэйм долго рассматривал компьютер. В темноте я не видел его лица. Потом он отвернулся, подошел к стене, где стояло оставленное солдатами знамя. Взял его в руки. Подо-

шёл к компьютеру, торжествуя взмахнул полотнищем и воткнул древко знамени в какое-то отверстие наверху ящика.

Украшенный имперским стягом компьютер выглядел настолько нелепо, что это, наверное, могло бы рассмешить даже меня. Возможно, я и посмеялся бы — если бы не верёвки во рту. Владыка Гонгра и вождь народа Аркнур, это воплощение холодного разума, всё-таки не отказал себе в маленьком невинном удовольствии: поглумиться над беспомощным противником.

Я понял, что если бы компьютер был пониже, он обязательно поставил бы на него ногу.

Внезапно откуда-то раздался тяжёлый железный лязг. Великий завоеватель моментально присел, оглядываясь, в руке появился кинжал.

А потом кто-то — я сразу понял, что это не Тангрэйм, — громко расхохотался.

Это был жестокий, торжествующий смех, отдающий металлом. И исходил он от железного ящика в середине комнаты.

— Наконец-то, — сказал железный ящик, отсмеявшись. Голос у него оказался под стать смеху: я невольно поёжился. — Разрешаю вам говорить. Кто из вас главный?

— Я, — немедленно ответил Тангрэйм.

Я невольно подумал, что это был нужный вопрос: великий полководец тут же почувствовал себя в своей стихии. Во всяком случае, он уже стоял перед компьютером в подобающей позе — почтительной и независимой одновременно.

— Откуда ты узнал Слово? И почему ты написал его на этой тряпке, а не сказал вслух?

— Я составил карту земель, которые завоевал или собираюсь завоевать, — чётко сказал Тангрэйм, смотря прямо в красное пятно.

— Хорошо. Ты ответил сразу на несколько вопросов... (Компьютер помолчал, красный глаз несколько раз мигнул.) Ты говоришь от своего имени? Ты — завоеватель?

— Да, — ясно и отчётливо отрапортовал Тангрэйм.

— Значит, ты явился ко мне сам. Это дерзко. Я думал, завоеватель отправит сюда своего офицера, а сам будет выжидать на самом отдалённом острове. Ты ведь мог и ошибиться.

— Я знал это. — Тангрэйм изо всех сил делал вид, что владеет ситуацией.

— Говори мне — господин, — тут же ответил компьютер. — Не забывай: твоя жизнь в моей власти. Как, впрочем, и всех людей в этом мире.

Тангрэйм колебался какую-то секунду.

— Да, господин, — произнёс он без малейшего неудовольствия в голосе.

— Хорошо, — произнёс компьютер. — Ты не только смел, но и сообразителен. Теперь я разрешаю тебе задавать вопросы.

— Да, господин. — Тангрэйм ненадолго задумался. — Скажи, что мы будем делать дальше?

— Ты выполнил моё условие, и теперь мы сможем наконец начать войну. Скоро ты сможешь попробовать на вкус мясо землянина. Впрочем, об этом потом. У меня ещё много дел. Я должен подготовить боевые корабли... Ты придёшь ко мне завтра. Кстати, кто этот человек рядом с тобой, и почему он связан?

Я дёрнулся.

— Это мой слуга, господин, — быстро ответил Тангрэйм. — Я заткнул ему рот, чтобы он не сказал чего-нибудь... лишнего.

Компьютер опять засмеялся:

— Понимаю. Очень разумно. А что это лежит там, у стены?

— Ничего особенного, господин, — ответил Тангрэйм, и голос его не дрогнул. — Церковь велела мне принести дары в Святая Святых, и я их принёс.

— Какие дары? Что такое Церковь? — спросил компьютер. — Впрочем, не до того. Уходи и возвращайся завтра на рассвете.

Компьютер замолчал. Красный глаз потух. Но я успел заметить, как Тангрэйм достаёт из-под нагрудника запальную свечу.

— Можешь думать обо мне всё, что угодно, Святой отец, и я не буду тебя осуждать, — наконец сказал Тангрэйм.

Я с наслаждением потянулся. Во рту всё ещё чувствовался вкус верёвок, а руки ломило: завоеватель мира всё-таки перетянул узлы.

— Какая теперь разница? — наконец спросил я, не считывая на ответ.

— Теперь — никакой, — легко согласился Тангрэйм. — Остаётся надеяться, что порох не подведёт. Свеча вот-вот догорит. Я был прав, когда говорил, что эта штука опасна.

Тангрэйм срыгнул, повертел головой в поисках миски и сплюнул прямо на пол. Я не почувствовал себя оскорблённым. Я вообще ничего не чувствовал — ни страха, ни скорби. Моё сердце было пустым, как сухая каменная водоросль.

— Да, — легко согласился я. — Наверное, тебе не понравилось, когда он заставил называть себя «господином»?

— И это тоже. — Тангрэйм поморщился. — В любом случае моим господином... то есть нашим господином... не может быть железный ящик. У нас слишком мало общего.

— Может ли быть такое, что он сошёл с ума? — Я сам в это не верил.

— Не знаю, — сказал Тангрэйм. — Железо ржавеет от воды и от сырого воздуха. Но он не показался мне ржавым.

— Может быть, — мне просто хотелось что-нибудь сказать, — мы что-то неправильно поняли?

— Эта вещь хочет от меня того, что я не хочу делать. Я не понимаю этой вещи и не могу её контролировать. Вполне достаточно, — отозвался Тангрэйм.

Вдалеке раздался грохот.

— Вот и всё, — заключил Вождь Народа Аркнур и Владыка Гонгра. — Теперь будем ждать.

Я выглянул в окно. Башня казалась неповреждённой.

— Он или убит, или ранен, или выжидает, — зачем-то сказал Тангрэйм, не поднимаясь с места. — Скоро...

Он сказал ещё что-то, но я не успел понять, что именно. Надо мной вспыхнуло жёлтое сияние, а потом ноги оторвались от земли, и я куда-то поплыл.

— Мы едва успели, — закончил симпатичный молодой человек, несколько ранее назвавшийся Лайоном Целесским, старшим майором Космического Флота Земли. — Он выключился всего на десять минут. Конечно, вы не могли серьёзно его повредить.

Белые стены комнаты слегка мерцали. Я протянул ногу и потрогал пальцами пол. Он был мягким. У землян это

называлось ковром. Я никак не мог привыкнуть к этому ощущению — когда под ногами мягко.

— И сейчас он... жив? — Тангрэйм приподнял голову над тарелкой. То, что там лежало, называлось «дыня». То, что лежало на тарелке у меня, было мясом — причём, как мне объяснили, не человеческим. Вместо крови мне дали чашу с тёмно-красной жидкостью, которую земляне называли соком.

Мне было хорошо, как никогда в жизни.

— Да, если можно так сказать... жив. То есть функционирует.

— Ему можно причинить боль? — поинтересовался Тангрэйм, пододвигая к себе блюдечко с чем-то розовым.

— К сожалению, нет, — серьёзно ответил майор. — Я вас хорошо понимаю, — торопливо добавил он, — но это всего лишь механизм.

— А где остальные люди? — спросил я, прожёвывая ещё один кусочек мяса.

— Мы их усыпили, — ответил майор, подливая мне сока в чашу. — Во избежание шока. Перебросить через гиперпространство всё население планеты, и так быстро... Нам очень повезло.

Было видно, что он имел в виду — «вам повезло».

— С начала, — попросил я, кутая ноги в пушистую ткань халата. — Расскажите мне эту историю с самого начала.

— Хорошо. — Целеский тяжело вздохнул и повернулся ко мне. — Вы знаете основы устройства мира?

— Наш мир, — я невольно улыбнулся, — представляет собой большой каменный шар, покрытый горькой водой. Над поверхностью воды выступают каменные острова, число которых теперь, кажется, известно точно... Нам кажется, что наш мир — единственный. Но Церковь учит, что это не так. Это всего лишь часть Большого Мира, именуемого Галактикой или Вселенной. Вселенная — это обширная пустота, в которой висят множество таких каменных шаров, как наш. Один из них называется Голубая Земля, откуда наши предки были изгнаны за свои грехи. Согласно преданию Церкви, Земля покрыта мягким камнем, по которому не больно ходить. По ней текут потоки пресной воды, которая приятна на вкус...

— Да, всё правильно, — без особенного энтузиазма откликнулся Целеский. — Ещё сока?

— Мне тоже, — быстро сказал Тангрэйм. — И всё-таки?

— В общем, да, вода приятна на вкус. — Майор слегка зевнул, подливая Тангрэйму из высокого кувшина. — Короче говоря, вся эта паскудная история началась довольно давно. На тюремной планете... извините, ребята, но ваш мир использовался как тюрьма, вы это знаете? — Майор покосился на меня.

— Конечно, знаем. — Я тоже отхлебнул сока. — Это учение Церкви. Наши предки были сосланы за наши грехи.

— ...так вот, на тюремной планете вспыхнул бунт. Причём не среди заключённых. Зачинщики были в тюремной администрации.

— Зачем им это понадобилось? — без особенного интереса спросил я.

Тангрэйм задумчиво посмотрел куда-то в потолок.

— Понимаю... Когда я только начинал... у меня в подчинении был молодой командир. Очень талантливый и очень честолюбивый. Я знал, что рано или поздно он попробует занять моё место — и я совсем не был уверен, что ему это не удастся. Но его нельзя было убить сразу: он был ни в чём не виноват, а солдаты его любили. Поэтому я отправил его в дальний гарнизон на остров Гонгр и заставил охранять никому не нужные отмели с чёрной водорослью. Там он взбунтовался, захватил остров, заключил союз с Восточным Архипелагом... ну и так далее. В конце концов бунт был подавлен. Очень жестоко.

Лайон нахмурился:

— Я не имел в виду ничего подобного.

Тангрэйм развёл руками:

— Майор, мне просто вспомнилась старая история... Но рассказывай дальше.

Целесский с видимым облегчением продолжил:

— Руководил бунтом компьютер, управлявший внешней обороной планеты. Землянам он объявил, что он выходит из подчинения Земли, а всё население планеты объявляет своими заложниками. И тут же убил излучением пару тысяч человек. В том числе, кстати, и почти всех своих соратников. Скорее всего по ошибке: сам по себе этот ящик глух и слеп и не может контролировать обстановку на планете. Правда, компьютер перехватил контроль над орбитальными военными спутниками. Но на поверхности он не мог ничего. Только убивать... и то без разбору.

— Как он убивает? — тут же спросил Тангрэйм. Ему было интересно.

— Индуцированная радиация, — непонятно ответил майор. — Что-то вроде невидимого света, если можно так выразиться. В общем, с этого момента планета вышла из-под контроля. А потом он начал наводить там свои порядки.

— Я не понимаю одного. Объявлять заложниками малоценных людей — это глупо. Насколько я понимаю, вы могли бы просто уничтожить планету, вместе со всем сбродом, который на ней находился.

— Земля не могла допустить массовой гибели людей, пусть даже заключённых, — отчеканил майор.

— Охотно верю, — процедил Тангрэйм и тут же поспешил сменить тему: — И всё-таки, чего он добивался?

— Не всё сразу. Планы бунтовщиков были очень серьёзными. Как бы это сказать... этот бунт был частью чего-то гораздо более обширного. Похоже, их кто-то поддерживал извне. Кто-то, у кого было много оружия. Но не было людей, которые согласились бы взять его в руки.

— Преступники — плохие солдаты, — прокомментировал Тангрэйм. — Они не знают, что такое дисциплина.

— Заключённые и не собирались бунтовать. Они добросовестно тянули срок и хотели только одного — вернуться на Землю. Но компьютер был готов ждать.

— Чего же? — вклинился в разговор я.

— Естественной смены поколений. На тюремной планете было достаточно женщин, чтобы рассчитывать на появление потомства. Конечно, детей было мало. Особенно если учесть, что компьютер запретил нам доставку на планету продовольствия и вам пришлось есть водоросли. Ну и, разумеется, войны...

Тангрэйм оживился: судя по всему, он стал что-то понимать.

— Ага. Преступники — плохие солдаты. Но из их потомства можно воспитать воинов. Для этого, правда, нужна война, много войн, не так ли?

— Не совсем так. — Майор тоже оживился: видимо, эта тема ему была хорошо знакома. — Все острова и без того находились в состоянии вялотекущей войны друг с другом — одна шайка бандитов на другую, и так без конца. Компьютеру же были нужны...

— Порядок и дисциплина. То есть империя, — быстро подхватил тему Тангрэйм. — Великая империя, основанная на военной силе и охватывающая весь мир. Или хотя бы его часть, это не так уж важно...

— Примерно так. Поэтому компьютер и придумал этот трюк. Компьютер обещал власть, славу, богатство и возвращение на Землю тому, кто войдёт в Святая Святых и произнесёт Слово, начертанное на земле. В смысле, на поверхности планеты. Для этого нужно было иметь очень точные карты хотя бы части островов. Точные — потому что составленный компьютером алфавит состоял из очень похожих символов. Небольшая ошибка — и всё.

— А для того, чтобы составить такие карты, нужно владеть самими островами, причём достаточно долго, — быстро добавил Тангрэйм.

— Но не всеми: достаточно знать половину букв, чтобы угадать слово. Вполне разумный расчёт. Собственно говоря, он в конце концов и сработал. Хотя и не совсем так, как предполагалось.

— В учении Церкви ничего подобного нет, — быстро сказал я.

— Конечно нет, — легко согласился Целесский. — Просто оно, как бы это сказать, изменилось со временем. Особенно когда церковники добились того, что компьютер уже не мог им ничего диктовать.

— Как это? — Я поймал себя на том, что думаю как Патриарх Церкви.

— Да очень просто. Ваша Церковь произошла от остатков бунтовщиков. Сначала компьютер оставался их вождём, а Церковь только исполняла его распоряжения. Но поколения менялись, Патриархи забирали себе всё больше власти. В конце концов компьютер стал им ощутимо мешать. Они перестали слушаться его распоряжений и, разумеется, прекратили общаться с ним. Тогда и появились немые служители с проколотыми ушами и отрезанным языком — чтобы не могли слышать, что говорит компьютер, да и сами не могли ничего ему сказать... или рассказать другим. Такова участь любого бога, попавшего в руки своих служителей: рано или поздно его изолируют...

— То есть мы сами себя обманули, — закончил за него я.

— Ну... как бы да. — Майор снисходительно кивнул. — Первоначальное учение Церкви довольно скоро забылось. Осталась невнятная легенда о спасительном Слове, которое всех освободит и вернёт на Землю. Смешно, что она оказалась правдой... ну, или почти правдой. Мы очень долго ждали этого момента. Мы были наготове. К сожалению, при любой попытке начать переброску людей компьютер убил бы всё население планеты. В конце концов, мы были готовы к тому, чтобы спасти хотя бы несколько сотен. Но благодаря вашим усилиям...

— ...вы всё-таки получили свою армию, — внезапно перебил Тангрэйм.

В комнате повисла тишина.

Майор открыл было рот, потом закрыл. Глаза его блеснули.

— Я прекрасно осознаю своё положение. — Тангрэйм уселся поудобнее и пододвинул к себе чашу с соком. — Ты, майор, — заговорщик, и у тебя свои планы. Иначе ты не стал бы нас вытаскивать. Я нахожусь у тебя в качестве почётного пленника. Всё население нашего мира — тоже, но не в столь комфортных условиях. Очевидно, вам понадобилась армия, не так ли?

Майор сидел обхватив голову руками.

— Ты сообразителен, — наконец выдавил он из себя. — Даже слишком.

Потом Целесский вдруг рассмеялся:

— А ведь ты думаешь, что я изменник? Забавно...

Прямо из стены вырвался тонкий голубой луч, и голова майора разлетелась на куски.

— Конечно нет. — Полковник Рубин скосил глаза на валяющийся в углу комнаты чёрный мешок с телом майора. — Тот заговор был очень давно. Вы хоть представляете, сколько прошло времени? Века. Может заговор пережить века?

Я машинально помотал головой.

— Майор командовал наблюдательным отрядом. Это, конечно, отстойная должность, но нам нужно было его куда-то девать. Что-то вроде почётной ссылки, понимаете?

Тангрэйм кивнул: видимо, опять вспомнил про дальний гарнизон.

— Он и в самом деле был из колонии? — спросил я.

— Из провинции. Сейчас не принято говорить «колония». Талантливый провинциал, понимаете ли. Ему не дали хода, вот он и начал своевольничать. Мы вообще-то знали о его связях и за ним присматривали... Ну а здесь в его руки попала козырная карта.

— Всё-таки непонятно, зачем ты его убил, — заметил Тангрэйм. — Его следовало допросить под пыткой. Наверняка у него были сообщники.

— Ну... — Полковник замялся. — По официальной версии, это была случайная смерть при задержании. Во время экстренного вскрытия стены. — Он кивнул туда, где всё ещё дымилась выжженная дыра с неровными краями. — Но вообще-то... Вопрос отношений с другими планетами чрезвычайно деликатен. Земля не заинтересована в излишней напряжённости... Короче говоря, есть вещи, на которые приходится закрывать глаза. Во всяком случае, моё земное начальство отнеслось к моим действиям с пониманием, — самодовольно добавил он. Тангрэйм пропустил всё это мимо ушей.

— Я не могу взять в толк одного, — наконец сказал он. — Если компьютер умел убивать невидимым светом, то, наверное, это умеет делать и Земля. Тогда зачем мятежникам нужны были солдаты? Их ведь можно убить такими же лучами?

— Ну да. Люди уже давно не воюют сами. В современной войне участвуют только компьютеры.

— И что же нужно было компьютеру? — Тангрэйм поднял бровь.

— Живой щит, — непонятно сказал полковник. — Как бы это объяснить... На Земле, видите ли, очень трепетно относятся к человеческой жизни. Общественное мнение не простило бы нам уничтожения людей. Даже если эти люди попёрлись бы на нас на боевых кораблях... Правда, обычные земляне не способны на такой риск. Но ваши солдаты дисциплинированы, мало ценят жизнь и готовы умереть по приказу своих вождей. Такими вас, собственно, и воспитывали.

— Кажется, я понимаю, — протянул Тангрэйм. — Гнать перед собой заложников. Но это могло бы сработать, если бы мятежники захватили бы в плен землян. Мы же, насколько я

понимаю, потомки земных преступников? В чём наша ценность для Земли?

— Да ни в чём. Просто на Земле считается, что убивать людей плохо, — мрачно заметил Рубин. — Общественное мнение Земли не может примириться со смертью людей, каковы бы они ни были. — Он сказал это так, как будто кого-то передразнивал. — Земля — это высокоцивилизованное общество, — добавил он.

— Я так и не понял, что такое «общественное мнение». Но если я правильно понимаю ситуацию, оно не простило бы вам и того, что какие-то люди начали бы стрелять по Земле? — осведомился Тангрэйм.

— Ещё бы! — согласился полковник. — В любом случае всё армейское командование оказывалось в полной заднице... Хотя теперь у нас тоже полон рот проблем. Этот идиот эвакуировал всё население планеты. Теперь этих людей надо куда-то девать.

— Неужели на Земле не хватит для нас места? — спросил я. — Церковь учила, что на Земле много суши, гораздо больше, чем у нас...

Полковник махнул рукой:

— Да не в месте дело... Нельзя же просто поселить вас на Земле, правильно?

— Почему нельзя? — искренне удивился я.

— А на какие средства вы будете жить? — столь же искренне удивился Рубин.

— Церковь учит, что водоросли у вас растут на суше. Мы могли бы научиться их возделывать... — начал было я, но полковник махнул рукой:

— Ни хрена. У нас цивилизованная жизнь. Не можем же мы позволить вам заниматься сельским хозяйством!

— Но какой вред это нанесёт Земле?! — Я ничего не понимал.

— Просто на Земле никто не выращивает растений. Это считается грязным, нецивилизованным занятием... короче говоря, общественное мнение будет решительно против. При этом никакими земными профессиями вы не владеете. Следовательно, вас придётся кормить за общественный счёт, а общественное мнение Земли очень не любит лишних расходов.

— Но убивать нас ты всё-таки не собираешься? — спокойно уточнил Тангрэйм.

— Нет, конечно. — Рубин вздохнул. — Это же геноцид. За геноцид... не знаю, что со мной сделали бы за это. Может быть, даже судили. И объявили бы кровавым палачом. Ну, и из армии выгонят точно.

— Да, это очень серьёзно, — осклабился Тангрэйм.

— На Земле очень трепетно относятся к такой ценности, как человеческая жизнь, — повторил полковник, скривившись.

— Похоже, на Земле трепетно относятся не к человеческой жизни, а к человеческой смерти. Человеческая жизнь вам безразлична, — глядя куда-то в пространство, заметил Тангрэйм.

— Это ещё что такое? — Полковник брезгливо поморщился.

Тангрэйм вздохнул:

— Боюсь, теперь ты не поймёшь меня, полковник Рубин... Так что же вы будете делать?

— Не знаю, — насупился Рубин. — Конечно, будь моя воля, я бы отправил вас всех обратно на вашу планету. Жрали бы вы свои водоросли и никому бы не мешали. Но теперь уже поздно. На Земле всё знают... и никто не возьмёт на себя ответственность за такое решение.

— И я тоже, — тем же тоном заметил Тангрэйм. — Ты ведь к этому клонишь?

— Послушайте, — впервые за всё время разговора полковник оживился, — это может быть интересным для вас двоих... В конце концов, ты — военный вождь вашего мира, а ты, — он повернулся ко мне, — вождь духовный. Мы могли бы признать вас законным правительством планеты. Дальше — одно-единственное заявление по сети... про сеть потом... да, выступление, от имени населения вашего мира — мол, мы хотим, чтобы Земля оставила нас в покое, чтобы развивать свою самобытную культуру... ах да, вы не знаете, что такое культура... хотя это всё не важно. Одно заявление — и мы со спокойной совестью отправляем весь балласт обратно. Вы же, как признанное правительство планеты, получаете от нас хорошее содержание. Земная еда, ковры, много чего ещё. Вы будете жить почти так же, как на Земле. Вы и ваши преемники. Мы гарантируем...

— Знаешь, — медленно проговорил Тангрэйм, — я никогда не щадил своих солдат, но всегда хорошо их кормил. Мясом противника, — добавил он, пристально смотря в глаза полковнику.

Тот не отвёл взгляда.

— Вы, кажется, не понимаете своего положения. Я пытаюсь договориться с вами только потому, что это снимет кое-какие неприятные проблемы. Но, поверьте, это не так уж важно. В крайнем случае мы...

— Я понимаю тебя, полковник, — неожиданно серьёзно сказал Тангрэйм. — Я в твоём распоряжении. Твои приказы будут выполнены в точности.

Полковник пристально посмотрел на Тангрэйма:

— Ты выступишь по сети?..

— Нет, — тем же тоном сказал Тангрэйм. — Я не выступлю по сети. Я же сказал, что я в твоём распоряжении, полковник.

Рубин пожевал губами, что-то прикидывая.

— Проверка на вшивость, — непонятно сказал он. — Да, своих ты не сдаёшь. И не дурак. Пожалуй, годишься. Можешь спрашивать.

— Сколько времени длится оккупация? — тут же спросил Тангрэйм.

Я не понял. Но полковник, кажется, ждал именно такого вопроса.

— Уже много столетий. Тот самый заговор... вообще-то он удался.

— И кто за этим стоял?

— Провинциалы. То есть бывшие колонии Земли. Они, правда, перестарались. Например, взбунтовали все тюремные планеты. Но вообще-то всё прошло настолько успешно, что...

— ...мы не понадобились, — ухмыльнулся Тангрэйм. — А почему они не...

Полковник, кажется, понимал Тангрэйма с полуслова.

— Разумнее всего было бы уничтожить всё, что было на планете. Но компьютер оказался хитрее. Он понял, что он им больше не нужен, и... Дальше ты знаешь. Подобраться к нему было невозможно: орбитальные спутники были под его контролем. Соответственно они повесили над планетой остатки земного флота и стали ждать у моря погоды. Благо времени у

них предостаточно. Да и земным воякам какая-никакая работёнка. Но как ты догадался?..

— Это несложно. — Тангрэйм протянул было руку к кувшину, но потом передумал. — Земные порядки, на которые ты ссылался. Такие порядки не могут существовать в свободной стране... или на свободной планете. Во-первых, ты сказал, что земляне боятся гибели людей, всё равно — своих или чужих. Ты, кажется, назвал это «трепетным отношением к человеческой жизни». Но ведь любой завоеватель с удовольствием распространял бы подобные идеи на захваченных землях: такие люди не бунтуют и не сопротивляются никакому насилию. При этом ещё и гордясь собой — ведь, кажется, именно такие нравы на Земле считаются признаком высокой цивилизации?

Полковник кивнул.

— Дальше. Насколько я понял, землянам запрещено заниматься сельским хозяйством. То есть они не кормят себя. Тем самым они уязвимы...

— Тут ты всё-таки ошибаешься, — перебил его полковник. — Ты не знаешь, что пища давным-давно производится искусственным путём, на фабриках...

— ...которые, разумеется, контролировать куда легче, чем крестьянские поля, — упрямо закончил Тангрэйм. — Впрочем, это не важно. И наконец, последнее. Насчёт чрезвычайной деликатности отношений с другими планетами. Попросту говоря, Земля не имеет никаких прав...

— Хорошо, сейчас я всё расскажу. Последний вопрос: ты понял, чего мы хотим от тебя?

— Да — тяжело, с нажимом произнёс Тангрэйм. — Да.

Полковник вздохнул:

— Ладно, слушай. То восстание было действительно успешным. Чертовски успешным. В общем, Земля была захвачена. И до сих пор находится под контролем своих бывших колоний. Правда, это так не называется. Формально мы являемся независимой планетой, связанной двусторонними договорами и соглашениями с рядом дружественных планетных систем... Но на самом деле, конечно, всем заправляют они. Они смешали родину человечества с грязью. И превратили её в свой придаток. И это кое-кому очень не нравится.

— Уж понятно кому, — подал голос Тангрэйм.

— В общем, своим дурацким взрывом ты дал нам шанс, и мы рискнули, — закончил наш собеседник.

— Кстати, за что вы убили майора? — вдруг вспомнил Тангрэйм. — Он ведь был ваш?

— Нет, конечно. Он был из колонии... то есть из провинции, — поправился полковник. — А ты принял его за заговорщика. И сам объяснил ему, зачем был отдан приказ эвакуировать вас. Надоумил. Я-то надеялся, что молодой дурак не сразу поймёт, в чём дело. А так он немедленно донёс бы.

— Я виноват, — серьёзно сказал бывший Владыка Гонгра. — Иногда я... переоцениваю свою проницательность. Но мне не хотелось бы ошибиться ещё раз. Ты ведь говорил, что люди больше не воюют? Что войны ведут компьютеры?

— У нас их нет, — помрачнел полковник. — Космический Флот Земли — это горстка старого барахла, которое оставили нам колонисты вместо настоящей армии. Но мы и не собираемся воевать в космосе.

У Тангрэйма загорелись глаза.

— Понимаю. Переправить нас на Землю. Всех. Но прежде всего — моих солдат. А там...

— Да, именно так. Мы можем это сделать хоть сейчас, — добавил полковник. — Но будут ли солдаты слушаться твоих приказов, оказавшись в другом мире? — Он задумчиво посмотрел на мешок с телом Целесского.

— Да, — подумав, ответил Тангрэйм. — Конечно. Конечно, сперва они испугаются. Но когда услышат боевой рожок, они все бросятся на построение. Хотя бы потому, что это будет привычно и понятно... О да, они выполнят любой приказ. Кстати, каковы направления атаки?

— Как обычно. Основные административные здания. Наземные военные базы. Ещё кое-что.

— Там есть компьютеры?

— Да, их там полно. Но они ничем не защищены. Хотя, конечно, колонисты на своих планетах узнают обо всём очень быстро. До этого момента надо будет захватить контроль над планетарной спутниковой системой. Это, впрочем, уже нашего ума дело. Ты и твои люди нужны для наземной операции. Она уже просчитана. Малого бортового компьютера для этого оказалось вполне достаточно.

— Каковы шансы на успех? — Тангрэйм чуть прикрыл веки.

— Не очень большие, — честно сказал полковник. — Но другого случая может не представиться никогда.

— Ожидаемые людские потери?

— Девять из десяти. В самом лучшем случае.

— Потери велики... но приемлемы, — тем же тоном заметил Тангрэйм. — Во всяком случае, каждый выживший будет есть мясо, а не чёрные водоросли. Всю оставшуюся жизнь, если нам повезёт.

Потом он повернулся ко мне и добавил:

— Видишь, Святой отец, я всё-таки был прав. Люди никогда не перестанут воевать.

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Традиционная сказка

...Глаза их встретились... и они, конечно же, сразу полюбили друг друга.

«Бременские музыканты»

Мимо тёщиного дома
Я без шуток не хожу.

Народное

Тварь я дрожащая или право имею?
Ф.М. Достоевский. «Преступление и наказание»

Мрачная лощина. Вокруг разбросаны побелевшие кости, черепа, шлемы. К столбу прикована цепями обнажённая Прекрасная Принцесса.

Появляется Прекрасный Принц — в шлеме, с мечом и прочими причиндалами.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Привет. Ты симпатичный.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Привет. Ты тоже ничего.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Как я выгляжу в цепях?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Очень даже. У тебя сисяры классные.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Я знаю... Третий номер, и стоячие при этом. Маменька говорила, что... Ой, убери лапы.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — А чё? Я тебе больно сделал?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*хихикает*): — Нет, но... (*заученно*): Не надо так. Давай до свадьбы подождём.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Стоп-стоп. Ты... это... целка, что ли?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*кокетливо*): — Если хочешь — буду целочка...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Вот ещё! Мне нужна нормальная девка. Которая знает, где у мужика что. А ты...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*обиженно*): — Да всё я знаю! Я ж не из деревни. Я всё-таки при дворе росла.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*коварно*): — А в попу дашь?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*думает*): — Дам... То есть не дам! То есть дам, но не сразу.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Кочевряться будешь?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*подумав*): — Ну разве что немножко. Мне в попу вообще-то нравится. Только маменька велела сначала выпросить у тебя бриллиантовую карету. Но я не такая. Мне хватит... э-э-э... шубки. Норковой. Вот.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*решительно*): — Знаешь что, голуба? Или ты всё будешь делать, как я хочу, или пошла на хрен!

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*обиженно*): — То есть как это на хрен?!

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — А вот так. Пошла-пошла ножками. На хрен. По таким расценкам я могу сколько хочешь блядей снять.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*надувая губы*): — Я не блядь. Я вообще-то по жизни принцесса.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Я с бабой трахаюсь, а не с принцессой. Меня на тебе не родословная интересуется.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*задумчиво*): — Наверное, всё-таки «меня в тебе»... Или это ты во мне?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Образованная какая. А не один ли хрен? Ты меня, в общем, поняла?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ну хоть в ресторан-то ты меня водить будешь?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*дожимая*): — Посмотрим. Нука, повернись булочками...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Я же в цепях.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ничего, ничего, я же вижу, цепи, говоришь... говно, а не цепи... Повернись.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ты меня... здесь? Сейчас?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ну да. Это, по-моему, кайф-но. В цепях, в такой обстановке... Черепа эти, кости... (*подлеживаясь*): Такого секса у меня ещё не было.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*поддаваясь*): — У меня тоже... Ну ладно, давай, только быстро. А то прилетит чудовище, а ты тут со спущенными штанами.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Тьфу, чудовище этот дурацкое. Откуда вы вообще его выкопали?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Обычное дворцовое чудо-юдо. Раньше, кажется, казну стерегло. Но теперь мы держим деньги в банке. У меня пластиковая карточка есть, кстати.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Дебетная, наверное...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*с гордостью*): — Кредитная.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Дурацкие всё же обычаи в вашем королевстве. Чудовище-мудовище... Зверь-то, наверное, дорогой?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ну да, наверное... Он, кажется, последний такой остался. Я даже слышала, что он теперь стоит дороже нашего дворца. Но маменька говорит... в общем, надо, чтобы всё было по правилам.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Слушай, я одного не пойму — на фиг вам это нужно?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Что?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ну, чтобы тебя спасали от чудовища.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Вообще-то это нужно не нам. Вообще-то это нужно тебе.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — А за каким, извиняюсь, лядом?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*наморщив лобик*): — Значит, так. Маменька мне говорила, что прекрасные принцы обычно страдают комплексом не-вос-тре-бо-ван-ности.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Что-что?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Не заставляй меня повторять это слово ещё раз, я собоюсь. Ну, в общем, у прекрасных принцев такая прекрасная жизнь, что они чувствуют себя, э-э-э...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Что — э-э-э? Я прекрасно себя чувствовал, до тех пор, пока не попёрся освобождать принцессу! И теперь я чувствую себя хреново!.. Ох, извини. Ты тут ни при чём.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Да ладно.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Так ты чего говорила-то?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*отчаянно морща лобик*): — Погоди, я вспомню, что мне говорила маменька. Про эту, как её... мужскую не-ре-а-ли-зованность. Ну и словечки у маменьки. В общем, мужики — такие козлы, что, пока они не убьют железякой кого-нибудь большого и сильного, они не чувствуют себя настоящими мужиками. Что-то вроде этого.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Бляха-муха! Я почувствовал себя настоящим мужиком, когда первый раз нажрался и облевал клумбу с королевскими чайными розами. Потом папая мне признался, что он в юности тоже облевал эту проклятую клумбу. И дедушка, наверное, тоже.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Это у вас такая семейная традиция? Как мило.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*самодовольно*): — Традиция, гришь? Ну типа того... Так ты мне объясни, зачем всё-таки надо драться с этим дурацким чудовищем?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*твёрдо*): — Так сказала маменька. И лучше уж её слушаться.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Маменька, млин? А послать её на хуй?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ты её просто не знаешь. Если она что сказала, так и будет. Я проверяла.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ну и как?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Лучше всё делать так, как она хочет.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Прости... А после свадьбы ты тоже будешь её слушаться?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*тяжело вздыхает*): — А то как же... И ты тоже будешь.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Вот ещё!

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Я же говорю, ты не знаешь мою маменьку.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Я, кажется, начинаю понимать, во что вляпался. Бррр!

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Стой! Ты куда?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*собираясь уходить*): — Домой.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ка-а-ак?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Знаешь, дорогуша, я не намерен лучшие годы жизни терпеть твою разлюбленную маменьку. Жениться надо на сироте!

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Подожди... Да подожди ты!

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*уходя*): — Нечего тут мне делать. Сейчас ещё и чудовище приползёт...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Да вот же оно, идиот!

Появляется Чудовище, огромное, мерзкое, извергающее из пасти пламя.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Э-э-э... Ни хера себе зверюшка!

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*визжит*): — Беги, мудила!

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Слышь, а он, того... сожрать может?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Меня-то он не сожрёт, меня он с детства знает. А вот тебя точно сожрёт. Беги, козёл!

Чудовище наступает на Прекрасного Принца.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Беги, урод!

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*решительно*): — Знаешь, запахло мне как-то от чудовищ бегать.

Подбегает к чудовищу, бьёт его мечом по морде.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — А-а-а-а-а! Ма-а-а-а-мочка!

Чудовище в недоумении мотает башкой, потом разворачивается, поднимает крылья и улетает.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*в непонятках*): — А... как... чего это оно?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*раздражённо*): — Дурак ты. Нашел кого по морде бить. Зверь домашний, нежный. Он же от такого обращения умереть может...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Он же меня собирался вроде жрать?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ну, понюхал бы он тебя... А жрать... Знаешь, мы так намучились, подбирая ему диету. Сейчас ему можно только варёные артишоки. Старое оно очень... И квёлое.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ну и на фиг было выпускать против меня эту квёлую скотину?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*торопливо*): — Слышь, ты вроде хотел потрахаться. Так давай, что ли, только быстро.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — А подождать до свадьбы не хочешь?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — До какой свадьбы? Всё, тю-тю наша свадьба.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*в полном недоумении*): — Ну это нечестно. Я, конечно, должен был его убить, и всё такое... ну я виноват, что оно перебздело, да? Я твоему папаше так и скажу...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Всё решает маменька. А она теперь ни за что не допустит, чтобы мы поженились. Так что давай скорее трахаться, пока время есть.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Это ещё почему?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Я не должна была тебе этого говорить, ну да ладно, теперь один хрен. Ты не прошёл испытания.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ну я ж говорю, оно само...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Козёл. Ты должен был при виде чудовища обосраться и удрать.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Э-э-э... А зачем тебе такой муж, который бегает от всякой хуйни?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ох, до чего ж мужики глупые... Мне-то такой муж, конечно, на хуй не нужен. Зато маменьке нужен зять, из которого она могла бы верёвки вить. То есть трусливый мужичонка, к тому же позорно обосравшийся перед её дочкой с самого начала... Чтобы место своё знал. И шёлковый был.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Вот оно что... Ах она, сука!..

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Понимаешь, мой папочка в своё время тоже убежал от чудовища. И дедуська. И пра...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — И так все эти пятьсот лет?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ага. Так ты трахать-то меня будешь? Только не в попку, пожалуйста, а? Без крема я не могу...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*задумчиво*): — Погоди ты с трахом. Сначала дай-ка я тебе эти цепи дурацкие сниму...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Нет проблем (*легко вытывается из цепей*). Ну и что теперь?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Я так подумал... Ты вообще-то клёвая девка.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*довольно*): — Я знаю. Я вообще умница и лапочка.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Погоди, не сепети. Я вот к чему. Давай всё-таки поженимся.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Я же тебе говорю — маменька...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — А если с маменькой разобраться?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — То есть как?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — По понятиям (*обнажает меч и со значением смотрит на Прекрасную Принцессу*).

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ты с ума сошёл?!

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — А чё. Прикинь, эта выдра будет тебя тиранить до конца жизни.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*мрачно*): — Это вообще-то называется «военный переворот». И к тому же не забывай — она тебе не домашнее чудовище. У неё есть секьюрити.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — А я тут что, думаешь, один?

Вытаскивает рог и дудит в него. Появляется банда мотоциклистов в чёрной коже, увешанные оружием.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ого-го!

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*довольно*): — Вот то-то. Я что, козёл, переть с голой спиной на серьёзное дело? У нас в роду дураков до сих пор не было. То есть были, но жили мало. И плохо. А я намерен жить долго и счастливо.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*задумчиво*): — Слушай, а ты вроде бы ничего, правильный пацан... И не усрался... Так ты в рестораны меня водить будешь?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ты о чём?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — А, ладно. (*Срывает с руки перстень, бросает в кусты.*)

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ты что это дорогими цацками швыряешься? Привыкла, понимаешь, к хорошей жизни...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Оссподи, до чего же кретин. Совсем жизни не знает. Ладно, я тя ещё научу... Перстень отравленный. Со специальным таким шипом. Я тебя типа обнимаю, царапаю спину, ну и...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*в полном недоумении*): — Что за хуйня?! Вы тут чё, с ума все походили?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Надо же куда-то девать тех, кто не прошёл теста на чудовище. Чьи тут косточки лежат, как ты думаешь?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ёкарный бабай! Ну и нравы в вашем королевстве.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (торопливо): — Я тебя понимаю. Мне тоже всё это настоебенило со страшной силой. К тому же я поздний ребёнок... тебе это что-нибудь говорит?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (соображая): — То есть тебе ещё долго ждать, пока маменька сдохнет?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (грустно): — Боюсь, она меня переживёт. А тебя-то уж точно. Ты и в самом деле не шутил насчёт... этого?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Старуху почикать? Да с нашим удовольствием. Должен же я совершить во имя тебя какой-нибудь подвиг?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (серьёзно): — Знаешь... Я тебя в первый раз вижу, но... Если ты это сделаешь, я... в общем, это, наверное, любовь с первого взгляда.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (коварно): — А в попу дашь?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Да что ты заладил — «в попу», «в попу»... *(серьёзно)*: — Если тебе будет в падлу, я только с тобой буду трахаться. Ну, может, ещё с твоими друзьями. А так из меня по жизни будет хорошая жена.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (серьёзно): — Я вообще-то... пьющий.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (деловито): — У тебя с этим проблемы?

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Да никаких проблем. Просто нажраться могу. А когда я нажрусь, я злой бываю... Могу и в рыло дать.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Тю! Тоже мне, напугал. Я-то думала, ты пьёшь, как мой папенька... Он вообще не просыхает.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Кстати, а со стариком какие-нибудь проблемы будут?

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — С папенькой-то? Ну хоть поживёт на старости лет спокойно. Мне его иногда даже жалко. Бесхребетная тварь, конечно, а всё-таки...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Знаешь, ты классная. Я даже если нажрюсь, постараюсь руки не распускать. В случае чего, когда свалюсь... Только по яйцам не бей.

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Ну вот и объяснились... (*мечтательно*): Блин, а девки мне говорили, любви не бывает, мужики нормальные перевелись... Врали, суки! Есть в жизни счастье! Его не может не быть! Слушай, давай всё-таки потрахаемся, а то мне просто как-то не верится...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*решительно*): — Сначала давай работу сделаем. Пока жива твоя маменька, у меня стоять нормальному не будет.

Дудит в рог дважды. Двое парней в чёрных куртках выкапывают на сцену мотоцикл. Прекрасный Принц садится в седло.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Ну, давай пристраивайся сзади. Ты, правда, голая...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — А что? Тебе не нравится, когда тебе в спину упираются вот такие сисечки? Впервые от мужика слышу... (*подозрительно*): А ты не педик, случайно? Что-то ты про попку много говорил...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ (*ухмыляясь*): — Давай, давай, залазь... Как подумаю, что через час-другой у меня не будет тёщи... Папа одобрил бы... (*хлопает себя по лбу*): Слышь, идея! Надо завезть теперь в нашем королевстве новую традицию. Нефиг больше животных мучить. Пушай теперь эти, как их, претенденты, с тёщей сражаются...

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА (*торопливо*): — Э-э-э, милый, не так быстро... Кстати: я ни в чём не похожа на свою мать.

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ: — Посмотрим-посмотрим... Ладно, поехали!

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА: — Поехали!

*Уезжают в глубь сцены под звуки марша Мендельсона.
Занавес.*

ДРАКОН XXI

Пьеса в трёх действиях

Посвящается Е. Шварцу

ДЕЙСТВИЕ 1

Просторная, уютная кухня, очень чистая, с большим очагом в глубине. Пол каменный, блестит. Перед очагом на кресле дремлет кот.

ЛАНЦЕЛОТ (*входит, оглядывается, зовёт*): Господин хозяин! Госпожа хозяйка! Живая душа, откликнись! Никого...

КОТ: Вообще-то здесь есть я.

ЛАНЦЕЛОТ (*вздрагивает, смотрит по сторонам, наконец замечает кота*): А, говорящий кот! Я опять попал в сказочное королевство. Ох, до чего же мне надоели такие места.

КОТ: Позвольте поинтересоваться: почему?

ЛАНЦЕЛОТ (*садится в хозяйское кресло, вытягивает ноги к огню*): Потому что в них всё ненастоящее. Как-то давно, в самом начале карьеры, я побывал в одном очень распонтованном волшебном герцогстве, где нужники отливали из золота, а изумрудами мостили улицы... Ну, я не удержался, сунул кое-что себе в мешок. И только я дёрнул через границу, как все сокровища превратились в...

КОТ: Не надо грязи...

ЛАНЦЕЛОТ: Вот именно в неё... А в другом королевстве я пробовал наладить экспортно-ориентированное производство. Делать из тыкв шестисотые «мерседесы». Комплектующие, между прочим, завёз родные.

КОТ: Какие комплектующие?

ЛАНЦЕЛОТ: Тыквы.

КОТ: Ну и как?

ЛАНЦЕЛОТ: Местные феи делали тачки на уровне. Ездили они, правда, часа четыре, а потом...

КОТ: Об этом ты мог бы прочесть в любой сказке. Колдовские чары — вещь непрочная.

ЛАНЦЕЛОТ (самодовольно): Хотя нескольких лохов я таким образом обул. Наварил, конечно, кое-чего. Но всё равно это не бизнес. Когда я попытался проделать такой же трюк с модными тряпками, меня крупно кинули. А я уже было собирался открыть эксклюзивный бутик.

КОТ: Неужели кто-то догадался?

ЛАНЦЕЛОТ (неохотно): Нет... Раньше. Видишь ли, меня вывели на каких-то хмырей, которые представились королевскими портными.

КОТ: Это которые делали волшебную ткань для голого короля?

ЛАНЦЕЛОТ: Они самые.

КОТ: Ну, это известные проходимцы.

ЛАНЦЕЛОТ (тяжело вздыхая): И так всегда. В этих сказочных королевствах всё с каким-нибудь подвохом.

КОТ: В таком случае что ты собираешься делать?

ЛАНЦЕЛОТ: Искать работу.

КОТ: Но, если я правильно понял, тебя интересует оплачиваемая работа?

ЛАНЦЕЛОТ: Я же не говорю, что в сказочных королевствах совсем нечего ловить. Просто надо иметь дело с конкретными людьми. Как правило, у любого сказочного чиновника есть небольшой счёт в реальном швейцарском банке.

КОТ (заинтересованно): Тут что-то не так. Ведь сказочные королевства ничего не производят на экспорт. Разве что фейерверки и хлопушки... это у нас покупают. Но на них много не заработаешь.

ЛАНЦЕЛОТ: Ну и что?

КОТ: Как что? Откуда же тогда у сказочных чиновников настоящие деньги?

ЛАНЦЕЛОТ (подозрительно): А то ты не знаешь?

КОТ: Откуда? Я простой кот, и никогда не состоял на государственной службе...

ЛАНЦЕЛОТ: Ну как тебе объяснить... *(Загибает пальцы.)* Во-первых, офшоры. Половина сказочных королевств — это

офшорные зоны. Во-вторых, транзит. Через сказочные королевства много чего везут. В-третьих, контрабанда...

КОТ (*недоумённо*): Подожди... А зачем что-то везти через сказочное королевство? Ведь это же очень-очень далеко.

ЛАНЦЕЛОТ (*привстав, пододвигает кресло поближе к огню*): Как тебе сказать... Во-первых, везут-то не на самом деле, а по бумагам. Есть такая вещь, как таможня...

КОТ: Что значит — везут по бумагам? Это какая-то магия?

ЛАНЦЕЛОТ (*устраиваясь поудобнее*): Типа того... Нет, постой, я всё-таки чего-то не понимаю. Ведь такие вещи у вас должна знать каждая собака.

КОТ (*возмущённо фыркает*).

ЛАНЦЕЛОТ (*торопливо*): Всё-всё-всё, я ничего не сказал. Извини, мужик. Всё время забываю про эти ваши межнациональные разборки. Я-то сам без предрассудков. Работаю со всеми. И с собаками, и с котами, и с чёртом лысым. И кстати, ничего не имею против котов. Помню, в одном королевстве был такой, из ваших. На тебя похож, только в сапогах. Конкретно решал вопросы.

КОТ (*успокаиваясь*): Ты только не думай, я не расист. Просто не люблю собак. То есть среди них, конечно, попадают нормальные... но...

ЛАНЦЕЛОТ: Эльфы вот тоже говорят, что среди людей попадают нормальные, но...

КОТ: Что-то не припомню, чтобы люди загнали хоть одного эльфа на дерево. Или бок ему подрали. Или разорвали в ключья чьих-нибудь детей.

ЛАНЦЕЛОТ (*торопливо*): Так всё-таки — как у вас делаются дела? Раз уж я здесь...

КОТ: Какие дела?

ЛАНЦЕЛОТ: Ну, что у вас тут есть? Офшор? Контрабанда? Отмывание денег? Наркотики? Бордели для извращенцев? Должны же ваши крутые ребята с чего-то жить?

КОТ (*задумчиво*): Знаешь, у нас это всё как-то не принято. Здесь в основном капуста.

ЛАНЦЕЛОТ: Вот я про капусту и спрашиваю. Про зелень.

КОТ: У нас белокочанная. Очень вкусная, говорят. Я, правда, не ценитель. Я больше молочко люблю. Ну или печёночку. У нас ещё куры есть И индюки.

ЛАНЦЕЛОТ: Какие индюки? Я про бабло...

КОТ: Про что?

ЛАНЦЕЛОТ (*тяжело вздыхая*): Кот, ты меня конкретно утомил. Я про деньги.

КОТ: Деньги? У нас тут в ходу магические фанты. Вряд ли они тебя заинтересуют. Правда, они очень красивые. Их рисуют лучшие художники королевства...

ЛАНЦЕЛОТ (*раздражённо*): На хрен мне ваши местные бумажки! Я по мягким валютам не работаю. Ты мне скажи, кто у вас тут ведёт настоящий бизнес?

КОТ: М-м-м... Судя по тому, что ты говорил... да наверное, никто.

ЛАНЦЕЛОТ (*сдерживаясь*): Ну как это никто?

КОТ: У нас тут всё тихо-мирно. А все эти дела, о которых ты говоришь... это же, наверное, всё очень рискованно и незаконно?

ЛАНЦЕЛОТ (*откидывается в кресле, смеётся*): Да ты, котяра, честный лох! Рискует тот, кто не делится с начальством.

КОТ (*недоумённо*): С начальством? То есть с господином драконом?

ЛАНЦЕЛОТ: Ну да, с господином дра... (*Осекается.*) Что-о? Как ты сказал?

КОТ: С господином драконом.

ЛАНЦЕЛОТ (*ошеломлённо*): Ни фига себе! Ты серьёзно? У вас тут дракон?

КОТ: А что в этом удивительного? Он живёт у нас уже четырёхста лет.

ЛАНЦЕЛОТ (*потирая руки*): Не могу поверить... Дракон! Прелестно!

КОТ: Не понимаю, чему ты так радуешься.

ЛАНЦЕЛОТ: Видишь ли, я профессиональный герой.

КОТ: Герой? Что-то такое припоминаю... Когда я жил в другом королевстве...

ЛАНЦЕЛОТ: Так ты эмигрант?

КОТ: Беженец.

ЛАНЦЕЛОТ: А от чего может бежать кот?

КОТ (*мрачно*): Есть ещё такое неизжитое явление. Геноцид называется.

ЛАНЦЕЛОТ: Мои соболезнования.

КОТ: Ничего, ничего. Так в том королевстве был один герой. Раньше, кажется, работал в какой-то немецкой фирме... Что-то такое шил.

ЛАНЦЕЛОТ: А, Храбрый Портняжка... Ну, это же трикстер.

КОТ: Что-что?

ЛАНЦЕЛОТ: Извини. Профессиональная терминология. Все герои делятся на светлых, тёмных и трикстеров. Светлые герои творят добро. Тёмные, они же злодеи, совершают зло. А трикстеры берутся и за то, и за другое, смотря по обстоятельствам. Ну, это как белые, чёрные и серые маги. Понял?

КОТ: Интересно... А ты сам из каких?

ЛАНЦЕЛОТ: Я светлый. Сейчас таких почти не осталось.

КОТ (обеспокоенно): Неужели все подались в злодеи?

ЛАНЦЕЛОТ: Наоборот. Очень большая конкуренция. Я-то работаю по старинке, а эти...

КОТ: Кто именно?

ЛАНЦЕЛОТ: Общественные организации всякие. «Гринпис», например...

КОТ (злобно шипит).

ЛАНЦЕЛОТ: Что это с тобой?

КОТ: Не люблю зелёных пиписек.

ЛАНЦЕЛОТ: Кажется, среди вашего брата они популярны.

КОТ (неохотно): Мне пришлось эмигрировать сюда именно из-за них.

ЛАНЦЕЛОТ (недоумённо): Я не очень расположен к этим ребятам, но вам-то они чем не угодили? В конце концов, они защищают твоё право на жизнь. Тебе же не хочется, чтобы из тебя сделали шапку?

КОТ (уныло): Мне вообще не хочется, чтобы из меня что-то делали. Но, видишь ли, в том королевстве, откуда я родом, они почему-то стали очень влиятельны. И они запретили делать шапки из кого бы то ни было. В том числе и из собак...

ЛАНЦЕЛОТ: Ну так это логично.

КОТ: В результате бродячие собаки расплодились так, что съели всех кошек. Мою семью в том числе. Я еле ушёл.

ЛАНЦЕЛОТ: Очень жаль. Издержки гуманизма.

КОТ: Да ладно, что уж теперь-то. Главное, что здесь их нет.

ЛАНЦЕЛОТ: Как это нет?

КОТ: Господин дракон запретил деятельность «Гринписа» на территории королевства. Поэтому я сюда и перебрался.

ЛАНЦЕЛОТ (*присвистывая*): Вот так вот взял и запретил? О как! Просто великолепно!

КОТ: Вот и я так думаю.

ЛАНЦЕЛОТ (*оживлённо*): А свобода прессы?

КОТ: Пресса? Ну да. У нас выходит газета «Вечерний Дракон». В первый четверг каждого месяца. Четыреста лет назад, говорят, она выходила чуть ли не каждый день. Но писать-то не о чем. У нас тут тихо. Ничего не происходит. Ну разве что капуста не уродится.

ЛАНЦЕЛОТ: А что же вы читаете?

КОТ: Книжки всякие. Я, например, люблю александрийскую поэзию. Очень вдохновляющее чтение. А уж как на кошечек действует... (*Закатывает глаза.*)

ЛАНЦЕЛОТ: Да тут у вас просто какой-то заповедник тоталитаризма! Как хорошо, что я до вас добрался первым. (*Деловым тоном*): Сколько у него голов?

КОТ: У кого?

ЛАНЦЕЛОТ: У дракона, разумеется.

КОТ: У дракона-то? Три.

ЛАНЦЕЛОТ: Порядочно. А лап?

КОТ: Четыре.

ЛАНЦЕЛОТ: Ну, это терпимо. С когтями?

КОТ: Да. Пять когтей на каждой лапе. Каждый коготь с олений рог.

ЛАНЦЕЛОТ: Seriously? И острые у него когти?

КОТ: Как ножи.

ЛАНЦЕЛОТ: Так. Ну а пламя выдыхает?

КОТ: Да.

ЛАНЦЕЛОТ: Настоящее?

КОТ: Леса горят.

ЛАНЦЕЛОТ: Ага. В чешуе он?

КОТ: В чешуе.

ЛАНЦЕЛОТ: И небось крепкая чешуя-то?

КОТ: Основательная.

ЛАНЦЕЛОТ: Ну а все-таки?

КОТ: Алмаз не берет.

ЛАНЦЕЛОТ: Так. Представляю себе. Рост?

КОТ: С церковь.

ЛАНЦЕЛОТ: Ага, все ясно. Ну, спасибо, кот.

КОТ: Я что-то не понимаю, зачем тебе всё это.

ЛАНЦЕЛОТ: Мне нужно знать тактико-технические характеристики противника.

КОТ (*в недоумении*): Какого противника? Господина дракона?

ЛАНЦЕЛОТ: Ну да.

КОТ (*в ещё большем недоумении*): То есть ты собираешься на него напасть?

ЛАНЦЕЛОТ: Просто хотелось бы знать детали. Мало ли что. В конце концов, я же герой. И обязан бороться со злом.

КОТ (*совсем ничего не понимая*): А что он сделал тебе плохого?

ЛАНЦЕЛОТ: Ничего. Я о нём впервые слышу.

КОТ (*задумчиво*): Ага... Ты, наверное, хочешь захватить власть?

ЛАНЦЕЛОТ: Ещё чего не хватало! У вас же тут, сам говоришь, одна капуста.

КОТ: Тогда зачем? Ты ведь, насколько я понимаю, человек практический? Учти, в государственной казне есть только фанты. И волшебные драгоценные камни. Мы ими украшаем дома на праздники. Плюс двести тридцать три доллара, четыре марки и одна швейцарская крона экстренных государственных резервов. Но ты же не будешь сражаться с господином драконом из-за такой суммы?

ЛАНЦЕЛОТ (*подозрительно*): А откуда ты знаешь о состоянии госрезервов?

КОТ: Господин Главный казначей ежемесячно отчитывается о состоянии казны. В газете «Вечерний Дракон».

ЛАНЦЕЛОТ: И ты веришь казначею?

КОТ: А кому же тогда верить? Господин Главный казначей — самый честный человек в городе. Он до того честен, что не позволяет делать в хранилище ценностей влажную уборку.

ЛАНЦЕЛОТ: Почему?

КОТ: По инструкции всё, что находится в хранилище, является священной и неприкосновенной собственностью королевства и лично господина дракона. В том числе и пыль. Поэтому, если оттуда нужно достать какую-то вещь, он сначала лично снимает с неё все пылинки, пересчитывает, составляет опись, после чего кладёт в несгораемый шкаф. А потом, когда вещь возвращается, сверяется с описью и раскладывает их по местам.

ЛАНЦЕЛОТ (*заинтересованно*): И в том же порядке?

КОТ (*подумав*): Наверное, всё-таки нет. В инструкции об этом ничего не сказано. И вообще, нельзя же доводить принципы до идиотизма, правда?

ЛАНЦЕЛОТ: Вот эта мысль мне нравится.

КОТ (*настойчиво*): И всё-таки, зачем тебе сражаться с драконом? Тебе же от этого никакой выгоды.

ЛАНЦЕЛОТ: Я не говорил, что обязательно буду драться. Я только рассматриваю возможности. (*Наставительно*): Не надо давать советы профессионалу. Я же тебе сказал, что я профессиональный делатель добра. И уж наверное умею заколачивать на этом свои бабки?

КОТ: Но всё-таки, каким образом?..

ЛАНЦЕЛОТ: Об этом потом. Я ещё не всё понимаю в ситуации. Но будь спокоен, мой пушистый друг, я себя не обижу.

КОТ (*нервно*): Встаньте. Да встаньте же с кресла!

ЛАНЦЕЛОТ: Что случилось?

КОТ: Они идут. Тише. Здравствуйте! Давайте ужинать, дорогие мои друзья.

Входят ЭЛЬЗА и ШАРЛЕМАНЬ.

Шарлемань — благообразный господин с седой бородой, одет старомодно, но элегантно. ЭЛЬЗА — хмурая, очень некрасивая девица с ненормально бледным лицом. Одета кое-как, на лице следы косметики. Видно, что она скверно себя чувствует, но старается держать себя в руках.

ЛАНЦЕЛОТ: Здравствуйте, добрый господин и прекрасная барышня.

ШАРЛЕМАНЬ: Здравствуйте, молодой человек.

ЛАНЦЕЛОТ (*галантно*): Ваш дом смотрел на меня так приветливо, и ворота были открыты, и в кухне горел огонь, и я вошел без приглашения. Простите.

ШАРЛЕМАНЬ: Не надо просить прощения. Наши двери открыты для всех.

ЭЛЬЗА: Садитесь, пожалуйста. Дайте мне вашу шляпу, я повешу ее за дверь. Сейчас я накрою на стол... Что с вами?

ЛАНЦЕЛОТ (*сдержанно*): Ничего. (*Пристально смотрит на Эльзу.*)

ЭЛЬЗА: Мне показалось, что вы... испугались меня.

ЛАНЦЕЛОТ: Нет, нет... Это я просто так.

ШАРЛЕМАНЬ: Садитесь, друг мой. Я люблю странников. Это оттого, вероятно, что я всю жизнь прожил не выезжая из города. Откуда вы пришли?

ЛАНЦЕЛОТ: С юга.

ШАРЛЕМАНЬ: И много приключений было у вас на пути?

ЛАНЦЕЛОТ: Ах, больше, чем мне хотелось бы.

ЭЛЬЗА: Вы устали, наверное. Садитесь же. Что же вы стоите.

ЛАНЦЕЛОТ: Спасибо.

ШАРЛЕМАНЬ: У нас вы можете хорошо отдохнуть. У нас очень тихий город. Здесь никогда и ничего не случается.

ЛАНЦЕЛОТ: Никогда?

ШАРЛЕМАНЬ: Никогда. На прошлой неделе, правда, был очень сильный ветер. У одного дома едва не снесло крышу. Но это не такое уж большое событие.

ЭЛЬЗА: Вот и ужин на столе. Пожалуйста. Что же вы?

ЛАНЦЕЛОТ: Простите меня, но... Вы говорите, что у вас очень тихий город?

ЭЛЬЗА: Конечно.

ЛАНЦЕЛОТ: А... а дракон?

ШАРЛЕМАНЬ: Ах это... Но ведь мы так привыкли к нему. Он уже четыреста лет живет у нас.

ЛАНЦЕЛОТ: Простите, еще только один вопрос. Неужели никто не пробовал драться с ним?

ШАРЛЕМАНЬ: А зачем?

Эльза достаёт сигарету и закуривает.

ЛАНЦЕЛОТ: То есть как это зачем? Вас не возмущает тот факт, что вами правит это чудовище?

ШАРЛЕМАНЬ: А кто нами должен править?

ЛАНЦЕЛОТ: Ну, я не знаю... но не дракон же! По крайней мере это должен быть человек, а не ящерица.

ШАРЛЕМАНЬ: Простите за некорректный вопрос, но... вы расист?

ЛАНЦЕЛОТ (поспешно): Ну что вы! Я лично убил девяносто девять расистов разных национальностей и ищу сотого, чтобы сравнять счёт.

ШАРЛЕМАНЬ (подозрительно): Надеюсь, вы не собираетесь это делать в нашем городе?

ЛАНЦЕЛОТ: А что?

ШАРЛЕМАНЬ: Видите ли, у нас тут очень спокойно. Люди привыкли, расслабились. Если кто-нибудь начинает буяннить, приезжает пожарная команда.

ЛАНЦЕЛОТ (*профессиональным тоном*): И сколько в ней пожарников?

ШАРЛЕМАНЬ: Двое. Но ведь с двумя-то вы легко справитесь?

ЛАНЦЕЛОТ (*тоном компетентного человека*): Норматив профессионального героя — одним махом семерых побиваю.

ШАРЛЕМАНЬ (*извиняющимся тоном*): Я это к тому, что если вы начнёте кого-нибудь убивать и пожарные не справятся, то придётся побеспокоить господина дракона. А он — человек... то есть, э-э-э, существо... старой закалки. Может съесть.

ЛАНЦЕЛОТ: Дракон? Он-то мне и нужен.

ШАРЛЕМАНЬ: А зачем, если не секрет? Впрочем, это не моё дело. Я могу записать вас к нему на приём. Господин дракон непременно найдёт время побеседовать с вами. Он чрезвычайно деликатен.

ЛАНЦЕЛОТ (*подозрительно*): Господин дракон то, господин дракон сё... Душечка такая... Неужели он популярен? Впрочем, если на него работают толковые пиарщики... Кто-нибудь знает, какой у него рейтинг? Хотя о чём я спрашиваю, у вас же диктатурка, независимых социологов днём с огнём не найдёшь... У вас опросы общественного мнения хотя бы проводятся?

КОТ: Простите, что?

ЛАНЦЕЛОТ (*с досадой в голосе*): Понятно, не проводятся.

КОТ: А что это такое?

ЛАНЦЕЛОТ: Я как-нибудь потом объясню на доступном уровне.

ШАРЛЕМАНЬ: Признаться, и я тоже не понял, о чём идёт речь.

ЛАНЦЕЛОТ (*терпеливо*): Ну как сказать... Вот вы читаете газету, про очередные подвиги вашего дракона...

ШАРЛЕМАНЬ: Какие подвиги?

ЛАНЦЕЛОТ (*столь же терпеливо*): Ну, или свершения... Что он там у вас делает на благо родины и народа?

ШАРЛЕМАНЬ (*недоумённо*): В последнее время — вроде бы ничего. Ничего ведь не происходит. Зачем же господину дракону беспокоиться?

ЛАНЦЕЛОТ: Ну должен же он как-то поддерживать свою популярность?

ШАРЛЕМАНЬ: А зачем?

ЛАНЦЕЛОТ (*раздражённо*): Всё-всё-всё, больше не надо. Ох, как я ненавижу разговаривать о делах с лохами. Сами путаются и меня путают. Хорошо, зайдём с другой стороны. Что хорошего вам сделал дракон? Конкретно, факты?

ШАРЛЕМАНЬ: Ну, если припомнить... Когда нашему городу грозила холера, он по просьбе городского врача дохнул своим огнем на озеро и вскипятил его. Весь город пил кипяченую воду и был спасен от эпидемии.

ЛАНЦЕЛОТ: Давно это было?

ШАРЛЕМАНЬ: О нет. Всего восемьдесят два года назад. Но добрые дела не забываются.

ЛАНЦЕЛОТ: Фу, какой дешёвый популизм. Это я говорю как специалист по добрым делам.

ШАРЛЕМАНЬ (*сдержанно*): Вам, наверное, виднее.

ЛАНЦЕЛОТ: А что он еще сделал доброго?

Эльза берёт сигарету, закуривает.

ШАРЛЕМАНЬ: Он избавил нас от цыган.

ЛАНЦЕЛОТ: Но цыгане — очень милые люди.

ШАРЛЕМАНЬ: Что вы! Какой ужас! Я, правда, в жизни своей не видал ни одного цыгана. Но я еще в школе проходил, что это люди страшные.

ЛАНЦЕЛОТ: Но почему?

ШАРЛЕМАНЬ: Это бродяги по природе, по крови. Они — враги любой государственной системы, иначе они обосновались бы где-нибудь, а не бродили бы туда-сюда. Они воруют детей. Они проникают всюду. Теперь мы вовсе очистились от них, но еще сто лет назад любой брэнет обязан был доказать, что в нем нет цыганской крови.

ЛАНЦЕЛОТ: Кто вам рассказал все это о цыганах?

ШАРЛЕМАНЬ: Наш дракон. А разве они не воруют?

ЛАНЦЕЛОТ: Допустим, воруют. Ну и что? Какое это имеет значение? Вы что, расист?

ШАРЛЕМАНЬ: Нет, что вы! Но ведь воровать, особенно детей... это ужасно.

ЛАНЦЕЛОТ: Вы так думаете?

ШАРЛЕМАНЬ: Конечно. А как же ещё?

ЛАНЦЕЛОТ (*наставительно*): То, что вы называете «кражей», — это национальной обычай, неотъемлемая часть цыганской культуры...

Эльза берёт сигарету, закуривает. В дальнейшем она курит непрерывно.

ШАРЛЕМАНЬ: Простите, но вот вы же сами говорите — неотъемлемая... То есть, получается, они всегда будут воровать?

ЛАНЦЕЛОТ: Конечно.

ШАРЛЕМАНЬ: Тогда господин дракон поступил с ними совершенно правильно.

ЛАНЦЕЛОТ: А что он конкретно сделал?

ШАРЛЕМАНЬ: Я не помню точно. Сколь-то выгнал, а самых нахальных съел.

ЛАНЦЕЛОТ: То есть имел место акт геноцида. Поня-ятненько...

ШАРЛЕМАНЬ: Наверное, да... А что, это плохо?

ЛАНЦЕЛОТ: А ты спроси у своего дружка. Кот, как ты относишься к геноциду?

КОТ (*злобно шипит*).

ЛАНЦЕЛОТ: Сам видишь...

ШАРЛЕМАНЬ: Но ведь коты не воруют детей?

ЛАНЦЕЛОТ (*язвительно*): Ну да. Они их иногда едят. Маленьких пушистых котяточек. Что, кот, воротишь морду? Бывают у вас такие прискорбные явления?

КОТ (*злобно шипит*).

ШАРЛЕМАНЬ: Но они же едят своих детей, а не наших, правда?

ЛАНЦЕЛОТ (*дожимая*): А собаки иногда кусаются. И детей тоже кусают. Что ж теперь, из-за этих отдельных фактов уничтожать всех собак, а?

КОТ (*тихо*): Хорошая мысль...

ШАРЛЕМАНЬ (*растерянно*): Я не понимаю, зачем вы всё это говорите. Это же... это всё неправильно. Вы же сами в это не верите. Скажите мне, неужели вам и в самом деле так нравятся цыгане? Вы их действительно считаете очень милыми людьми?

ЛАНЦЕЛОТ: Во что я верю, это моё личное дело. Насчёт цыган... н-да, в некоторых ситуациях предпочитаю держаться от них подальше. Но это моё личное дело, и это мой личный выбор. Я же их не ел и никуда не изгонял, не так ли?

ШАРЛЕМАНЬ: Но вы же странник, господин Ланцелот, вы всегда можете уйти, если вам что-то не нравится. А куда

идти нам? И почему мы должны уходить, если к нам пришли цыгане? Пусть лучше уйдут они. Вот господин дракон и...

ЛАНЦЕЛОТ: Ваш господин дракон — обыкновенный военный преступник и массовый убийца. Это вам скажут в любой правозащитной организации. Что касается вас, то вас никто не спрашивает, нравятся ли вам цыгане или нет. Они такие же люди, как и вы, и имеют такие же права, как и вы.

ШАРЛЕМАНЬ (*совершенно сбитый с толку*): Но ведь они не такие же, как мы. Они воруют детей. И они бродят туда-сюда и не слушаются никаких законов. И проникают всюду. Ведь это же всё правда?

ЛАНЦЕЛОТ (*назидательно*): Да, они другие. Но вы должны принимать других такими, каковы он есть, не навязывая им своих представлений о чём бы то ни было.

ШАРЛЕМАНЬ: Что вы! Мы ничего никому не навязываем. Но ведь они воруют детей, господин Ланцелот. Нам очень не хочется, чтобы наши дети пропадали.

ЛАНЦЕЛОТ (*раздражённо*): В таком случае надо лучше смотреть за своими детишками, а не устраивать геноцид! В конце концов, не выпускать их из дому... Мало ли как можно приспособиться.

ШАРЛЕМАНЬ: А почему должны приспособиться именно мы? Пусть приспособляются они, или пусть они куда-нибудь уйдут, где им будут рады.

ЛАНЦЕЛОТ: Это обычная логика всех фашистов, расистов и ксенофобов.

ШАРЛЕМАНЬ (*просящим тоном*): Мы ведь никому не мешаем, никому не угрожаем. Мы просто хотим жить спокойно. Что же в этом плохого, господин Ланцелот? Ведь это же можно — жить спокойно. А вы говорите такие ужасные вещи...

ЛАНЦЕЛОТ (*раздражённо*): Как я уже сказал, это логика фашиствующего мелкого обывателя, латентного расиста и ограниченного ксенофоба. Ладно, всё, хватит, сменим тему. Что он ест, ваш дракон?

ШАРЛЕМАНЬ: Город наш дает ему тысячу коров, две тысячи овец, пять тысяч кур и два пуда соли в месяц. Летом и осенью сюда еще добавляется десять огородов салата, спаржи и цветной капусты.

ЛАНЦЕЛОТ: Он объедает вас!

ШАРЛЕМАНЬ: Нет, что вы! Мы не жалуемся. А как же можно иначе? Пока он здесь — ни один другой дракон не осмелится нас тронуть.

ЛАНЦЕЛОТ (*самодовольно*): Да другие-то, по-моему, все давно перебиты.

ШАРЛЕМАНЬ (*с надеждой в голосе*): А вдруг нет? Уверяю вас, единственный способ избавиться от драконов — это иметь своего собственного... Довольно об этом, прошу вас. Лучше вы расскажите нам что-нибудь интересное.

ЛАНЦЕЛОТ (*ощущая себя хозяином положения*): Э, нет. Так просто вы не отделаетесь. Сдаётся мне, не всё у вас так благо-отно... А как тут у вас обстоят дела со здоровьем нации? (*Пристально смотрит на Эльзу.*) Экая у барышни нездоровая бледность лица... И ещё кое-что. Симптомчики-то узнаваемые.

ШАРЛЕМАНЬ (*скороговоркой*): Умоляю вас, не надо об этом.

ЛАНЦЕЛОТ (*тихо*): Какая стадия?

ШАРЛЕМАНЬ (*неожиданно спокойно*): Уже конец.

ЛАНЦЕЛОТ: Мне очень жаль.

ШАРЛЕМАНЬ: Вы ведь это поняли с самого начала. Когда увидели Эльзу.

ЛАНЦЕЛОТ: Да-да. Ужасная вещь. А как, э-э-э... ну вы понимаете, о чём я?

ШАРЛЕМАНЬ: Господин дракон считает, что это отчасти и его вина. Но этот иностранец выглядел так прилично... Ну вот прямо как вы, господин Ланцелот, простите за сравнение. И он разрешил ему пожить в нашем королевстве. А потом он начал ухаживать за нашей Эльзой...

ЭЛЬЗА (*равнодушно*): Папа, не надо. Мы с ним просто трахались. Вот и всё.

ШАРЛЕМАНЬ: Пожалуйста, не говори так. Хотя бы при госте.

ЭЛЬЗА (*так же равнодушно*): А срать я на вас всех хотела. Пожалуйста, передайте масло.

ЛАНЦЕЛОТ (*передавая маслёнку*): Прости, детка, но надо быть непробиваемой дурой, чтобы заниматься этим без ре-зинки.

ЭЛЬЗА: Я рассчитывала залететь. Тогда бы этот урод на мне женился.

ЛАНЦЕЛОТ: Наивняк! Кто ж сейчас женится по залёту?

ШАРЛЕМАНЬ: Но ведь по законам королевства отец ребёнка обязан взять в супруги его мать. Мы бы всё устроили. И девочка была бы замужем. Конечно, это был бы не самый лучший муж для Эльзы...

ЛАНЦЕЛОТ: Да этот парень бы сделал отсюда ноги на следующий день после свадьбы!

ШАРЛЕМАНЬ: Во всяком случае, девочка была бы официально замужем.

ЛАНЦЕЛОТ: Н-да, сложновато выскочить замуж с такой-то рожей... *(спохватываясь, Эльзе):* Извини, детка, не хотел.

ЭЛЬЗА *(всё так же равнодушно):* Потому я с ним и спала. Лучше такой муж, чем никакого. С моей рожей нормальный мужик мне не светил.

ЛАНЦЕЛОТ: А, кстати, кто был этот парень?

ШАРЛЕМАНЬ: Он представлялся как герр Шнайдер, ви-ажист...

ЛАНЦЕЛОТ: Здрааасте! Это же Храбрый Портняжка. Вот, значит, как оно получилось... Допрыгался чувак. Где он только подхватил эту гадость?

ШАРЛЕМАНЬ *(осторожно):* Господин дракон говорил мне, что этот тип... *(Переходит на неразборчивый шёпот.)*

ЛАНЦЕЛОТ: Ну да. Он на такие дела мастак. Задок у него раздатенький. Ну, значит, от случайного партнёра. Я всегда ему говорил: не трахайся с кем попало... А откуда об этом знает господин дракон?

ШАРЛЕМАНЬ: Согласно законам королевства, прежде чем испелить преступника, господин дракон проводит тщательный допрос с пристрастием...

ЛАНЦЕЛОТ: Что-о?! Он убил Портняжку?!

ШАРЛЕМАНЬ: Ну конечно. Ведь он же заразил Эльзу СПИДом.

ЛАНЦЕЛОТ: Он убил Портняжку... *(решительно):* Чудовищно. Просто чудовищно. У меня, признаться, ещё были кой-какие сомнения, следует ли связываться с вашим господином драконом. Но теперь это уже вопрос корпоративной этики. Иначе меня не поймут коллеги. Я собираюсь вызвать его на бой. И будьте спокойны, я его убью.

ШАРЛЕМАНЬ *(помолчав, с тяжёлым вздохом):* Видимо, я ничего не понимаю в людях. Вы сначала показались мне симпатичным человеком. *(Пауза.)* Впрочем, будь по-вашему. Я

обязан вам сообщить, что вы имеете законное право на поединок.

ЛАНЦЕЛОТ: Законное право? Очень интересно.

ШАРЛЕМАНЬ: У меня хранится документ, подписанный господином драконом триста восемьдесят два года назад. Этот документ не отменен. Там стоит подпись: «Дракон».

ЛАНЦЕЛОТ: Так-так-так.

ШАРЛЕМАНЬ: Всякий вызвавший дракона — в безопасности до дня боя, написано там и подтверждено клятвой. И день боя назначает не дракон, а вызвавший его, — так сказано в документе и подтверждено клятвой. А весь город должен помогать тому, кто вызовет дракона, и никто не будет наказан, — это тоже подтверждается клятвой...

ЛАНЦЕЛОТ: Всё-таки ваш дракон — редкостный кретин. Я, конечно, понимаю, столько лет на одном месте, можно расслабиться... но чтобы так подставляться?

ШАРЛЕМАНЬ (*сдерживаясь*): Господин дракон в молодости опасался чрезмерно прельститься властью и начать творить беззаконие...

ЛАНЦЕЛОТ: Вот так? Миленько, чудненько. Как я люблю эти старые, добрые, замшелые предрассудки! Они удивительно облегчают жизнь героя. Значит, устроим разборку завтра.

ШАРЛЕМАНЬ: Но... Нет, вы не понимаете. Драться с драконом сейчас — это совершенно невозможно... А как же свадьба? Господин дракон будет занят вашим поединком и не успеет жениться на Эльзе... И Эльза умрёт вот так... Нет, нет, умоляю вас, не делайте этого.

ЛАНЦЕЛОТ: Что?! Какая ещё свадьба?!

ШАРЛЕМАНЬ (*торопливо*): Понимаете, у нас, если вы поняли, строгие нравы... Моя Эльза... она скоро... ну, вы понимаете. И если она умрёт опозоренной... это будет неправильно.

ЛАНЦЕЛОТ: Что значит — опозоренной?

ШАРЛЕМАНЬ: Ну вот. Сначала мы не понимали вас. А теперь вы не понимаете нас. Видите ли, Эльза, по мнению общества... повела себя безнравственно. И теперь наша семья, извините, опозорена в глазах всего нашего королевства. Это, знаете ли, очень тягостно. Смею заметить, что в нашем роду было два генерала, четыре священнослужителя, один художник, довольно известный в нашем королевстве, и один помощник Главного казначея...

ЛАНЦЕЛОТ: Какая-то дремучая чушь. Какие генералы? Какие художники? При чём тут всё это?

ШАРЛЕМАНЬ: Вот и я говорю, что совершенно ни при чём. И господин дракон того же мнения. Не стоит портить добрую репутацию семьи из-за... неразумных действий моей дочери. Тем более что...

ЛАНЦЕЛОТ (*поучающим тоном*): Чушь какая-то. Её личная жизнь — это её личное дело. Никто не имеет права вмешиваться в частные дела свободного человека. Впрочем, у вас же здесь тоталитарный режим...

ШАРЛЕМАНЬ (*торопливо*): Никто и не вмешивается, но это всё-таки очень плохо, когда в хорошей семье случается вот такое. Женщина должна быть замужней, понимаете? И господин дракон любезно согласился жениться на Эльзе. Разумеется, это всё чисто номинально, вы же понимаете. То есть это символический жест, не более того... Но всё-таки — о жене господина дракона дурно говорить не принято. Таким образом, вопрос будет закрыт, а честь Эльзы — спасена.

ЭЛЬЗА (*впервые за всё время разговора с чувством*): Дерьмо. Какое же везде дерьмо.

ШАРЛЕМАНЬ: Пожалуйста, не говори так. Тем более при посторонних. К тому же ты всё-таки сама во всём виновата.

ЭЛЬЗА: В чём я виновата, папаша? В том, что меня никто не брал замуж? Потому что ты, папаша, женился на этой ладудре, моей маменьке?

ШАРЛЕМАНЬ (*твёрдо*): Прекрати, Эльза! Твоя мать была не красавицей, но мы очень любили друг друга. (*Обращаясь к Ланцелоту, неловко*): Извините её, пожалуйста. Всё это... так некстати. Вам, наверное, тягостно смотреть на эту чужую жизнь...

ЭЛЬЗА (*беря себя в руки*): Ладно. Извини, папа. Извините. (*Неохотно кивает Ланцелоту.*)

ШАРЛЕМАНЬ: Да, да, пожалуйста, простите нас. Просто... видите ли...

ЛАНЦЕЛОТ (*решительно*): Хватит комплексов. Значит, это чудище собирается жениться на вашей дочери?

ШАРЛЕМАНЬ (*с искренним возмущением*): Милостивый господин, выбирайте выражения! Как вы можете называть чудищем незнакомого вам человека или существо...

ЛАНЦЕЛОТ (*торопливо*): Всё-всё-всё, я ничего не сказал. Извини, мужик. Давай толком. Часто он оказывает услуги по спасению репутации? В смысле бракосочетаний?

ШАРЛЕМАНЬ (*успокаиваясь*): Ну что вы. Кажется, такое было всего один раз. Господин дракон сочетался браком с вдовой первого канцлера королевства...

ЛАНЦЕЛОТ (*с интересом*): А зачем?

ШАРЛЕМАНЬ: Ходили слухи, что она отравила своего мужа.

ЛАНЦЕЛОТ: А что, она его таки отравила?

ШАРЛЕМАНЬ (*решительно*): О супругах господина дракона не принято говорить дурно. Если господин дракон взял её в жёны, значит, она была достойна его доверия. Господин дракон в этих вопросах никогда не ошибается. Его репутация безупречна.

ЛАНЦЕЛОТ: И когда это было?

ШАРЛЕМАНЬ: Сто двадцать четыре года назад. Но добрые дела...

ЛАНЦЕЛОТ: ...не забываются. Слышал, слышал. Я тоже собираюсь совершить доброе дело. Которое вы тут не скоро забудете. Так я надеюсь, дракон явится на поединок?

ШАРЛЕМАНЬ (*сдерживаясь, холодно*): Господин дракон всегда держит своё слово.

ЛАНЦЕЛОТ: Мало ли что... Такие твари обычно только на словах молодцы. А когда дело доходит до конкретной разборки...

ШАРЛЕМАНЬ (*кричит*): Это возмутительно! Вы же обещали не оскорблять при мне господина дракона! Вы...

ЛАНЦЕЛОТ (*злобно*): Да прекрати ты свои истерики, папаша! Только этого нам тут не хватало! (*Берёт себя в руки.*) Ладно-ладно, извиняюсь. Всё-всё-всё, я ничего не сказал. Извиняюсь, правда извиняюсь. Так вот, для начала мне надо повидаться с господином драконом. Побазарить о том о сём. Надо же обговорить дельце... Перетереть по понятиям, как говорят в одном сказочном королевстве.

Раздается все нарастающий свист, шум, вой, рев. Стекла дрожат. Зарево вспыхивает за окнами.

КОТ (*со вздохом*): А вот и господин дракон. Легок на помине...

Вой и свист внезапно обрываются. Громкий стук в дверь.

ШАРЛЕМАНЬ: Войдите!

Входит богато одетый лакей.

ЛАКЕЙ. К вам господин дракон.

ШАРЛЕМАНЬ: Милости просим.

Лакей широко распахивает дверь. Пауза. И вот не спеша в комнату входит пожилой, но крепкий, моложавый, белобрысый человек, с солдатской выправкой. Волосы ежиком. Он широко улыбается. Вообще обращение его, несмотря на грубоватость, не лишено некоторой приятности. Он глуховат.

ЧЕЛОВЕК: Здорово, ребята. Эльза, здравствуй, крошка. А у вас гость. Кто это?

ШАРЛЕМАНЬ: Это странник, прохожий.

ЧЕЛОВЕК: Как? Рапортуй громко, отчетливо, по-солдатски.

ШАРЛЕМАНЬ: Это странник!

ЧЕЛОВЕК: Не цыган?

ШАРЛЕМАНЬ: Что вы! Это очень милый человек.

ЧЕЛОВЕК: А?

ШАРЛЕМАНЬ: Милый человек!

ЧЕЛОВЕК: Хорошо. Странник! Что ты не смотришь на меня? Чего ты уставился на дверь?

ЛАНЦЕЛОТ: Я жду, когда войдет дракон.

ЧЕЛОВЕК: Ха-ха! Я — дракон.

ЛАНЦЕЛОТ: Вы? А мне говорили, что у вас три головы, когти, огромный рост!

ДРАКОН: Я сегодня попросту, без чинов.

ШАРЛЕМАНЬ: Господин дракон так давно живет среди людей, что иногда сам превращается в человека и заходит к нам в гости по-дружески.

ДРАКОН: Да. Мы воистину друзья, дорогой Шарлемань. Каждому из вас я даже более чем просто друг. Я друг вашего детства. Мало того, я друг детства вашего отца, деда, прадеда. Я помню вашего прапрадеда в коротеньких штанишках. Эльза!

ЭЛЬЗА: Да, господин дракон.

ДРАКОН: Дай лапку.

Эльза отворачивается.

ДРАКОН (неожиданно серьезно): Дочка, я всё прекрасно понимаю. Но надо держать лицо. У нас завтра свадьба. Люди будут смотреть. Ну-ка, давай ещё раз попробуем. Дай лапку!

Эльза протягивает руку Дракону.

ДРАКОН: Молодец, девочка. *(Фривольно)*: Плутовка. Шалунья. Какая теплая лапка. *(Нормальным тоном)*: Мордочку выше! Улыбайся! Так. Ты чего, прохожий? А?

ЛАНЦЕЛОТ *(с подчёркнутой иронией в голосе)*: Любуюсь.

ДРАКОН *(тем же тоном)*: Молодец. Четко отвечаешь. Любуйся. У нас попросту, приезжий. По-солдатски. Раз, два, горе не беда! Ешь!

ЛАНЦЕЛОТ: Спасибо, я сыт.

ДРАКОН: Ничего, ешь. Зачем приехал?

ЛАНЦЕЛОТ: По делам.

ДРАКОН: А?

ЛАНЦЕЛОТ: По делам.

ДРАКОН: А по каким? Ну, говори. А? Может, я и помогу тебе. Зачем ты приехал сюда?

ЛАНЦЕЛОТ: Да вот, искал работёнку, а работёнка сама меня нашла. Кое с кем разобраться.

ДРАКОН: Громче!

ШАРЛЕМАНЬ *(возмущённо)*: Вы же говорили, что не будете! Вы же...

ЭЛЬЗА *(раздосадовано)*: Нет, нет! Он шутит! У него, козла, шутки такие.

ДРАКОН: Чего?

ЛАНЦЕЛОТ *(нагло)*: Это я про тебя. Я вызываю тебя на бой.

ДРАКОН: Вот как? Хорошо же.

Делает легкое движение плечами и вдруг поразительно меняется. Новая голова появляется у Дракона на плечах. Старая исчезает бесследно. Серьезный, сдержанный, высоколобый, узколицый, сидящий блондин стоит перед Ланцелотом.

ЛАНЦЕЛОТ: Ещё что за чихня? Где дракон?

КОТ: У господина дракона три головы. Он их меняет, когда пожелает.

ДРАКОН *(Голос его изменился так же, как лицо. Негромко. Суховато)*: Ваше имя Ланцелот?

ЛАНЦЕЛОТ: Да.

ДРАКОН: Вы потомок известного странствующего рыцаря Ланцелота?

ЛАНЦЕЛОТ: Это мой дальний родственник.

ДРАКОН: Значит, не потомок. Имя выбрано скорее всего из престижных соображений. Впрочем, Ланцелот Озёрный в конечном итоге оказался не очень хорошим рыцарем...

ЛАНЦЕЛОТ (*нагло*): Значит, так. Ты убил моего коллегу, Храброго Портняжку. Кроме того, ты...

ДРАКОН (*брезгливо*): Я никого не убивал. Я казнил мерзавца, который...

ЛАНЦЕЛОТ: Знаю-знаю. Между нами, девочками, — Портняжка действительно был той ещё швалью. Но это мой коллега. Ничего личного.

ДРАКОН: Принимаю ваш вызов. Придётся вас уничтожить.

ЛАНЦЕЛОТ: Уничтожить? Испугал попа мудями. Ты ещё не знаешь, как серьёзно ты попал...

ДРАКОН: Подумайте вот над чем. Весь город будет смотреть на вас с ужасом и обрадуется вашей смерти. Вам предстоит бесславная гибель. Понимаете?

ЛАНЦЕЛОТ (*брезгливо*): Да срать я хотел, как эти местные будут на меня смотреть!

ДРАКОН: Вы — недостойный противник.

ЛАНЦЕЛОТ: Премного благодарен. А теперь давай поговорим насчёт боя...

ДРАКОН: Поэтому я не буду воевать с вами всерьез.

ЛАНЦЕЛОТ: Что?

ДРАКОН: Это значит, что я убью вас немедленно. Сейчас. Здесь.

ЛАНЦЕЛОТ (*опешив*): Стоп-стоп-стоп! Так не делается! Это не по правилам... И к тому же я безоружен!

ДРАКОН (*язвительно*): А вы хотите, чтобы я дал вам время вооружиться? Нет. Я ведь сказал, что не буду воевать с вами всерьез. Я нападу на вас внезапно, сейчас... Эльза, принесите метелку!

ЭЛЬЗА: Зачем?

ДРАКОН: Я сейчас испепелю этого человека, а вы выметете его пепел.

ЭЛЬЗА: Может, лучше на улице?

ЛАНЦЕЛОТ (*храбрясь*): Трус!

ДРАКОН: Я не знаю, что такое страх. В том числе и страх показаться трусом. Особенно в глазах тех, кого не уважаешь. Эльза!

ЭЛЬЗА: Ладно, сейчас принесу.

ЛАНЦЕЛОТ (*искательно*): Дай мне сроку до завтра. Я найду себе оружие, и мы встретимся на поле.

ДРАКОН: А зачем?

ЛАНЦЕЛОТ: Ну как же... Чтобы народ не подумал, что вы трусите.

ДРАКОН (*иронически*): Только что вам было безразлично мнение этого самого народа... Но не беспокойтесь. Народ ничего не узнает. Эти двое будут молчать. Вы умрете сейчас храбро, тихо и бесславно.

ЛАНЦЕЛОТ (*собравшись с мыслями*): Погоди, старик, ты сначала меня послушай. Во-первых, я не Портняжка. Я известная личность с отличной репутацией. И если со мной что-нибудь случится, ты не представляешь себе международный резонанс... Ваше поганое королевство просто замочат. (*Уверенно*): Старик, если выяснится, что ты тут беспредельничашь, ты не представляешь, что здесь будет. Просто не представляешь. Тебя просто сомнут. Ты был хорош в своё время, но против стратегических бомбардировщиков ты не потянешь.

ДРАКОН: Я знаю, что такое стратегические бомбардировщики. Но вряд ли они прилетят сюда из-за такого, как вы.

ЛАНЦЕЛОТ: Не, ты и в самом деле не понимаешь современных реалий.

ДРАКОН: Возможно. Я несколько старомоден. Эльза, где совок?

ЛАНЦЕЛОТ (*быстро*): Подожди. Подожди. Выслушай меня всё-таки. Дело совсем не во мне. Просто убийство странствующего рыцаря приравнивается Мировым Сообществом к убийству независимого журналиста. За это полагается гуманитарная бомбардировка.

ДРАКОН (*задумчиво*): О журналистах я что-то слышал. Кажется, это что-то вроде цыган.

ЛАНЦЕЛОТ (*быстро*): В общем, да. Строго между нами — у меня тоже с ними постоянно проблемы. Они совершенно по-уродски освещают мою деятельность. Но всё-таки ты имей в виду: если Портняжку тебе спустили, то меня — уже нет. Ты понимаешь, что такое гуманитарная бомбардировка?

ДРАКОН: С вашей стороны это блеф.

ЛАНЦЕЛОТ: А если нет? Ты серьёзно рискуешь не только своей задницей, но и всем своим королевством. К тому же ты ведь в своё время подписал всякие документы на ту тему, что всякий вызвавший дракона — в безопасности до дня боя... И день боя назначает не дракон, а вызвавший его. А весь город

должен помогать тому, кто вызовет дракона, и никто не будет наказан. Было дело?

ДРАКОН: Я совсем забыл об этом... Кажется, я старею. Начинаю забывать о своих глупостях. Но слово надо держать. Вы вправе вызвать меня на бой, хотя это и очень противно. Когда вы желаете это сделать?

ЛАНЦЕЛОТ: Завтра.

ДРАКОН: Что ж, придется подраться. *(Зевает.)* Да откровенно говоря, я не жалею об этом, я тут не так давно разработал очень любопытный удар лапой эн в икс направлении. Попробуем его на теле.

Уходит не прощаясь.

ШАРЛЕМАНЬ *(подавленно):* Время позднее... Пора спать.

ЭЛЬЗА *(равнодушно):* Правда, шёл бы ты, мужик... И без тебя тошно.

ЛАНЦЕЛОТ: Всё-всё-всё, ухожу. Тем более мне сейчас придётся побегать. Всем спок ночи, спасибо за гостеприимство. *(В дверях):* Не, точно говорю, этот кызел ещё не понял, как он попал.

Уходит.

ЭЛЬЗА: Пап, а что, если этот поц действительно замочит нашего дра-дра?

ШАРЛЕМАНЬ *(рассеянно):* Не выражайся так, пожалуйста... Ну конечно, нет. Всё кончится хорошо. Четыреста лет у нас всё было хорошо — неужели сейчас что-то изменится? Нет, нет. Пойдём.

Уходят.

КОТ *(тянется, зевает, устраиваясь поудобнее):* Мрр... Всё-таки сбегая завтра на площадь, разузнаю новости. Что-то у меня на душе неспокойно.

ДЕЙСТВИЕ 2

Центральная площадь города. Направо — ратуша с башенкой, на которой стоит часовая. Прямо — огромное мрачное кирпичное здание без окон, с гигантской чугунной дверью во всю стену от фундамента до крыши. На двери надпись готическими буквами: «Людам вход безусловно запрещен». Налево — широкая старинная крепостная стена. В центре площади — колодец с резными перилами и навесом.

На переднем плане — большой, гладко обтёсанный камень с вырезанными на нём непонятными символами.

Из ратуши появляется Ланцелот. Он бодр, весел, насвистывает «Let tu people go».

ЛАНЦЕЛОТ (*в пространство*): Уффф! Ну и денёк выдался. Хорошо, что я лёгок на подъём. Пришлось пробежаться по сотне республик, двадцати двум конституционным монархиям, дюжине стран с неизвестными науке режимами и чёртовой уйме международных организаций. Выпито десять литров растворимого кофе, съедено два ящика крекеров, роздано три саквояжа визитных карточек. Всё-таки большие парни наверху про меня забыли. Ничего, ничего. Посмотрим, посмотрим, как они теперь забегают. (*Напевает*): Посмотрим, посмотрим, посмотрим, чёрт возьми! И мы действительно посмо!..

Откуда-то из-под крепостной стены появляется кот.

КОТ: Извиняюсь, это ты мне?

ЛАНЦЕЛОТ: А, привет, кот. Нет, не тебе. Просто привожу мысли в порядок. Фууу, до чего же я устал.

КОТ: У тебя довольно бодрый вид.

ЛАНЦЕЛОТ (*самодовольно*): Ну ещё бы! Это дельце с драконом оказалось очень кстати. Ты не представляешь себе, какой это получило резонанс. Я, знаешь ли, очень опасался, что все заняты каким-нибудь интересным скандалом. Ну, скажем, американский президент обесчестил племянницу, или ещё что-нибудь в таком роде. Но, слава богу...

КОТ: А что в этом интересного?

ЛАНЦЕЛОТ (*пропуская реплику кота мимо ушей*): Короче говоря, на моё счастье, сейчас у них медийный кризис: показывать нечего, писать не о чем. Так что дракон подвернулся очень кстати. Я уже продал эксклюзивные права на съёмку боя сиэнэнщикам. Продешевил, правда. С них можно было вдвое срубить, а я лоханулся. Ничего-ничего, зато за счёт рекламы наберём.

КОТ: Вот теперь я уже ничего не понимаю.

ЛАНЦЕЛОТ (*смотря на часы*): Сейчас они уже должны быть. Вот сейчас прямо. Они вообще-то пунктуальные.

Из ратуши выходит небольшая группа хорошо одетых господ. Ланцелот широко улыбается и делает руками приглашительные жесты.

Кот прячется.

Хорошо одетые господа обступают Ланцелота со всех сторон. Он улыбается, жмёт всем руки, бормочет приветствия.

1-Й ГОСПОДИН (*подходит к Ланцелоту, вежливо*): Согну за небольшую задержку, господин Ланцелот. В этих сказочных королевствах вечно проблемы с транспортом. Итак, вы подтверждаете условия вчерашнего соглашения?

ЛАНЦЕЛОТ: Ничего-ничего, всё в порядке... Вы «Сименс» представляете? Я ничего не путаю?

1-Й ГОСПОДИН: Нет, я из «Майкрософта». Насчёт...

2-Й ГОСПОДИН (*подходит к Ланцелоту, решительно*): Простите, что помешал вашей беседе. Есть вопрос, не терпящий отлагательства.

ЛАНЦЕЛОТ: Э-э-э... Вы про оружие?

2-Й ГОСПОДИН: Да, именно. Может быть, вы всё-таки возьмёте тот вертолёт?

ЛАНЦЕЛОТ: Нет-нет-нет. Всё должно происходить на земле. Подумайте о телевидении!

2-Й ГОСПОДИН: Хорошо, не смею настаивать. Значит, остановимся на танках. (*Достаёт бумажку, читает*): Эм-семь-ноль-два-четыре, наша последняя разработка. Пятьдесят две тонны. Комплекс вооружений и система управления огнём обеспечивают девяностопятипроцентное попадание при стрельбе прямой наводкой на дальностях до пяти километров. Около семидесяти километров в час по среднесложному рельефу. Круговое наблюдение за местностью через телеэкраны. Есть встроенный радар. Динамическая броня выдерживает...

ЛАНЦЕЛОТ: Хватит, хватит. Я всё равно в этом ничего не понимаю. Моё дело — организация акции, а не технические детали.

2-Й ГОСПОДИН: Как же вы собираетесь воевать, не зная характеристик оружия?

ЛАНЦЕЛОТ (*сниходительно*): Ну не полезу же я сам в танк. Я же говорю, моё дело — в основном организация. Ну и представительские функции. Оружием займутся профессионалы.

1-Й ГОСПОДИН (*решительно*): Одну минуту, мне надо решить мой вопрос... Я из «Майкрософта». Мы беседовали об условиях размещения на вашем вооружении нашего логотипа...

ЛАНЦЕЛОТ: Ах да, припоминаю. Откровенно говоря, ваши условия меня не впечатлили. Но вы сказали, что свяжетесь с руководством...

1-Й ГОСПОДИН: Да-да. И должен вам сказать, что вопрос решён положительно. Мы готовы спонсировать ваше мероприятие в размере...

ЛАНЦЕЛОТ (*быстро*): Тише. Мало ли что.

1-Й ГОСПОДИН (*наклоняется к уху Ланцелота, шепчет*).

ЛАНЦЕЛОТ: Это уже интереснее. Но мне поступали и другие предложения, и они тоже были очень интересными. Я не отказываюсь от сотрудничества, нет, — но дайте мне немного подумать...

3-Й ГОСПОДИН (*подходит, не здороваясь*): Я насчёт ракет «земля—воздух».

ЛАНЦЕЛОТ: Я уже сказал — нет. Мне нужен нормальный зенитный комплекс, а не это ваше барахло. Или хотя бы снизьте цену. У меня не такой большой фонд, чтобы позволить себе скупку устаревшего железа...

4-Й ГОСПОДИН (*вклиниваясь*): Только что звонили из Международного Женского Движения За Права. Они хотят, чтобы половину экипажа танков составляли женщины. Послать их к чёрту?

ЛАНЦЕЛОТ: Не нужно. С девочками я сам поговорю. Ссориться с ними нежелательно.

1-Й ГОСПОДИН: Решайте что-нибудь. Мне нужно доложить руководству.

ЛАНЦЕЛОТ: Сейчас, сейчас, вы видите, меня рвут на части.

5-Й ГОСПОДИН (*решительно приступая*): Добровольцы прибыли.

ЛАНЦЕЛОТ: Откуда?

5-Й ГОСПОДИН: Сейчас скажу. (*Перелистывает какие-то бумаги*): Вот. Корпус Мира. Антидиффамационная Лига...

ЛАНЦЕЛОТ: Эти-то тут зачем? Они же занимаются только еврейскими делами?

5-Й ГОСПОДИН: Вот именно.

ЛАНЦЕЛОТ: (*крайне обеспокоенно*): Что, дракон — еврей?! Чёрт, надо было выяснить заранее... Могут быть неприятности.

5-Й ГОСПОДИН: Не беспокойтесь, эти ребята уже всё проверили. Дракон по крови, кажется, гунн. Это что-то вроде

русских. Можете его хоть в соломку нарезать, никто и не пикнет.

ЛАНЦЕЛОТ: А что тогда здесь делает Лига?

5-Й ГОСПОДИН: Собираются принять участие в битве. Они раскопали сведения, что дракон принимал участие в Холкосте.

ЛАНЦЕЛОТ: Но он же вроде бы только цыган... того?

5-Й ГОСПОДИН: Как бы да. Просто вместе с цыганами попался один скупщик краденого...

ЛАНЦЕЛОТ: Ах вот оно что.

5-Й ГОСПОДИН: То-то и оно. Короче, идём дальше по списку. Общество Открытого Сознания...

ЛАНЦЕЛОТ: Что? А эти-то нам зачем?

5-Й ГОСПОДИН: Они немножко помедитируют на фоне боя, и всё. Вреда никакого, зато хорошо смотрится.

ЛАНЦЕЛОТ: Ладно, пусть медитируют. Кто ещё?

5-Й ГОСПОДИН: Ребята из Гуманитарного общества «Албанский фронт национального освобождения». Владеют боевыми искусствами...

ЛАНЦЕЛОТ: Ну, это как-то ни к чему. Мы же не собираемся устраивать рукопашный бой.

5-Й ГОСПОДИН: Мало ли что. Пригодятся.

ЛАНЦЕЛОТ: А «зелёные»?

5-Й ГОСПОДИН: Тоже прибыли. Настоящие звери.

ЛАНЦЕЛОТ: Да, эти ребята спуску не дадут. А они за нас? Дракон всё-таки. Редкий, вымирающий вид.

5-Й ГОСПОДИН: Они же не дураки. Политически выигрышная ситуация... Да, ещё есть румыны и болгары. Парни из их спецподразделений.

ЛАНЦЕЛОТ: А им что надо?

5-Й ГОСПОДИН: Они очень хотят поучаствовать в какой-нибудь международно одобряемой войне. Чтобы, так сказать, приобщиться к общеевропейским ценностям. У них, знаете ли, такая мания.

ЛАНЦЕЛОТ: А, ну да, понятно. Ладно, пусть будут. Девочки среди них есть?

5-Й ГОСПОДИН: Девочки? Вы хотите...

ЛАНЦЕЛОТ: Ну да, девочки. Ах, чёрт... я не в том смысле. Просто феминистки требуют равного участия...

5-Й ГОСПОДИН: С этим может быть проблема... Вот мы как сделаем... *(Отходит, звонит по сотовому телефону, что-то тихо обсуждает.)*

1-Й ГОСПОДИН *(настойчиво):* Так что вы решили с логотипом?

ЛАНЦЕЛОТ: Да, от вас так просто не отвяжешься. Двадцать процентов сверх названной суммы, и ваша блямба будет везде.

1-Й ГОСПОДИН: Мы и так пошли на экстраординарные уступки. Двадцать процентов — это невозможно.

ЛАНЦЕЛОТ: Я делаю вам хорошую рекламу, ребята. Когда ещё у вас будет возможность поучаствовать в свержении тоталитарного режима? Это всё равно что спонсировать разрушение Берлинской стены. Понимаете?

1-Й ГОСПОДИН: Я должен связаться с руководством.

ЛАНЦЕЛОТ: Это отговорки. Либо вы принимаете решение, либо мы прекращаем этот разговор.

1-Й ГОСПОДИН: Десять процентов сверху — это более реально.

ЛАНЦЕЛОТ: Нет, это невозможно.

5-Й ГОСПОДИН *(подходя):* Есть новости. С нами связался продюсер Донны Моника.

ЛАНЦЕЛОТ: Кто такая? Ах да, припоминаю. Это которая поёт, ну это, что-то там такое... упс, эпс, пепс... *(Размахивает руками, роняет сотовый телефон, нагибается.)*

1-Й ГОСПОДИН: Извините, но давайте сначала закончим с нашим делом. Допустим, мы согласны на ваши условия. В таком случае логотип...

ЛАНЦЕЛОТ: Не забивайте мне этим голову. Видите, что творится?

1-Й ГОСПОДИН: Тогда сейчас мы подпишем документы...

ЛАНЦЕЛОТ: Эй, эй, я должен сначала всё прочитать. Знаю я вас. Потом в каком-нибудь пятнадцатом пункте обнаружится не та запятая, и я ещё останусь вам должен.

5-Й ГОСПОДИН: Что будем делать с Моникой?

ЛАНЦЕЛОТ: Сказал бы я, что с ней надо сделать, но не при журналистах же... Что ей нужно?

1-Й ГОСПОДИН: С певичкой. Она хочет участвовать в бою.

ЛАНЦЕЛОТ: Она с дуба рухнула. Что тут делать этой бабе?

1-Й ГОСПОДИН: Покрасоваться на фоне сражения. Тем более у неё новый альбом. Наверное, что-нибудь споёт.

ЛАНЦЕЛОТ: А нам от этого какая выгода?

1-Й ГОСПОДИН: Ну как же... Всё-таки Донна Моника — звезда. Нам это в плюс.

ЛАНЦЕЛОТ: Ладно, пусть красуется, только чтобы под ногами не вертелась. Не ссориться же с ней.

2-Й ГОСПОДИН (*подходя ближе, решительно*): Мне только что позвонили. Танк уже здесь. Дело за экипажем.

ЛАНЦЕЛОТ: Сейчас-сейчас, видите, я занят.

1-Й ГОСПОДИН: Не забудьте нанести на броню наш логотип!

2-Й ГОСПОДИН: Какой логотип? У вас есть разрешение от господина Ланцелота?

1-Й ГОСПОДИН: Он дал принципиальное согласие на нанесение логотипа фирмы «Майкрософт»...

ЛАНЦЕЛОТ: Э-э, мы ещё ничего не подписали.

3-Й ГОСПОДИН (*вмешиваясь*): Я про зенитки. Может быть, мы всё-таки договоримся по деньгам? Мы готовы снизить цену.

ЛАНЦЕЛОТ: Ваши зенитки — старьё. А я не знаю, какую высоту набирает этот дракон. Кстати, тут был один парень, он мог быть в курсе... Эй, кот! Где ты?

6-Й ГОСПОДИН (*подходит к Ланцелоту, вежливо*): Извините за беспокойство. Я представляю Транснациональную Радикальную Партию. Мы хотели бы...

ЛАНЦЕЛОТ: Вы добровольцы?

6-Й ГОСПОДИН: В общем, да. Мы хотели бы обратиться к дракону. С воззванием.

ЛАНЦЕЛОТ: И что вы собираетесь ему предложить?

6-Й ГОСПОДИН: Добровольно оставить власть и предстать перед международным судом. Мы уже сформировали трибунал...

ЛАНЦЕЛОТ: Э-э-э, ребята, это моё шоу. Вас тут не было.

6-Й ГОСПОДИН (*решительно*): Вы не можете помешать нам обратиться...

ЛАНЦЕЛОТ: Мешать? И не подумаю. Только не путайтесь под ногами, оки?

7-Й ГОСПОДИН (*протискиваясь*): Телевизионщики были.

ЛАНЦЕЛОТ: Наконец-то! Где они?

7-Й ГОСПОДИН: Распаковывают аппаратуру. Сейчас будут.

ЛАНЦЕЛОТ: Зовите их сюда.

8-Й ГОСПОДИН (*проталкиваясь*): Это вы — Ланцелот? Прибыли добровольцы от Молодёжного Движения За Глобальную Демократию.

ЛАНЦЕЛОТ: Отлично! Вооружены? Боевой опыт есть?

8-Й ГОСПОДИН: А как же! Сражения с полицией в Вене, Гамбурге и Упсале... разгром сети «Макдоналдсов» в королевстве Мумбук... штурм биологических лабораторий во Флориде...

ЛАНЦЕЛОТ: Понятно. Камни, палки, бутылки с коктейлем Молотова с собой?

8-Й ГОСПОДИН: Хех! Я вижу, мы понимаем друг друга!

6-Й ГОСПОДИН (*встревая*): Вы понимаете, к чему может привести участие в акции этих экстремистов? Вы должны немедленно отказаться...

ЛАНЦЕЛОТ: Я лучше знаю, что я должен делать и чего не должен! Где этот тип из «Майкрософта»? Он мне нужен.

1-Й ГОСПОДИН: Я здесь. Вы собирались смотреть бумаги...

7-Й ГОСПОДИН: Телевизионщики идут!

Из ратуши выходит толпа людей, одетых кто во что горазд. Они тащат с собой камеры, осветительную аппаратуру, кабели, какие-то ящики. На сцене начинается шум и суета. Толпа густеет, появляются всё новые и новые люди. Шум становится всё громче. Ланселот продолжает разговаривать, но его не слышно.

Наконец, Ланцелот вырывается из толпы. У него измождённый вид, в руке — пачка бумаг. Он садится на камень и начинает их перелистывать.

Появляется кот.

КОТ: Что тут происходит? Кто все эти люди?

ЛАНЦЕЛОТ (*устало*): Бардак. Неразбериха.

КОТ: Это я вижу. Но ты же сегодня собирался драться с господином драконом?

ЛАНЦЕЛОТ: Ну да. Это подготовка к бою.

КОТ: А что они тут делают?

ЛАНЦЕЛОТ (*расслабленно*): Как тебе сказать, кот. Одни дают мне оружие. Другие — деньги. Третьи прислали своих людей, чтобы они участвовали в бою. А теперь мы договари-

ваемся по поводу некоторых деталей. Эх... вся проблема обычно в деталях. Дай-ка я посмотрю вот этот договорчик... *(Нахмурилась, просматривает какую-то бумагу.)*

КОТ: Но почему они тебе помогают?

ЛАНЦЕЛОТ *(рассеянно):* По разным соображениям. Одним нужен промоушен... другим реклама... третьим — напомнить о себе... есть, наверное, и идейные... В общем, цирк будет хоть куда. Тут самое главное — телевидение.

КОТ: Знаю. На моей исторической родине эта штука тоже была в ходу. Такой большой ящик, где всё время что-то мелькает.

ЛАНЦЕЛОТ *(ворошит бумагу):* Чёрт, куда я задевал эту справку...

КОТ *(прикрыв глаза, вспоминает):* Эти ящики у нас стали очень популярны. Все перед ними сидели целыми днями. А потом началась эта бодяга с гринписовцами.

ЛАНЦЕЛОТ: А ты сентиментален, кот... Чёрт, совсем забыл про Донну Монику. Никак не соображу, стоит ли связываться с этой бабой. Понимаешь, она хочет сняться на фоне боя. Может быть, даже спеть.

КОТ: Ну и пусть себе поёт, если ей так хочется. Она тебе будет мешать?

ЛАНЦЕЛОТ: Вообще-то нет. Но тут есть сложности... Например, набегут какие-нибудь фанаты, их придётся как-нибудь отгонять...

КОТ: А зачем?

ЛАНЦЕЛОТ: Ну, во время боя они могут пострадать...

КОТ: А разве это не их забота? Люди, лезущие на поле боя, должны понимать, что они делают...

ЛАНЦЕЛОТ: Да никому они ничего не должны. Припрутся, чтобы поприкалываться, и подохнут здесь, с них станется. А как это отразится на моём имидже? Особенно если по ним влупят наши? Чёрт, я предвижу проблемы...

КОТ: А нельзя их как-нибудь вежливо послать?

ЛАНЦЕЛОТ *(мрачно):* Очень хотелось бы, но уже невозможно. Моника скоро будет здесь. Ох, чёрт, мне тут лишнего вписали в спонсорское соглашение... *(Углубляется в бумагу.)*

Из-за кулис появляется Эльза. Она выглядит больной и измученной.

ЛАНЦЕЛОТ: Привет, детка.

ЭЛЬЗА *(зло):* Не называй меня деткой.

ЛАНЦЕЛОТ: А тебе не по барабану?

ЭЛЬЗА (*так же*): Слушай, я тут подумала. Короче, мне не нравится то, что ты делаешь.

ЛАНЦЕЛОТ: Вообще-то это не твоё дело.

ЭЛЬЗА: Нет, мужик, это моё дело. В конце концов, я его невеста.

ЛАНЦЕЛОТ: Кого?

ЭЛЬЗА: Дракона, идиот. Не делай круглые глаза, ты всё прекрасно помнишь.

ЛАНЦЕЛОТ (*раздражённо*): Слушай сюда, тупая телченция. Мне по херу ваши дикие обычаи. Если тебе нужно расписаться с твоим любимым драконом, будь любезна, сделай это сейчас. Потому что очень скоро от него ничего не останется. Проваливай.

Эльза поворачивается и идёт к суетящейся толпе.

КОТ: Зря ты с ней так обошёлся...

ЛАНЦЕЛОТ: А, ну да, это же твои хозяева.

КОТ: Не в этом дело.

ЛАНЦЕЛОТ (*раздражённо*): Ну да, я знаю, что она подыкает от СПИДа! Мне её очень жаль, и всё такое. Но это ещё не повод слушать то, что она несёт. Я ей не жилетка. У неё папаша есть. Пусть ему и плачется.

КОТ: Я не про то. Она может здорово испортить твои планы.

ЛАНЦЕЛОТ: Каким образом?

КОТ: Не знаю. Но у неё был такой вид, как будто она хочет тебе напакостить. А если наша Эльза хочет кому-нибудь напакостить, у неё это обычно получается. Я живу в этом доме, я знаю.

ЛАНЦЕЛОТ: Котик, не глупи. Она никто, и зовут её никак. Что она может сделать?

КОТ: Не знаю. Но она что-нибудь придумает.

ЛАНЦЕЛОТ: У неё нет мозгов, чтобы думать. Были бы мозги, она не спала бы с Портняжкой.

КОТ: Как знать, как знать... А это что за люди?

ЛАНЦЕЛОТ (*смотрит*): Кажется, телевизионщики. Сейчас будет первое интервью. Хорошо, если сразу в прямой эфир.

КОТ: А что такое прямой эфир?

ЛАНЦЕЛОТ: Задолбал, котяра.

В это время телевизионщики устанавливают осветительные приборы и несколько камер.

Кот прячется.

Появляется корреспондент с микрофоном.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Итак, мы беседуем с господином Ланцелотом, профессиональным...

ЛАНЦЕЛОТ: Стоп-стоп-стоп. Сначала представьтесь. Вы кто такие? Си-эн-эн?

КОРРЕСПОНДЕНТ (*небрежно*): Нет, мы — аналитическая программа Независимого Телевидения. У нас была договорённость об эксклюзивном интервью...

ЛАНЦЕЛОТ (*морщит лоб, потом что-то вспоминает*): Да, всё в порядке. Извините, в такие моменты трудно сосредоточиться.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Итак, мы беседуем с господином Ланцелотом, профессиональным героем. Господин Ланцелот, несколько слов о себе и о своих жизненных ценностях... (*Тихо, Ланцелоту*): Политкорректно, пожалуйста.

ЛАНЦЕЛОТ (*тихо*): Сам знаю, не вчера родился. (*Торжественно*): Экзистенциальная цель каждого свободного существа — самореализация, самооткровение, проявление себя в мире и принятие мира в себя. Так мы, человеческие и нечеловеческие существа, мужчины и женщины, достигаем гармонии с тем, что нас окружает, и с другими человеческими и нечеловеческими существами. Я не считаю себя выше или ниже других человеческих и нечеловеческих существ, я просто делаю своё дело и стараюсь делать его наилучшим образом.

КОРРЕСПОНДЕНТ (*подхватывая*): Как бы вы определили суть вашего призвания?

ЛАНЦЕЛОТ: Мы, профессиональные герои, обеспечиваем всем человеческим и нечеловеческим существам, мужчинам и женщинам, возможности для самореализации. Нам часто говорят, что мы вмешиваемся в чужие дела. Я принимаю этот упрёк и с гордостью повторяю — да, мы вмешиваемся в чужие дела. Мы помогаем тем, кому необходимо помочь. И уничтожаем тех, кого необходимо уничтожить.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Ваша деятельность связана с насилием. Нет ли здесь противоречия с вашими идеалами?

ЛАНЦЕЛОТ: Лично я не приемлю насилия. Насилие неконструктивно. Насилие — последнее прибежище некомпетентности. Насилие не может ничего создать — оно может только разрушить. К сожалению, кое-кто до сих пор думает, что насилие есть реальное средство решения проблем. Эта

иррациональная и некомпетентная вера является причиной распространения насилия в мире. Этому должен быть положен конец. Моя деятельность не распространяет насилие, а пресекает его.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Но всё же вы совершаете насильственные действия. К тому же они не контролируются никакими общественными инстанциями.

ЛАНЦЕЛОТ: Это совершенно недопустимая трактовка событий. Все мои подвиги совершались под контролем общественных организаций, объединений и иных органов гражданского общества. Я убеждён — только совокупное действие человеческих и нечеловеческих существ, мужчин и женщин, принимающих ответственность за этот мир, в котором они живут, может что-то изменить к лучшему.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Что вы думаете о...

ЛАНЦЕЛОТ (*перебивая*): Разумеется, никто не вправе навязывать другим свои убеждения и свой стиль жизни. Однако есть явления, которые не могут быть терпимы. Ещё существуют тоталитаризм, фашизм, гомофобия, антисемитизм, коммунизм, расизм, жестокое обращение с животными, ксенофобия, гендерное угнетение, преследование инакомыслия. Подобные ужасные вещи никогда и ни при каких обстоятельствах не могут быть терпимы, и они не должны быть терпимы.

КОРРЕСПОНДЕНТ: А...

ЛАНЦЕЛОТ (*не слушая*): Фашизм, гомофобия, тоталитаризм, преследования по расовому, национальному, религиозному признаку — всё это начинается с нашего равнодушия. Равнодушие и терпимость — не синонимы, как полагают некоторые, а антиподы. Там, где возможны такие вещи, как...

КОРРЕСПОНДЕНТ (*прорываясь*): Да-да, я понял вашу мысль. Всё это очень важно, но нашим зрителям хотелось бы знать больше о сложившейся ситуации.

ЛАНЦЕЛОТ: О да, я всё расскажу. Я появился в этом королевстве случайно. Я не имел и не имею здесь никаких материальных или иных интересов. Однако то, что я узнал о происходящем здесь, было настолько ужасно и нетерпимо, что я просто не мог, что называется, пройти мимо. Есть явления, которые настолько отвратительны и ужасающи, что...

КОРРЕСПОНДЕНТ (*вежливо*): Да-да.

ЛАНЦЕЛОТ: Обратимся к фактам. Вот уже четыреста лет в королевстве у власти находится дракон. Все эти четыреста

лет в королевстве не проводилось свободных выборов в какие бы то ни было органы власти. Абсолютно все назначения производятся исключительно по воле дракона.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Это очень серьёзное обвинение.

ЛАНЦЕЛОТ: Это не голословное обвинение. Это истина, которую может подтвердить любой житель королевства. Но это ещё не всё. В королевстве полностью отсутствует свободная пресса. Выпускается единственная газета, содержание которой, очевидно, полностью контролируется драконом. Она выходит один раз в месяц. В месяц! Насколько мне известно, она не содержит никакой актуальной информации о внешнем мире. Разумеется, телевидения тоже не существует. Информационная блокада, длящаяся сорок лет! Вы можете себе представить нечто подобное?

КОРРЕСПОНДЕНТ (*подыгрывая*): Нет.

ЛАНЦЕЛОТ: У меня это тоже не укладывалось в голову. Но то, что я узнал позже, было ещё ужаснее. Несмотря на столь совершенную информационную блокаду, многое не удалось замолчать. В частности, акты геноцида против цыганского народа.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Геноцид? Вы говорите о геноциде?

ЛАНЦЕЛОТ: Да, настоящий геноцид. Цыганская диаспора была частично изгнана из страны, частично уничтожена. Вина за это чудовищное преступление целиком и полностью лежит на драконе. Формальным поводом для репрессий послужили национальные особенности цыганской культуры.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Когда это произошло?

ЛАНЦЕЛОТ: По моим данным — в ранний период правления дракона. Но убийства продолжаются. Последней жертвой стал мой коллега, профессиональный герой, известный как Храбрый Портняжка. По словам самого дракона...

КОРРЕСПОНДЕНТ: Вы общались с драконом?

ЛАНЦЕЛОТ: Не могу сказать, что это общение доставило мне удовольствие, но я с ним общался... Так вот, Портняжка был убит. Сожжён заживо.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Это чудовищно.

ЛАНЦЕЛОТ: Не более, чем другие преступления диктатора. В частности, он замешан в сексуальном скандале, настолько отвратительном, что...

КОРРЕСПОНДЕНТ: Пожалуйста, подробнее.

ЛАНЦЕЛОТ: Я не могу вдаваться в некоторые подробности, они затрагивают частную жизнь людей, скажу больше — частную жизнь жертв...

КОРРЕСПОНДЕНТ (*заинтересованно*): Говорите прямо. Мы имеем право знать правду, мы обязаны знать правду.

ЛАНЦЕЛОТ: Я не уверен, что о таких вещах можно говорить. Однако молчать о них тоже невозможно. Дракон собирается сочетаться браком — вы понимаете весь чудовищный цинизм этих слов?! — с юной девушкой, дочерью местного архивариуса.

КОРРЕСПОНДЕНТ (*искренне*): Это как же? Ведь они... э-э-э... (*С интересом*): Но физические отличия...

ЛАНЦЕЛОТ: Я вижу, вы поняли. Разумеется, все знают, что вскоре после заключения брака девушка умрёт. Позвольте больше не развивать эту тему. Это слишком гнусно, вы не находите?

КОРРЕСПОНДЕНТ: Это просто не укладывается в голове...

ЛАНЦЕЛОТ: Скажу больше: несчастная девушка...

К Ланцелоту подбегают неприличной трусцой несколько господ солидного вида. За ними бежит высокий мускулистый парень в камуфляже.

1-Й ГОСПОДИН (*радостно*): Всё готово! Можете смотреть, господин Ланцелот!

ЛАНЦЕЛОТ: На что ещё смотреть?!

1-Й ГОСПОДИН: Мы разместили логотип нашей компании на вашем вооружении. С вашего позволения...

ЛАНЦЕЛОТ: Да-да, это уже решённый вопрос.

ПАРЕНЬ В КАМУФЛЯЖЕ: Эй, шеф! Тут лажа случилась!

ЛАНЦЕЛОТ: А вы кто, простите?

ПАРЕНЬ В КАМУФЛЯЖЕ: Я танкист!

ЛАНЦЕЛОТ: Какой ещё танкист?!

ПАРЕНЬ В КАМУФЛЯЖЕ: Иван меня зовут.

ЛАНЦЕЛОТ (*заинтересованно*): Вы, случаем, не мой коллега Ivan aka «Stupid»?

ИВАН: Вы только не подумайте, что я русский. Я доброволец из Болгарии.

ЛАНЦЕЛОТ: Это ещё что за сказочное королевство?

ИВАН (*обиженно*): Королевство как королевство, совсем даже не сказочное.

ЛАНЦЕЛОТ (*вежливо*): Да-да-да, я что-то припоминаю. Болгария — это ведь бывшая советская республика Казакстан? Поздравляю вас с независимостью, вы храбро сражались с советской оккупацией...

ИВАН: Да я не про то, шеф! Слышь, они тебя подставляют! Я, значит, в танк залезаю, а эти уроды (*показывает на 1-го Господина*) вместо всей цифири на приборах намалевали какую-то свою закозюльку! И на экранах тоже!

1-Й ГОСПОДИН: Мы подписали контракт о размещении логотипа «Майкрософт» на всех частях вашего вооружения. В том числе и на приборных досках.

ИВАН: Уроды! Как мне воевать прикажете?

1-Й ГОСПОДИН (*плотоядно*): Нарушение условий контракта влечёт за собой существенные неустойки...

ЛАНЦЕЛОТ (*решительно*): Вот что. Контракт я нарушать не буду. Хрен вам, неустойки ещё платить. А ты, Иван, повоюй как-нибудь... на глазок, понимаешь?

ИВАН: Да я же в танке! В танке!

ЛАНЦЕЛОТ: Я вижу, ты парень толковый. Справишься как-нибудь.

ИВАН: А стрелять как?

ЛАНЦЕЛОТ: Э-э-э... На звук!

ИВАН: На какой ещё звук?

ЛАНЦЕЛОТ: Ну, наверное, дракон будет рычать или ещё как-нибудь... Слушай, ну ты сам сообразишь. Что, в первый раз в танке, что ли?

ИВАН (*расстроено*): Я-то думал, хоть тут будет порядок...

ЛАНЦЕЛОТ: Победим дракона — будет порядок. выступишь перед сизэнщиками, то-сё... Мы тебе всё сделаем. Только попади в дракона, и весь мир твой.

ИВАН: Ну ладно... Как-нибудь...

Лезет в открытый люк танка.

ЛАНЦЕЛОТ: Какие всё-таки тупые уроды эти восточноевропейцы.

Появляется кот.

КОТ: Ланцелот, там тебя разыскивает какая-то особа...

ЛАНЦЕЛОТ: Гнать её в шею! Хотя... может быть, это приехали феминистки? Зови её сюда!

КОТ: Она, кажется, называла себя Моникой. И ещё какой-то донной...

ЛАНЦЕЛОТ: Что? Моника? Ох...

КОТ: Кто она такая, эта Моника?

ЛАНЦЕЛОТ: Она страшно популярна.

КОТ: А занимается она чем?

ЛАНЦЕЛОТ: Я же тебе говорю — она страшно популярна.

КОТ: Нет, я про её работу.

ЛАНЦЕЛОТ: Вот и я про работу. Она страшно популярна.

Это такая работа. А так она считается певицей.

КОТ: И что она такое поёт?

ЛАНЦЕЛОТ: Что-то там такое... упс, эпс, пепс... Не помню. Ну да не в этом дело.

КОТ: А в чём?

ЛАНЦЕЛОТ: Ей что-то от меня нужно. Вроде бы она хочет спеть во время боя... Посмотрим.

В сопровождении целой свиты журналистов появляется Донна Моника. Это яркая блондинка, одетая в строгий деловой костюм. Пол-лица закрывают солнцезащитные очки, так что выражения глаз не видно.

ДОННА МОНИКА (деловым тоном): Кто здесь Ланцелот?

ЛАНЦЕЛОТ: Я.

ДОННА МОНИКА: У меня есть деловое предложение. И я хотела бы обсудить его наедине.

ЛАНЦЕЛОТ: Котяра, брысь.

Кот исчезает.

ДОННА МОНИКА: Ты любишь животных? Это может помешать моим планам.

ЛАНЦЕЛОТ: Животные мне похрен. Это был местный кот, он в курсе всякой конкретики.

ДОННА МОНИКА: У меня аллергия на кошачью и собачью шерсть, а также на перо домашней птицы.

ЛАНЦЕЛОТ: Какой ещё домашней птицы? На кур, что ли?

ДОННА МОНИКА: Нет, на попугаев. Многие держат дома попугаев. Короче: никаких домашних животных не должно быть. Ясно?

ЛАНЦЕЛОТ: Нет, не ясно. В чём дело-то?

ДОННА МОНИКА: А, ну да. Я собираюсь выйти за тебя замуж. Сразу же после поединка.

ЛАНЦЕЛОТ (недоумённо): Зачем?

ДОННА МОНИКА: Пожалуй, в этом сезоне мне будет полезно выйти замуж. С этим согласны мой менеджер, мой

юрист и мой психоаналитик. А уж если эти трое в чём-то друг с другом согласны...

ЛАНЦЕЛОТ: Но почему я?

ДОННА МОНИКА: Ты в моём стиле. Я достаточно экстравагантна, чтобы восхищать поклонниц, но в то же время достаточно традиционна, чтобы не задевать чувства мужской половины аудитории. Выйти замуж за профессионального героя — это очень изящно.

ЛАНЦЕЛОТ: А всё-таки почему я?

ДОННА МОНИКА (*с досадой в голосе*): Я вращаюсь в очень узком кругу. Все всех знают. Я уже была замужем пять раз. И теперь попала в дурацкое положение: если я выйду за одного, обидятся семеро. Короче, требуется человек со стороны. Ты подходишь.

ЛАНЦЕЛОТ: Вот как... А что с этого получу я?

ДОННА МОНИКА: Ты что, идиот? Ты сразу выходишь на другой уровень!

ЛАНЦЕЛОТ: Благодарю покорно.

ДОННА МОНИКА: Не обольщайся. Сейчас ты главный в этом шоу, но по сути-то ты никто. Ты просто хваткий парень, который случайно получил пятиминутную известность. Завтра тебя забудут. Если, конечно, ты не успеешь зацепиться. Я — твой шанс сделаться модным человеком. Среди модных людей профессиональных героев ещё не было. Ты можешь стать первым. Если постараться, конечно.

ЛАНЦЕЛОТ: Ну что ж, это интересное предложение. Твои условия?

ДОННА МОНИКА: Обсудишь с моим адвокатом.

ЛАНЦЕЛОТ: Вкратце, чтобы я мог ориентироваться.

ДОННА МОНИКА: Вкратце так. Продолжительность брака — где-то года два. При разводе я получаю половину твоего имущества, если у тебя к тому моменту что-нибудь будет. А у тебя что-то будет.

ЛАНЦЕЛОТ: Ну, допустим. Дальше.

ДОННА МОНИКА: Теперь условия брачного сожительства. Прежде всего — никакого секса.

ЛАНЦЕЛОТ: Почему? Я не в твоём вкусе?

ДОННА МОНИКА: Ничего личного. У меня аллергия на пот, сперму и на прочие физиологические выделения.

ЛАНЦЕЛОТ: Я очень сожалею.

ДОННА МОНИКА: Да ничего страшного. Главное, что у меня нет аллергии на латекс. Так что я живу полноценной половой жизнью. И никаких психологических проблем. У меня аллергия на психологи...

ЛАНЦЕЛОТ: Да я уже понял. А что же мне делать?

ДОННА МОНИКА: Думаю, ты как-нибудь перебеёшься.

ЛАНЦЕЛОТ: Ладно, это мои проблемы.

ДОННА МОНИКА: Дальше: общение не чаще раза в неделю. Разговоры там всякие, то-сё — это не для меня. Лучше было бы жить отдельно, но журналисты пронюхают. Так что будем делить один дом. Просто постарайся не попадаться мне на глаза.

ЛАНЦЕЛОТ: А как же обещанные тобой знакомства в высших сферах?

ДОННА МОНИКА: Это другое дело. Будешь ездить со мной по разным местам, где бываю я. Ну а там уж не зевай.

ЛАНЦЕЛОТ: Негусто.

ДОННА МОНИКА: Пока что ты большего не заслужил. А там посмотрим. Да, ещё мне нужен ребёнок. Станешь отцом?

ЛАНЦЕЛОТ: А как же аллергия?

ДОННА МОНИКА: Я имею в виду — сдашь сперму. Я дам яйцеклетку. Потом объявим конкурс на суррогатную мать. Это будет хорошее шоу.

ЛАНЦЕЛОТ: Неплохо придумано.

ДОННА МОНИКА: И ещё...

Подбегает корреспондент. Из-за его спины выглядывает кот.

КОРРЕСПОНДЕНТ: О, господин Ланцелот! Вы не могли бы прокомментировать интервью вашей невесты?

ЛАНЦЕЛОТ: Вы очумели? Какой невесты? Какой, к чёрту, невесты?

ДОННА МОНИКА: Это ещё что за новости?

КОРРЕСПОНДЕНТ: Госпожа Эльза только что дала развёрнутое интервью. Она всё рассказала.

ЛАНЦЕЛОТ (рычит): О чём эта сучья манда рассказывала? Немедленно заткнуть ей пасть!

КОРРЕСПОНДЕНТ: Господин Ланцелот! Я понимаю ваше состояние перед боем, но телезрители!

ЛАНЦЕЛОТ (беря себя в руки): Всё-всё-всё, я ничего не сказал. Так что там за интервью?

КОРРЕСПОНДЕНТ: О, великолепное интервью. Она всё полностью раскрыла. И про вашу любовь... и про то, как вы,

рискуя жизнью, пробрались в царство дракона, чтобы выручить её... И про то, что на сегодня намечена ваша свадьба... Зрители будут рыдать. А сейчас она выступает перед сиэнэнщиками, в прямом эфире.

ЛАНЦЕЛОТ (*злобно*): Вот что. Мне надо подготовиться к бою. Ферштейн?

КОРРЕСПОНДЕНТ: Да-да. Не забудьте всё-таки о комментариях. (*Убегает, произнося последние слова уже на ходу.*)

ДОННА МОНИКА (*сквозь зубы*): Кретин. Я зря потратила на тебя время.

ЛАНЦЕЛОТ: Подожди! Эта девка меня подставляет!

ДОННА МОНИКА: Заткнись, я уже всё поняла. Ты не мог поддержать свой отросток в своих зассанных трусах даже один день? Настоящий мачо. Все вы одинаковы.

ЛАНЦЕЛОТ: Нет! У нас с ней ничего не было! Она всё врёт!

ДОННА МОНИКА: Теперь это уже не важно. Ты попал. А я не люблю неудачников. Моё предложение отменяется. Извини за беспокойство.

Уходит не оглядываясь.

КОТ: Ну вот. Я же говорил...

ЛАНЦЕЛОТ: Чёрт, чёрт, чёрт! Эта сука теперь выдаёт себя за мою невесту.

КОТ: Это в её стиле.

ЛАНЦЕЛОТ: Я даже не могу отказаться. Это испортит всё мероприятие. Что теперь делать?

КОТ: Всё равно ей осталось недолго. Может быть, не спорить? Ну, женишься... потом похоронишь. В конце концов, может получиться хорошая романтическая история.

ЛАНЦЕЛОТ: Хм-м... В чём-то ты прав. Но она же со СПИДОМ! Хотя... спать я с ней всё равно не собираюсь.

КОТ: Вот именно.

ЛАНЦЕЛОТ: Эх... Ну до чего же сука! Так подставить...

КОТ: У неё свои интересы в этом деле, у тебя — свои. Сейчас она тебя обошла. Надо принимать реальность такой, какова она есть.

ЛАНЦЕЛОТ: Ладно, разберёмся как-нибудь... Но всё-таки какая сука!

Крик из толпы: «Господин Ланцелот! Вас ищут люди с Сиэн-эн!»

ЛАНЦЕЛОТ: Это прямой эфир! Пока, кот.

Бежит в глубь сцены, роняя бумаги и подбирая их на ходу.

КОТ: Ох, что-то теперь будет.

ДЕЙСТВИЕ 3

Центральная площадь города, заставленная разнообразной военной техникой. На переднем плане — танк с откинутой крыш-кой люка. Пушка наведена на ворота коричневого здания. Сцена заполнена людьми. Некоторые из них — в форме. Все суетятся, что-то делают, негромко переговариваются.

Появляется пёстро одетая толпа туристов во главе с экскурсоводом. У туристов — бинокли, фотокамеры, телекамеры. Они пытаются подойти поближе к воротам, но толпа их не пускает.

ЭКСКУРСОВОД: ...Именно здесь, на этом самом месте, и состоится этот исторический поединок. Здесь прольётся кровь дракона. Исторический момент. Вы видите танк, готовый к бою. Внутри него доброволец. Ещё десять добровольцев залегли в непосредственной близости от нас. Зенитные орудия...

1-Й ТУРИСТ: А где сам Ланцелот?

ЭКСКУРСОВОД: Он будет руководить сражением. После боя успеете на него насмотреться.

Один из туристов фотографирует танк. Вспышка.

2-Й ТУРИСТ (доставая бинокль): Ничего не видно. *(Наводит бинокль на толпу):* А кто это там?

ЭКСКУРСОВОД (деловито): Выражайтесь яснее. Кто, где?

2-Й ТУРИСТ: Ну, вон те люди в оранжевом?

ЭКСКУРСОВОД: А-а. Это из общества Открытого создания.

2-Й ТУРИСТ: Что они там делают?

ЭКСКУРСОВОД: Медитируют.

3-Й ТУРИСТ (смотря в глазок телекамеры): А вон там?

ЭКСКУРСОВОД: Это, кажется, радикальные экологисты.

2-Й ТУРИСТ: Может быть, отойдём? Очень уж они, э-э...

ЭКСКУРСОВОД: Ерунда. Они совершенно безопасны.

2-Й ТУРИСТ: Но у них ружья! И кажется, огнемёты.

ЭКСКУРСОВОД: Они защищают природу от умирания.

1-Й ТУРИСТ: Но, простите, дракон ведь тоже часть природы?

ЭКСКУРСОВОД: Он — часть тоталитарного прошлого этого несчастного королевства.

4-Й ТУРИСТ: А правда, что дракон, хе-хе... того... с местными красотками?

ЭКСКУРСОВОД: Не знаю. Господин Ланцелот высказывается на эту тему очень уклончиво.

4-Й ТУРИСТ: Ага, понятно.

5-Й ТУРИСТ (*задумчиво*): Интересно было бы посмотреть...

4-Й ТУРИСТ: В смысле?

5-Й ТУРИСТ (*тихо*): Порнушку с драконом. Я, знаете ли, коллекционирую всякие такие фильмы... Ну, вы понимаете.

2-Й ТУРИСТ (*заинтересованно*): Типа как девочки с лошадами?

5-Й ТУРИСТ (*тихо*): А представляете себе драконий размерчик? Вот бы посмотреть, как он эту... Эльзу... того самого.

4-Й ТУРИСТ: Гм-м... Интересно, но...

5-Й ТУРИСТ: Я не вижу в этом ничего плохого. Что естественно, то не безобразно. И, разумеется, никакой детской порнографии. Меня интересуют исключительно совершеннолетние. И... э-э... белые. Чтоб без расизма.

3-Й ТУРИСТ (*включаясь*): С тинами тоже бывают интересные ленты. У меня самого, конечно, ничего такого нет, но, знаете, я слышал, что...

ЭКСКУРСОВОД: Вот идёт Ланцелот.

2-Й ТУРИСТ: Где?

ЭКСКУРСОВОД: Там... Попробуйте в бинокль.

2-Й ТУРИСТ: Ничего не вижу. Никто не одолжит мне камеру?

Громко звонит мобильный телефон. Экскурсовод хлопает себя по карманам, пытаясь его найти. Телефон продолжает звонить, всё громче и громче.

2-Й ТУРИСТ: Да одолжите же мне камеру!

ЭКСКУРСОВОД (*наконец находит телефон. В трубку*): Это кто говорит? Что-что? Уже? Ага, сейчас.

2-Й ТУРИСТ: Какие-то проблемы?

ЭКСКУРСОВОД: Никаких проблем. Нам надо отойти отсюда. Сейчас начнётся бой.

Толпа начинает расходиться. Через несколько минут сцена пуста.

Из танкового люка высовывается голова парня в камуфляже.

ИВАН: Эй, тут есть кто? Закурить дайте! (*Оглядывается по сторонам*): Блин, все смотали. Суки. (*Прячется обратно в танк.*)
Ворота начинают со скрежетом открываться. Сцена стремительно пустеет.

Через несколько минут из ворот на инвалидном кресле выезжает крошечный, мертвенно-бледный, пожилой человек.

ДРАКОН: Ланцелот! Полюбуйся на меня перед боем. Где же ты?

Появляется Ланцелот в сопровождении кота.

Ланцелот вооружён автоматом «узи». На поясе — пистолет.

КОТ (*тоном консультанта*): Не пугайся, Ланцелот. Это его третья голова. Он их меняет, когда пожелает.

ЛАНЦЕЛОТ (*направляя ствол автомата на Дракона*): Пугаться? Этого уродца? Да нет, это не он. И где же его когти, зубы, или что там у него ещё?

КОТ: Хрен его знает. Может, он уже разучился принимать боевую форму? Очень жаль...

ЛАНЦЕЛОТ: Кого тебе жаль, дурачина? Этого лысого козла?

КОТ: Если честно, то себя. Кажется, мне всё-таки придётся эмигрировать. Вот только куда?

ЛАНЦЕЛОТ: А что тебе не нравится здесь?

КОТ: Очень скоро здесь станет как везде. Я, кажется, видел среди всей этой толпы «зелёных». И когда они опять начнут защищать права собак, я хотел бы быть подальше отсюда.

ЛАНЦЕЛОТ: У тебя узкий обывательский взгляд на эти вещи.

КОТ: Я и есть обыватель. У меня узкие взгляды. Я хочу жить тихо и спокойно. Это плохо?

ДРАКОН: Уж извините, что прерываю вашу интересную беседу. Кажется, мы собирались сражаться, господин Ланцелот?

ЛАНЦЕЛОТ (*вскидывая ствол автомата*): Это всё-таки ты, дра-дра? Что это ты заявился в таком виде? Мог бы и показать когти, крылья, или что там ещё у тебя в загашнике...

ДРАКОН: А зачем? Чтобы в меня было удобно целиться тому идиоту в танке?

ЛАНЦЕЛОТ: Слышь, мужик, это неспортивно.

ДРАКОН (*пожимая плечами*): Здесь не Олимпийские игры.

ЛАНЦЕЛОТ: Извини, чувак, но я тебя предупреждал. Если ты меня хотел разжалобить своим дурацким видом, то зря старался. Сейчас я тебя пристрелю.

ДРАКОН: Я просто хочу немного поговорить. Знаешь, есть такое старое правило: прежде чем убить кого-нибудь, сначала поговори с ним. В худшем случае ты потеряешь немного времени. В лучшем — поймёшь, что его всё-таки не стоило убивать.

ЛАНЦЕЛОТ: Ну, давай, валяй. Только учти, это тебя всё равно не спасёт.

ДРАКОН: Ты знаешь, в какой день я появился на свет?

ЛАНЦЕЛОТ: В невезучий, надо думать.

ДРАКОН: В день страшной битвы. В тот день сам Аттила потерпел поражение, — тебе понятно, сколько воинов надо было уложить для этого? Земля пропиталась кровью. Листья на деревьях к полуночи стали коричневыми. К рассвету огромные черные грибы — они называются «гробовики» — выросли под деревьями. А вслед за ними из-под земли выполз я. Я — сын войны. Война — это я. Кровь мертвых гуннов течет в моих жилах, — это холодная кровь. В бою я холоден, спокоен и точен.

ЛАНЦЕЛОТ: Вот только не надо гнать про несчастное детство. Меня тоже, знаешь ли, не в капусте нашли.

ДРАКОН (*продолжая*): О войне я знаю всё, что о ней можно знать. И почти так же хорошо я разбираюсь в её причинах и последствиях. Вот это меня сейчас и беспокоит.

ЛАНЦЕЛОТ: Давай, только быстро.

ДРАКОН: Сначала о причинах. Почему ты так хочешь меня убить? Сначала ты мне сказал, что мстишь за Портняжку. Мстить за мерзавца — недостойное занятие, но это хотя бы понятно. Но теперь, когда ты привёл сюда толпу посторонних людей, я начал в этом сомневаться.

ЛАНЦЕЛОТ: Ты только что догадался? На хрен мне случился этот Портняжка.

ДРАКОН: Неужели всё это — только из-за того, чтобы прославиться?

ЛАНЦЕЛОТ: В основном из-за этого, конечно. А что, этого недостаточно?

ДРАКОН: В моё время это считалось недостойной причиной для вражды.

ЛАНЦЕЛОТ: Времена изменились, старичок... Но не только в этом дело. Я всё-таки профессиональный герой, как-никак. Я, может, и не очень милый парень. Но среди людей нашей профессии милые люди не приживаются. Зато у меня есть кое-какие убеждения. Тебе это непонятно, дракон?

ДРАКОН: Вполне допускаю... Продолжай.

ЛАНЦЕЛОТ: А что тут продолжать? Не мог же я спокойно пройти мимо такого махрового рассадника тоталитаризма!

ДРАКОН: То есть тебе не нравится наше королевство?

ЛАНЦЕЛОТ: А ты как думал?

ДРАКОН: Жителям нравится.

ЛАНЦЕЛОТ: Между нами говоря, это уроды, покалеченные тоталитаризмом. Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души. С ними ещё придётся повозиться.

ДРАКОН: Так, теперь мы переходим в область следствий. Когда ты меня убьёшь, что с ними будет?

ЛАНЦЕЛОТ: Как что? Мы принесём сюда либеральную демократию. Конечно, местным это не понравится, но это их проблемы. Хотя вряд ли здесь будут какие-то сложности. Я уверен, что через пару недель настоящей жизни они всему научатся. Доллары, экспорт-импорт, социальные проблемы, планирование семьи, современная музыка, феминизм, спорт — как только это всё сюда хлынет, от ваших патриархальных нравов останутся рожки да ножки.

ДРАКОН: Что и неудивительно. Плохому учатся быстро.

ЛАНЦЕЛОТ: А вообще-то потребуются массовая дедраконизация. Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания. В каждом из них придётся убить дракона. В смысле, выкорчевать тоталитарные комплексы, ксенофобию, латентный фашизм и всё такое прочее.

ДРАКОН: А им будет больно?

ЛАНЦЕЛОТ: Я же сказал: придётся повозиться. Легко не будет, это уж точно. Зато потом они станут полноценными членами демократического общества. Ну не они, так их дети. Или внуки. Или правнуки. Или ещё как-нибудь. Но вообще-то я не вижу здесь проблемы. Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам — человек околеет. А душу разорвешь — станет послушной, и только. Так что мы всегда добиваемся своего. Это небольшая цена за приход прогресса и цивилизации.

ДРАКОН: Хм... Всё хочу спросить: а тебе самому-то не противно?

ЛАНЦЕЛОТ: Кстати, с какой радости ты вообще так заботишься о человечках? В конце концов, это не твой народ. Я не расист, но ты же понимаешь, что люди — дерьмо. Зачем тебе с ними возиться?

ДРАКОН: Я тоже не очень хороший парень. Просто мне противно смотреть на бессмысленные и бесполезные страдания. И я постарался сделать так, чтобы их не было хотя бы там, где живу я... Люди дерьмо, ты прав. Но они всё-таки не заслужили того ада, что вы называете прогрессом и цивилизацией. В моём королевстве можно было жить, не будучи дерьмом. И при этом не быть нищим, убогим и всеми презираемым. Это немного. Но это лучше, чем ничего.

ЛАНЦЕЛОТ: Ха! Да у тебя мессианские комплексы! Ты что о себе вообразил? Что ты тут построил рай на земле? А ты спрашивал своих подданных, хотят ли они жить в такой благодати?

ДРАКОН: А в чём проблема? Границы открыты, уезжай — не хочу. Но сюда по большей части въезжают, а не выезжают. Как твой знакомый кот, например.

ЛАНЦЕЛОТ: В таком случае тебя действительно есть за что убивать.

ДРАКОН: За что же?

ЛАНЦЕЛОТ: Ты подаёшь дурной пример.

ДРАКОН: Чем же он дурен?

ЛАНЦЕЛОТ: Скажу тебе, как профессиональный герой. Люди должны быть уверены, что они живут при самых лучших порядках на свете, и не мечтать ни о чём другом. Никакие эксперименты в этой области непозволительны. За этим следим мы, профессиональные герои, прогрессоры, сеятели добра и света. И если бы не мы...

ДРАКОН: ...то они могли бы устроиться как-нибудь удобнее?

ЛАНЦЕЛОТ: Даже если и так! Существующий порядок вещей хорош уже тем, что в него много инвестировано. На его создание и поддержание ушло столько сил и средств, что даже страшно подумать. Теперь мы уже не можем позволить себе сворачивать с накатанного пути и искать другие варианты. Может, они и лучше. Но теперь уже всё, поезд ушёл, флажок упал. Поэтому твоя консервативная утопия должна быть раз-

рушена. Карфаго деленда эст. Понятно? Ну а теперь, извини уж, я тебя шлёпну. *(Поднимает автомат, целится.)*

ДРАКОН: Последний вопрос. Это ты всё сам придумал? Насчёт прогресса, цивилизации и всего такого прочего?

ЛАНЦЕЛОТ *(поводя стволом автомата):* Меня так учили.

ДРАКОН: Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?

Внезапно выдыхает в лицо Ланцелоту струю пламени. Тот с тихим шипением превращается в кучку пепла.

ДРАКОН: Я всё-таки дракон, а не инвалид. Простейший приём. Куда проще, чем махать лапой эн в икс направлении.

Появляется кот.

КОТ: Уфф! Наконец-то ясность.

ДРАКОН: Ты думал, что я не смогу с ним справиться?

КОТ: Честно говоря, я волновался, господин дракон. Хорошо, что всё кончилось.

ДРАКОН: Нет, кот. Ничего не кончилось. Это был жест отчаяния.

КОТ: Но приезжий мёртв!

ДРАКОН: Да, мёртв. Зато он привёл сюда целую ораву сумасшедших ублюдков. Они больше не оставят нас в покое. Кстати, ты не забыл про танк?

КОТ: Ой!

ДРАКОН: Не пугайся. Я мог бы расплавить эту дурацкую железку одним вздохом. Но не хочу.

КОТ: Почему?

ДРАКОН: Потому что это ничего не изменит. А я, как профессиональный воин, не люблю убивать просто так.

Крышка люка откидывается. Показывается голова парня в камуфляже.

ИВАН: Ну что? Бой идёт, или как? Я там ничего не вижу, не слышу... Где дракон? Где все вообще?

ДРАКОН *(вежливо):* Дракон — это я. Ланцелота я только что испепелил.

ИВАН: Оппаньки! А я тут хлебалом щёлкаю... *(Скрывается в люке.)*

КОТ *(обеспокоенно):* Он будет стрелять!

ДРАКОН: Очень на это надеюсь... Я улетаю, кот. Здесь уже всё потеряно. То есть, конечно, можно было бы и посопротивляться, но воевать с трёхтонными бомбами, начинёнными окисью этилена, нет смысла. А до этого обязательно дойдёт.

Они не отступятся: они слишком много инвестировали в свой отвратительный проект. Так что нужно будет поискать себе другое место для жизни.

КОТ (*умоляюще*): Возьмите меня с собой, господин дракон. Я уже эмигрант со стажем, мне не привыкать...

ДРАКОН: Ну хорошо. Тогда ле...

Танк стреляет. Через секунду в самом танке что-то взрывается.

Клубы дыма заволакивают сцену.

ЭПИЛОГ

Роскошно обставленный зал. На заднем плане, по обе стороны двери, полукруглые столы, накрытые к ужину. Над всем этим — огромный логотип фирмы «Майкрософт».

При поднятии занавеса гремит оркестр. Группа горожан кричит, глядя на дверь.

ГОРОЖАНЕ (*тихо*): Раз, два, три. (*Громко.*) Да здравствует победитель дракона! (*Тихо.*) Раз, два, три. (*Громко.*) Да здравствует наш повелитель! (*Тихо.*) Раз, два, три. (*Громко.*) До чего же мы довольны — это уму непостижимо! (*Тихо.*) Раз, два, три. (*Громко.*) Мы слышим его шаги!

1-Й ГОРОЖАНИН (*тихо*): При драконе такого маразма не было.

2-Й ГОРОЖАНИН (*тихо*): Придержи язык. Ты что, хочешь, чтобы до всех нас добралась комиссия по дедраконизации?

1-Й ГОРОЖАНИН (*тихо*): Ладно, замаяли. (*Торжественно*): О славный наш освободитель! Ровно неделю назад окаянный, антипатичный, нечуткий, противный сукин сын дракон был уничтожен вами.

ГОРОЖАНЕ. Ура, ура, ура!

1-Й ГОРОЖАНИН: С тех пор мы живем очень хорошо. Мы...

ШАРЛЕМАНЬ: Стойте, стойте, любезные. Сделайте ударение на «очень».

1-Й ГОРОЖАНИН: Слушаю-с. С тех пор мы живем о-очень хорошо.

ШАРЛЕМАНЬ: Нет, нет, любезный. Не так. Не надо нажимать на «о». Получается какой-то двусмысленный завыв: «Оучень». Поднапрягите-ка на «ч».

1-Й ГОРОЖАНИН: С тех пор мы живем оччень хорошо.

ШАРЛЕМАНЬ: Во-во! Утверждаю этот вариант. Ведь вы знаете победителя дракона. Это простой до наивности человек. Он любит искренность, задушевность. Дальше.

1-Й ГОРОЖАНИН: Мы просто не знаем, куда деваться от счастья.

ШАРЛЕМАНЬ: Отлично! Стойте. Вставим здесь что-нибудь этакое... гуманное, добродетельное... Победитель дракона это любит. *(Щелкает пальцами.)* Стойте, стойте, стойте! Сейчас, сейчас, сейчас! Вот! Нашел! Даже пташки чирикают весело. Зло ушло — добро пришло! Чик-чирик! Чирик-ура! Повторим.

1-Й ГОРОЖАНИН: Даже пташки чирикают весело. Зло ушло — добро пришло, чик-чирик, чирик-ура!

ШАРЛЕМАНЬ: Уныло чирикаете, любезный! Смотрите, как бы вам самому не было за это чирик-чирик.

1-Й ГОРОЖАНИН *(весело):* Чик-чирик! Чирик-ура!

ШАРЛЕМАНЬ: Так-то лучше. Ну-с, хорошо. Остальные куски мы репетировали уже?

ГОРОЖАНЕ: Так точно, господин бургомистр.

ШАРЛЕМАНЬ: Ладно. Сейчас победитель дракона, президент вольного города выйдет к вам. Запомните — говорить надо стройно и вместе с тем задушевно, гуманно, демократично. Это дракон разводил церемонии, а мы...

ЧАСОВОЙ *(из средней двери):* Сми-ирно! Равнение на двери! Его превосходительство господин президент вольного города идут по коридору. *(Деревянно. Басом.)* Ах ты душечка! Ах ты благодетель! Дракона убил! Вы подумайте!

Гремит музыка. Входит Иван с Эльзой. На сей раз он одет не в камуфляжную форму, а в дорогой английский костюм. Левая щека у него обожжена, левый глаз закрыт чёрной повязкой. Левая рука висит плетью.

Эльза — в белом подвенечном платье, лицо густо покрыто косметикой. Её шатает.

ШАРЛЕМАНЬ: Приветствуем вас, господин победитель дракона!

ИВАН: Здорово, папаша, коли не шутишь. Чёрт, никак не могу привыкнуть...

ШАРЛЕМАНЬ (*подобострастно, но с оттенком издёвки*): Вы теперь большой человек, господин Иван. Вы убили дракона и освободили наш город от гнёта тоталитарного господства. Ценой собственного здоровья...

ИВАН (*приосанившись*): Я просто выполнял свой долг. Кто же знал, что в этом дурацком танке взорвётся боекомплект. Хорошо, что он был того... недоукомплектован. Найти бы ту суку, которая нам его продала.

ШАРЛЕМАНЬ: Не будем об этом в такой праздничный день. Зло ушло — добро пришло. А вы избавили мою дочь Эльзу от ужасного, отвратительного союза с похотливым чудовищем. Так что сегодня у вас свадьба.

ЭЛЬЗА (*без выражения*): Пиздец. Просто не могу поверить своему счастью.

ИВАН (*тихо*): Слышь, папаша, я всё хотел спросить, да не решался. Твоя дочура... она здоровая? Я смотрю, она на ногах не держится.

ШАРЛЕМАНЬ (*так же*): Обычное волнение. Это пройдёт.

ИВАН: А-а, ну да. Она небось девушка ещё? Ну ничего, я её сегодня ночью всему научу. (*Смеётся.*) У нас в Болгарии этого уже давно и в заводе нет. Цивилизация, понимаешь. Почти что Европа. Девки СПИДом болеют...

ШАРЛЕМАНЬ (*обеспокоенно*): Ну, у нас этому неоткуда взяться. Во всяком случае, пока. У нас тут ведь было мракобесие... Ох, чёрт! Забыл! Тут к вам делегация граждан. Пришли поздравить... (*Делает знак горожанам.*)

ГОРОЖАНЕ (*тихо*): Раз, два, три. (*Громко.*) Да здравствует победитель дракона! (*Тихо.*) Раз, два, три. (*Громко.*) Да здравствует наш повелитель! (*Тихо.*) Раз, два, три. (*Громко.*) До чего же мы довольны — это уму непостижимо! (*Тихо.*) Раз, два...

ИВАН (*взволнованно*): Спасибо, спасибо, ребята, больше не надо. Мне приятно, честно. И моей Эльзочке тоже.

ШАРЛЕМАНЬ (*умильно*): Надо же, как вы сошлись характерами.

ИВАН (*простодушно*): Вообще-то, когда мне сказали, что я теперь должен жениться, я прямо так сразу и офигел. Но чего не сделаешь ради торжества либеральной демократии!

ШАРЛЕМАНЬ (*торжественно, но с глумливой ноткой в голосе*): Живите счастливо, дети. Чтобы всё у вас было как в

старых добрых сказках — они любили друг друга и умерли в один день.

На физиономиях некоторых горожан появляются нехорошие ухмылки.

Шарлемань бдительно зыркает в их сторону, и лица мгновенно становятся серьёзными.

ИВАН: Блин, у меня голова кругом от всех этих дел. Никогда не думал, что быть президентом — это так сложно.

ШАРЛЕМАНЬ: Нам тоже сложно привыкнуть к новой жизни. Но мы стараемся. Правда, господа?

1-Й ГОРОЖАНИН: Да, мы очччень стараемся.

ШАРЛЕМАНЬ: Очень хорошее «ч»! Вы молодцы, господа. Всегда веселы и счастливы, как пташки. Ну и летите себе. Живо!

Горожане уходят.

ШАРЛЕМАНЬ: Ну что ж, теперь можно заняться делами. Сначала о реформе финансовой системы. После ареста Главного казначея... сейчас его делами занимается комиссия по дедраконизации...

ИВАН: А что, он что-то украл?

ШАРЛЕМАНЬ: Наоборот. Его обвиняют в том, что он честно служил дракону. Если ему удастся доказать, что он что-нибудь украл, его отпустят. Как борца с тоталитаризмом. А так ему светит пожизненное заключение. Как пособнику кровавого режима.

ИВАН: Сложная всё-таки вещь демократия.

ШАРЛЕМАНЬ: Я сначала тоже не понимал, а теперь понял. Ничего сложного. Дура лекс, сед лекс. Фо ве пипл, он ве пипл, бай ве пипл. Ну и так далее. Значит, о делах. После ареста Главного казначея и введения системы currency board наша финансовая система значительно окрепла. У нас такой экономический рост цен! Все так взволнованы! Даже простые торговки подняли цены на молоко втрое. Простые женщины, а понимают: жить по-старому больше нельзя.

ИВАН (простодушно): Но ведь это же плохо, когда цены...

ШАРЛЕМАНЬ: Мы все сначала тоже так думали. Но эксперты из Международного Валютного Фонда нам всё объяснили. Если цена на национальные товары в условиях стабильной валютной системы повышается, это значит, что они конкурентоспособны и пользуются спросом. А наша валютная система стабильна. Теперь в её основе лежит доллар, а

не эти магические фанты, которые рисовали наши горе-маляры. Зато доллары рисуют международно признанные живописцы. Так что у нас всё в порядке.

ИВАН (*простодушно*): Но ведь дорого же всё!

ШАРЛЕМАНЬ: Надо привыкать. Мы теперь живём по тем законам, которые приняты во всём цивилизованном мире. Это только при драконе...

ИВАН (*перебивая*): Я тут слышал такую байду, что дракон жив.

ШАРЛЕМАНЬ: Надо сообщить в комиссию по дедраконизации. Они разберутся, кто тут распускает такие слухи.

ИВАН: Не, серьёзно. Что вроде бы его видели над городом, в этом, как его... боевом состоянии. С когтями, клыками, крыльями, ну и так далее. И что он нёс в лапах кота. И что...

ШАРЛЕМАНЬ: Какая грязная клевета. Наш несчастный котик героически погиб во время боя... Хотелось бы поставить ему памятник. Где-нибудь в скверике, рядом с монументом господину Ланцелоту. Может быть, вы выделите на это мероприятие небольшую сумму?

ИВАН (*пытаясь изобразить заинтересованность*): А как там идёт строительство монумента?

ШАРЛЕМАНЬ: Ах, но ведь прошла всего неделя с того счастливого дня, как вы уничтожили чудовище! В общем, процесс идёт. Мы уже получили необходимую сумму на возведение мемориального комплекса от международных кредитных организаций, прежде всего — от Всемирного Банка. Половина суммы — та, что предназначается международным консультантам, — уже освоена. Так что можно считать, что дело уже сделано, остались чисто технические вопросы.

ИВАН: Что конкретно сделано?

ШАРЛЕМАНЬ: Например, на месте будущего монумента Ланцелоту воздвигнут временный памятный знак. Он удостоверяет то, что монумент действительно находится в процессе строительства. Кроме того, выписаны все необходимые бумаги, что подписью и приложением печати удостоверяется. Вы предъявите их любой международной комиссии в случае проверки, и все кончится отлично... Кстати, кто подписывал договор с «Майкрософтом»?

ИВАН: Я ничего не подписывал!

ШАРЛЕМАНЬ: Значит, Ланцелот. Чёрт побери, мы теперь обязаны отвечать по его обязательствам.

ИВАН: А почему обязаны?

ШАРЛЕМАНЬ: Вам не стоит в это вникать, господин президент.

Входит Эльза.

ЭЛЬЗА: Ваня, мне нужно поговорить с папашей. Шёл бы ты отсюда.

ИВАН (*робко*): Да-да, конечно. Я сейчас того... погуляю немножко.

Поспешно уходит, стараясь не смотреть на невесту.

ЭЛЬЗА: Парень, конечно, мудаковатый. Попал в эту историю, как кур в ошип. Может, не надо его заражать, а?

ШАРЛЕМАНЬ: Ты опять? Мы уже с тобой обо всём так хорошо, так подробно переговорили. Этот ублюдок стрелял в господина дракона. И скорее всего убил его.

ЭЛЬЗА: А если нет? Старик был крепким. Я слышала, что он просто дал дёру.

ШАРЛЕМАНЬ: Всё равно. Помоги мне убить хотя бы этого. Тебе это не сложно. Просто потрахайся с ним в своё удовольствие, и всё.

ЭЛЬЗА: Раньше ты таким не был.

ШАРЛЕМАНЬ: Не был. За эту неделю я научился ненавидеть.

ЭЛЬЗА: Кого?

ШАРЛЕМАНЬ: Их всех.

ЭЛЬЗА: Мне всё равно.

ШАРЛЕМАНЬ: Надо будет потихоньку готовиться к избирательной кампании. Когда этот ублюдок подохнет, я стану президентом. Я уже провентилировал этот вопрос с большими парнями наверху.

ЭЛЬЗА: А если вернётся дракон?

ШАРЛЕМАНЬ: Он не вернётся.

ЭЛЬЗА: Почему?

ШАРЛЕМАНЬ: А зачем? Я хорошо знал господина дракона — всё-таки я был его архивариусом. Он не фанатик и не гуманист. Он просто свил себе уютное гнездо. Так получилось, что рядом с ним жили мы. И он облагодетельствовал нас — глупых, подлых, несчастных. И хорошо с нами обращался. Теперь он совьёт гнездо в другом месте, куда ещё не добрались эти, с танками и микрофонами. Вообще говоря, люди не имеют права править людьми. В этом есть что-то противоре-

тественное. Людьями должны править драконы... Ладно, замяли. У тебя сегодня свадьба, а ты в таком виде!

ЭЛЬЗА: Я выпью таблетки. На час-другой этого хватит.

ШАРЛЕМАНЬ: Да, ещё... Когда будешь трахаться, не забудь о главном. Изображай дикую страсть, доченька. Кусайся и царапайся, как кошка. Иначе он может остаться здоровеньким, а это будет очень обидно.

ЭЛЬЗА: Как скажешь, папа.

ШАРЛЕМАНЬ: Ну всё. Иди.

Эльза, пошатываясь, бредёт к краю сцены и падает, не дойдя двух шагов. В этот момент вступает оркестр: исполняется «Свадебный марш» Мендельсона.

Под звуки «Свадебного марша» Эльза приподнимается, встаёт на четвереньки и ползёт за кулисы. Белое платье волочится по сцене.

Опускается занавес. На нём — огромный логотип фирмы «Майкрософт». Оркестр продолжает играть — всё громче и громче.

СОДЕРЖАНИЕ

Моргенштерн	5
Разоритель	57
Всегда Соса-Cola	157
Карусель	171
Посвящение	177
Аполлон-11	192
Зимы не будет	204
Поперёк живота	233
Моя дорогая	266
Хорошее место	286
Happy birthday to you	298
Слово	319
Красавица и чудовище	350
Дракон XXI	359

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

**Харитонов Михаил
Моргенштерн**

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Компьютерная верстка: Е.В. Аксенова
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

При участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 5-17-025535-7

Повести и рассказы Михаила Харитонов — это жесткая, временами жестокая, но неотрывно интересная проза.

Начав читать рассказ, уже невозможно оторваться до самой развязки — а развязок этих будет несколько. Автор владеет уникальным умением выстраивать миры и ситуации, в которые веришь... чтобы на последних страницах опровергнуть созданное, убедить в совершенно другой трактовке событий — и снова опровергнуть самого себя. Сумасшедшие фашисты, эльфы-наркоторговцы, магическая борьба в космосе между СССР и США — весь этот бурлеск выглядел бы смешным, не будь он так блистательно убедителен.

В русской — да и в мировой фантастике нет аналогов прозе Михаила Харитонов. Знакомьтесь с новым жанром — конспирологической фантастикой!

Сергей Лукьяненко

МОРГЕНШТЕРН

МИХАИЛ
ХАРИТОНОВ

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ